

love_sf
sf_fantasy_city

Кира
Алиевна
Измайлова

Цветок пустыни

Караванная тропа вьется по пустыне, и так же закручивается воронка урагана, грозящего унести дракона Вейриша в неведомые земли или вовсе погубить. Но пока в Адмаре все спокойно... Хотя о каком спокойствии для дракона может идти речь, если рядом с ним Фергия Нарен? Остановить ее невозможно! Фергия не может не спасать, она оживляет всё и всех вокруг себя, даже тех, кого, казалось бы, невозможно разбудить. И Вейриш, ее невольный помощник, тоже вошел во вкус. Вместе любое дело по плечу: и отыскать пропавшего сына рашудана, и спасти дочь великого Золотого Змея, угодившую в ловушку, а главное – найти способ освободить дракона от проклятия. И никакие духи пустыни их не остановят!

драконы, тайны прошлого, квест, колдовские миры, опасные приключения
2019

ru

Presto, FictionBook Editor Release 2.6.6
10.06.2019
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4267722796a8b1e6-883d-11e9-9468-0cc47a5f137d
1

v1.0 Roland – indd

Литагент
1 редакция (12)
b7a1736a-1afb-11e9-b9d6-0cc47a520474

Случай из практики. Цветок пустыни
2019
978-5-04-101458-2

Кира Алиевна Измайлова
Случай из практики. Цветок пустыни

© Измайлова К.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Три дня и три ночи над Адмаром гремела буря, пришедшая с моря. Корабли сбились в гавани, как стая испуганных птиц, и порядком поободрали борта, а что случилось с теми несчастными, которых ненастье застало в открытом море, не хотелось даже представлять. Если им удалось уйти от бури, то, может, они уцелели и носятся теперь по воле волн, потом придут в порт. А вот если нет... Но вдруг повезло, и шторм выбросил их на рифы недалеко от берега, и команда сумела спастись вплавь? Только вот всем повезти не может...

Должно быть, владельцы кораблей рвали на себе волосы и бороды: ничто не предвещало такого разгула стихии, никакие приметы не указывали на взявшуюся из ниоткуда грозу с таким шквалом!

Мои шуудэ и слуги сидели тихо, молились каждый своим богам, вздрагивали, когда порывы ветра швыряли в прочные ставни пригоршни песка, а то и камней.

– Может, это Белая ведьма разгневала духов грозы? – несмело предположил Ариш, который имел сомнительное удовольствие пообщаться с Фергией Нарен.

Та обосновалась поблизости, но я не видел ее с тех самых пор, как глухой ночью принял участие в изгнании злобного духа-убийцы из тела юного Ориша, племянника торговца Отала. Собственно, на следующий вечер и началась буря, но я сомневался, будто эти события связаны. Хотя... как знать, как знать. Имея дело с магами, ни в чем нельзя быть уверенным, а если это Фергия Нарен – так и втройне!

Сам я тоже не казал носа из дома: во-первых, незачем было, во-вторых, мне хватило одного взгляда на надвигающуюся громаду черно-синей тучи, в недрах которой сверкали молнии и глухо, угрожающе рокотал гром, чтобы запереть двери покрепче и стараться не вспоминать о своем видении. Том самом, в котором я угодил в объятия точно такой же тучи и не смог ни взлететь над бурей, ни прорваться сквозь нее, в котором у меня отказали сперва крылья, а потом и сердце, и я... наверно, разбился о скалы или утонул, как многие драконы за последние годы. Правда, с ними подобное случалось при ясной погоде, а я еще не сошел с ума настолько, чтобы вылетать в подобный шторм! Дракон – зверь крупный, крылья соответствующих размеров, и меня просто унесет в неизвестном направлении, и это в лучшем случае. В худшем – я переломаю крылья и разобьюсь.

Я слышал, кто-то из старшей родни мог побороться с такой бурей, но они и тяжелее, и сильнее, и магией своей владеют на должном уровне, не то что я, бездельник... Вот и оставалось мне сидеть и пережидать непогоду. С другой стороны, куда мне лететь и зачем? Ладно бы кто-то ожидал спасения, но...

«Так ведь и ожидают, – мелькнуло в голове. – Разбившиеся моряки, к примеру. Ты мог бы заметить обломки, найти хотя бы нескольких, снять их со скал, выловить из воды и отнести на берег». Но я ничего не сделал и так и не рискнул выйти из дома. Мне было слишком страшно, и спасибо, что Аю не осуждала меня за это.

Наверняка она видела какие-то вероятности, при которых я успел бы выручить терпящий бедствие корабль, но ни словом не обмолвилась об этом. Она слишком хорошо меня изучила, а кроме того, знала о моем проклятии, том самом, что тянуло меня к земле. Том, что гнало в объятия грозовой тучи, на верную гибель...

Но все заканчивается рано или поздно, так или иначе, прекратилась и буря. Туча, зловеще погромыхивая, уползла в сторону пустыни: если она изольется остатками дождя над каким-нибудь оазисом, то-то обрадуются его обитатели! Главное, чтобы его вовсе не снесло... Но

даже если обильный дождь пройдет над пустыней, и это неплохо. Сейчас не сезон, но здешние растения неприхотливы, они ловят каждую каплю влаги, а уж после дождей бесплодные с виду пески и каменистые предгорья расцветают. Удивительное зрелище! Непременно нужно будет слетать посмотреть, решил я. Как только гроза уберется подальше, возьму Аю да отправлюсь в путь.

А пока я всего лишь выехал в город: узнать новости, посмотреть, что сотворила буря с Адмаром. Оказалось, все не так уж страшно: конечно, пострадали крыши, улицы были залиты грязью и завалены невесть откуда взявшимся мусором – видимо, ветер принес, – но вроде бы обошлось без жертв. Раненые имелись – кого придавило упавшим деревом или балкой, кто напоролся в грязи на обломки, кто простудился, но это еще ничего, бывало и хуже. Если кто-то и погиб, их еще не нашли... и лишь бы теперь не случилась эпидемия: выгребные ямы переполнились после ливня, и кое-где по мощеным и немощеным улочкам текли зловонные реки...

Вот в порту дела обстояли куда хуже: буря потрепала и те корабли, которые успели укрыться в гавани. Какая-то галера сорвалась с якоря и протаранила несколько соседних, еще одна ухитрилась опрокинуться и качалась теперь на месте, похожая на огромного неуклюжего жука с переломанными лапками-веслами. Горделивый стальной парусник намертво сцепился снастями с большой потрепанной шхуну неизвестной принадлежности и довольно зловещего вида, не иначе, пиратской – в эту гавань кто только не заходит, здесь же положено соблюдать перемирие... Но это-то ладно, канаты обрубить недолго, а вот для того, чтобы поднять суда, затонувшие прямо у выхода из бухты, придется потрудиться. Маги этим займутся, понял я, увидев на пристани несколько человек в характерных одеяниях.

И мельком подумал: может, пошалить? Я ведь неплохо вижу в темноте, мне ничего не стоит подкрасться и нырнуть за злосчастными галерами. В воздух-то я их поднять не смогу, но сил выволочь на берег хватит. То-то переполох случится поутру! Правда, любую авантюру нужно как следует продумывать, как говорит дядя Гарреш, а потому следовало повнимательнее посмотреть на гавань с высоты, а лучше – раздобыть лощманские карты. Я не знаю, какое там дно, в курсе только, что вход в гавань достаточно сложный, особенно в отлив. Небольшие парусники и те же галеры шныряют туда-сюда достаточно легко, а вот корабли побольше обычно заходят на буксире. Конечно, это доставляет определенные неудобства, но, если поразмыслить, атаковать Адмар с моря почти нереально, разве что найдется предатель, который проведет чужие корабли по секретному фарватеру. Но, думаю, маги предпринимают какие-то меры против такой возможности, и временные неудобства – небольшая плата за безопасность. Опять же, лощманы не сидят без дела – каждый день приходит и уходит столько кораблей, что работы хватает, а это – деньги в казну...

Так вот, нырнуть и застрять среди скал – приятного мало. Этак, чего доброго, не галеры, а меня придется поднимать! Нет, ерунда: превращусь в человека и выплыву... в том случае, если ничего себе не сломаю, не врежусь головой в камень и не лишусь сознания. Этак и захлебнуться недолго!

«Опять ты осторожничаешь, – сказал я себе. – Протянешь еще день-другой, а там и маги подключатся, и ты со спокойной совестью уляжешься под деревом с какой-нибудь книгой. Чего доброго, забудешь в пустыню слетать, не то что...»

– Вейриш! – раздался пронзительный крик, и чей-то ишак истошно завопил в унисон. – Я вас повсюду ищу!

– И вам доброго утра, Фергия, – со вздохом ответил я, повернувшись.

Моя знакомая выглядела... да, пожалуй, цветущее. Даже если она совершенно обессилела той ночью, то за трое суток полностью пришла в себя и теперь лучилась энтузиазмом. Правда, я пока не понял, на что именно он направлен, а потому решил поостеречься. Никогда не угадаешь, что взбредет в голову Фергии!

– Какое утро, скоро полдень, – ожидаемо ответила она. – Вейриш, вы Оталя не встречали?

– Вы же меня искали, разве нет?

– И вас тоже. Так встречали или нет?

– Нет, – сказал я. – Но он, скорее всего, где-то в портовых конторах. Сами понимаете...

– Ага, убытки считает, – кивнула она. – Ладно, тогда загляну к нему домой, когда настанет обеденное время. Если не застану – оставлю посылку, пусть делает с ней, что хочет.

– Какую посылку? – не понял я, и Фергия потрясла перед моим носом небольшим кожаным мешком. Судя по форме... Нет, вряд ли внутри находился пальмовый орех. Тем более именно в таких мешках доставляли головы преступников, я видел однажды.

– Так вы добыли... – осторожно начал я. – Вернее, не вы, а... как его...

– Кыж, – напомнила Фергия. – Добыл, да. Вчера приволок. Она, конечно, немного того... попортилась в процессе добывания и переноски, но в целом выглядит неплохо. Я ее зачаровала, чтобы не завоняла раньше времени, а что до внешнего вида... надеюсь, Оталь не грохнется в обморок.

– Главное, на обеденный стол добычу не вываливайте.

– За кого вы меня принимаете, Вейриш! Кое-какие манеры у меня все-таки имеются, – ухмыльнулась она и передала мешок Ургушу, своему слуге. Тот взял его без особого желания, но кого интересовало его мнение?

– А сами вы?... – Я сделал выразительную паузу.

– Неужели не видно?

– Да, но... Вы выглядели весьма бледно после общения с тварью.

– Еще бы! Пришлось изрядно выложиться, – без лишней скромности сказала Фергия. – Хорошо, что Лалира страховала. Я бы и одна справилась, как, собственно, и произошло, но мало ли? Никогда прежде такого не делала, не хотелось бы, чтобы тварь сорвалась с поводка и сожрала того же Оталья – он мне еще не заплатил!

– Погодите, вы хотите сказать, что Лалира не принимала участия в этом... м-м-м... ритуале?

– Нет, – ответила она. – В смысле, должна была вмешаться, если я подам знак или если она сама поймет, что дело плохо. Ну там... Кыж оторвал бы мне голову или что-то в этом роде. Но я рассчитывала совладать с ним, и мне это удалось.

Я помолчал, переваривая сказанное. Вообще-то, я полагал, что Фергия изначально привлекла силы джаннаи, могущественного духа пустыни, но какое там! Вся в мать – та тоже полагалась исключительно на себя, и это ее едва не погубило...

– Вы все-таки оставили этого Кыжа у себя? – спросил я с робкой надеждой.

– Да, как и собиралась.

– А он никого не сожрет? Ургуша или ваших посетителей?

– Нет, зачем ему? – Фергия посмотрела на меня, вздохнула и пояснила: – Такие существа никогда никого не убивают просто так. Ему не нужно охотиться, он ведь дух! Вернее, где-то там, в своем мире, он кем-то питается, а кто-то может закусить им. Но здесь ему пища не нужна.

– Погодите, а как же все убитые? – не понял я.

– Он же их не ради еды прикончил, – тяжело вздохнула она. – Исключительно по приказу Ориша. Вы сами припомните: тела были растерзаны, животы вспороты, сердца вырваны, но никто от них ничего не откусывал!

– Да там разве разглядишь, – содрогнулся я, припомнив визит на полную мертвецов галеру.

– Еще как разглядишь, – заверила Фергия. – Пока вы зеленели в компании с Даллалем, я осматривала тела. Это, Вейриш, было ритуальное убийство. Для прокорма Кыжу люди не нужны. Вернее, их плоть не нужна.

– Вы меня окончательно запутали!

– Вообще нет, я вам уже сколько раз говорила: дух получил невыполнимый приказ, и чтобы добраться до цели, вынужден был питаться духами людей, которые худо-бедно подходили под определение обидчиков Ориша.

– Что, и гребцы? – мрачно спросил я. Настроение, еще с утра отличное, неудержимо портилось.

– Нет, они просто оказались рядом, а не бросать же столько корма? Кыж изрядно подзаправился там, потом еще закусил моим верблюдом и в итоге сумел добраться до виновника всех бед.

– Вы так легко говорите об этом... – покачал я головой.

– Прикажете рыдать и сокрушаться? – фыркнула она.

– У вас выйдет неубедительно.

– Вот именно. К тому же это никому не поможет. А почему вы не спросите, с чьих же плеч Кыж сорвал голову, которую с таким омерзением на лице несет Ургуш?

– Если бы вы дали мне хоть слово вставить, непременно бы спросил, – заверил я. – Но, может, не стоит разговаривать о подобном посреди базара? Вы ведь убедились: многие адмарцы неплохо понимают арастенский...

– Ничего, я уже сделала так, чтобы нас не услышали, – улыбнулась Фергия. – Это в меня вколотили с раннего детства: никаких посторонних ушей, никаких свидетелей, когда разговариваешь о деле... Конечно, со стороны такое поведение выглядит малость странным, но обычно себя оправдывает.

– Тогда говорите, наконец, пока я не скончался от любопытства!

– Вы? От любопытства? – не поверила она и внимательно всмотрелась в мое лицо. – Поди ж ты, и правда...

– О чем вы? – не понял я.

– Да о том, что при первой встрече вы показались мне снулой рыбой, – честно ответила Фергия. – Или жирным котом, у которого всех забот – поесть да поспать, а ловить мышей он давно разучился, если вообще когда-то умел.

– Ну спасибо на добром слове...

– Обиделись? Но вы же сами знаете, что тому причиной.

– Ну конечно, – вздохнул я. – Легко списывать свою лень и прочее на проклятие!

– То есть вы в него больше не верите? – сощурилась Фергия. – Зря, Вейриш. Вам по какой-то причине полегчало, но представьте, что с вами будет, если вернуться безразличие и леность? И снова придавят вас такой каменной глыбой?

– Станет втрое хуже, – уверенно сказал я, потому что много размышлял об этом. – Поэтому я стараюсь... ну... Не наверстать прошлое, нет, это невозможно, но хотя бы не упустить то, что сейчас передо мной.

– Не перестарайтесь, – сказала она. – Мы ничего не знаем о природе вашего проклятия. И до сих пор не нашли Даньяру-ведунью, к слову. Помните, старый Уммаль нас к ней отправил? Я спрашивала о ней, но то ли никто ничего не знает, то ли предпочитает помалкивать.

– Я попробую. Вам могут и не сказать, вы же чужая, а ведуньи... – я помолчал, подбирая слова. – Это не чародеи вроде того же Уммалья. Их оберегают даже от рашудана, и если этой старухе потребуется спрятаться, ее укроют так, что никто не отыщет.

– Что, даже Кыж?

– А у вас есть хоть какие-то ее приметы? Вещь, чтобы дать ему понюхать? Как он возьмет след, если не представляет, о ком речь?

– Да, вы заметно приободрились, Вейриш, – улыбнулась Фергия, кинула мелкую монетку торговке лепешками и выбрала с лотка самую пышную и горячую. – С одной стороны, это хорошо, потому что ваше уныние даже на меня наводило тоску. Не представляю, как Аю вас терпела столько лет! Но с другой, повторяю, поостерегитесь. Проклятие хитрое, оно может и в ловушку заманить.

– Пожалуй, вы правы... – негромко проговорил я и тоже купил лепешку. Сто лет не ел ничего на улице, оказалось – вкусно. – Я все ловил себя на мысли, что мог бы вылететь во время бури. Найти кого-то, выручить, ну, вы понимаете...

– Хорошо, что вам хватило здравого смысла не делать этого.

– А сегодня мне в голову пришла еще одна идея, – сознался я и рассказал о своем желании поднять затонувшие корабли и освободить проход в гавань. – Скажете, тоже авантюра?

– Нет, почему? Это как раз вполне здоровое решение, – почесав переносицу, сказала Фергия. – Стражу я отвлеку, маги ваши по ночам предпочитают спать, а не трудиться, и вам останется только вытащить корабли. Как я поняла, вы неплохо плаваете?

– Да, вполне недурно... Погодите, что значит – «отвлеку стражу»?

– То и значит. – Она улыбнулась шире прежнего. – Не могу же я пропустить такую забаву! К тому же, как вы объясните, зачем вам лодманские карты? Пока раздобудете, время уйдет. А я вам дно покажу, как на ладони, мне для этого карты не нужны. Может, не очень точно выйдет, но в риф точно не воткнетесь, ручаюсь!

– Но...

– Что касается стражи, – перебила она, – сами посудите, Вейриш! Нужно быть совершенно слепым и глухим, чтобы не заметить дракона! Нет, я допускаю, что где-то высоко в небе или даже над морем вас не разглядят. Но вы же нырять собрались, и я представляю, с каким плеском вы это проделаете! А вдруг маги все-таки окажутся рядом? И вообще, у меня есть план получше.

– Это какой же? – с опаской спросил я.

– Подойдем на лодке к нужному месту, вы сперва нырнете, а потом превратитесь и вытолкнете галеры на берег, а я обеспечу прикрытие. Нет, в самом деле, так выйдет и тише, и быстрее. А где взять лодку, мы знаем, не так ли?

Я застонал и закрыл лицо обеими руками.

– Сразу видно, насколько вы неопытный, – покровительственно сказала мне Фергия и похлопала по плечу. – Ничего, научитесь. Ничего сложного в этом нет, честное слово!

– В чем именно? – обреченно спросил я.

– В тщательном планировании, конечно. Единственное, я пока не могу решить: присвоить это деяние себе или не стоит?

– Знаете, Фергия! – не выдержал я. – Вы...

– Невозможна, знаю, – довольно ответила она. – Но согласитесь, это заставит снова обо мне заговорить! А то из-за этой дурацкой бури обо мне, кажется, позабыли... Оталь не станет распространяться о нашем уговоре, вот и...

– Вы так и не сказали, кем был негодяй, сманивший Ориша, – напомнил я.

– Как же я скажу, если вы постоянно меня перебиваете?

Клянусь, я едва не зарычал, но все-таки сдержался и выразительно посмотрел на Фергию.

– Понятия не имею, кто это, – сказала она. – Да, Кыж настиг его не так уж далеко от Гимара, в оазисе Антун. Знаете такой?

Я покачал головой. Наверно, только бардазины, вечные кочевники, и могут перечислить сотни оазисов без запинки!

– Вот и я не знаю. И на картах не нашла. Но это неважно. Главное, золота там хоть завались!

– Предлагаете слетать и разграбить? – не удержался я.

– Нет уж, обойдемся, – без улыбки сказала Фергия. – Или в вас драконий инстинкт разыграл? Захотелось пополнить сокровищницу?

– В общем – не откажусь, но этим золотом – не стану.

– И правильно сделаете. Самородки такие же, которые везли на той галере, те, что Ориш предлагал Хаксюту...

– Вы что, опытный ювелир, чтобы утверждать подобное?

– Нет, но я маг вообще-то, – вздохнула Фергия. – Я могу отличить поддельные драгоценности, могу понять, из одного месторождения самородки или нет. Вот найти его не сумею, это верно.

– Даже Лалира не смогла, – припомнил я.

– В том-то и дело... Вам это не кажется невероятно странным, Вейриш?

– Что именно? Невесть откуда взявшееся самородное золото – а о нем здесь давным-давно не слышали! – которое везут на север?

– Ну да! Как можно утаить такое месторождение? – Фергия снова потеряла переносицу. Наверно, ей так лучше думалось. – Вообще-то, есть у меня одна идея, но она совершенно бредовая.

– Поделитесь все-таки, вдруг в ней все же есть что-то разумное?

Увы, Фергия снова отвлеклась. На сей раз на торговца коврами Итиша, первого ее клиента, которому она, кстати, так и не успела помочь. Он неистово махал рукой, отчаявшись привлечь внимание: Фергия не только заглушила наш с нею разговор, но и отсекала шум базара, и теперь мы различали только неразборчивый гул. Ургуш – тот наверняка слышал зов Итиша, но не рискнул прервать нашу с Фергией беседу.

– Доброго дня, Итиш-шодан! – сказала она, сняв чары, и многоголосый гомон обрушился на нас океанской волной. – Чего это ты машешь руками, словно ветряная мельница?

– Тебя зову, шади, а ты будто оглохла, – неласково ответил торговец, когда мы подошли ближе, и поклонился мне.

– Я была занята, – улынулась Фергия. – Ну что? Ты, наверно, сделал, как я велела? Записал все обо всех своих родственниках? Все ваши взаимные обиды вспомнил? Три дня торговли не было, неужели ты бездельничал все это время?

– Записал! – Итиш порылся под прилавком и бухнул на него целую кипу листов, мятых, местами в пятнах масла и вина, но исписанных вдоль и поперек. – Обнаружил, что троюродный брат два года должен мне денег, только я запамятовал, а он не напомнил. Брал, понимаешь, чтобы собрать приданое дочери, обещал вернуть и не вернул!

– То есть поводов для вражды стало еще больше? – с интересом спросила Фергия, разглядывая плоды изысканий Итиша.

– Ну... кое с кем я помирился, – сознался тот. – Как начал вспоминать, с чего начались обиды, так подумал: вот ведь глупость! Поссорились на пустом месте! Но кто мне денег должен – этого я не забуду, нет...

– А если ты кому должен? – Фергия полюбовалась выражением лица Итиша и добила: – Им ты простишь?

– Рассчитался я, – буркнул он. – И со мной рассчитались, пусть не все и не полностью. То на то и вышло, не стоило разговор затевать!

– Ну как же, а разобраться, кто кого обидел и почему? Деньги потратишь, а с родней тебе еще жить и жить и работать вместе, не так ли?

– И это верно, – вздохнул Итиш. – Словом... Не буду я тебе платить, Фергия-шади!

– Неужели? – поразилась она.

– Да! Я сам нашел того, кто ковры испортил, – гордо сказал он и выудил из кипы бумажек одну особенно заляпанную. – Не было там никакого злого умысла, одна глупость и это... как бишь его... Не случайность, но близко к тому.

– Стечение обстоятельств? – подсказал я.

– Оно самое, Вейриш-шодан! Вот, – Итиш ткнул пальцем в свои каракули, – племянник сознался: он шел вечером, нес тот самый едкий раствор в мастерскую. И нет бы взять фонарь, но он решил – так дойдет, тропинка знакомая. И дошел бы, да как раз возле тропинки поставили козлы, на которых проветривали новые ковры, чтобы утром погрузить их в повозку и везти ко мне в лавку! – Он перевел дыхание и снова зачистил: – Этот молодой осел споткнулся и едва не выронил сосуд, удержал, но расплескал! Отнес, что осталось, в мастерскую, а обратно уже пошел с огнем, хотел козлы подвинуть. Увидел, что натворил, и перепугался, баран!

– И просто убрал дырявые ковры вниз? – спросил я. – Не по одному же их грузят, целой стопкой, наверно, забрасывают в повозку? Тем более именно эти были не очень большие, так?

– Именно, Вейриш-шодан... Словом, брат обещал отработать мой убыток, – сам себя перебил Итиш. – А этого косорукого – пристроить к какому-нибудь другому делу, чтобы больше ничего не напортил! И за что же мне платить, сам посуди, если я сам обо всем догадался? Скажи, разве я не прав?

– Интересно, – вслух подумала Фергия, – почему он не взял фонарь? Вряд ли сосуд с раствором был такой уж большой, и юноша нес его обеими руками... А даже если так, он не первый раз ходил той тропинкой, верно? Еще и луна наверняка светила – она тогда шла на убыль, если не ошибаюсь, но это все равно не кромешная тьма...

– На что ты намекаешь, шади? – нахмурился Итиш.

– Да так... Не вспомнишь: не найдется ли в доме твоего брата или у соседей какая-нибудь хорошенькая девушка? Может, чья-то дочка или служанка?

– Как не быть! То есть, постой-ка, ты намекаешь... – Он обхватил голову руками и застонал.

– Юноша мог встречаться с нею в потемках, – с удовольствием сказала Фергия. – Один-два поцелуя, не более того, это так захватывающе! Вспомни молодость, Итиш-шодан: неужели ты никогда не бегал на свидания? Я знаю, что в Адмаре это не очень-то приветствуется, но... При желании можно найти способ увидеться с подругой.

– А фонаря не было, чтобы никто не заметил! – тихо взвыл торговец.

– Если хочешь, я предположу, чем именно они занимались на твоих коврах, и ради уничтожения каких следов пришлось воспользоваться той едкой дрянью, – без тени улыбки добавила Фергия, и он завыл громче. – Хотя нет, нет, вряд ли. Думаю, твой племянник порядочный юноша, он не мог лишиться подругу невинности наспех, да еще прямо возле тропинки, пускай и на прекрасном ковре. Скорее, так разволновался после первых робких поцелуев, что действительно споткнулся и разлил жидкость.

– Но кто?.. – не слушая, сказал Итиш. – Дочь соседа? У него их три... и у другого – пять! И племянницы! И внучки! Если этот молодой баран опозорил какую-то из них...

Он пару раз стукнулся лбом о прилавок, и Фергия жалостливо потрепала его по плечу.

– Продолжай свои изыскания, Итиш-шодан, – сказала она. – Жаль, ты не маг, а потому не сможешь узнать, правду ли говорит тебе племянник. Амулеты, конечно, хорошая штука, да ведь их часто поддельвают... Но ты не сдавайся! Я уверена, не пройдет и полугодя, как ты дознаешься истины! И я в самом деле не возьму с тебя денег за совет, не переживай об этом. «Да уж, за такое представление приплачивать впору», – подумал я. Та же мысль явственно читалась на лице Фергии.

– А теперь нам пора, Итиш-шодан, – добавила она. – Трудись. В конце концов, ты делаешь это на благо семьи!
Не уверен, что это его утешило...

Глава 2

– Вы всерьез предположили вот такое? – спросил я, когда мы достаточно удалились от лавки Итиша. – Я имею в виду, в Адмаре...
– Я помню вашу лекцию, Вейриш, и знаю, что здесь девушек принято держать взаперти, – отмахнулась она. – Но в сельской местности им приходится работать, особенно если родители не слишком богаты и не могут тратить на прислугу. Значит, не очень-то их закроешь: то скотину нужно кормить, то еще что... Вполне получится и увидеться с соседским парнишкой, и сбежать на полчаса, уверена.
– Бедный Итиш, – искренне сказал я.
– На самом деле я почти уверена, что его оболтус-племянник действительно поленился взять фонарь, споткнулся, облил ковры и боялся признаться, пока его не приперли к стенке, – улыбнулась Фергия.
– Зачем же тогда эти ваши непристойные предположения?
– Чтобы Итишу жить не скучно было, – ответила она. – Пускай на своей шкуре почувствует, каково приходится судебным магам. Это полезно. Знаете, многие считают, что мы берем деньги просто так: пришли, задали пару вопросов, подумали денек-другой... а время-то идет, и стоит оно дорого! Ну а потом – раз! – и выдали ответ. Но такое случается крайне редко, Вейриш.
– Будто я не помню, как ваша матушка носилась по всей округе! И это я видел только малую толику ее повседневных занятий...
– Вот именно. Со стороны-то оно и впрямь выглядит... неубедительно, правда? Никаких громов и молний, ритуалов и прочего... Только головой работать нужно ого-го как, – вздохнула Фергия.
– Меня-то вы зачем убеждаете? Я понимаю, что это непросто. Давайте лучше вернемся к невесте откуда взявшемуся золоту.
– Верно, нас отвлекли.
– У вас появилась какая-то бредовая идея, – напомнил я.
– Да, но за нее меня кто угодно высмеет, – созналась Фергия.
– Все равно поделитесь, вдруг она не так уж дурна?
– Ладно. Я думаю, Вейриш... – Она огляделась, явно проверяя, работает ли заклятие неслышимости, потом продолжила: – Я думаю, нет никакого месторождения.
– Как так? – опешил я. – Хотя постойте... У меня мелькала мысль о золоте джаннаев, знаете такие истории?
– Конечно. Правда, не о джаннаях, а о наших северных духах, но у них схожие повадки: отсыплют тебе горшок золота, ты купишь всякого-разного, а наутро монеты превратятся в глину или что похуже.
– Но оно не исчезает и не превращается ни во что.
– В том-то и дело, – задумчиво произнесла Фергия. – Жаль, я не могла заставить Кыжа притащить ко мне того типа живьем...
– Для допроса?
– Ну да... Впрочем, в этой голове, – она кивнула на ношу Ургуша, – оказалось достаточно сведений. Кыж их выпил прежде, чем исполнить задание.
– И что там было? – с нетерпением спросил я.
– Ничего ценного, – досадливо ответила она, кинула монетку еще одной торговке, выбрала гроздь винограда и принялась ее ощипывать. И мне предложила, а я не отказался. – Звали его Цургушем, не слыхали о таком? Нет? Надо будет поспрашивать. Так вот, он подыскивал способных мальчишек вроде Ориша, представлялся магом и сулил взять их в ученики, открыть тайны мироздания и все в том же роде.
– Вы хотите сказать, волшебником он не был?

– Ну почему? Умел кое-что, но на этом базаре, – Фергия повела рукой, – таких полным-полно. Главное, он очень здорово дурил головы этим вот... рекрутам.

– Ага... Очевидно, они требовались кому-то другому?

– Похоже на то, но кому именно, Цургуш не знал. Его дело маленькое: если заметил дарование, хватать и всячески уговаривать на ученичество. При необходимости таких юнцов прикармливали. Я имею в виду давали книги, золото...

– А куда они девались потом? – спросил я, уже предчувствуя, что ответ мне не понравится.

– Цургуш не знал, – повторила Фергия. – Он так... Звено в какой-то цепи. Через него заключались кое-какие сделки, он охмурял юных волшебников, а ничего сверх того ему не было известно. Кажется, он считал, что ему очень повезло с такой непьющей работенкой, и даже не думал поинтересоваться личностью нанимателя. А может, боялся, потому что знал, что случается с чрезмерно любопытными.

– Фергия, а кто выпил силу из Ориша? – вспомнил я. – Цургуш?

– Он, конечно. Пленника нужно лишить способностей, а то, чего доброго, очухается, вот как я, и корабль на дно пустит или сам всплывет... А Цургушу – какое-никакое удовольствие, толика молодости и сил, опять же, в его возрасте не повредит.

– Вы же сказали, что мальчишек куда-то отправляли, разве нет? Не всех же топили!

– Не всех, только некоторых... Оришу не повезло. Или повезло, поди пойми? Очевидно, он не подходил хозяину Цургуша, но почему? Нет ответа! Он не знал, куда отправляют этих мальчишек, что с ними станет, и знать не желал...

– На редкость нелюбопытный тип... – пробормотал я.

– Тоже подумали о своем проклятии? – повернулась она ко мне.

Я думал вовсе о другом, в чем и сознался.

– Ну, может, я и пытаюсь притянуть его за уши... – вздохнула Фергия. – Однако что-то общее все же есть, согласитесь? Живет человек, что-то делает, но не любопытствует, что именно и зачем, не трогал бы никто... Однако утверждать это наверняка я не могу. Было бы ваше проклятие зримым, я бы сравнила... но я его не различаю.

– Давайте отнесем голову Уммалу, – предложил я. – Может, он разберется?

– Хорошая идея, – одобрила Фергия. – Но ведь придется объяснять, откуда у нас этот трофей... Да и не столь важно, был проклят Цургуш или нет. Главное, он много лет занимался этими вот делами. Понимаете, Вейриш?

– Золото переправляют на север не первый год?

– Ну да! Не такими уж большими партиями, но постоянно. Вероятно, именно для того, чтобы скрыть его источник здесь, в Адмаре, как мы и думали раньше.

– Чувствую, вы сейчас откроете мне тайну. То есть поделитесь той самой бредовой идеей, – сказал я. – Вы уже сказали, что месторождения нет, но не завершили мысль.

– Я говорила с Лалирой. – Фергия уставилась в небо. – Она сказала: дух вроде нее может натаскать пленившему его человеку хоть алмазов, хоть рубинов, хоть золотых самородков. Она ведь сама это делала при необходимости, помните?

– Но она поступала так по доброй воле.

– Именно! А плененный дух, в особенности, если он надежно скован хозяином – не все, знаете ли, допускают ошибки, – со временем слабеет.

– Ах вот к чему вы клоните... Эти одаренные юноши шли... на корм?

– Ну да, – сказала Фергия. – Кто-то – духу, а кто-то – Цургушу, а после – рыбам. Не исключаю, что нынешний хозяин духа унаследовал его от предков, и все это тянется веками. А может, он хороший маг, а потому живет долго, но до сих пор резв и бодр, как в благословенные юные годы. Так или иначе, но духу нужна подпитка, а давать ее самому... удовольствие ниже среднего. С ними вообще не очень приятно общаться.

– Я заметил, – вставил я, припомнив ее общение с Кыжем. – Но одному человеку столько золота ни к чему, если только он не... гхм...

– Не дракон? – улыбнулась она. – Вы же, если я ничего не путаю, копите драгоценности больше из любви к искусству?

– Ну почему же? Золото всегда пригодится. Только не просите показать вам мою сокровищницу! – предвосхитил я вопрос.

– Да, не до того сейчас, – охотно согласилась Фергия. – Как-нибудь в другой раз, договорились? Я только вздохнул.

– Вы дадите мне закончить мысль или нет?

– Я вся внимание, – завершила Фергия.

– Я говорил о том, что если бы кто-то просто копил это золото, то... ну, собирал в одном месте. Зачем тогда перевозить его невесту куда?

– Так может, его ухоронка именно на севере, а везти сразу много... Заметно, мягко говоря.

– Разве что, – неохотно согласился я. – Но мне пришла в голову другая идея. Что, если мы имеем дело с какой-то организацией? Или семьей, которая занимается контрабандой уже много лет?

– Вейриш, именно так я и подумала! Придется выслушать массу слухов и сплетен, но, – она широко улыбнулась, – рано или поздно мы наткнемся на упоминание о каком-то очень-очень особенном семействе. Наверняка оно проворачивает обычные сделки для отвода глаз, но там должно быть что-то еще... Не могу предположить, что именно, но наверняка узнаю, когда услышу!

– Ваша хваленая интуиция? – вспомнил я.

– Она меня еще никогда не подводила, – серьезно ответила Фергия, доела виноград, отбросила голую веточку и добавила: – А теперь давайте-ка поищем Даньяру, кем бы она ни была. Раз уж вы уверяете, что вам всяко скажут больше, нежели чужестранке, вы и расспрашивайте! А я послушаю и поучусь...

Признаюсь, я решил показать себя с самой лучшей стороны: поскольку меня знали все или почти все, то мне ничего не стоило завязать беседу с любым торговцем или хоть мусорщиком. Вот только я не учел, что именно это меня и погубит: мы же не в Арастене, мы в Адмаре, и прежде, чем поинтересоваться непосредственно делом, нужно справиться о здоровье собеседника, всех его чад и домочадцев, он в ответ спросит о том же... Когда же мы наконец доберемся до сути, к нам присоединится какой-нибудь словоохотливый сосед или даже простой прохожий, и еще один, и еще, и разговор пойдет по кругу, разорвать который не так-то просто. Это Фергии прощалась прямота: она ведь была чужеземкой, не знала адмарских обычаев (вернее, умело прикидывалась, будто не знает), что с нее возьмешь? Правда, все уже поняли, что она прекрасно умеет торговаться, но уговоренную цену платит всегда: это мог подтвердить и хромой Каддаш, который перестраивал Фергии дом в Проклятом оазисе, и другие, имевшие несчастье с ней столкнуться.

Когда я окончательно завяз в светской беседе, к которой присоединился, по-моему, весь базар (клянусь, с дальних его краев передавали вопросы, а обратно – ответы), и надежда просто спросить о ведунье захлела на корню, меня спасло чудо.

Чудо это носило имя Даллаль и служило начальником городской стражи. По-моему, бравый воин питал какие-то романтические чувства к Фергии... Вот и сейчас, завидев ее макушку, покрытую ярко-красной косынкой, – Фергия возвышалась над средними адмарцами так же, как ее мать над арастенцами, – Даллаль направил коня на собравшуюся публику.

– Фергия-шади! – воскликнул он. – Что случилось?

– Ничего не случилось, Даллаль-шодан, – отозвалась она, выбирая на лотке самый сочный персик. Поглощать фрукты Фергия могла, по-моему, безостановочно. Впрочем, хуже было бы, если бы она так же безостановочно курила в подражание матери. – Просто Вейришу-шодану вздумалось остановиться послушать сплетни, вот мы и завязли. Выручи, прошу, не то я безнадежно опоздаю в гавань, куда Вейриш-шодан так любезно обещал меня проводить!

– Зачем вам в гавань? – прошипел я.

– Оценить масштаб катастрофы при свете дня, – таким же ужасным шепотом отозвалась она. – Ну и... Посмотрим. Все равно ваши методы не работают, а значит, искать Даньяру будем иначе.

– Как же, например?

– Чайку попрошу, – ухмыльнулась Фергия. – Он много где бывает, все слышит. Пускай поспрашивает. Или его жена.

– Ах да, и как это я о нем позабыл...

Чайкой прозвали уличного поэта – в основном за производимый им шум. Ему недурно удавались стишки на злобу дня: он прошелся и по начальнику стражи, и по главному советнику рашудана, и по самому рашудану, за что нечестивцу грозила смертная казнь или ссылка в рудники. Правда, Даллаль ловил этого стихоплета без особенного энтузиазма, потому что Фергия ухитрилась убедить его: Чайка вовсе не злоумышляет, он просто не может смолчать, когда видит несправедливость. После того как она уверила Даллала, что сочинение о нем самом

вовсе не хула, а похвала, я не сомневался – Чайке ничто не угрожает. Мало ли похожих бродяг, на них же не написано, кто именно сочиняет крамольные строки! Хватать всех подряд – никаких тюрем не хватит, а в рудниках от этих доходяг проку мало – больше съедят, чем наработают...

– Не повредила ли буря твоему новому дому, Фергия-шади? – любезничал тем временем Даллаль.

В исполнении рослого красавца с роскошными усами неуклюжие заигрывания выглядели невероятно забавно, и, уверен, не я один сдерживал улыбку. Но, полагаю, остальные думали: как можно обидеть такого уважаемого человека неуместным смехом? Вдобавок у него сабля имеется, и владеть ею Даллаль умеет превосходно... Конечно, вряд ли он обнажит благородный клинок из-за какого-то глупца, но у него ведь кроме сабли и плетка под рукой, а такой можно убить с одного удара, если умеючи. В том, что Даллаль на это способен, никто не сомневался, а потому желающих навлечь на себя его гнев не оказалось.

– Я ведь колдунья, любезный Даллаль-шодан, – нарочито громко ответила Фергия, – а потому могу сберечь свое жилище. Хотя, признаюсь, даже я натерпелась страха: в моих краях таких гроз не бывает!

«Да, там совсем другие шторма», – подумал я, но смолчал.

– Разве в это время года случается подобное? – не умолкала она. – Я полагала, сейчас должна царить сушь!

– Так и есть, Фергия-шади, – развел руками Даллаль. – Все придворные знатоки ветров, звездочеты и прочие дармоеды в недоумении: гроза взялась будто из ниоткуда! Кое-кто предположил, что она колдовская, но кто мог вызвать подобное?

– Не смотри на меня так, Даллаль-шодан, – сладко улыбнулась Фергия. – Во-первых, погодная магия – не мой конек, во-вторых, зачем бы мне учинять этакое безобразие? Из-за него, я слышала, в гавани затонули корабли, и теперь войти и выйти могут только самые легкие лодки?

– Да, случилось такое... Но тебе что за печаль?

– Представь себе, Даллаль-шодан, я сюда не с пустыми руками приехала, у меня имеются кое-какие знакомства, а потому... Почему бы не вложить кое-какие средства в торговлю?

Разумеется, исключительно законную, – добавила она и поправила свою косынку.

Я вдруг вспомнил: Флоссия упоминала как-то, что подобным образом их завязывают пираты. Еще подумал – этот узел похож на бардазинский, но чем-то все же неуловимо отличается. Ну так бардазины – тоже пираты пустыни... Интересно, кто у кого перенял обычай? Или это совпадение?

Шлемоблещущий Даллаль, как его обозвал Чайка, недаром получал жалованье, поскольку наек понял и улыбнулся еще шире.

– Так значит, корабль с твоим грузом не может отбыть, шади?

– Представь, какая незадача... Я хорошо все рассчитала, шодан: пускай я не умею управлять ветрами, зато хорошо знаю их пути. По всему выходило, что буквально через пару недель в Арастен прибудет несколько десятков ящиков с плодами крепкими, иссиня-черными и блестящими, как груди мархайских девственниц, с мякотью красной, сочной и сладкой, как...

– Э, женщина! Ты говоришь про черные сливы из сада Маддариша? – завопил вдруг из толпы зевак сухонький старичок. – Это я их так нахваливал!

– Я знаю, Ушах-шодан, – весело ответила Фергия, – ты же мне и рассказывал о них, неужели запамятовал? Времени прошло всего ничего...

– А-а-а! – Ушах протолкался ближе, сощурился и явно узнал ее. – Я-то думаю: почему голос знакомый, почему моими словами говоришь? А это ты! Только ты врешь, женщина, потому что черных слив больше нет во всей округе, тридцать лет их никто не видел!

Фергия не стала спорить, а просто запустила руку в бездонный карман и со словами:

– На, посмотри, такая или отличается? – сунула старику под нос крупную сливу.

Зеваки притихли. Даже стражники, следовавшие за Даллалем, вытянули шеи, чтобы лучше видеть.

Старый Ушах опасливо взял плод, обнюхал, осторожно попробовал на единственный кривой зуб, торчавший у него во рту, почмокал губами, разломил сливу, присмотрелся к густо-красной мякоти и с видом смертника отправил половинку в рот. И тут, не побоюсь этого сравнения, черты его преобразились от истинного блаженства. Он даже зажмурился от избытка чувств, и

морщины, которыми Ушах был испещрен, как иссохшая без дождя земля трещинами, сложились в какой-то новый, незнакомый, удивительный рисунок...

– Они... – выговорил он и, по-моему, смахнул слезу с черепашьих век без ресниц. – Ты заколдовала их, шади? Ведь сада нет больше!

– Как это нет? Он на прежнем месте, – озорно улыбнулась Фергия. – Вон у мальчишек спросите... Эй, вы! Кто ветку сломал, а? Поймаю – этой же веткой и высеку!

Босоногая ребятня порскнула прочь, как стайка вспугнутых голубей. Правда, далеко не убежали, спрятались за взрослыми. Похоже, не очень-то они боялись колдунью...

– Но, шади, я же был у тебя в гостях и не видел никакого сада, – озадаченно произнес Даллаль.

– Тогда я еще не знала, как ты относишься к колдуньям, а потому скрыла деревья от твоих глаз. Но ты ведь наверняка чувствовал аромат, слышал шелест листьев, ощущал тень, которая не должна была упасть на твое лицо, разве нет?

– Да... – Он уставился на нее не просто с восхищением. По-моему, это уже походило на благоговение. Чего доброго, посватается, бедняга...

– Но ты поселилась в Проклятом оазисе совсем недавно, шади, – сказал кто-то. – Когда же успел созреть урожай?

– Я же сказала: сад вернулся на прежнее место. А когда он исчез... Кто вспомнит, цвел он или же деревья ломались под гнетом плодов? – выкрутилась Фергия.

Впрочем, тот же Ушах мог и припомнить, но он, к счастью, пребывал в прострации. Что это его так разобрало? Может, с этими злосчастными сливами связано какое-то счастливое воспоминание его... ладно, не молодости, но зрелости?

– Так выходит, ты действительно договорилась с джаннаем? – додумался наконец Даллаль.

– Да, шодан. Он был очень обижен, и мне пришлось потрудиться, чтобы убедить его забыть зло, которое причинили ему люди, и вспомнить, как они радовались волшебному саду, – сказала Фергия. – Они ужасно чувствительные, эти джаннаи! Слова без оглядки не скажи, не то непременно примет на свой счет и сам же оскорбится, и доказывай потом, что ты вовсе ничего не имела в виду...

– Прямо как моя Рагидэ, – пробормотал торговец в полосатом тарбане. – Не так посмотрел, не туда наступил, а когда целовал, точно думал о другой, потому что вздохнул не так, как обычно... Тьфу!

– Фергия-шади, – потеребил ее за рукав Ушах, – я возьму косточку? Посажу... пусть вырастет? Ведь вырастет же теперь, раз джаннай больше не сердится?

– Конечно, вырастет, – кивнула она. – Да вы по своим огородам-то посмотрите: мальчишки столько этих слив перетаскали... Неужто ни один не догадался косточку в землю закопать? Или просто выплюнул, а после такого дождя ростки непременно где-нибудь да проклюнутся!

Люди запереглядывались: наверняка пытались припомнить, что нового выросло в огородиках и возле домов...

– Но мы что-то отвлеклись, – сказала Фергия. – Я сказала, что отправила несколько десятков ящиков с фруктами в Арастен, надеясь подзаработать: там таких не сыщешь! Может, даже к королевскому столу купили бы... Но из-за проклятой бури корабль не может выйти из гавани, и все эти прекрасные сливы просто сгниют на жаре!

– А разве ты не можешь их заколдовать, чтобы не испортились? – простодушно спросила молодая женщина.

– Я и заколдовала, но только на рассчитанное время пути! Они прибыли бы в Арастен свежими, словно только что сорванными с ветки... – Фергия картинно взялась за голову. – А теперь неизвестно, сколько судно простоит на месте... И если кто-то хочет спросить, скажу сразу: снимать свое заклятие, а потом переколдовывать – себе дороже. Такая гадость может получиться...

– У меня не фрукты, конечно, но тоже... припасы, – мрачно сказал упитанный мужчина в красном с белой отделкой одеянии. – Может, и не успеют попортиться, хотя кто знает, сколько еще придворные чародеи будут возиться? Даллаль-шодан! Хоть ты скажи: когда они поднимут эти проклятые галеры?

– Чего это они проклятые? – встрял еще один, в лиловом тарбане, тощий и длинный. – Одна – моя, и я ручаюсь, Гириш, никто ее не проклинал! А я теперь в убытках, и как платить долги... несчастная моя семья!..

– Шади, а почему ты не прикажешь джаннаю поднять галеры? – спросил вдруг паренек со смысленным взглядом. Мне почему-то подумалось, что покойный Ориш был похож на него.

– Во-первых, это пустынный джаннай, ему нельзя в море, – солгала Фергия, не моргнув глазом. Кто бы ее уличил? Можно подумать, тут многие разбираются в... хм... сортах джаннаев! – Во-вторых, я ему не хозяйка, приказывать не могу, только просить. Вот только в обмен он может такое потребовать, что... пускай уж гниют эти сливы! Себе дороже вступать в сделки с такими существами.

– А если... – начал парень, но Фергия перебила:

– Даллаль-шодан, что же ты молчишь? Чем заняты придворные чародеи?

– Пока думают, как расчистить выход, – буркнул он. – Не так-то это просто, шади... Скалы, прилив, отлив...

– Ну, стало быть, пропал товар, – вздохнула она.

– Шади, а ты можешь поднять галеры? – спросил все тот же паренек.

– Я? В одиночку? Если даже придворные маги никак не справятся? – Фергия выдержала паузу и добавила: – Я бы попробовала. Только кто же мне позволит? Меня и близко не подпустят...

– Пускай Даллаль-шодан проведет! – выкрикнул торговец в лиловом тарбане.

– И Вейриш-шодан! Неужели его не пропустят? – добавил тот, что в полосатом. Я осознал, что вляпался в очередную авантюру Фергии. Причем мне уготована в ней главная роль, с какой стороны ни взгляни! Хуже того, я сам навел ее на эту идею, а потому не имел права жаловаться...

– Даллаль-шодан, – она ухитрилась заглянуть ему в глаза снизу вверх, хотя они были почти одного роста, – мне бы только посмотреть, пускай даже издалека... Я сразу пойму, по силам мне такое дело или нет. Если шанс есть, как думаешь, разрешат мне попробовать?

– Надо спрашивать начальника порта, – покачал он головой, но тут же не выдержал: – Поедем! Он наверняка сейчас там...

– Заодно и познакомимся, – кивнула Фергия и свистнула Ургуша: – Приведи-ка мне лошадь, а сам езжай к Оталю-шодану и отдай... Ты знаешь что.

– Сию минуту, шади, – вздохнул он и пошел сквозь толпу к коновязи. Мешок с головой Ургуш уже привычно закинул на плечо. И правда, когда имеешь дело с Фергией, проще смириться и попытаться получить хоть какое-то удовольствие от происходящего. Я вот предвкушал беседу с начальником порта и придворными чародеями... Что мне еще оставалось? Разве что надеяться, что чужестранке не позволят вмешиваться! Я не представлял, как она намерена поднимать корабли без моей помощи, но мне вовсе не хотелось показываться во всей красе. Ведь Фергия права: замаскировать дракона не так-то просто, особенно если следить станут не обычные стражники, а маги!

И еще я не хотел думать о том, как отнесутся маги рашудана к такой дерзкой и хваткой конкурентке...

Глава 3

Придворные чародеи, как и следовало ожидать, вовсе не обрадовались визиту заморской коллеги, которая к тому же вдруг начисто лишилась хороших манер.

– Что это у нас здесь такое, шоданы? – весело спросила Фергия, когда после долгих переговоров Даллала с начальником порта Шанналем и моего ручательства ее все-таки допустили на мыс, где собрался весь цвет адмарского волшебства. В глазах рябило от ярких кафтанов, сияли кипенно-белые тарбаны, перевитые черными с золотыми письменами лентами – символом здешней магической гильдии. Лица, правда, были сплошь недовольными, и на Фергию маги подчerkнуто не обращали внимания. Кое-кто даже отошел подальше, брезгливо подобрав полы одеяния.

– А, вижу, – сказала Фергия, не дождавшись ответа, и сощурилась на сверкающую в солнечных лучах воду. – Одна галера лежит на скалах поперек входа в гавань, а вторая – прямо на ней, так? Экая замысловатая конструкция!

– Ныряльщики сказали так, – согласился Шанналь.

– Как это вышло, не знаешь, шодан?

– Они спешили укрыться от бури, – ответил он. – На первой был опытный штурман, я знал его, и он решил рискнуть и пройти в гавань без лоцмана. По высокой воде сумел бы... Но увы! Те немногие, которым повезло выплыть, говорят, галера миновала горло залива и уже была близка к спасению, но ее вдруг закружило, будто невесть откуда появился водоворот! Штурман успел бы выправить курс, он бывал и не в таких переделках, но...

– Вторая галера решила проскочить следом и... гм... догнала первую? – подсказала Фергия.
– Именно так, – нехотя ответил Шанналь.

Ему не хотелось общаться с чужестранной колдуньей, но, с другой стороны, избавиться от препятствия было необходимо, и как можно скорее. Придворные же маги привыкли действовать вдумчиво, неторопливо, величественно, изрядно играя на публику, чтобы простые смертные, не приведи боги, не подумали, будто колдовское ремесло слишком легко дается. Чего доброго, рашудан тоже так решит и перестанет щедро осыпать своих чародеев милостями и драгоценными дарами...

Но порой нет времени ждать, покуда эти почтенные шоданы наслаждаются осознанием собственного достоинства и величия, проведут все мыслимые и немыслимые ритуалы, настоящие и выдуманые, и Шанналь прекрасно это понимал. Конечно, ситуация пока еще была не критической, но еще немного, и возмущение хозяев запертых в гавани кораблей достигнет предела. Нет, самого Шанналя оно едва коснется – никто не пожелает портить отношения с начальником порта, понимая к тому же, что от него сейчас мало что зависит, – но скандал все равно выйдет громкий. А уж когда подойдут разбросанные бурей, но уцелевшие корабли, которым необходим ремонт, у которых на борту вполне могут оказаться раненые... Положим, раненых можно перевезти в порт на лодках или послать лекарей оказывать помощь на месте, но что, если корабль едва держится на плаву и вот-вот пойдет ко дну с грузом вместе? Нет, расчистить вход в гавань нужно как можно скорее! И в таких случаях все средства хороши...

– Верхнюю мы пытались сдвинуть буксиром и оттащить подальше, – сказал Шанналь, – чтобы хоть бы легкие суда могли пройти. Не вышло – она слишком тяжело нагружена. Наверно, придется поднимать по частям, если многоуважаемые чародеи соизволят разбить корпуса на дне морском. Вернее, кое-что и само всплывет, но...

– Наваш-шодан будет в ужасе, – покачала головой Фергия, а я только диву дался: когда она успела узнать имя торговца в лиловом тарбане? Вроде бы оно прозвучало в разговоре, но я его не уловил. – Такая хорошая галера, быстроходная, совсем новая, ей и трех лет нет... Подумаешь, борт пробит и мачта потерялась? Поднять судно и починить всяко выйдет дешевле, чем построить новую, не так ли, шоданы?

– Да уж, это сломавшую ногу лошадь лучше прирезать – все равно не поскачет, как прежде, если только ее не вылечит чародей, – не преминул сказать Даллаль. – А корабль могут залатать и обычные люди.

– О, видел бы ты, шодан, на каких чудовищных посудинах порой выходят в море северяне! – тут же подхватила она. – На иной лодке живого места не сыщешь, сплошь латки, однако не тонут же, а очень даже весело бороздят волны! Кое-какие передают из поколения в поколения со словами: «Гляди, киль выгесал твой прадед, уключину вырезал дед, мачту, неведомо какую по счету, поставил отец, парус соткала бабка, залатала мать, веревки плели все женщины в семье... Ну а если тебе нужны весла по руке – поди и сделай сам!»

– Хороший подход, шади, – Даллаль подкрутил ус и зыркнул в сторону Шанналя, словно чуял возможного соперника. – Мне нравится.

Впрочем, тот был лет на десять старше коллеги, и сомнительные прелести Фергии его совершенно не занимали. Он, я бы сказал, не чаял избавиться от всех магов скопом, и чем скорее, тем лучше.

– Это никак не выйдет! – каркнул вдруг один из придворных чародеев.

Небольшого росточка, с кожей цвета крепкого ойфа, сморщенный, он ухитрился смотреть на всех свысока. На всех, кроме Фергии: она вдруг опустилась на одно колено.

– Невежливо разговаривать, когда собеседник видит только мою грудь, – непосредственно пояснила она. – Я привыкла общаться лицом к лицу, но вряд ли нам удастся удобно рассестся на этих камнях, поэтому я, как самая младшая из всех вас, потерплю неудобство.

Я мог бы сказать, что Фергия себе льстит: природа, конечно, оделила ее чуть более щедро, нежели Флоссию, но в адмарском мужском наряде волшебница легко сошла бы за юношу, если

бы помалкивала – голос не спутаешь. Но, возможно, она вовсе не имела в виду те части тела, которые поэты любят сравнивать со спелыми дынями, крепкими яблоками, сочными гарнами и прочими дарами природы, а просто обозначила высоту? Не говорить же уважаемому магу: «Ты мне в подмышку дышишь»!

Даллаль, посмотрев на нее, присел на корточки по-бардазински: кочевники могут просидеть так немислимо долго, а у меня ноги не выдержат, привычки нет. Ну ничего, я могу и на камне пристроиться.

– Почему же невозможно задуманное мной, почтенный шодан? – спросила Фергия. – Прости, не имею чести знать твоего имени, нас не представили...

– Перед тобой Руммаль одда Лурра инна Саммаль, женщина, – сурово произнес маг помоложе. – Обращайся к нему почтительно!

– Куда уж почтительнее? – удивилась Фергия. – К слову, почтенный шодан, а некто Уммаль тебе не родственник? «Инна», если я ничего не путаю, означает «внук», так вот, выходит, он назвался внуком Руммалья. Да и на лицо вы похожи...

Я присмотрелся – и правда! Но ведь Уммаль, когда говорил о пророчестве, упомянул, что его знал и отец, и дед... Почему же этот почтенный волшебник никак не отреагировал на нас с Фергией? Может, он просто не знает, что я – дракон? Крылатый, как сказано в пророчестве? Вполне вероятно! Я ведь не вращаюсь в высшем свете, как сказали бы в Арастене, не приближен ко двору рашудана – что я там позабыл? Живу спокойно, мало с кем общаюсь, да и то по большей части с простым людом...

Кудесник Уммаль с базара – совсем дряхлый на вид, а Руммаль всяко старше внука. Ему тоже на вид лет сто, а на самом деле – наверняка больше, он же волшебник. Конечно, он моложе меня, мы даже не знакомы, но неужели до него никогда не доходили слухи обо мне? Или тем, кто живет во дворце, попросту нет дела до сплетен черни? Обо мне ведь не кричат на каждом углу, если и обсуждают, то потихоньку... Даже обидно как-то! С другой стороны, зачем рашудану знать обо мне? Решит еще привлечь к какой-нибудь бессмысленной войне, магов пришлет, придется или сражаться с ними, или улетать глухой ночью, захватив самое ценное – Аю.

А может, Руммаль что-то и знает, только помалкивает из тех же соображений: кто знает, что может начудить рашудан, представив себя верхом на боевом драконе, повергающем в страх и трепет врагов? Но прежде чем побеждать кого-то, дракона сперва предстоит оседлать, а прежде того – изловить, и кому придется этим заниматься? Правильно, магам! Сомневаюсь, что их тянуло на подобные авантюры, следовательно, они помалкивали.

Ну а в пророчество Руммаль мог вообще не верить. Даже странно, что пересказал сыну, а тот – Уммалю. Впрочем, последний прав: с годами слова предсказаний теряют смысл, им перестают придавать значение... покуда они не сбудутся, а семейный обычай есть семейный обычай. Какой вред от пары ничего не значащих фраз? Верно, никакого, зато совесть перед предками чиста.

– Ты об этом паршивце, забывшем родство? – скривился старик, переварив слова Фергии. – Он все так же возится с бедняками и заливает вином мысли о том, что мог бы возвыситься, мог когда-нибудь сменить меня при дворе рашудана, да живет он вечно?

– Если это тот самый Уммаль, который без боли выдирает зубы всем желающим, то мы говорим об одном и том же человеке, – кивнула Фергия.

– Позор на мои седины... – Руммаль прижал ладонь ко лбу.

– Ты же лысый, шодан, – сказала Фергия прежде, чем я успел ее пнуть. – Это у вас семейное, похоже.

– Позор на мою лысину! – вспылал маг. – Говори, что хотела, женщина, и иди прочь, не мешай думать!

– Пф, много вы надумали... – Фергии надоело стоять коленапреклоненной, и она села на пятки. – Почему вы, могущественные чародеи, не можете вытащить корабли целыми? Если взяться всем вместе...

– Они разломаются, – мрачно сказал Шанналь. – Галеры груженные, вдобавок набрали воды. Незачем и пытаться – только силы зря тратить... Верно я говорю, Руммаль-шодан?

Тот кивнул.

– И только-то? – удивилась Фергия. – Я знаю, как вытащить корабли сравнительно целыми.

Понятно, что главное – освободить горло залива, но владельцы галер ведь обрадуются, если

получат свою собственность назад, правда, Шанналь-шодан? Я слышала, там и товар такой, что вряд ли испортился за пару суток в воде, особенно если его как следует упаковали. Впрочем, это уже не мое дело.

– А какое тебе вообще дело до того, как скоро освободится гавань? – догадался спросить начальник порта.

– У меня имеется корыстный интерес. – Фергия кивнула на шхуну, которую наконец-то отпустили от стальвийского корабля. – Груз портится. Если что, Шанналь-шодан, все пошлины уплачены, как полагается, можешь спросить капитана и проверить записи в своих книгах!

– Гм... – Он погладил короткую бородку, в которой светилась ранняя седина. – Допустим... Но я не могу позволить тебе, шади, творить, что вздумается. Может, вместо того чтобы спасти утонувшие галеры, ты поднимешь шторм и утопишь остальные корабли, а то и учинишь что-нибудь похуже.

Признаюсь, я рад был встретить столь здравомыслящего человека. Может, он все-таки не позволит Фергии творить безобразие? И маги против, по лицам видно! Неужели чаша весов склонится в сторону осторожных и предусмотрительных?

– Понимаю твою осторожность, Шанналь-шодан, – сказала Фергия, – но я скажу вот что: пускай погодная магия – не мое ремесло, но я все-таки выросла на севере и полжизни провела на корабле, а это что-то да значит! Не веришь – спроси рыбаков, как я обращаюсь с лодкой и много ли смыслю в морском деле... Даллаль-шодан скажет, где та деревушка. И его человек тоже видел, как я уходила в море, не так ли?

– Ириш сказал, что Фергия-шади управлялась с парусом и веслами лучше, чем махаанская танцовщица – с покрывалом и веерами, – весело произнес Даллаль. – Он спросил рыбаков – те уверили, что в этом не было колдовства, уж они-то различают.

– Благодарю, Даллаль-шодан, – сверкнула улыбкой Фергия.

– Ты не знаешь наших вод, шади, – гнул свое Шанналь.

Маги молчали, только переглядывались. Может, от возмущения, может, переговаривались мысленно – вдруг они и такое умеют?

– Что тут знать? – Кажется, Фергии надоело его упрямство, потому что она выудила из кармана сложенный лист бумаги, расстелила его прямо на земле и указала пальцем: – Это я нарисовала по памяти. Может, пропустила пару рифов, но сейчас добавлю, только присмотрюсь получше. Вот это течение огибает мыс... так? Глубины проставила примерно, опять же, по памяти. Похоже на лоцманскую карту, Шанналь-шодан? Только не говори, что я где-то ее раздобыла и кое-как перерисовала!

– Вовсе не похоже... – проворчал он, присматриваясь, и вдруг отшатнулся.

– Что это с тобой? Муха укусила? – заботливо спросила она.

– Нет... Волны! Волны движутся! – Шанналь ткнул пальцем в карту.

– Конечно. Я же колдунья, забыл? Смотри, если бросить на карту сухую травинку, видно будет, как ее понесет течение. А немного погода я разберусь в ваших ветрах как следует, добавлю их тоже... На Севере так многие развлекаются, – пояснила она. – Там много маленьких островков, течения сложные, ветра тоже, без таких карт никуда. Вот я и изобразила по старой памяти. Есть у тебя такая диковина, Шанналь-шодан?

Тот покачал головой, зачарованно глядя на нарисованные волны, которые разбивались о Врата – скалы, охраняющие вход в гавань. Те самые, у подножия которых затонули злосчастные галеры.

– Я ее тебе подарю, – продолжала соблазнять Фергия, – а себе другую нарисую. Сам посуди, разве я о многом прошу? Всего лишь попытаюсь вытащить галеры, а не выйдет... что ж, стыд мне и позор за то, что сунулась вперед уважаемых придворных магов! Продолжу заниматься своим ремеслом, а подобные деяния оставлю для тех, кто всю жизнь трудился и готов совершить нечто великое, как Руммаль-шодан...

– Что ты такое несешь, женщина? – нахмурился тот. – Сказано же: будем поднимать по частям!

– Ну так обломки выловить никогда не поздно, – пожала она плечами. – Может, я хотя бы попробую?

На лице Шанналя отражалось невероятное внутреннее борение. С одной стороны, он не желал ссориться с придворными чародеями, но с другой... владельцы затонувших кораблей наверняка приплатят ему, если получат свою собственность пускай и поврежденной, но не разобранной на части! Главное, намекнуть об этом заранее... А если еще и груз уцелеет...

– Так я и знала, – с горечью проговорила Фергия, поднялась во весь рост и махнула рукой. – Что ж... Пускай все идет своим чередом, а я удаляюсь отдыхать под сенью струй...

– Погоди-ка, шади, – ожил вдруг еще один маг, тоже старый и сморщенный, только не темнокожий, как Руммаль, скорее, искрасна-бронзовый. В Адмаре попадают люди с удивительными лицами, вот и этот был из таких. – Это про тебя говорят, будто ты сняла проклятие с оазиса Маддариша?

– Не было там никакого проклятия, шодан, – сказала она и хитро улыбнулась. – А вот заклятия – были. Пришлось потрудиться, иначе как бы я стала там жить?

– И какие же именно?

– Неужели за столько лет ни один из прославленных адмарских чародеев не побывал в оазисе и не разузнал, чем он так пугает людей? – вопросом на вопрос ответила Фергия. – Впрочем, я говорю глупости: разве у бедной вдовы погибшего Маддариша хватило бы золота, чтобы нанять самого ничтожного из ваших учеников? А вам, надо думать, вовсе не интересен какой-то там крохотный оазис. Ерунда какая: чудовищная буря, пропавший бесследно сад, погибший хозяин и вроде бы даже джаннай, никого не допускающий к развалинам, и все это – в часе езды от города!

Я хотел дернуть ее за штанину, чтобы не слишком-то зарывалась, не то, если чародеи обидятся, наверняка не позволят ей попробовать силы. Однако передумал: мне же лучше, если Фергию прогонят прочь...

– Джаннай – всего лишь выдумки простолюдинов, – сказал третий чародей, самый высокий из всех, крепкого сложения, упитанный – наверняка любитель вкусно поесть и хорошенько выпить. – Их не существует.

Руммаль досадливо крякнул: он не успел высказаться первым, а теперь явно не желал вступать в спор с собственным коллегой на глазах чужеземки и всех нас, включая учеников и слуг. Не сомневаюсь, старик хотел намекнуть: если тридцать лет назад бурю, уничтожившую Проклятый оазис, устроил джаннай, а Фергия с ним договорилась, так может, нынешний шторм – тоже его рук дело? Может, Фергия вступила с духом в сговор и нарочно затопила корабли, чтобы потом явиться на помощь и исправить ею же сотворенное?

Признаться, у меня мелькали такие мысли, но... Немного зная характер представителей семьи Нарен, я мог сказать: утруждаться попусту они не любят, и уж тем более не станут вредить, чтобы потом выступить спасителями. Но вот использовать подвернувшийся случай с выгодой для себя – в этом им равных нет!

«Интересно, как бы Фергия стала выкручиваться, если бы ее обвинили в злодейском колдовстве, которое едва не стерло с лица земли Адмар?» – подумал я. Преувеличение, конечно, но молва и меньшее может раздуть до колоссальных размеров, и доказывай потом, что это неправда...

Я все-таки совсем не знал Фергию. Очевидно, от нее не укрылось, что Руммаль не согласен с упитанным магом, а из всех них именно старик был если не самым сильным, то наиболее влиятельным и опасным. С ним нужно или не портить отношений вовсе – а для этого лучше никогда и не встречаться, – или уж выяснить их раз и навсегда. Оставлять недомолвки – себе дороже, опытного интригана, каковым, без сомнения, являлся Руммаль, переиграть на его поле невозможно, зато есть шанс ошеломить непривычной тактикой... Все-таки придворные чародеи привыкли к спокойной размеренной жизни, и бьющий через край энтузиазм Фергии их, по моему, слегка пугал.

И вот, вместо того чтобы отсиживаться в глухой обороне, Фергия перешла в решительное и сумасбродное наступление.

– Адмар описывали мне как город просвещенных и разумных людей, – с чувством заявила она, – а его чародеев – как мудрецов, постигших вершины знаний, до которых мне еще карабкаться и карабкаться, и неизвестно, хватит ли на это целой жизни. И что же я вижу?

– Что? – не понял Даллаль.

– Люди здесь действительно неплохие, – сказала Фергия. – Во всяком случае, не хуже северян. Хватает всяких: и глупых, и недобрых, но хороших все равно больше... особенно если присмотреться как следует.

Да уж, в некоторых людях доброту и сострадание нужно выискивать с увеличительным стеклом, согласился я мысленно.

– А вот чародеи, – продолжала она, – порядком меня разочаровали, хотя я еще даже не видела их в деле.

– Что ты себе позволяешь, женщина?! – не на шутку оскорбился Руммаль.

– Говорю правду, почтенный шодан, ведь это легко и приятно, а вот слушать – наоборот, не так ли? Я ожидала увидеть сборище мудрейших, познавших тайны мироздания, готовых прийти на помощь страждущим... за разумную мзду, разумеется, – оговорила она, явно вспомнив семейное кредо и коллежских магов Арастена, которые без платы шагу не ступят. – Но кто же предстал моим глазам?

На этот раз даже я не уловил полета ее мысли.

– Нам некогда слушать твою болтовню, женщина, так что поди прочь, иначе... – проговорил упитанный маг, но Руммаль неожиданно остановил его жестом.

– Пускай договорит. Даже в словах сумасшедших порой мелькают искры истины, а эта чужеземка не безумна, во всяком случае, на первый взгляд.

– Благодарю, Руммаль-шодан, что позволил молодой волшебнице, лишь начавшей постигать истинное мастерство, закончить речь, – сказала Фергия совершенно спокойно, хотя, по-моему, ей хотелось огреть старика чем-нибудь тяжелым.

Тарбан такой величины точно выдержит, череп не пострадает... Жаль, за нападение на придворного чародея и убить могут без суда и следствия. Тот же Даллаль и обязан будет снести Фергии голову с плеч... Впрочем, он, наверно, замешкается и даст ей возможность сбежать. А я поспособствую, даже если придется превратиться на глазах у изумленной публики. Тьфу ты, словно в романе каком-то...

– Кого же ты увидела? – спросил Руммаль.

– Слепцов, – ответила Фергия. – Ну ладно, вы не вовсе слепы, но не видите ничего дальше собственного носа. В Адмаре столько чудес, а вы даже в джаннаев не верите, хотя живете с ними бок о бок!

Я припомнил, как она говорила мне почти то же самое, и понял, что настоящее представление только начинается. Оставалось только устроиться поудобнее, насколько это вообще возможно, когда сидишь на камне, и наслаждаться спектаклем. И стараться не вспоминать, что мне уготована в нем далеко не последняя роль...

– Верить можно хоть в Великую птицу, которая снесла золотые яйца, а из них вылупилось солнце, звезды и наш мир, – ответил Руммаль. – Никто не запрещает. Вот только доказать это невозможно!

– Или ты хочешь сказать, будто видела джанная? – очень удачно вставил упитанный маг.

– Как тебя сейчас, шодан, – заверила Фергия. – Могу описать!

– В любой сказке предостаточно описаний этих духов, – он презрительно поджал губы. – И как проверить, правду ли ты говоришь? Может, позовешь джанная и покажешь его нам?

– Я так и думала, что кто-нибудь это предложит! Но звать не стану, почтенный шодан, потому что у меня осталось только одно желание, и если я истрочу его на этакую ерунду, сама себе не прощу!

– Желание? – насторожился бронзовокожий маг. – Ты хочешь сказать, в том оазисе все-таки...

– Обитал джаннай, как и твердила молва, – улыбнулась Фергия. – С ним непросто было сладить, но я жива, как видишь, а Вейриш-шодан и Даллаль-шодан могут свидетельствовать: Проклятый оазис теперь выглядит совсем иначе.

– Это правда, шоданы, – подал голос начальник стражи. Все-таки магов он робел. Не Фергии, нет, именно придворных – ведь они могли серьезно испортить ему не то что карьеру, а и самое жизнь. – Там нет и следа запустения. Фергия-шади починила дом, сад Маддариша вновь дает плоды... там даже есть водопад! Совсем маленький, но...

– Его шелест успокаивает, – подхватила Фергия. – Неужели, почтенные шоданы, мне по силам было сотворить подобное? Я ведь занимаюсь всякими мелочами: ищущие пропавшие ценности, потерянных родственников, украденные письма, которые не должны попасть в чужие руки...

– Но как же ты тогда совлада с джаннаем? – Глаза Руммала вспыхнули.

Кажется, он уже не сомневался в существовании духов, хотя только что отрицал его.

– Наверно, отыскала вещь, с помощью которой можно им управлять... – предсказуемо ответил упитанный маг. – Что это было? Кольцо? Браслет? Медальон?

– Зачем вам знать? Вы же не верите в существование джаннаев, – логично сказала Фергия и полюбовалась связкой браслетов на левой руке.

Побрякушек на ней было не меньше, чем на Флоссии, но они худо-бедно сочетались с одеждой, и на том спасибо.

– Взялась говорить, так говори, – отрезал Руммаль.

– И поживее, не отвлекай многомудрых шоданов от дела, – мрачно добавил Шанналь.

Он был не рад, что ввязался во все это: рассчитывал на помощь, а получил сплошную головную боль. Я его прекрасно понимал, только помочь ничем не мог. Мне, если честно, просто было интересно, как Фергия намерена выкручиваться из сложившейся ситуации.

– Ну хорошо, вы угадали, – сказала она наконец. – Я нашла в развалинах дома... кое-что.

Должно быть, оно принадлежало покойному Маддаришу, потому что стоило мне коснуться этой вещи... не рукой, конечно же, а попытаться исследовать с помощью чар, как явился джаннай, до того ужасный, что я даже не испугалась.

– Как это? – не понял я.

– Если вы видите что-то невыразимо страшное, Вейриш, ваш разум не может это осмыслить, – пояснила она. – Это все равно как пытаться запихнуть верблюда в шлем Даллалю-шодана. Не поместится, а если очень постараться – шлем разломится. А поскольку человеческий разум – штука прочная, то он защищается от таких кошмаров: или делает вид, что их вовсе нет, хозяин что-то напридумывал, а может, померещилось, или отсекает самый страшный страх. Он, может, потом даст о себе знать, но в критический момент нужно действовать, а не бояться!

«Со мной это, кажется, не сработало», – подумал я, вспомнив видение. Впрочем, я ведь никогда не боялся гроз, а значит, не ожидал подвоха именно от этой... Следовало поразмыслить о подобном, только в более спокойной обстановке.

– Некоторые сходят с ума от страха, – сказал Даллаль, задумчиво подкрутив ус. – Я знал таких.

– Да, это те, у которых разум не выдержал и дал трещину, фигурально выражаясь, – кивнула Фергия. – Но об этом мы можем побеседовать позже, Даллаль-шодан, а пока я продолжу. Итак, джаннай, как водится, хотел меня убить, но не смог, потому что я подобрала вещь Маддариша, а тот не использовал последнее желание. Все знают, я надеюсь, что следует за этим?

– Джаннай освобождается? – несмело вставил молодой маг в криво сидящем тарбане. – Но оказавшись на воле, он непременно убьет бывшего хозяина, а потому нельзя использовать больше двух желаний! Можно передавать предмет доверенному человеку, потом назад, и так очень долго... Только джаннай обозлится еще сильнее, и если допустить промашку, погибнут все причастные... и непричастные тоже.

– Вот именно. Одним словом, я стала хозяйкой джанная, и он, пускай нехотя, согласился выполнить мое поручение, а именно: вернуть оазису тот вид, в котором он пребывал при жизни прежнего хозяина. Вышло недурно, – сказала Фергия. Я уж думал, она вынет из кармана сливу и сунет в рот, но нет, удержалась.

– Не сходитесь, шади, – ядовито сказал бронзоволицый маг. – Маддариш погиб, оазис тоже, значит, джаннай обрел свободу.

– Считай, как тебе угодно, шодан, – развела руками Фергия, – но пока у нас есть лишь твое слово против моего. С одним небольшим различием...

– Каким же?

– Ты не можешь доказать, что Маддариш использовал все желания и был убит джаннаем, который улетучился в пустыню и которого по понятным причинам допросить невозможно. Зато я могу продемонстрировать, на что способно существо, в которое ни один из вас не верит! Не верит же, правильно?

Кажется, тот молоденький маг попытался поднять палец, мол, верю, но на него не обратили внимания. Его счастье...

– Нет уж, шади, – быстро произнес Шанналь, – не нужно никаких джаннаев в гавани! Сами галеры уберем, может, не так быстро, но без помощи духов!

– А кому ты передашь джанная, когда он выполнит твое желание? – перебил Руммаль. Глаза у него горели по-прежнему. – Ведь последнее убьет тебя, верно? Значит, нужен преемник...

– Утоплю ту штукювину поглубже в море, – ответила Фергия. – Слишком уж опасно связываться с подобным. Попадет еще не в те руки, беды не оберешься.

– Но джаннай мог бы послужить на благо Адмара, – заикнулся упитанный маг, и она улыбнулась:

– Ты же только что не верил в его существование, шодан, не так ли? Нет уж, дать вам в руки такую вещь – значит уничтожить страну, и вы сами это прекрасно понимаете. Ты-то уж точно, Руммаль-шодан, я права?

Старик помедлил, потом кивнул.

– Передерутся, – пробормотал он, взглянув на своих коллег. – И я... не устою... Но почему ты, чужеземка, хочешь использовать оставшееся желание не ради себя, а ради других?

– Как это – не ради себя? Груз пропадает! – напомнила Фергия. – Только не говори, что я могла бы приказать джаннаю домчать его, куда угодно. Это слишком мелко, если ты понимаешь, о чем я... Зато если все выйдет по-моему, меня будут поминать добрым словом, и в Проклятый оазис пойдут клиенты, а то покамест они боятся. И чего, спрашивается? Дела я беру любые... то есть любые, не связанные с политикой, от этого увольте, это ваше дело, почтенные шоданы! Плата невелика, опять же...

Воцарилось недолгое молчание, и наконец Руммаль нарушил его:

– Ну что ж, попытайся. Но если не справишься – убирайся прочь из Адмара! Поклянись?

– Нет, – нахально ответила Фергия. – Подумаешь – неудача... В другой раз повезет. Но я сказала уже: никогда и ни за что я не полезу в дворцовые дела, если меня о том не попросит сам рашудан!

– А раз такому не бывать... – Руммаль улыбнулся настолько широко, что мне почудилось, будто уши его приподняли тарбан. – Будь по-твоему! Вызывай своего джанна, женщина, и пускай он очистит гавань, а мы полюбуемся.

– Не так быстро, почтенный, – подняла она руку. – Ты же не хочешь насмерть перепугать весь город? Ведь джаннай огромен!

– Если верить сказкам, они могут становиться невидимыми.

– В сказках такого наплетут, сами же говорили... Но даже если они не лгут, подумай: все равно будет видно волны, буруны, поднимающиеся сами собою из морской пучины галеры... Или ты скажешь, что это твоих рук дело, а я вовсе даже ни при чем? – сощурилась Фергия. – Конечно, обмануть чужестранку не стыдно...

Я вспомнил, что говорили в Арастене о ее прадедушке, и решил, что Руммаль Фергии не страшен.

– И что же ты предлагаешь? – нахмурился старый маг, не ответив на обвинение.

– Дождемся ночи, – ожидаемо ответила она.

Глава 4

Недолгое молчание нарушил Руммаль:

– И как же мы разглядим джанна в темноте?

Признаюсь, я думал, Фергия скажет: «А зачем вам его разглядывать?» – но нет.

– Во-первых, ночи здесь светлые, – ответила она, – и на фоне звездного неба прекрасно будет видно огромную тень – я не стану приказывать джаннаю стать невидимым, чтобы вы могли на него полюбоваться. К тому же у него крылья светятся – на одном горит красное пламя, на другом зеленое, а вдоль тела – белое.

– Странный какой-то джаннай... – пробормотал упитанный маг. – Не припоминаю, чтобы в каких-то легендах упоминались крылья... Обычно духи принимают человекоподобный облик.

– Обычно, – подняла палец Фергия, – но не обязательно. Не знаю, где Маддариш нашел именно этого, но он не желает выглядеть похожим на презренного человечешку, как он выражается.

– А если эти огни – просто обман? Их может наколдовать любой из наших учеников, – заметил бронзоволицый маг.

– Тогда считай, что джаннай тут вовсе ни при чем, а это я сама настолько могущественна, что подняла галеры со дна и даже не запыхалась, – логично ответила Фергия. – Какой вариант тебе больше нравится, шодан?

Он поджал губы и промолчал.

– Ну а раз мы ударили по рукам... – Фергия протянула ладонь Руммально, и тот неохотно коснулся ее сморщенными узловатыми пальцами, – то...

Старик неожиданно вздрогнул и застыл. Взгляд его быстрых черных глаз сделался совершенно пустым, а нижняя губа отвисла.

– Руммаль-шодан, что с тобой? – встревоженно спросил упитанный маг.

В ответ старик как-то странно булькнул горлом – на тонкой морщинистой шее дернулся кадык, – и проговорил без всякого выражения:

– Кровь отступника встретится с кровью крылатых. Кровь отступника откроет путь. Кровь крылатого закроет Врата...

– Что это значит? – старательно удивилась Фергия, а сама бросила на меня торжествующий взгляд: наверняка тоже думала о пророчестве!

Раз его повторяет и дед Уммалю, причем в тех же обстоятельствах, что и внук – при встрече со мной и Фергией одновременно, – то... Впрочем, это мы обсудим позже, не при всех же!

– Не знаю, шади... – Упитанный маг осторожно тронул Руммалю за плечо, тот вздрогнул и огляделся.

– Что застыли? – недовольно спросил он и перевел взгляд на Фергию. – А ты, чужеземка...

Уговор есть уговор. Мы вернемся на закате и будем ждать. И если ты не выполнишь обещания или твой джаннай натворит бед, тебе придется ответить по всей строгости закона великого Адмара!

– Так я не местная, а в Арастене другие законы, – не смогла она удержаться. – Меня, случись что, должна судить Коллегия магов.

– Мы обойдемся своими силами, – пообещал Руммаль и недобро улыбнулся. – А теперь отойди с дороги. Солнце уже высоко, и всем нам давно пора быть во дворце...

Он прошептал мимо нас, опираясь на руку ученика, остальные маги потянулись следом.

– Шодан, – негромко обратилась Фергия к бронзоволицему, – о чем все-таки говорил Руммаль-шодан? Что это за кровь такая? Это ваша адмарская пословица, какой-то ритуал для скрепления сделки? Он сказал что-то о Вратах, а вон они... – она кивнула на скалы. – А может, он меня проклял? Хотя я вроде бы ничего такого не ощущаю. Во всяком случае, пока.

– Не имею представления, – ответил тот, покосился на удаляющегося Руммалю и, тоже понизив голос, добавил: – Величайший из магов рашудана уже стар, и пускай силен по-прежнему, но...

– О, ну конечно... Имеешь в виду, в таком возрасте в голове случаются всякие... хм-м-м... завихрения? – Она выразительно покрутила пальцем у виска.

– Это твои слова, не мои.

– Но раньше с ним такого не приключалось?

– Не припоминаю, – подумав, ответил маг и уставился на старшего коллегу совсем иным взглядом, не подобострастным, а, я бы сказал, хищным. – Ты, шади, если передумаешь топить местилище духа в море...

Он сделал выразительную паузу, покровительственно улыбнулся и удалился, не проронив более ни слова. Впрочем, истолковать его гримасы было несложно: маг явно намекал Фергии, что мог бы стать ее союзником при дворе в обмен на джаннаю. Два желания – это не так уж мало!

Учитывая то, что Руммаль совсем одряхлел и, похоже, сдал, раз несет какую-то околесицу и сам этого не замечает, можно использовать эти желания с большой для себя выгодой, – так думал его более молодой соперник, уверен.

– Что ж, – сказала Фергия, когда маги удалились на порядочное расстояние, – до заката не так уж много времени, а нужно еще подготовиться... Джаннаю существо волшебное, логика у него нечеловеческая, и именно поэтому ему придется в деталях объяснить, как нужно действовать. Не то с него станется взять и выбросить галеры на пристань! А я обещала Шанналю-шодану не учинять никаких разрушений в порту.

– Да уж, будь любезна, прикажи своему слуге не крушить ничего вокруг, – мрачно ответил тот.

– Тогда позволь взглянуть поближе на то место, где лежат затонувшие корабли, – попросила она. – Можешь дать мне лодку, сама доберусь. Хочу получше рассмотреть, как они там раскорячились... И еще скажи, куда их нужно вытащить и как расположить. Джаннаю может поднять галеры аккуратно, как человек достает из корыта игрушечные кораблики, только возьмет да водрузит вон на ту скалу, и как потом их оттуда снимать?

Шанналь оценил высоту скалы – это был левый столп Врат – и явственно содрогнулся.

– Идем под крышу, шади, – сказал он. – Увидишь карту получше твоей. То есть, я хочу сказать, твоя хороша, только ведь ты сама признала – глубины проставлены неточно, не все рифы

обозначены... А потом прикажу подать лодку, сам покажу тебе и место затопления, и отмель, на которую лучше всего вынести эти несчастные галеры.

У Даллала, клянусь, усы чуть дыбом не встали от негодования! Увы, у него не было ни малейшего повода попроситься с Фергией... как и у меня.

Она тоже заметила возмущение славного вояки, потому что улыбнулась и сказала:

– Когда я закончу с этим делом, Даллаль-шодан, почему бы тебе не навестить меня в оазисе?

Увидишь воочию волшебный сад, а еще я обещала поговорить с тобой о людях, лишившихся от страха рассудка. Это весьма интересно! А главное, некоторых можно вылечить, представляешь? Или, что намного лучше, научить человека защищать свой разум, чтобы при встрече с чем-то невероятным или ужасным, или невероятно ужасным он сумел сохранить самообладание. Не сомневаюсь, это пригодится воинам, верно я говорю?

– Ты права, Фергия-шади, – приободрился он и посмотрел на Шанналя с превосходством. – Те, о ком я упоминал, испугались всего лишь при виде мархайской атаки – враги шли длинной цепью, а надо сказать, что в бой они одеваются как можно ярче, раскрашивают лица, чтобы походить на злых духов, надевают странные головные уборы... Своих коней и верблюдов тоже разрисовывают и обвешивают бубенцами, лентами, перьями и всевозможными амулетами, даже черепами врагов... А уж их боевые кличи! Даже опытные воины порой цепенеют от неожиданности, что уж говорить о юнцах?

– Какая благодатная тема для беседы! – воскликнула Фергия. – Только продолжим ее в другое время и в другом месте, Даллаль-шодан. Тебя ведь, наверно, ждут дела?

Прошались они еще долго... Я имею в виду, отправить Даллала выполнять его непосредственные обязанности начальника городской стражи – а забот на улицах наверняка хватало! – удалось не с первой попытки. По-моему, даже Шанналь выдохнул с облегчением, когда тот отправился восвояси...

– Приступим же наконец к делу! – воскликнул он, и Фергия яростно закивала:

– Понимаю, что в Адмаре иные нравы, шодан, но порой так хочется забыть о вежливости и начать действовать поскорее!

– О да, – с чувством произнес Шанналь и посмотрел на меня. – Вейриш-шодан, а тебя не ждут дома?

– Вейриш-шодан поплывет с нами, – не дала мне Фергия и рта раскрыть. – Он, представь себе, не первый год пишет книгу об удивительных событиях в Адмаре. Не то чтобы последние десять лет были богаты такими событиями, вот Вейриш-шодан и хватается за любую возможность пополнить свое сочинение... А что может быть поразительнее этой бури? Нашей безумной затее? И тем более настоящего джанна?

– Хм... – Начальник порта посмотрел на меня с подозрением, но смолчал.

Ну спасибо, Фергия, удружила! Теперь новость о том, что я еще и сочинитель, разойдется по всему Адмару, и что прикажете делать? В самом деле братья за перо? У меня легкий слог, я обучен всему, что полагается знать образованному человеку, но писать-то о чем? Не припоминаю ничего такого невероятного в последние годы, это она верно сказала... К тому же я провел их будто во сне!

Но что, если рассказать удивительную историю Мадри-Маддариша и влюбленной джаннай?

Грустную повесть о племяннике торговца Оталя, обманутом корыстным чародеем?

Тут я вспомнил, что меня покуда никто не просил предъявить рукопись, и успокоился. Иные писатели, я слышал, годами вынашивают замысел, прежде чем излить его на бумагу, так что на любые вопросы я всегда могу сказать, что у меня есть лишь черновые заметки, а за написание труда всей своей жизни я сяду ближе к старости. Мне еще и понараскажут всяких небылиц, вдруг пригодится?

В крайнем случае, можно привлечь поэта Чайку и старого Хаксюта. У первого хорошо подвешен язык и полным-полно историй в запасе, пускай и не таких вот... масштабных, а второй грамотен, начитан и умеет выражать мысли на письме. И вряд ли удивится кое-чему: сам ведь попробовал запретные искусства, чудом уцелел...

Задумавшись об этом, я как-то упустил момент, в который Шанналь с Фергией перестали рассматривать карты – волшебная, исправленная согласно лощманским, перекечевала на стену, – и слугу отправили за лодкой.

Мы вышли следом, и я глубоко вдохнул соленый морской ветер – в обители Шанналя было душно. Подумал: нужно непременно спросить Аю, можно ли мне сегодня в небо, не маячит ли за спиной проклятая тень... или тень проклятия, как лучше назвать?

– Вейриш, не засыпайте на ходу. – Фергия похлопала меня по плечу и, пользуясь тем, что Шанналь отвлекся, отдавая помощникам распоряжения на время своего отсутствия, наклонилась поближе и шепнула: – Смотрите внимательно, вам туда нырять. И не с лодки, с берега. Со стороны моря.

– Почему это?

– Потому что на дело я пойду одна, то есть с джаннаем. А он должен будет торжественно подняться из глубин, когда я прикажу, ну и корабли вытаскать. Так что на них и глядите – как удобнее подцепить и все в этом роде. Я помогу, чем смогу, но, – она развела руками, – на такие силовые упражнения меня вряд ли хватит. А если вы будете возиться слишком долго, эффект от нашей операции будет совсем не тот.

– Может, все-таки попросим Лалиру помочь? – тоскливо спросил я.

– Нет уж. Вы это придумали, вам и галеры таскать. Разминка вам не повредит.

Фергия бесцеремонно потыкала меня пальцем в живот, и я невольно его втянул. Наверно, если Данналя так ткнуть – палец сломаешь! Хотя бы потому, что под кафтаном на нем кольчуга, и это в такую-то жару...

– Вы порядочно обленились, Вейриш, и сами это знаете. Разве таким должен быть дра...

– Да тише вы! – прошипел я.

– Шанналь не услышит, забыли? Словом, смотрите в оба. А я подумаю, откуда вам лучше начинать заплыв.

– А пламя на крыльях? На кой вы его придумали?

– Иначе вас на фоне темной воды поди различи, а так в глубине будут таинственно светиться цветные огни.

– Цветные-то почему?

– А как мне иначе понять, где у вас правое крыло, где левое, а где хребет? – вздохнула Фергия, явно сетуя на мою непонятливость. – Так вот решу помочь и из лучших побуждений уроню на вас мачту. Вряд ли вам это сильно повредит, но все равно приятного мало, верно?

Я вынужден был согласиться.

– Идите, Шанналь зовет, – взглянула она мне через плечо. – Некогда мешкать. Перед ночной работой нужно подкрепиться и отдохнуть, как вы на это смотрите?

– Исключительно положительно, – усмехнулся я. – Мне так и так нужно заехать домой, а то, мало ли... Если что, вам все-таки придется идти на поклон к Лалире.

– О... Само собой, – сообразила Фергия. – Ну, тогда и я с вами поеду. Ваша Фиридис замечательно готовит, а этот бездельник Ургуш наверняка поленился что-нибудь состряпать. То есть я и всухомятку могу перекусить, но если имеется выбор, зачем делать его в пользу худшего варианта?

Мне выбора не оставили, как я и предполагал... Впрочем, нам ведь еще предстояло обсудить план действий, а этим лучше заниматься на своей территории.

* * *

– Итак, – сказала Фергия, когда мы воздали должное стряпне Фиридис, – начнем с того, без чего наш план придется перекраивать на ходу. Скажи, Аю, Вейришу сегодня можно подниматься в небо? Вернее, окунаться в море?

– Аю не видит, – отозвалась моя супруга. Она, услышав о нашей затее, только вздохнула и приказала подавать на стол.

– Не видишь опасности?

– Аю совсем ничего не видит, – был ответ.

Я опешил. Как так? Ашшу всегда различают хоть что-то, пусть даже самое ближайшее будущее!

– Не понимаю, – произнесла Фергия и принялась ожесточенно тереть переносицу указательным пальцем. Скоро у нее там мозоль образуется, будет смотреться, как нарисованное пятнышко у народа махаани. – Как это – совсем ничего? Или ты имеешь в виду – ничего, связанного с Вейришем?

Аю кивнула. Выражение лица у нее было, мягко говоря, нерадостным.

– Кто-то все испортил, – сказала она наконец. – Будущее, оно... словно нарисовано на песке. Ветер все время меняет барханы, и рисунок меняется тоже. Но это правильно, так и должно быть. А теперь песок пустой, голый. Старые рисунки смыло дождем, а новых еще нет. Аю не знает, когда появятся. Аю ничего не может сказать...

Она прислонилась лбом к моему плечу, и я крепко обнял ее. Наверно, для видящей утратить способность прозревать хотя бы на день вперед – все равно, что для меня – внезапно ослепнуть.

– Смело, говоришь... – задумчиво произнесла Фергия, не отвлекаясь, впрочем, от еды. – Уж не этой ли странной бурей?

– Аю не знает.

– Но выглядит логично. Что скажете, Вейриш?

– А что я могу сказать? Перепугался насмерть, когда увидел тучу, заперся в доме и не высовывался, пока не показалось солнце, – мрачно ответил я.

– Она так походила на ваше видение?

– Да. Более чем.

– Но вы сказали, вас тянуло вылететь в эту грозу, – напомнила Фергия.

– Я же не поддался искушению. Пока не выжил из ума, знаете ли. Пойдите, – сообразил я, – не хотите же вы сказать, что кто-то охотится за мной посредством этих вот туч? И он вдобавок знает, что у меня есть Аю, которая не выпустит меня в опасное время, а потому колдовской дождь смыл все... не знаю, как назвать... Дорожки, ведущие в будущее?

– Это ваши слова, не мои, – ответила Фергия адмарским присловьем.

– Но кому и зачем я понадобился?

– Понятия не имею. Но мы это выясним рано или поздно, потому что первая часть пророчества уже сбылась, – напомнила она. – Кровь отступника встретилась с кровью крылатого. Вот понять бы еще, почему именно вы и я? Я – вроде бы потомок сестры-близнеца Ирдаля-отступника, но вы... Нет, определенно, нужно покопаться в вашей родословной! Может, этот Ирдадь имел дело с каким-то из ваших предков?

– Все возможно... Но и правда: почему ему не подошли ваша матушка и дядя Гарреш? Или она и я?

– Потому что этому пророчеству настала пора исполниться, – произнесла вдруг Аю и отстранилась, а в ответ на мой недоуменный взгляд пояснила: – Никто не может управлять пророчествами. Их произносят, а потом они растут и зреют...

– Угу, а затем валяются на голову тем, кто о них знать не знал, как орех с пальмы, – буркнул я.

– Если дядя и аяйка не подошли, пускай они нужной крови, значит, было не то время, – добавила Аю. – Или место не то. Слова были сказаны в Адмаре, поэтому...

– Хоть удирай поскорее куда-нибудь на Западный архипелаг!

– Не поможет, – гладнокровно произнесла Фергия. – Сказано же вам: оно уже исполняется. Не сбежите, как ни старайтесь, где угодно достанет. Лучше уж остаться на месте и постараться выяснить как можно больше о том, с чем нам, собственно, предстоит иметь дело. Вы так не считаете?

Я кивнул, вслух же сказал:

– Для начала нужно покончить с вашей авантюрой.

– Нашей, – подняла руку Фергия. – Это вы предложили идею, не забыли?

– Забудешь тут! Но я...

– Бойтесь, да? – прямо спросила она, посмотрев мне в глаза, и я честно ответил:

– Боюсь.

Как я мог описать это? Только Аю понимала меня без слов, Фергии же требовались четкие формулировки, а я не находил слов.

– Что, если вы нырнете, а опасность поджидает на дне? – предположила она. – Не чудовище какое-нибудь, не грозная туча, как в вашем видении, а... не знаю, судорога или неожиданно повернувшийся камень? Карты картами, но мало ли, что и откуда могло свалиться после бури, какой камень прикатили волны? Вы не сможете вынырнуть, будете беспомощно бить лапами по воде, как в видении – крыльями по воздуху, но ничего у вас не выйдет. Станет невозможно дышать, потом вы хлебнете воды, и...

Фергия выразительно развела руками, а я кивнул:

– Да, именно так.

– Вейриш, – сказала она после долгой паузы. – Случись что, я вас вытащу, ясно? Приходилось нырять за утопающими. Главное, в человека превратитесь, а остальное – ерунда.

Я не нашелся с ответом, хотя мог бы уточнить, что она станет делать с подводным чудовищем, случись такое поблизости и реши уволочь меня на дно. Зато Аю встряла:

– Фергия говорит правильно: дракона она не вытащит, а человека сможет. Пусть Эйш не забудет превратиться, если вдруг...

Она не договорила, но я и так понял и почему-то обозлился.

– Может, прекратите обсуждать меня, словно несмышленного ребенка? Или вовсе какую-то безмозглую зверюшку! Вам не приходит в голову, что я сам способен принять решение и...

– И понести за него ответственность? – подсказала Фергия. – Вот это слова мужчины! Верно, Аю?

«Спелись!» – только и смог я подумать, когда та кивнула.

– В таком случае принимайте решение поживее, Вейриш, – добавила Фергия, – потому что если вы вознамеритесь остаться дома, мне нужно будет еще добраться к себе и договориться с Лалирой, чтобы посодействовала. А это, как вы понимаете, дело не слишком быстрое и требующее сосредоточения. Времени же до заката остается все меньше...

– Я это придумал, – сказал я, – и должен довести дело до конца, каким бы он ни оказался. Поэтому доешьте уже, наконец, и излагайте свои соображения – откуда мне нужно нырять, куда тащить эти галеры и, главное, каким образом эффектно исчезнуть?

– О, а я думала, вы никогда об этом не спросите! – обрадовалась Фергия. – Вы можете взлететь с воды?

– Нет, я же не гусь какой-нибудь, разбег взять не смогу. Только с мелководья, где достану до дна. Тоже непросто, но я постараюсь не плюхнуться в воду на потеху чародеям рашудана.

– Жаль, попробовать некогда... – протянула она, разворачивая карту, – да еще день на дворе. Ну, надеюсь, вы не переоцениваете свои возможности, и вот отсюда сумеете подняться в воздух...

Она указала место на карте.

– Может, лучше с отмели, на которую я должен вытащить галеры?

– Нет, там слишком хороший обзор для сторонних наблюдателей. В крайнем случае, можно и оттуда, конечно, но это местечко лучше. Берег изгибается, а еще там достаточно ровное, плавно повышающееся дно. И вот эта скала – помните, красная с белыми разводами? – прикроет вас от чужих глаз.

– Они же меня и так увидят – это пламя на крыльях, да и вообще... они же маги!

– Я постараюсь вас замаскировать, но все равно лучше перестраховаться, – ответила она. – Поэтому...

– Если не выйдет взлететь оттуда, то я заберусь на риф, – нашел я подходящую скалу, – он почти целиком скрыт под водой, если я правильно разобрал ваши пометки, но мне без разницы, было бы, от чего оттолкнуться посильнее!

– Отлично, Вейриш! Но если вдруг не сможете, то превратитесь обратно в человека и доплывете до берега, – кивнула Фергия. – Либо в лодку заберетесь, а я вас какой-нибудь ветошью накрою. Кто будет проверять, что там под скамьей?

– Скажете, наверно, что мне еще нужно устроить спектакль? Дохнуть огнем, воскликнуть «Я свободен!» и раствориться в ночном небе?

– Во-первых, в драконьем облике вы говорить не можете, – приземлила она меня. – Во-вторых, это второе мое желание, поэтому «джаннай» еще не освободился. Не нужно вводить почтенных чародеев в заблуждение на этот счет, они и сами превосходно запутаются.

– Не возьму в толк, зачем вам вообще понадобилось с ними спорить, – буркнул я.

– Это же просто, – неожиданно сказала Аю. – Разве Эйш не понимает?

– Не вполне. Пояснить можешь?

– Аю может, – кивнула она, уселась поудобнее и начала: – В Адмаре много чародеев. Все друг друга знают. Фергию никто не знает. Слышали про оазис, и все. И еще про Иташа, но над его дырявыми коврами только смеются.

– Точно, ведь Оталь о своем деле не распространялся... – хлопнул я себя по лбу. – Погоди, но Фергия уже неплохо знакома с Даллалем и теперь вот Шанналем, а это не последние люди в городе!

– Но они не позовут на помощь чужую волшебницу, – ответила Аю. – Им не положено. Они должны сперва просить своих магов, а если у тех ничего не выйдет, тогда придворных. Вот как Шанналь. А даже если придворные ничего не смогут сделать, все равно нельзя звать Фергию. Если люди узнают, что она сильнее магов рашудана...

– Я не сильнее, – вставила та, лакомясь десертом. – Зато у меня есть выдумка и связи... гм... Пока очень скромные, но я работаю над этим.

– Все равно, – продолжала Аю без улыбки. – Маги рашудана обидятся. Сам рашудан не знает Фергию и будет думать о ней так, как ему доложат. Расскажут, что она сделала дурное, и...

– Явятся арестовывать, – завершила Фергия, проглотив очередной персик. – Добром это не кончится, точно говорю.

– Да, потому что Даллаль будет всячески оттягивать это задание, предупредит вас, вам придется бежать... – кивнул я. – Но если пошлют кого-то другого, да еще с поддержкой магов, то может и сражение случиться, не так ли?

– Именно. Просто так я не сдамся, а учитывая, что у меня под рукой Лалира, Кыж... да и вы, надеюсь, не бросите даму в беде, – нагло сказала Фергия, – выйдет сплошное безобразие.

– Аю не закончила, – напомнила о себе моя жена, и мы обратились в слух. – Никто из слуг рашудана не придет к Фергии. Поэтому Фергия сама пришла к ним. Теперь они будут знать, что она сильная чародейка, но не любит придворные дела. Правильно?

– Абсолютно! – воскликнула Фергия. – А заодно я примерно поняла расклад сил в этой теплой дружной компании.

– И попытались внести разлад в этот расклад, не так ли? – кивнул я. – Ради ручного джанна они на многое готовы. И никто не поверит, будто вы и впрямь утопили управляющий предмет в море.

– Пускай не верят. Отбирать силой не рискнут: ведь последним своим желанием я вполне могу сделать разрушение Адмара или что-нибудь похуже, пускай даже сама погибну при этом, – улыбнулась она. – Сегодня ночью они убедятся в том, что джаннай действительно существует, а значит, поостерегутся соваться ко мне напрямую. Вот ограбить попытаются почти наверняка, но у меня есть Кыж. Говорила же – пригодится оазис сторожить!

Я представил вора, рискнувшего пробраться во владения Фергии и наткнувшегося на это чудовищное порождение мира духов, и невольно пожалел бедолагу. Впрочем, еще не каждый согласится воровать что-то у колдуньи, даже и за большие деньги.

– Кроме того, мы получили подтверждение тому, что пророчество существует, – добавила Фергия. – Жаль, про этих Ирдаля с Ирдаллой пока ничего не нашлось.

– Вы ведь написали... – я кивнул в сторону севера.

– Так буря же! Птицу на такое расстояние не отправишь, если это не штормвестник, но где я его поймаю? По-моему, они тут вообще не водятся... Письмо странствует круглым путем, я ведь говорила, и в Арастен попадет еще не скоро. Да и ответа придется ждать и ждать... – вздохнула она. – Поэтому будем искать здесь. Даже если имя отступника предали забвению, какие-то следы должны сохраниться. Но этим, Вейриш, мы займемся немного позже, а пока нужно разобраться с нашей маленькой затонувшей проблемой... Вы отдохните до вечера, а я съезжу к рыбакам.

– Зачем?

– Та лодка мне пришлась по душе, ее и попрошу. А то в порту наверняка навешают на борта всяких заклинаний, счищай их, как ракушки наросшие, а у меня и без того хлопот полон рот... Нет, нам потребуется две лодки! Должен же кто-то доставить вас к дальнему мысу, откуда вам предстоит нырять?

– Фергия, – едва сумел я вклиниться в поток слов. – А что, если галеры развалятся, когда я начну их растаскивать? Они ведь тяжелые, корпус может не выдержать!

– Выдержит, – уверенно ответила она. – Я, пока Шанналь описывал местные красоты, бросала в воду камушки с привязанными ниточками, не обратили внимания?

– Да, но подумал – это вы так глубину измеряете.

– Почти, – улыбнулась Фергия. – Я целилась в галеры, а на камушках были заклятия. Когда вы возьметесь за корпус, они активируются и... Короче, не позволят этим несчастным посудинам развалиться. Надеюсь, хотя бы половина моих снарядов достигла цели, и все сработает, как надо, но вы все-таки будьте поосторожнее, не то испортите все представление!

– Эйш постарается, – вместо меня ответила Аю и улыбнулась.

Глава 5

Обычно закат в это время года несказанно хорош, но сегодня он показался мне тревожным. Заходящее солнце бросало на воду кровавые отблески, и хмурый старый рыбак, который вез меня к дальнему мысу, сказал:

– Не к добру.

– Что? – вздрогнул я.

– Небо такое не к добру, шодан, – ответил он. – Видишь, какие хвосты протянулись? Не иначе, какой-нибудь джаннай прогуливается поблизости, замышляет пакость. Лишь бы не такую же бурю!

Я напряг память, но хвоста у Лалиры вспомнить не смог. Впрочем, это явно было что-то из местного фольклора.

– Думаешь, это дело рук какого-то злого духа?

– Да уж не человека, шодан. Кто-то чем-то прогневал джанная, вот он и махнул хвостом.

Хорошо, едва мазнул по Адмару, а то осталось бы от всех нас мокрое место, – без тени улыбки сказал рыбак, мерно работая веслами.

– Только не говори, будто это Фергия-шади виновата! – сорвалось у меня.

– Что? Нет, шодан, не она, – уверенно ответил он. – От нее джаннай сбежит, отбросив хвост, как ящерица, когда колдунья в него вцепится! Но она, если захочет, догонит, оседлает и прищпорит, верно тебе говорю...

Я не мог отрицать: у меня сложился схожий образ Фергии. Более того, я видел ее в деле, а отрицать очевидное очень сложно.

– Кто же мог прогневить духа? – задал я вопрос. – Неужели маги рашудана?

– Да поди пойми, шодан, – пожал рыбак могучими плечами и развернул лодку одним движением весла. – Зачем болтать попусту? Вот место, о котором сказала Фергия-шади. Иди, и да сопутствует тебе удача!

– Благодарю, – ответил я, выпрыгнув на камни, и хотел дать ему монету, но лодка уже была далеко.

Я не слышал ни скрипа уключин, ни плеска воды: то ли рыбак на редкость умело греб, то ли над его лодкой поработала Фергия. Я ставил на второе.

Что ж... Еще немного, и солнце совсем скроется, а тогда можно будет приступать. Фергия сказала – я услышу сигнал к началу действия...

И я услышал. Это был все тот же кошмарный вой... я имею в виду, пение. Невероятные диссонансы резали слух, высокие пронзительные ноты вколачивались в виски, а неестественно низкие гудели в основании черепа, но все равно можно было уловить мелодию – очень странную, нездешнюю, а еще мне чудился ритм, словно отбиваемый на большом барабанае, тоже чужой, здесь таких и не знают... Ан нет, мне не почудилось: Фергия явно была во что-то металлическое. С нее стало бы взять любимый медный таз Фиридиз...

А потом море вспыхнуло мертвенно-синим пламенем, мерцающим в такт глухим ударам, и в этом свете я сумел разглядеть очертания подводных скал. Не иначе Фергия устроила такое нарочно для меня: поди рассмотри клятые галеры на дне темного моря... Ночное зрение у меня неплохое, я говорил, но одно дело – смотреть вдаль высоко из поднебесья, когда внизу светятся города и поселки, а песок и волны мерцают под луной и звездами, и совсем другое – нырять в непроглядную черноту.

Пора было нырять, но я медлил. Наверно, потому, что таинственно сияющая густо-синяя морская гладь напоминала мне блистающую молниями грозовую тучу.

От следующего вопля Фергии и пары особенно громких ударов я содрогнулся: это уже был призыв к действию, и мешкать не годилось. Я обозвал себя трусом, скинул одежду и с головой окунулся в теплые волны.

Признаюсь, мне никогда еще не приходилось превращаться под водой, и это было...

своеобразно. Наверно, фонтан выметнуло такой, что видно было со всех концов гавани... А как иначе? Я все-таки очень крупный...

Я взглянул по сторонам – на крыльях мерцали цветные огни, как и было обещано, – высунул голову на поверхность и нашел взглядом Фергию. Она стояла в лодке, не обращая внимания на разгулявшуюся от моего появления волну, а когда заметила меня, едва заметно помахала рукой и указала вниз.

Набрав воздуха, я прижал крылья к бокам, чтобы не мешали, и нырнул к галерам. Вот они... Не такие уж большие, с меня размером. Мачты все равно поломаны – долой их, это восполнимые потери, а запутаться в снастях мне не улыбалось...

Сдвинуть с места верхнюю удалось не с первой попытки – я дважды поднимался на поверхность, чтобы вдохнуть, – но наконец она поддалась. Я едва не упустил ее на дно, но все-таки удержал, прижал к груди, как любимую жену, и повлек на мелководье. Со второй тоже не задалось: очень уж она неудачно расклинилась меж камней. Мешкать не стоило, и я просто снес хвостом одну скалу... Надеюсь, Шанналь и лоцманы не слишком расстроятся, обнаружив, что рельеф дна несколько изменился.

Когда я вытолкнул второе судно на отмель, то понял, что едва дышу. Все-таки давно мне не приходилось прилагать подобных усилий... что там, вообще никогда не приходилось!

Но нужно еще было убраться прочь, и я снова нырнул, чтобы подобраться к тому самому положому берегу, оттолкнуться и взмыть в небо.

Боюсь, вышло не слишком красиво: взлететь-то я взлетел, но чиркнул левым крылом по камням, снеся еще какую-то скалу, едва не потерял высоту (во всяком случае, очень неловко нырнул в воздухе), но выправился. И не удержался – хрипло взревел и дохнул огнем так, что видно, наверно, было издалека... По версии Фергии, джаннай не освободился, но может, подобным образом он выражал свое неудовольствие?

Я взял курс на свое поместье – огни на крыльях погасли, никто бы теперь не рассмотрел меня в темноте, – но понял вдруг, что...

Не долечу.

Прямо передо мной поднималась из моря грозовая туча, та самая, непреодолимая... Ей неоткуда было взяться, ни малейшее дуновение ветерка не предвещало повторения недавней бури, море внизу дышало спокойствием, но... Она оказалась совсем рядом и не пускала меня к дому, да что там – просто к берегу!

Я вломился в нее на полном ходу, но завяз, словно муха в меду, каждый взмах крыльев давался невыносимо тяжело, а еще эти молнии – уворачиваться от них становилось все тяжелее...

«Вы, главное, в человека превратитесь», – услышал я голос Фергии и ринулся вниз, чудом уклонившись от очередного сверкающего копыя.

Может, когда я человек, эта тварь – я не сомневался, что туча кем-то порождена, более того, она разумна! – меня не замечает? Ну хотя бы упустит из виду ненадолго – что такое маленький человечек по сравнению с драконом? И я смогу добраться до берега и дожидаться там помощи... Фергия обещала меня выловить, случись что, вот только она еще в гавани, и...

О воду я ударился так, что из меня дух вышибло. Может, и к лучшему: от такой встряски я пришел в себя и даже сумел не нахлебаться воды. Потом определил, где верх, где низ, смог выплыть на поверхность, огляделся и понял, что до берега мне еще грести и грести... Это бы ничего, плаваю я хорошо, вот только туча бродила где-то рядом. Что, если она почует меня и в таком облике? Человеку нужно куда меньше, чем дракону, – захлестнет волной, ударит о скалу, и готово.

Рядом что-то всплеснуло, и я с головой ушел под воду – поди знай, кого тут носит...

– Эй, шодан, – услышал я негромкий голос, когда высунулся глотнуть воздуха, и протянутое весло едва не съездило меня по голове. – Забирайся в лодку. Надо уходить отсюда, да поживее. Это был тот самый рыбак, что привез меня на мыс, и я не заставил себя упрашивать.

– Откуда ты тут взялся? – выговорил я, отдышавшись, а он, оставив на минуту весла, подал мне мою одежду. – Благодарю...

– Ну так ведь из гавани всех выгнали, – пояснил он, – мы и решили, хоть издали посмотрим, как джаннай станет корабли поднимать. Все равно на лов скоро выходить.

Я огляделся и увидел один тусклый огонек, другой – это были рыбацкие лодки, разбросанные вдоль всего берега. Откуда они узнали-то? Впрочем, я догадывался: Фергия сказала, когда ездила одалживать лодку и нанимать этого человека.

– Увидели? – только и удалось мне спросить.

– Нет, за скалами не разглядишь. Видели только, как море светилось колдовскими огнями, а потом – как джаннай улетал, очень недовольный, не понравилось ему, наверно, такое купание, – ухмыльнулся рыбак. – На вот, выпей, шодан. С непривычки даже в теплой воде долго быть – озябнешь.

«Фергия меня убьет, – подумал я и хлебнул из фляжки. Огненное пойло обожгло горло, и меня перестало знобить. – Если они проболтаются... Впрочем, если бы она опасалась этого, не сказала бы им, что затевается ночью в гавани!»

– Почему ты упал, шодан? – спросил вдруг рыбак. – Неужели настолько слаб, что крылья не вынеси?

– О чем ты?..

– Ты высоко взлетел, я видел, – невозмутимо пояснил он. – А потом – словно муха попала в паутину. Только я не знаю, что это за паутина такая, чтобы могла удержать крылатого.

– И я не знаю... – пробормотал я и глотнул еще. Мне даже не хотелось думать, откуда этот старик знает, кто я такой, скажет ли кому-то об этом. Какая разница? – На мне проклятие. Ты сам сказал – сегодняшний закат был не к добру. Вот я и... не смог добраться до берега. Не я один. Наверно, мне единственному повезло уцелеть, но если бы не ты, я мог бы и не выплыть...

– Да ну, шодан, – невозмутимо сказал рыбак, – кругом полным-полно лодок. Кто-нибудь непременно бы тебя заметил.

Он порывлся под скамьей, вытянул оттуда старое одеяло и набросил мне на плечи: невзирая на огненное пойло, меня все еще донимала мелкая дрожь.

– Зачем полез, если проклятие? – спросил он. – С ними не шутят.

– Чам знаю... Надеяться, обойдется. Берег рядом, что могло случиться?

– А что все-таки случилось, шодан? Ты будто о невидимую стену ударился! Или, правда, как я сказал, о громадную паутину, твердую, из толстых канатов.

«Одной из покойных составлял компанию сын, – вспомнил я слова дяди Гарреша, – и он видел, как это было, своими глазами. Он говорит, мать его словно ударилась о невидимую преграду, и крылья перестали слушаться ее. Она пыталась обогнуть препятствие, но ничего не вышло...»

Вот только я прекрасно видел, что передо мной! Может, и та погибшая тоже что-то различала? Грозовую тучу или несокрушимую скалу, вздымающуюся выше облаков? Или гигантский вихрь вроде тех, что бродят далеко в пустыне и могут умчаты даже сильного взрослого дракона?

– Я видел бурю, – ответил я, – которую не мог миновать.

– Но небо ясное, шодан. Если какой-то джаннай и махнул хвостом, то далеко – до нас и ветерка не долетело.

– Знаю. Знаю... – Я взялся за голову. – Никто не видит ее, но... Она губит. Я очень долго уносил крылья от этой бури, но рано или поздно она меня настигнет. Сегодня вот почти догнала...

– Ты бы сходил к Данна Аре, шодан, – сказал рыбак. – Если кто и смыслит в проклятиях, так это она.

– Данна... – Я осекся.

Даньяра-ведунья! Неужели это она?

– А где ее отыскать?

– Отвезу, – коротко ответил он. – Только чужеземную колдунью с собой не бери. У нее язык больно уж длинный, а Данна Ара не любит болтунов. Завяжет язык узлом, как та колдовать станет?

Я мог бы сказать, что Фергию не удержишь даже такой угрозой, но смолчал. Спросил совсем о другом:

– Выходит, ты знаешь, кто я?

– Многие знают, – был ответ.

– Почему же молчат?

– К чему болтать попусту?

– Но слухи-то все равно ходят, верно?

– А как же... – хмыкнул рыбак. – Ты думал, тебя никто не видит, шодан? Только ты забыл, что мы выходим на лов до рассвета, а ты любишь купаться в утренних облаках. Раньше любил. У нас считалось хорошей приметой увидеть тебя на заре.

– Вот как... – выговорил я. – Но это было давно...

– Я застал те дни, и мой сын тоже. Внук уже не видел, а жаль. Так вот с утра посмотришь в небо, потом душа радуется. Почему ты перестал летать, шодан?

– Так проклятие же... То есть... – Я поддернул сползающее одеяло. – Я не знал, что это оно. Теперь вот уверился. Жена меня уберегла, говорила, когда можно в небо, когда опасно...

– Вон оно что, – обронил он. – Но долго у жены под покрывалом не усидишь, так?

– Выходит, так, – согласился я, хотя мне сделалось обидно и за себя, и за Аю. – А куда ты правишь?

– К нам в поселок. Шади сказала, приедет туда, когда поговорит с чародеями рашудана. И как не приехать – ее лошадь у нас осталась... проклятое отродье ослицы и джанная!

Я не выдержал и засмеялся: нельзя было точнее назвать Даджи, полудикую бардазинскую кобылу!

К тому времени, как мы добрались до поселка, я успел согреться, успокоиться и худо-бедно обдумать случившееся.

– Послушай, – окликнул я рыбака. Чтоб мне провалиться, я до сих пор не знал его имени! Нужно учиться у Фергии: она как-то ухитряется запоминать совершенно посторонних людей, не то что помощников. – А далеко ли отсюда до жилища Данна Ары?

– Не дальше, чем до поселка, – ответил он.

– Так может, свезешь меня туда? Фергия-шади еще не скоро появится, уверен, а я тем временем поговорил бы с почтенной женщиной, если она, конечно, согласится принять в своем доме незнакомца...

Он заколебался, и я добавил:

– Я заплачу за беспокойство. И за ту рыбу, которую ты сегодня не выловишь. Правда, денег с собой не брал, но... займу у Фергии, даст уж, наверно.

– Как хочешь, шодан, – согласился рыбак и снова двинул веслом. Лодка немного изменила курс. – Может, ты и прав. Данна Ара говорит: заклятие виднее всего сразу после того, как его наложили или использовали. Ты побывал в этой невидимой паутине, значит, на тебе должен остаться след. Так она вернее увидит, что с тобой такое.

– Только мне с ней расплатиться нечем, – невольно произнес я. – Говорю же, денег при себе нет.

– Данна Ара золота не берет, – сказал он, ухмыльнулся и добавил: – Или возьмет после. Неужто ты позабудешь оплатить долг, шодан?

– Конечно, не забуду... И назови, прошу, свое имя, а то мы уже который раз видимся, а я так и не знаю, кого мне благодарить!

– Гарр Дис, – ответил рыбак. – Можно просто Гарр. А тебя как зовут, шодан?

– Вейриш, – ответил я не без растерянности.

– Вот и познакомились и даже выпили за знакомство, – сказал он. – Погоди немного, Вейриш-шодан, скоро прибудем к ведунье. Она наверняка не спит: ей да не почуять, что творится в гавани!

– Надеюсь, она не прогонит меня поганой метлой...

– Она никогда никого не выгоняет. Из тех, кто сумел ее найти, конечно. Хотя эту вот северную колдунью точно выставит, – добавил Гарр, помолчал и добавил: – Очень уж они похожи. Я думал, он говорит о мерзости нрава, но ровно до тех пор, как не увидел ведунью: ей было, наверно, лет двести, если не больше, время согнуло ее спину, иссушило плоть, но с пергаментного лица с носом, похожим на клнов, смотрели яркие молодые глаза. Она ждала нас у линии прибоя, опираясь на клюку, и когда Гарр выскочил из лодки, чтобы вытащить ее на берег, взялась за борт неожиданно крепкой для такой старухи рукой.

– Явился, значит, – сказала она, посмотрев на меня. – Пойдем со мной. А ты, Гарр, плыви назад. Может, успеешь наловить сколько-нибудь.

Тот и не подумал спорить, снова столкнул лодку в воду, поймал свое одеяло – вовремя я спохватился, – взялся за весла и двинулся прочь. Вот только что был здесь – и уже растворился в утреннем тумане... Да что это я? Откуда здесь туман? Разве что старуха начаровала...

– Почтенная Данна Ара, – спохватился я и поклонился как только мог вежливо, – прости меня за столь неожиданный визит, но...

– Нечего извиняться, – оборвала она, – небось не у рашудана во дворце.

С этими словами старуха взяла меня за локоть и потащила за собой. Обитала она не в хижине, в небольшой пещерке: сейчас там жарко горел огонь, и я невольно протянул к нему ладони – без одеяла Гарра было как-то зябко.

– Сядь, – дернула меня за рукав старуха, и я послушался. – Ну? Знаешь, за чем явился?

– Мне сказали, ты знаешь толк в проклятиях, а на мне как раз лежит какое-то, – ответил я. – Уммаль-шодан смог его различить, но не более того. Послал к тебе, сказал, если кто и может помочь – так только ты, почтенная, и вот я здесь.

– Ясно. Долго же я ждала, – непонятно сказала Данна Ара и вдруг ткнула меня пальцем с острым ногтем в лоб так, что я отшатнулся. – Сиди смирно, смотреть буду!

Она подалась ближе, так что я ощутил – от этой старухи пахло совсем не так, как обычно от женщин преклонных лет. Ни своеобразного затхлого запаха лежалых нарядов и старой плоти, ни резкого аромата благовоний, нет, это было что-то странное, ни на что не похожее... Сама Данна Ара и ее одежда – вовсе не рванина, приличное платье и покрывало – издавали запах моря, водорослей (он не слишком приятен непривычному человеку), а еще раскаленного на солнце камня, хотя я не представлял, как это может сочетаться. Впрочем, жарким днем на берегу моря дышишь именно этими ароматами, разве нет?

Я ничего не чувствовал, кроме прикосновения ее пальца, а еще взгляда – Данна Ара уставилась мне в глаза, впилась в них своими и теперь высматривала нечто в глубине моего разума. Во всяком случае, так мне чудилось.

А еще мерещилось что-то вовсе несусветное: волны морей, над которыми я прежде не летал, чужие берега, незнакомые прекрасные города – я не видел таких ни в Адмаре, ни в Арастене. И армады кораблей – никогда не встречал подобных! Самый большой парусник из тех, что мне попадались, – кажется, это был арастенский фрегат, – казался в разы меньше... А уж какие там были галеры – огромные, хищные, со стремительными обводами!.. Казалось, будто не люди сидят на веслах – да и кто бы удержал весло такого размера! – а корабли движет какой-то механизм, но как это возможно? Машины? Но заводной корабль способен проплыть сколько-то в корыте, только когда завод иссякнет, он остановится. Эти же корабли плыли и плыли, и им не мешал ни встречный ветер, ни бури – они все так же безжалостно разрезали волны, стремясь к невидимой цели...

Перед моим внутренним взором кипело сражение: корабли с драконом на стягах и парусах – драконом?! – схватывались с другими, поменьше, у которых на носу красовались морды морских чудовищ, и море вокруг сияло мертвенно-синими огнями, такими же, как нынешней ночью... Никто не мог одержать верх, и наконец флотилии разошлись, и было заключено перемирие, и Арр-Аста сделалась свободной, а с нею вместе Тальви – бывшие северные земли Адмара, едва только завоеванные и тут же утерянные.

Мне показалось, я увидел знакомые лица, но это, наверно, было всего лишь мое воображение.

– От северных морских ведьм добра не жди... – выдохнула Данна Ара и опустила руку.

Я едва успел подхватить старую женщину и усадил возле очага – она совсем обессилела.

– О чем ты, шодэ?

– Шади, – сварливо ответила она. – Я никогда не была замужем, крылатый!

– Меня Вейришем зовут, – зачем-то сказал я.

– Неважно... – старуха жестом попросила подать ей кувшин, и я принес.

В нем была явно не вода... Ничего, главное, взгляд Данна Ары прояснился, и она уставилась на меня.

– Почему так долго тянул? – требовательно спросила она. – Почему раньше не пришел?

– Я знать не знал, что на мне проклятие!

– Тоже мне, оправдание... – скривилась старуха и хлебнула еще вина. – Больше тридцати лет, Вейриш-шодан, я ждала, когда же ты соизволишь явиться... Я тебя помню еще младенцем, помню, как ты учился летать...

– Сколько же тебе лет, шади? – опешил я.

– Невежливо спрашивать о таком женщине, да еще незамужнюю, – отрезала она. – Но так и быть, отвечу: много, шодан. Больше, чем этому юному дурачку Уммалю. Если я скажу, что когда-то отвечивала подзатыльники его дедушке, чтобы не баловался, ты поверишь?

Я кивнул. Отчего бы не поверить?

– Может, ты и моих родителей знала?

– Не знала. Видела издалека, а это, согласишься, разные вещи. Надеюсь, они живы, и с ними все хорошо?

– Неплохо, шади, – ответил я. – Правда, последний раз я встречался с ними полвека назад, когда им взбрело в голову навестить эти края, но, думаю, ничего не изменилось. Они перебрались западнее, туда, где поменьше людей.

– И туда доберутся рано или поздно, – предрекла она.

– Конечно. Но сколько-то лет в запасе есть. А там уж приспособятся, как дядя, – я невольно улыбнулся, – и я сам.

– Если их тоже не настигнет проклятие.

– Может, объяснишь, что это, откуда оно взялось? Прошу тебя, шади! Не предлагаю тебе ни золота, ни других сокровищ, – проговорил я по наитию, – но если могу чем-то помочь – мои крылья к твоим услугам...

– В мои годы мне уже ничего не нужно, Вейриш-шодан, – ответила старуха, подумала и вдруг озорно улыбнулась: – Ну разве что я попрошу прокатить меня разочек! Ночью, чтобы никто не увидел, а? Всю жизнь мечтаю взглянуть на море из поднебесья, да не могу...

– Это легко устроить, – кивнул я. – Ты только расскажи о проклятии, шади! Откуда оно вдруг появилось, что с ним делать? Ты ведь знаешь, верно?

– Нет, не знаю, – отрезала она. – Я его вижу, но бороться с ним изволь сам, Вейриш-шодан. Или пускай твоя северная ведьма потрудится, а я колдовать не умею.

– Тогда хотя бы объясни, что видишь!

– Рыбацкую сеть, – ответила старуха. – Странную сеть. Где-то она совсем дырявая, а возле тебя просветы совсем небольшие. Но это не всегда так, они меняются, делаются то шире, то уже. Поклонись в ноги своей жене! Если бы и она этого не видела, не ускользнуть бы тебе от беды...

– В этот раз она совсем ничего не смогла рассмотреть, – сказал я. – Не представляю, кто мог использовать чары такой силы, а главное, зачем...

– И я не представляю. Я просто старая ведунья. Не колдунья, ведунья, понимаешь разницу? – усмехнулась она, показав неожиданно крепкие молодые зубы за сморщенными старческими губами. – Вижу, а сделать ничего не могу. И не перебивай...

Старуха помолчала, потом сказала:

– Не на тебя охотились. На тех, кто твоей крови.

– Прежде это были женщины, – осмелился я вставить. – Мы родня, но довольно дальняя.

– Немудрено, женщины сильнее кое в чем. Но ты подумай, может, и мужчины погибали?

– Только по глупости, – вспомнил я слова дяди Гарреша. – Не рассчитал, разбился о скалу, бывает такое...

– И только? Вспоминай, крылатый, а я сварю ойф, – она поднялась и принялась шарить в темном углу. – Вот тебе еще мое желание – подари старухе хорошего ойфа, сто лет не пила! Я, признаюсь, пропустил ее слова мимо ушей, потому что вспомнил...

– Младший сын дяди Гарреша! Но его не проклятие сгубило, его убил человек, и это было так нелепо...

– Расскажи, – велела Данна Ара и поставила котелок на очаг.

И я поведал ей историю о молодом (кажется, он был моложе меня) драконе, который украл стальвийскую принцессу, и все у них сложилось бы хорошо, если бы не какой-то самозванный рыцарь с прадедушкиным копьем. Не стоило играть с ним, сбросить со скалы – и вся недолга, но тот дракон решил дать честный бой... за что и поплатился. Нелепое стечение обстоятельств – рыцарь от испуга лишился рассудка, да только не выпустил копье, а дракон напоролся на обломок горлом...

Погиб и он, и девушка, и их нерожденный ребенок. Дядя Гарреш не любил говорить об этом, но я узнал подробности в другом месте.

– Спасибо матери Фергии-шади, она не позволила осквернить их тела, – договорил я, а Данна Ара уставилась на меня.

– Ты уверен?

– Так мне рассказали, – ответил я и пересказал то, что знал от дяди и самой Флоссии.

– А... – протянула Данна Ара. – Вот как вышло... И никто не забрал и не похоронил их?

– По-твоему, скала не годится для надгробия?

– Годится-то годится, но кто сказал, что эту могилу нельзя разорить? Не зря ведь у вас в чести огненное погребение! Разве я не права, крылатый?

Я вынужден был признать ее правоту, потом спросил:

– Но к чему ты клонишь, шادي?

– Сам подумай, – ворчливо ответила она и постучала себя скрюченным пальцем по виску. –

Поработай тем веществом, которое боги вложили тебе в голову!

И я стал размышлять, и даже кое-что надумал, как вдруг услышал – неподалеку хлопнул парус.

Потом раздался характерный звук – кто-то втаскивал лодку на каменистый берег.

– Похоже, к нам еще гости, – усмехнулась Данна Ара, колдуя над котелком. – Поди встретить, мне недосуг...

Мне оставалось только повиноваться.

Глава 6

Встречать Фергию – а кем еще мог оказаться незваный гость? – не пришлось. Я еще не успел встать и выйти, ничего не задев головой – потолок в пещерке был очень низкий, – как раздался стук в дверь. Я хочу сказать – звонкие удары камнем о камень, поскольку постучать по заплатанной занавеси, закрывавшей вход, несколько затруднительно.

– Почтенная Данна Ара! – услышал я знакомый голос. – Прошу покорнейше извинить за вторжение, но рыбак сказал мне, что отвез Вейриша-шодана к тебе, а я обещала Аю-шодэ вернуть ей супруга целым и невредимым! Дозволишь увидеть его?

– Ты что, думаешь, я из него похлебку готовлю? – Старуха с неожиданной прытью подскочила к выходу и отдернула занавеску. – Входи, что стоишь на пороге? Я так и знала, что ты явишься: не за крылатым, так из любопытства...

– Вообще-то, ты права, почтенная, – согласилась Фергия и, взглядом спросив разрешения, уселась у огня, привычно поджав ноги. – Мною двигало в основном любопытство, потому что ты точно не людоедка, иначе бы мне об этом сказали в первую очередь, так что отправиться в похлебку Вейришу не грозило. Да и великоват он для твоего котелка... Ну и домой он вернуться в состоянии без моей помощи. А вот прочее...

– Она всегда так трещит? – спросила меня ведунья, и я со вздохом кивнул. – Ох и не повезет ее мужу!

– Зачем мне муж? – удивилась Фергия. – У мамы вот нет никакого мужа, ей и так неплохо.

– А как же ваш отец? – не удержался я.

– Так они даже вместе не живут, разве это муж?

– Вот я и говорю – не повезет, – предрекла старуха и принялась помешивать в котелке. –

Выдумали тоже: жить порознь, детей растить в одиночку...

– Меня, кстати, дед воспитывал, – вставила Фергия, – то есть мне он прадед, но так короче. А маме было некогда.

– Еще того не легче! Скинула ребенка на старика, а сама развлекалась, поди?

– Нет, обучалась искусству северных ведьм. А деда лучше не называть стариком, во всяком случае, в лицо, а то разгневается. Он еще... весьма! – не смогла подобрать определения Фергия. – Но это все не относится к делу, почтенная. Если хочешь, поболтаем потом по-женски, без этого вот...

Последовал тычок мне под ребра.

– Ты? Со мной? По-женски? – расхохоталась Данна Ара, сверкая молодыми зубами, которые, к слову, все-таки наводили на мысли о людоедах. – Да что ты можешь мне поведать такого, чего я не узнала задолго до твоего рождения, колдунья?

– Мало ли, – широко улыбнулась Фергия, – жизнь не стоит на месте. И даже если я не смогу тебя удивить, то ты-то уж наверняка расскажешь о чем-нибудь давно позабытом в наши дни, верно?

– Пожалуй, – ухмыльнулась та. – Ладно, седи уж, раз пришла...

– Я не с пустыми руками. – Фергия подтянула поближе к себе внушительный мешок. – Мне там в порту хозяева спасенных галер насовали всякого-разного в знак благодарности. Я ведь сказала, что денег не возьму, а насчет прочего уговора не было. Попыталась отказать – они оскорбились, пришлось брать, вот и пригодилось! Держи вот, почтенная, тут отрез хорошей шерсти – пойдет тебе на новое платье и плащ, а то твои совсем истрепались, это фрукты...

зачем они мне, хоть подумали бы? Бутыль орты, специи разные... И еще ойф – пригодится, наверно?

– Еще бы! – Старуха схватила полотняный мешочек, помахала над ним рукой, прогоняя посторонние запахи, и замерла, вдыхая аромат. – Откуда ты узнала, что я попросила у крылатого?

– Я не знала. Просто рыбаки сказали – золота ты не берешь, значит, в благодарность нужно привезти что-нибудь хорошее, годное в хозяйстве. У нас на Севере тоже так, – заявила Фергия. – Шерсть – захочешь, на платьепустишь, захочешь, на одеяло или новую занавеску. Орта пригодится – мало ли, простудишься, а то в гости кто-нибудь заглянет, вот как мы с Вейришем. Ну а ойф пьют все в Адмаре, включая, по-моему, грудных младенцев, тут сложно было не угадать.

– Рано благодарить собралась... – проворчала Данна Ара, не отрываясь от мешочка. – Посидите, я найду подходящую посудину, сварю...

– Мне и ойфари подарили, – тут же сказала Фергия, выудив из похудевшего мешка медную посеребренную посудину с широким днищем, узким горлышком и длинной ручкой, чтобы удобнее было двигать ее по горячему песку или камням. – Но у меня уже есть почти такая же, а тебе точно пригодится. Не в котелке же варить благородный напиток?

– Хитрая колдунья, – усмехнулась старуха, но подношение взяла. – Подготовилась заранее, да? – Не пойму, о чем это ты, почтенная? – округлила глаза Фергия, а я вдруг подивился сходству лиц этих двоих. Будто дальние родственницы, в самом деле!

– Ну-ну... – процедила та и, сняв свое варево с огня, поставила ойфари на горячие камни. – Раз ты такая умная, налей-ка сюда чистой воды. Тут есть родник, но он солоноват – море близко.

– Так давай очищу? Дел-то...

– Очисти, – согласилась ведунья, полюбовавшись искрящейся в посудине кристально-прозрачной водой и попробовав ее на вкус. – Но не сейчас. Мы с тобой заболтались, а крылатый, поди, уже забыл, до чего додумался!

– Не забыл, – мрачно ответил я.

– А чем вы тут занимались, пока меня не было? – с живым интересом спросила Фергия, выудила из бездонного кармана несколько слив и оделила всех желающих. Старуха не отказалась, а я вот воздержался – видеть уже их не мог.

– Расскажи, – велела мне Данна Ара, священнодействуя над ойфари. – Я заодно послушаю и узнаю, все ли удалось тебе показать. И что именно ты понял.

И я послушался. Сказитель из меня неважный, но я постарался передать то, что открылось мне в видении.

– Но что это были за чудные корабли? Что за страны? – спросил я наконец. – Никогда не видел ничего подобного и не слышал о таких!

– Вейриш, вы головой о дно не ударялись, когда ныряли? – вежливо, как обычно, спросила Фергия. – Что тут непонятного? Арр-Аста – так прежде назывался Арастен, а Тальви, соответственно, – Стальвия. Но это было во времена расцвета Империи, о которой у нас на Севере почти и не помнят. Остались осколки былого величия и... всякое такое, о чем лучше не вспоминать.

– Вроде лесного замка? – припомнил я рассказы Флоссии.

– Еще и похуже.

– А откуда вы об этом знаете?

– Я бы лучше спросила: почему вы об этом не знаете, если вы дракон и живете в разы дольше человека? Вы старше деда, наверно, что уж обо мне говорить!

– Так его, – хихикнула Данна Ара и осторожно принялась сыпать в воду молотый красный перец.

– Я просто не интересовался...

– Я тоже. Но меня не спрашивали, хочу я чем-то интересоваться или нет, – отрезала Фергия и села прямее. – Я говорила, что дед пытается писать нечто вроде мемуаров или даже хроник, но выходит у него из рук вон плохо – писатель он никудышный. Однако пересказывает весьма занимательно, и это от него – а он от своего отца и отца своего отца, как говорят в Адмаре, – я кое-что узнала. Конечно, многое утеряно, но если поработать серым веществом, которое сокрыто вот тут, – она постучала себя по лбу, и я снова поразился, до чего же они со старухой похожи, – то кое-что проясняется.

– Например?

– По одной линии наше семейство – наверняка потомки северных ведьм, – сказала она, – иначе их искусство не давалось бы нам с мамой так просто. Я имею в виду, сложнее, чем урожденным северянкам, но намного легче, чем магам с континента, им оно иной раз вовсе не доступно. Думаю, и дед пробовал в свое время, но не преуспел, а потому помалкивает...

– А по другой?

– Сложно сказать, – пожала плечами Фергия. – Знаю, что фамилия старинная, времен Империи, и только. Боюсь, никаких доказательств не сохранилось, не то дед непременно бы этим козырял.

– Вон что! – сказала вдруг Данна Ара. Запах от ойфари шел волшебный, куда там чудовищному вареву Фергии! – Как все перепуталось... но заодно и прояснилось.

– О чем ты, почтенная?

– В те далекие годы, – сказала она, – на земле жило много потомков крылатых. Сам Император, говорят, был из их числа, и придворные тоже...

– А Гарреш говорил маме, у драконов с людьми получаются дети, только если дракон сходится с девственницей, – перебила Фергия. – Что, в те времена невинных девиц было больше?

– Откуда мне знать! – вспыхнула Данна Ара. – Говорю, что слышала. Может, сами крылатые были сильнее, может, магии в людях больше... Какая теперь-то разница? Главное – тогда полукровки никого не удивляли. Но они все-таки были людьми, хоть и жили дольше простых смертных, и умели колдовать. Но одному дерзкому показалось мало этого...

– Спорим, я угадаю, чего он захотел? – спросила Фергия, дождалась кивка и сказала: – Стать лучше чистокровных крылатых. Или хотя бы вровень с ними.

– Так и было, – кивнула Данна Ара, и взгляд ее затуманился.

– Подозреваю, ради этого он творил что-нибудь ужасное, а? Всякие там бунты, перевороты и заговоры не считаются, этого и у обычных людей хоть отбавляй.

– Именно так, колдунья. Он старался набраться сил. Скопить их столько, чтобы обрести истинный облик, а уж потом показать жалким людишкам, на что он способен... – зловеще проговорила Данна Ара, но закончила вполне буднично: – Правда, никто не знает, сколько драконьей крови текло в его жилах. Он называл себя бастардом Императора, но императорский род к тому времени насчитывал более полусотни поколений, и человеческая кровь давно разбавила кровь прародителей так, что от нее остались лишь капли. Или, если желаете, искры – те самые, что дают способность колдовать, да не завися от заклинаний и прочей ерунды, а... – она развела сморщенными руками. – Просто. Так же легко, как дракон поднимается в небо.

– Я опять угадаю, – сказала Фергия без особенного трепета. – В наших жилах тоже есть эта самая искорка. Мы же чуть не от рождения колдуем по-всякому, иногда интуитивно. Нет, мы знаем уйму классических заклинаний, иногда с ними проще, но в целом от них не зависим. Потому и называемся независимыми, – усмехнулась она. – Очень удобно: не надо размахивать руками и бормотать всякую чепуху!

– А зачем вы завывали? – спросил я. – И во что-то колотили? Во что, кстати, и чем?

– Камнем в парадный щит Даллала, – созналась она и тут же подтвердила мои подозрения: – Я хотела взять у вашей Фиридиз таз, но передумала – не даст ведь, да еще по голове этим тазом треснет. А Даллаль не пожадничал.

– Зачем он с парадным щитом в порт притащился?

– Почему притащился? Послал за ним слугу, когда я сказала, что мне нужно что-то этакое... особенное.

– Взять какой-нибудь котелок не проще было? – не сдавался я.

– Проще, – подтвердила Фергия. – Только духи моря обиделись бы, если б я стала вызывать их с помощью закопченного чугуна.

Я попытался представить, что именно она наплела собравшимся, но не преуспел в этом. Ладно, потом расскажет...

– Да уж, духи моря изрядно всполошились, – подала голос старуха, порылась в темном углу и достала старые-престарые, с отбитыми краями, со стершимся рисунком маленькие пиалы необычайно тонкой работы. Клянусь, сквозь них видно было пламя очага! – Держите-ка. А ты не лезь, сама налью! Руки не дрожат еще, мимо чашки не промахнусь...

– Так ты тоже их видишь? – обрадовалась Фергия, первой подставив пиалу.

Я рассматривал свою – на полустершемся рисунке свивались диковинные драконы – почти бескрылые, усатые, со свирепыми мордами.

– Кого?

– Так духов же! А то Вейриш, похоже, считает – я просто устроила представление, чтобы публике было не скучно.

Именно так я и думал, но, кажется, все было не настолько просто...

– Видеть не вижу, – промолвила старуха, вдохнула ароматный пар и пригубила обжигающий ойф, – и позвать не могу, я-то не колдунья. Но чувствую. Всяких: и морских, и пустынных, и воздушных... На тебе вот следы сильных духов, только не разберу, каких именно. Один вроде пустынный, а второй... нездешний. Как бы не с той стороны.

– Да, есть у меня такие... помощники, – согласилась Фергия. – Но не о них речь.

– Не о них, – согласилась Данна Ара, смакуя ойф.

Я тоже попробовал и лишь огромным усилием удержался, чтобы не выплюнуть: от крепости напитка глаза лезли на лоб, а уж специи... Беру свои слова назад: варево Фергии хотя бы можно употреблять без риска сжечь себе желудок! Всего лишь язык и горло пострадают...

– Холодной водой запивайте, – Фергия подсунула мне еще одну пиалу. – Это нужно пить именно так, чтобы вкус раскрылся, как следует.

– Спасибо... – выдавил я и отхлебнул.

Действительно, теперь мне не казалось, будто я глотаю раскаленную лаву, в которой, по ее рассказам, любила купаться Лалира. И аромат удивительно тонкий, и перец не жжет, а придает изысканную остроту напитку...

– Вы не знали, что ли? – спросила Фергия, понаблюдав за сменой выражений моего лица.

– Знал, конечно, но я не большой ценитель ойфа, особенно такого, – покачал я головой.

Кажется, я заметно осип, и немудрено.

– Ага, маме вы эту теорию битый час излагали.

– Ну... – я даже смутился, потому что вспомнил, как, стремясь поразить познаниями, распускал хвост перед Флоссией – куда там павлинам из садов рашудана! Она оценила, кажется, но теперь мне это аукнулось. – Да, было дело. Я многое знаю об ойфе, но сам чаще всего пью самый обычный. И сладкий.

– Как женщина, – не преминула добавить Данна Ара и поставила на огонь вторую порцию огненного напитка.

Я, впрочем, не поддался на провокацию и сказал:

– Вы обе увлеклись разговорами о духах, но совсем позабыли о том, зачем я здесь.

– А зачем? – не поняла старуха. – Я уже сказала тебе, что вижу. А твои догадки – это твои догадки, тебе их и проверять.

– Что именно за догадки? – тут же встряла Фергия.

И я пересказал и то, как видится Данна Аре мое проклятие, и идею о том, почему именно я сделался жертвой...

– Не сходится!

– Почему?

– Гарреш намного ближе по крови погибшему Арашу, чем вы, – ответила она. – И у него еще два сына есть, если я ничего не перепутала, что вряд ли. Почему же проклятие пало не на них? И не на вашего... вы по отцу родня или по матери?

– По матери. Но и мои родители, и сыновья дяди Гарреша живут очень далеко, – покачал я головой. – Те двое когда-то отправились искать край земли и, похоже, нашли. Знаю, что они живы, но возвращаться не намерены. А дядя Гарреш не так уж часто поднимается в небо: если ваша матушка рассказывала вам о нем, то вы должны знать – он предпочитает путешествовать в человеческом облике, ему так интереснее. Магией – и то редко пользуется.

– Ладно, допустим, – сдалась Фергия. – Тогда что у нас выходит? Гарреш сказал вам – шесть внезапных необъяснимых смертей за три года. А теперь посчитайте-ка, что случилось за три года до того момента?

Я честно попытался прикинуть, и выходило...

– Погиб Араш.

– Ну вот, все и сошлось. Очевидно, все, павшие жертвой проклятия, – родня по какой-то одной линии, может, уже и позабытой.

– То есть, вы хотите сказать, что некто добрался до тех гор, где погиб мой кузен, разобрал завал, который так любезно соорудила ваша матушка, раздобыл кровь Араша, пускай уже и не очень свежую...

– Что бы ей сделалось? Там же холод собачий, как мама говорит, – перебила Фергия. – Она остыла и замерзла, только и всего.

– Раздобыл кровь, – не дал я сбить себя с толку, – и с ее помощью проклял... тех, до кого сумел дотянуться?

– Вот это вы отлично сказали, Вейриш! – воскликнула она, пролила ойф себе на штаны, выругалась и удалила пятно мановением руки.

– Скорее уж, насколько снасти хватило, – проворчала Данна Ара. – Каким бы ни был умелым рыбак, на весь океан ему сети не хватит.

– Точно! – Фергия вскочила на ноги. – Вейриш, живо вспоминайте, кто и когда погиб, а главное – где?

– Где – что? Жил или умер?

– И то, и другое. Нанесем эти точки на карту, и тогда станет примерно понятна зона охвата этого проклятия... – Фергия хищно потерла руки. – И нужно еще подумать, почему оно активизируется. И почему изначально страдали только женщины.

– Женщины сильнее, можно поживиться как следует, – подала голос старуха. – И они реже перебираются с места на место. Проще ловить.

– Верно... Но тогда нам нужно знать обстоятельства гибели всех тех несчастных... Без вашего дядюшки, Вейриш, нам не обойтись!

– Я представления не имею, где он сейчас, – поднял я руки.

– Но жена-то его дома, я надеюсь? И она наверняка в курсе...

Навещать тетюшку Аррашью мне совершенно не хотелось, и меня осенило:

– Аю наверняка помнит, когда и где что-то случилось! Она же перечисляла погибших, помните?

– Отлично. Но если и она не поможет, пойдем на поклон к вашей тетке, – постановила Фергия. – Но мы и впрямь здорово увлеклись и совсем позабыли о том доисторическом бастарде, который хотел сделаться настоящим драконом. Неужели он сумел дожить до наших дней?

Данна Ара молча покачала головой, потом сказала:

– Тело его погибло века назад, но вот дух... Неупокоенный, злобный и мстительный дух долго еще обитал на земле.

– Хочешь сказать, шади, он вселяется в кого-то и так существует? – тут же предположила Фергия.

– Когда как, – туманно ответила ведунья, разливая нам ойф. – В давние времена его заточили в предмете, но он сумел выбраться и завладеть телом молодого самонадеянного колдуна. И едва не погубил дракона. Тогда ему помешали, и дух его снова оказался в заточении, но на сей раз не на века. Однако известно, что его пожрало потустороннее чудовище, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу...

– Такого типа чудовище могло и того... отгрызнуть, – заметила Фергия и уселась поудобнее. – Или он победил тварь и теперь чудит с ее помощью. Или нашел по ту сторону каких-то помощников, сумел их убедить и теперь вот... действует. Но почему он вылез именно теперь? Не век назад, не два?

– Откуда я знаю, – проворчала Данна Ара. – Может, время не пришло. Может, он был совсем слаб и только и мог, что удирать по бескрайним пустошам от неведомых тварей...

– Да, а потом собрался с силами, убил парочку таких и начал повелевать остальными? – невесело пошутил я.

– Скорее всего, так и было, – тоже без улыбки ответила Фергия. – Представляете, какой злобы преисполнился человек... то есть дух, много веков занятый только попытками уцелеть, не исчезнуть окончательно? Не сомневаюсь, он стремится в реальный мир, а для этого ему нужна нечеловеческая сила. Сила драконов.

– Тело он уже наверняка обрел, – сказал я. – Иначе как сумел бы добраться до той горы, набрать крови, соорудить заклятие? Наверно, опять изловил молодого и жадного до знаний волшебника...

– Скорее всего. В бестелесном виде проделывать подобное чуточку затруднительно, – согласилась она. – Маги живут долго, и сейчас этот несчастный должен выглядеть не старше

меня. Хотя как знать, в Адмаре больше уважают убеленных сединами старцев... Верно я говорю, почтенная?

– Еще бы, – отозвалась старуха, с видимым удовольствием пожевывая сушеные «пальцы джанная». Это всего лишь ягоды, но выглядят они своеобразно. – Когда я была помоложе, ко мне, случалось, сватались, но вот совета спрашивали единицы. Ан поди ж ты, ста лет не прошло, как все переменялось!

– А ведь ты, почтенная Данна Ара, тоже из наших потомков, – сказал я. – Очень уж вы с Фергией похожи. И внешне, и вообще...

– Заметил, и месяца не прошло! – фыркнула она. – Верно. Есть и в моей крови те искры, о которых я вам толковала, да только очень мало. Говорю в который раз: видеть заклятия-проклятия могу, а сама что-то наколдовать – нет. Уж будто я не старалась, когда была помоложе!

Данна Ара уставилась в свою пиалу, будто видела в темной поверхности ойфа отражение молоденькой девушки, еще не смилившейся с тем, что ей никогда не покорится колдовство, что ее удел – быть ведуньей, подсказывать бедным рыбакам, куда ушла рыба, что замыслили морские духи – невидимые, лишь ощутимые, но все-таки прекрасные...

– Ты сказала, что ждала меня тридцать лет, – начал я.

– И три года.

– Да, но как ты узнала, что именно на меня пало проклятие?

– Не спрашивай сороконожку, с которой ноги она начинает идти, – буркнула старуха. – Узнала, а как – не сумею объяснить. Вы оба слишком молодые и неопытные. Вижу – и все тут! Вот на ней, – она кивнула на Фергию, – тоже висит проклятие, родовое, очень сильное.

– Неужели? – подскочила та. – Какое?

– Не разберу толком. Древнее оно, – ответила Данна Ара. – Но не злое. Может, в сердцах было брошено, да только теперь не знать никому из вашей семьи покоя. Всегда будете искать, искать, а если сядете сиднем и попытаете жить, как обычные люди, не выйдет...

– А, – успокоилась Фергия, – теперь я понимаю, почему дед все время твердит о династии независимых судебных магов! Лучше уж прикрываться этим, чем говорить каждому встречному-поперечному о проклятии... Но жить оно не мешает, так, почтенная?

– Нет. Если тебе, конечно, нравится всегда искать – неважно, потерянную булавку или преступника. Вот тогда...

– Тогда от него сплошная польза! И не закиснешь на старости лет, – радостно сказала Фергия и тут же спросила без перехода: – А тебя кто проклял, почтенная Данна Ара?

– Меня? – Рука старухи дернулась, пролитый ойф зашипел в огне.

– Тебя, тебя. Или ты по своей воле много лет живешь одна-одинешенька? Я спросила рыбаков – тебя помнят самые дряхлые старики, причем с самого их детства, будто ты всегда была здесь! У тебя никогда не было мужчины... и не косись в сторону, это я разобрать в состоянии. Неужели не нашлось никого, кто рискнул бы связаться с ведуньей? В молодости ты, наверно, выглядела не хуже меня, – без лишней скромности сказала Фергия. – Почему ты всех прогнала? Даже если не влюбилась бы без памяти, кто тебе мешал завести любовника? Только боязнь молвы? Не верю... И почему ты ютишься в этой пещерке? Кто заставил тебя прожить такую жизнь?

Данна Ара подняла глаза, и в них была такая чернота, что я невольно отшатнулся. Спасибо, попал рукой на раскаленный камень очага, и боль меня отрезвила. Правда, тут же явилась еще одна мысль: вдруг, ради того чтобы снять проклятие, мне придется провести ночь со старухой, как в какой-то легенде? И вряд ли поутру она превратится в прелестную девушку...

– Я не знаю кто, – проговорила ведунья. – Это было давно. Так давно, что этот крылатый еще не родился, не говоря уж о твоём прадеде... Я такой родилась. Меня пытались выдать замуж – женихи пропадали в море, умирали от укусов ядовитых змей, падали со скал, попадали под копыта взбесившимся коням. Тогда меня назвали проклятой и выгнали в пустыню. Но я и там не умерла. Я нашла крохотный оазис: воды в нем хватало, чтобы напиться, а на деревьях росло достаточно плодов, чтобы не умереть с голоду. Мимо проходил караван, и старший погонщик сжалился и взял меня с собой в Адмар. Он хотел сделать меня своей шуудэ, но не смог. Совсем не смог, хотя с другими женщинами был хорош – так они говорили.

– И ты...

– Я поняла, что проклятие станет преследовать меня везде, куда бы я ни отправилась. А раз так, то бороться с ним и губить ни в чем не повинных людей, вдруг решивших связать со мной жизнь, нет смысла, – сказала Данна Ара. – Я приняла свою судьбу и удалилась от мира.

– Не верю, – тут же сказала Фергия. – Если ты не колдунья, но при этом тебя, пускай и могут продать в рабство, все равно не изнасилуют... хотя избить могут, конечно, да только поплатятся за это, не так ли? Это какой же простор для деятельности!

– Соображаешь, – ухмыльнулась старуха. – Я жила там и тут, порой даже притворялась женщиной, путешествовала, повидала, наверно, весь открытый мир...

– Неужто ты никогда не пыталась взять к себе сиротку? Воспитать как своего ребенка?

– Побоялась, – неохотно ответила Данна Ара. – Может, вышло бы, а может... что, если бы и ребенок погиб, случись мне слишком привязаться к нему? Уж лучше сиротке жить хоть как-то, чем свалиться со скалы и сломать шею или утонуть в луже только потому, что старой ведунье стало одиноко, и она возжелала взять приемыша...

– Понимаю, – кивнула Фергия. – Значит, в итоге ты осела на этом острове?

– Да. К тому времени я уже была недостаточно молода и хороша, чтобы ко мне приставали юные рыбаки, а тем, что постарше, я могла помочь. Пускай я не умею управлять духами, зато вижу, куда они направляются. А где они, там и рыба. Мне стали платить – едой и вещами, а что еще мне теперь нужно? Но я ждала... Всю жизнь ждала...

– И дождалась? – спросил я.

– Да. Я же сказала: твое проклятие легло сетью на Адмар. И тогда мне стало ясно, кто именно должен ко мне прийти... – Данна Ара тяжело вздохнула, улыбнулась и добавила: – Не проси объяснить, я не сумею. Я не очень-то ученая, хоть и многое повидала. Вот, ты пришел, а я рассказала и показала, что должна была. Больше я ничего не могу для тебя сделать, крылатый.

Глава 7

Мы молчали долго. Ойф успел остыть, снаружи неистовствовало полуденное солнце – иногда легкий ветерок касался занавески, и я ощущал его горячее дуновение, – но в глубине пещерки было прохладно.

– Одним словом, понятно, что ничего не понятно, – сказала наконец Фергия. – Вернее, с проклятием Вейриша дело более-менее прояснилось. В принципе, есть даже зацепки, хоть и очень ненадежные... Помните того типа?

– Цургуша из Гимара? – уточнил я.

– Его самого. Еще оазис этот... что он там позабыл? – Фергия посмотрела на меня так, что я уверился: не миновать мне полета в этот клятый оазис Антун. – И еще золото. Как золото привязать к этой истории, а? Мы думали, какой-то колдун поймал джанная и вынуждает работать на себя, а сам подкармливает волшебниками-недоучками. А теперь ерунда какая-то выходит!

– Вы полагаете, этому древнему преступнику золото не нужно? Откуда нам знать, умел он создавать самородки или нет? – спросил я. – И, может, он вовсе не джанная кормит, а сам питается чужими силами. И ради... хм... воскрешения и становления драконом, чего желал еще в незапамятные времена, и ради прибыли. Жить-то ему на что-то нужно, правильно?

– Да, и он наверняка хочет скопить побольше... Купить нужных людей, опять же, чтобы не тратить время понапрасну, когда вернется и объявит себя властителем всего подлунного мира, как водится... – пробормотала Фергия. – Да и вообще, одно другого не исключает!

– В смысле?

– Он и сам ест, и джанною или кто там у него объедки со стола кидает, – пояснила она. – Однако как все запуталось, Вейриш!

– Судя по выражению лица, вас это радует.

– Еще бы! Такое дело... Если этот тип – действительно тот, о котором говорила Данна Ара... кстати, потише, она уснула, – понизила голос Фергия, – то разыскать его будет не легче, чем Наора. Ну помните, тот ненормальный маг, одержимый жаждой власти над миром, за ним еще моя матушка гонялась... или он за ней, поди разбери. Да что там, эта история намного сложнее, а ведь Наор был всего лишь человеком!

– Да вы же в восторге от этой истории! – осознал я. – Мечтаете превзойти матушку?

– Почему бы и нет? С другой стороны, если я сразу заявлю о себе таким громким делом, впоследствии восторженная публика будет ждать от меня подвигов, достойных героев древности. А где я возьму эти дела в потребном количестве? Наоры по пустыне табунами не бегают, – резонно ответила Фергия. – В любом случае, пока будем действовать скрытно и не станем замахиваться на главного виновника всех бед. Попробуем распутать клубок, благо ниточка, чтобы потянуть, у нас имеется, да и времени хватает...

– О каком времени вы говорите?! В эту самую минуту любой мой родственник может влететь в такую вот... тучу! – вспылал я.

– Но вы не в состоянии этому помешать, – развела руками Фергия. – Вернее, оповестить родню стоит, но поверят ли вам? А даже если поверят, что, неужели откажутся от полетов на неопределенный срок? Не зная, когда их настигнет эта вот странная буря, которую видите, похоже, только вы один? И даже не представляя, относится ли проклятие и к ним тоже! Я вынужден был признать, что она права.

– Но Гаррешу сообщить нужно, – добавила она. – Это он вам дал задание, вот пускай и поучаствует. Хотя бы советами.

– Его сперва найти надо, – буркнул я.

– Найдем, – заверила Фергия. – Уж записку отправим. Надо же, как интересно, Вейриш! Никогда прежде не сталкивалась с такими проклятиями! Ваше, да еще у Данна Ары...

– А у нее оно как выглядит? – спросил я зачем-то, хотя сперва хотел возмутиться: несчастье моей родни и мое собственное – предмет для изучения, надо же!

– В каком смысле?

– Если мое – рыбацкая сеть... да и направлено оно не на меня одного, то у нее что?

– Стена, – ответила Фергия, подумав, и вытянула руку. – Вот такой примерно окружности или даже чуть побольше. Наверняка многие могли приблизиться настолько, чтобы дружить с нею, пригласить, да просто общаться. Рыбаки вон тоже не жалуются... ну да она с ними не целуется. Но не более.

– Почему так?

– Мне почем знать? Я в проклятиях разбираюсь не слишком хорошо. Кое-что вижу, но не более того.

– Понятно... – протянул я. – Но как же это странно! Почему Данна Ара ждала именно меня? Кто и зачем проклял ее?.. Наверно, я тогда был если не ребенком, то совсем юным...

– Понятия не имею, – снова сказала Фергия. – Но у меня есть предположение.

– И какое же?

– Против того полудохлого типа тоже кто-то играет, как умеет, иначе не было бы Данна Ары и Аю.

– Хотите сказать, она, – я кивнул на старуху, – тоже ашшу?

– А кто ж еще? – удивилась Фергия. – Здесь ее называют ведуньей, а по сути она мало чем отличается от Аю. Ну а с такими людьми случайностей не бывает, не так ли? Вот только... Она умолкла, и я уставился на нее в ожидании, но Фергия не спешила порадовать меня очередной гипотезой.

Лицо ее вдруг словно сделалось старше, и мне показалось, будто она что-то уяснила для себя, но делиться этим открытием не намерена.

– Кому-то нужно, чтобы вы выжили, Вейриш, – сказала она наконец. – Или чему-то. Иначе вы не встретили бы Аю и бесславно погибли в очередном полете, как многие до вас. И Данна Ару не встретили бы, и ничего не узнали...

– Можно подумать, мы так уж много выяснили, – сказал я из чувства противоречия.

– Вообще-то, порядочно. Только о пророчестве пока ничего не слышали. – Фергия осторожно потрясла старуху за плечо. – Почтенная шад! Полдень миновал, пора бы тебе проснуться!

– А?.. Что?.. – Та дико оглянулась, взмахнула руками, но увидела нас, успокоилась и пояснила: – Приснилось, будто на abordаж берут, а я никак саблю не найду...

– Ну и сны у тебя! – уважительно произнесла Фергия. – Это когда ж ты пиратствовала?

– Тогда еще твой дед в колыбели лежал, – ворчливо ответила Данна Ара и залпом допила остывший ойф. – Что-то есть хочется... В твоём мешке не найдется доброго куска мяса, а?

– Найдется, конечно, и свежий хлеб тоже, – невозмутимо сказала Фергия и вытряхнула все это на колени старухе, а та выудила откуда-то то ли из рукава, то ли из-под покрывала немаленький нож весьма заслуженного вида и принялась ловко, на весу пластать копченую грудинку.

Мне тоже достался ломоть душистого хлеба и кусок мяса, и только тогда я осознал, насколько проголодался. Мудрено ли! Всю ночь возился с этими галерами, с вечера во рту у меня не было ничего, кроме ойфа, а от него аппетит только разгорается!

– Больше надо было брать, – проворчала Данна Ара, глядя, как я уписываю угощение. – Небось, не разорились бы эти торговцы, а крылатый сейчас все слопает, не оставит старухе даже полакомиться...

Я опомнился и взял себя в руки. В самом деле, невежливо себя повел: в гостях не принято обжираться, тем более если угощение не хозяйское, а принесенное с собою.

– Да ешь уж, – хихикнула она, посмотрев на меня в упор. – Мне много не надо, а ты, вижу, и впрямь голодный. Если мужчин не кормить, как следует, от них проку не будет.

– Тебе-то откуда знать? – удивилась Фергия. – Ты же соблюла невинность до преклонных лет.

– Я про работу, дурная твоя голова! Но, – тут же смягчилась ведунья, – слыхала, что и в этом деле... гхм... голодный конь борозду глубоко не вспашет.

– Так необязательно глубоко-то, – ухмыльнулась Фергия и подмигнула, а старуха захихикала, видимо, поняла, о чем речь. – Ага! Значит, и ты развлекалась по мере возможностей, а?

– Как же без того, – вздохнула Данна Ара. – Если не влюбляться сильно, то оно и ничего. Опять же, и заплатить можно, а кое-где за золотую монету тебя ублажат так, что в Адмаре и не слыхали... И не лишат самого ценного, будь оно неладно!

– Я все еще здесь, – напомнил я.

– И правда что, – делано спохватилась Фергия. – Почтенная, скажи мне потом на ухо, где это водятся такие умельцы, интересно же! Вдруг занесет в те края?

– Будто ты сама не знаешь, – проворчала Данна Ара. – Ну, спрашивай? Ты же еще о чем-то хотела узнать, разве нет? Иначе зачем будила?

– О! – Фергия уселась поудобнее. – Понимаешь, шади, помимо недавнего проклятия, есть еще и пророчество, касающееся нас с Вейришем. Во всяком случае, аж два мага повторили его, а потом не сумели вспомнить, о чем говорили.

– Кто? – только и спросила ведунья.

– Уммаль с базара, а потом его дед, когда повстречались с нами двоими. Уммаль сказал, слова пророчества много лет передаются в их семье от отца к сыну. Оно совсем короткое, и...

Данна Ара жестом заставила Фергию умолкнуть.

– Вы сами-то поняли, что оно означает?

– Только треть, – развел я руками. – Кровь отступника встретится с кровью крылатого. Это произошло.

– Чего-чего? – нахмурилась Данна Ара. – Какого еще отступника?

Мы с Фергией с сожалением переглянулись. Похоже, старуха не поняла, о ком речь...

– Уммаль сказал, что я чем-то напоминаю сестру-близнеца Ирдаля-отступника, – объяснила Фергия. – А поскольку мой предок когда-то взял в жены рабыню-южанку, то это вполне могла оказаться Ирдалла... а могла и не оказаться. Мало ли похожих адмарок? Мы с тобой ведь тоже похожи, шади, Вейриш заметил... Эй, что с тобой?!

– Кха-кха... ничего, жить буду, – отмахнулась Данна Ара, поперхнувшись крошкой, отдышалась, отпила из кувшина и уставилась на нас слезящимися глазами. – Похожи... Еще б нам не быть похожими, если я праправнучка Ирдаля!..

Вот тут я уронил кусок мяса в огонь, и если бы промедлил, то остался бы без половины и без того скудного обеда.

– Пророчество, говоришь... – бормотала старуха, раскачиваясь из стороны в сторону. – То, о чем ты сказала, сбылось уже много раз, если правда, будто ты потомок Ирдаллы!

– Как это? – не понял я.

– Да очень просто, Вейриш, сами посчитайте! – воскликнула Фергия, явно сообразив, и принялась отгибать пальцы для счета. Я как всегда, подивился этому ее обыкновению. – Мама нашла тело Араша – раз! Гарреш пришел к ней – два! Она спасла вас – три! Вы все вместе выручили ее – четыре! Мы с вами повстречались – пять! И, наконец, вы встретились с Данна Арой – шесть!

– Вполне магическое число, – только и смог я выговорить.

– Бросьте, Вейриш, все эти числа – ерунда. В каждой магической школе – свои, где кратные трем, где четные, словом... – Она махнула рукой. – Главное, событие повторялось до тех пор, пока все необходимые факторы не сошлись нужным образом!

Фергия подумала и добавила:

– Дед когда-то очень давно вскрывал мертвого дракона. Может, это был седьмой раз, точнее, самый первый. А может, их было намного больше, но мы этого уже не узнаем.

– Сколько же ты болтаешь... – Данна Ара картинным жестом прижала ладони к ушам. – Не женщина, а птица-болтун!

«Жаль, тебя нельзя в клетку засунуть и покрывалом накрыть, чтобы умолкла хоть ненадолго», – явственно читалось по ее лицу. Хотя, возможно, я видел отражение собственных мыслей.

– Неправда, они только заученное повторяют, а я вполне разумна и выражаю собственное мнение, – с достоинством ответила Фергия. – Расскажи лучше об Ирдале и его сестре, шади! Вейриш ничего не знает, да и все, кого я успела спросить, только разводят руками. Уммаль сказал: голову отступника подняли на копье над городскими воротами, Ирдалла то ли погибла, то ли исчезла, вот и все, что нам известно.

– Наверно, она ухитрилась бежать? – предположил я. – Или ее не убили, а продали в рабство, а потом уж она досталась вашему, Фергия, предку?

Данна Ара выплеснула жижу ойфа в огонь, взметнулось облако пара, и от шипения мы временно перестали слышать друг друга.

– Вы оба слишком много говорите, – сердито сказала ведунья и протянула Фергии ойфари. – Наколдуй-ка еще чистой воды... Хватит! Весь подол мне намочила...

– Прости, я высушу, – ответила та, улыбаясь, а сама подсунула мне горсть «пальцев джанная». Я взял – есть хотелось по-прежнему, а эти ягоды очень сытные. И хранятся отлично, потому их с охотой берут в дорогу караванщики: мясо, если это не тридцатилетней выдержки сушеный ломоть вроде того, который Фергия нашла в проклятом доме, может испортиться на жаре, а плоды разве что сильнее сохнут – знай, жуй. Но вот пить после них хочется сильнее, чем после солонины...

– Ирдаль-отступник боролся за власть, – сказала Данна Ара, когда вода закипела.

– Надо же, как неожиданно, – не удержалась Фергия, и на этот раз я ткнул ее локтем в бок, чтобы не перебивала. – Ай! Аккуратнее, Вейриш, я же не верблюд!

– Вы хуже, – не вытерпел я.

– Я не плююсь и не лягаюсь, – с достоинством ответила она и снова повернулась к старухе. – Шади, а почему его назвали отступником? Вроде бы всякие интриги ради золотого трона рашудана – дело вполне обыденное, так что же натворил этот человек?

– То и натворил... – проворчала Данна Ара. – Отступник – значит, отступил от привычных правил. Не то чтобы он никого не подкупал, не травил и все в этом роде, но...

– Но?... – подалась вперед Фергия.

– погоди, по порядку скажу, – подняла руку старуха. – Я сама мало что знаю. Моя прабабка была дочерью одной из шуудэ Ирдала. Он отпустил их, когда готовился к решающему сражению. Сказал: если я проиграю, вы не должны пострадать, вот вам деньги, этого хватит на приданое – найдите себе мужчин и живите дальше. А если победа будет за мной, возвращайтесь, я приму вас.

– Надо же, какой прогрессивный человек! – восхитилась Фергия. – Я читала, в давние времена всех жен и шуудэ, я уж молчу о наследниках, убивали, если человека обвиняли в измене и злом умысле против рашудана.

– Вот именно. Ирдаль отпустил всех... кроме сестры.

– Почему же она еще не была замужем? Ведь не юная дева уже, верно?

– Не нашлось никого, кто сумел бы справиться с этой дикой кобылицей, – ухмыльнулась старуха, – и хотя бы силой взять ее. А Ирдаль любил сестру и ни к чему не принуждал. Говорил: если могу кормить сотню шуудэ, неужто обеднею, если сестра останется безмужней и всю жизнь станет жить со мной рядом? Да что там принуждать! Он позволял ей такое, о чем другие женщины и помыслить не могут!

– Она что, завела себе десяток шуудри? – с интересом спросила Фергия.

Я тоже наострил уши: мне доводилось слышать о богатых вдовах, которые платят красивым юношам за удовольствие, но то вдовы, а не незамужние девушки...

– Поговаривали, и такие имелись, – сказала Данна Ара, отмеряя молотый перец. Я заметил – поменьше, чем в прошлый раз. – Но я о другом. Ирдалла вела себя не как обычные женщины. Она умела писать и читать – и не только стихи и любовные письма, а и серьезные бумаги.

– А какая разница? – не понял я. – Буквы-то одинаковые.

– Вейриш! – воскликнула Фергия. – Даже я знаю, что в те годы в Адмаре письменность очень сильно различалась в зависимости от назначения!

– Вот именно, – подтвердила старуха. – Женщины могли прочесть вывески и всякие там... сочинения про влюбленных соловьев в зарослях роз...

– Но кто бы научил их читать мудреные слова, какими обычно пользуются в деловой переписке, верно? – снова не утерпела Фергия.

– Вот именно. Нет, наверняка кое-кто умел, только помалкивал об этом... А Ирдалла не молчала.

– Видимо, вы действительно родственники, – вставил я.

– Ирдалла не только превзошла науки не хуже брата и знала несколько чужеземных языков, – не обратила на меня внимания Данна Ара. – Она одевалась как мужчина, она сопровождала брата повсюду: и на охоте, и во дворце. Данжерский рашудан, говорят, был пленен красотой ее глаз, но Ирдалла отказалась от чести стать его женщиной. Сказала, лучше быть единственной сестрой, чем одной из сотен наложниц или восьмой женой.

– Так может, после этого их и начали преследовать? – предположил я.

– Нет, крылатый, – покачала головой старуха. – Говорили, тот рашудан устыдился и оставил Ирдаллу в покое. В это я не верю, а вот в то, что он воспылил еще большей страстью к недоступной девушке, которая к тому же ударила его коленом в пах, когда он попытался ее обнять, – вполне. Уверена, он посылал ей дары, придворные поэты слагали для нее стихи...

– Почему недоступной? – не дослушав, спросила Фергия. – Послал бы отряд стражи, и...

– Это были другие времена, глупая! – Данна Ара молниеносно хлопнула ее по лбу. – Тогда богатые вельможи могли держать побольше охраны, чем рашудан, и он вынужден был советоваться с ними и прислушиваться к ним. А этот вообще был из соседней страны!

– Ага, значит, Ирдалд накопил очень много золота и решил, что из него правитель выйдет получше, чем из тогдашнего рашудана? – уточнила Фергия, ничуть не обидевшись, и выразительно покосилась на меня.

Я кивнул: золото, значит! Очень много золота... Откуда же оно взялось?

– Нет, не так, – проговорила Данна Ара, раскачиваясь из стороны в сторону и глядя в огонь.

– У Ирдала ничего не вышло?

– Отчего же, вышло, – ответила старуха. – Он стал рашуданом и правил несколько лет. А потом замыслил что-то... что-то очень страшное. И перед этим изгнал из своего дворца всех, кроме сестры. Она должна была ему помочь, наверно. Они ведь были близнецами, а в близнецах всегда есть особая магия, даже если у них нет таланта к колдовству...

– Точно, я знаю, – подтвердила Фергия. – Есть у меня знакомые близнецы-северяне, так вот они...

– Потом расскажете! – остановил я, и она, что удивительно, умолкла.

– Вот только Ирдалла сбежала, а почему – неведомо... – закончила старуха. – Наверно, чего-то испугалась. Я ведь сказала: она была ученой женщиной, читала не только любовные записки, а значит, наверняка поняла, что затеял Ирдалд. Или просто знала – он мог сказать ей прямо.

– Так что же он затевал?! – Фергия едва не подпрыгивала от любопытства.

Каюсь, я тоже с трудом мог усидеть на месте.

Данна Ара пожевала сухими губами, потом сказала:

– Я не знаю точно. Никто не знает. Те, кто видел это своими глазами, давно умерли... кроме таких, как я. Но от прабабки до меня дошел слух, который передавали тогда из уст в уста: якобы Ирдалд вызвал духа. Не знаю, джанная или еще какого-то, их ведь больше, чем звезд на небе... Наверно, он хотел заставить призванного служить ему, защищать от посягающих на трон рашудана и помогать в сражениях. Только духам нужно платить, и золото и самоцветные камни для этого не годятся... – Данна Ара перевела дыхание. – К чему им драгоценности? Они сами могут собирать, сколько захочется!

Я вспомнил Лалиру и кивнул.

– Значит, платить Ирдалль должен был кровью. Или жизнью, – спокойно сказала Фергия. Мне почудился странный синеватый огонек в ее глазах. – Но вряд ли он отдал бы свою, не так ли? Он ведь рассчитывал править долго и счастливо!

– Именно. – Старуха подбросила топлива в очаг. – Ирдалла – сестра-близнец, у них одна кровь на двоих...

– Так он хотел обмануть духа! – схватился я за голову.

– Наверно, они придумали это вдвоем, только Ирдалла вовремя сообразила, что кровью дело не обойдется, – сказала Фергия. – И сбежала. Если, как ты говоришь, шади, она переодевалась мужчиной, ее не сразу обнаружили. А пробраться в порт не так сложно. Как уж она стала невольницей, трудно сказать, но... Может, и добровольно. Вроде бы дух не может пожрать того, у кого есть хозяин?

– Этого я не знаю, – вздохнула Данна Ара. – Только одно: Ирдалла сбежала, убоявшись уготованной ей участи, а Ирдалль погиб страшной смертью.

– Не сомневаюсь... – пробормотал я. – Если пообещать духу чью-то жизнь, а потом не выполнить сделку, он заберет тебя. Ему все равно, какие там у тебя... обстоятельства.

– Именно так. От него одна голова и осталась. Та, которую потом подняли над воротами, – сказала старуха. – Еще нашли письма... Много разных писем. По ним поняли – он собирался напасть на Данжер и захватить его, и воссоздать великую страну, которая когда-то расстилась на этих берегах... Чародеи учуяли, что дело не обошлось без злого духа. Вот тогда Ирдалль и назвали отступником и сделали вид, будто сами разведали злодеяние и казнили его... Хорошо, что моя прабабка к тому времени уже родила мою бабу в Данмаре!

– А муж-то и его родня не шипели, мол, не в их породе удалась? – без тени улыбки спросила Фергия.

– Им столько денег досталось, что они зашили рты, – с достоинством ответила Данна Ара. – Тем более, как ты говоришь, многие адмарцы похожи, поди угадай, чье семья? Да еще девчонка, не наследник! Отдал замуж, и дело с концом... Ну а потом прабабка мальчишек нарожала, и как-то все позабылось...

– А Ирдалла, значит, растворилась на просторах океана, – сказал я. – И именно в нее вы, Фергия, удались лицом, а может, отчасти и магическим даром.

– Вполне вероятно, – пожала она плечами. – Теперь поди разбери! Повторю вкратце самое главное: Ирдалль, очевидно, решил схитрить и расплатиться с духом за серьезное деяние родной сестрой. Сестра оказалась не промах и вовремя смылась с этого благословенного берега, а Ирдалль погиб и был посмертно осужден. Во мне течет кровь Ирдаллы, я встретила с крылатым, то бишь Вейришем... Но дальше-то что?

– А что Уммаль говорил? – спросила Данна Ара.

– Кровь отступника открывает путь. Кровь крылатого закрывает Врата, – повторил я. Сложно не запомнить такую простую фразу. – Что это за путь и врата?

– У меня есть толкование, но оно вам не понравится, – ухмыльнулась Фергия, дождалась внимания и сказала: – Кровь Ирдаллы – кровь ее брата – открыла дорогу независимым магам. Семейство Нарен и без того было сильным, но только после появления Ирдаллы, вернее, ее потомства, наши способности стабилизировались, если можно так выразиться. А вот с вратами сложнее... Может, это лаз, через который в наш мир просовывается тот голодный дух? Старая ведунья покачала головой:

– Не угадаешь, нечего и пытаться. Когда время придет – поймешь, как с кровью...

– Что ж, подождем, – согласилась Фергия, глядя на выкипающий ойф. – Шади, ты не забыла о... В ответ Данна Ара выругалась так, что я чуть было не покраснел, и сняла ойфари с огня.

– Пережгла, – с сожалением произнесла она, приняв себя.

– А у нас в Арастене в ойфанах иногда нарочно подают такой, – тут же сказала Фергия. – Вроде бы привкус особенный, необычная кислинка... Можно еще добавить соли и сока алима... вроде у меня в мешке завалился один. Вот, точно! Держи, почтенная, попробуй, вдруг придется по нраву?

– Не в моем возрасте менять привычки, – проворчала Данна Ара, но последовала ее совету. Ну и я тоже – куда мне было деваться? – И правда, необычно... Напомнило о чем-то... не знаю даже, о чем, так давно это случилось. Знаю только, что было хорошо...

Она умолкла, а Фергия принялась жестами показывать мне что-то, но я и так понял: старая ведунья выпила хорошего ойфа, но еще одно ее желание осталось неисполненным. И, в сущности, это было не так уж много после всего, что она нам рассказала!

Я посмотрел на Фергию, попытался изобразить ладонями крылья и кивнул на старуху. Кажется, она поняла...

До заката оставалось не так уж много, до темноты – чуть дольше, но мы провели это время с пользой: выспрашивали Данна Ару о прежних временах, о похождениях ее юности, о людях, которых она любила, но оставила за бортом своего корабля, едва лишь поняв, что они значат для нее слишком много...

Наверно, покинутые друзья и подруги вспоминали ее: кто с тоской, а кто и со злостью... Данна Аре важнее было то, что они остались живы. Или погибли, но не по ее вине, а по своей собственной.

– Солнце садится, – сказала наконец Фергия, встав и отодвинув занавеску. – И облака снова будто хвосты джанная, как тут говорят. Никто не заметит, Вейриш.

Я кивнул, поднялся на ноги и потянулся всем телом.

– Пойдем, почтенная, – сказал я старухе, и та вдруг заморгала, будто не понимала, о чем ей говорят. – Ты ведь хотела посмотреть на землю из поднебесья, а сегодня такой красивый закат...

– Жалко, я не захватила свой любимый коврик, но ничего, есть же отрез шерсти! – встряла Фергия. – Понимаешь, шади, дракон – он очень жесткий. Без седла на нем летать – сущая пытка!

Я мог бы сказать, что каблуки ее сапог, вонзающиеся мне меж ребер – тоже пытка, но не счел уместным устраивать перепалку здесь и сейчас. Выскажусь после.

– Смеетесь, что ли? – как-то неуверенно выговорила Данна Ара, но Фергия потянула ее за руку, и старуха встала и вслед за нами вышла из пещерки, в которой провела много лет.

Вечер был изумительно хорош. Давно я не видел такого дивного заката и пожалел еще: Аю нет со мной! Потом подумал: она всегда со мной, а этих закатов у нас будет еще сотни и тысячи, и я не стану больше сидеть дома и отращивать брюхо...

На берегу уже сгущались синие сумерки, вряд ли нас могли рассмотреть оттуда, и Фергия сказала негромко:

– Пора, Вейриш.

Я отошел немного в сторону, чтобы не задеть женщин: мне едва хватило места на островке, чтобы превратиться, и то хвост оказался в воде.

– Забирайся, шади, – любезно предложила Фергия, первой вскарабкавшись по подставленной лапе и уже привычно устроившись у меня на спине. – Подать тебе руку?

– Сама справлюсь! – ожила Данна Ара.

Правда, не полезла сразу вверх, сперва потрогала мою лапу, коготь размером с нее самое, погладила чешую, крыло, рассмотрела морду – я опустил голову и старался дышать в сторону, чтобы не обжечь, – и потом только взобралась мне на спину с завидной для своего возраста ловкостью. Наверно, когда-то она так же бегала по качкой палубе и лазила по вантам...

Я почувствовал условленный тычок в бок и взмыл в небо, надеясь, что Фергия не позволит старухе упасть. Как же, упала бы она, вцепилась ногами, как в необъезженного коня!

Эти две наездницы визжали на два голоса, когда я поднялся к самым облакам, а потом рухнул вниз, к воде, и крылья мои подняли тучу брызг, и снова, и снова...

«Если сегодня рыбаки смотрели в небо, может, решат, что у них будет удачный лов? – пришло мне на ум. – А если нет... Разве я виноват? Не я же придумал эту приметку, не я пригоняю рыбу к нашим берегам!»

Мои всадницы больше не визжали. Я ощутил легкое касание – нужно возвращаться – и повернул к островку. Стемнело, как обычно темнеет в наших краях, – быстро и неотвратимо. Когда я приземлился, уже виден был серп луны и частые звезды.

Фергия слезла как-то слишком долго, и я повернул голову посмотреть, почему она мешкает. Оказалось – спускает Данна Ару на руках, а это не так-то просто, моя лапа ведь не лестница...

– Что с ней? – шепотом спросил я, когда Фергия уложила старуху на песок, а я снова стал человеком. Впрочем, я мог бы и не спрашивать. – Значит... прямо в небе?

– Да. Когда вы влетели в то багряное с золотом облако, – ответила она. – Было так красиво, что даже у меня дух захватило, а Данна Ара... сердце остановилось. Я держала ее, я почувствовала – раз! – и биение прекратилось.

– И вы ничего не...

– Нет, – Фергия посмотрела мне в глаза. – Сложно, знаете ли, возвращать человека к жизни, находясь на спине летящего дракона. Да и ни к чему это было. Данна Ара выполнила свое предназначение. И получила то, чего желала.

– Нужно похоронить ее, как подобает, – сказал я, глядя на заострившийся, какой-то птичий профиль, полупрозрачные веки старой женщины.

– Так мы и сделаем, – кивнула Фергия и с головой накрыла Данна Ару все той же злосчастной тканью. Спасибо, это была не синяя шерсть, я о ней даже слышать не мог. – В ее хозяйстве почти ничего нет, ну и ладно... Только лодку подальше отведу, чтобы не сгорела. Хорошая посуда, пригодится еще. Садитесь, а то с вашим собачьим способом плавания долго нагонять будете!

Я не сразу понял, что она имеет в виду, потом сообразил – огненное погребение, конечно же. Бедняки редко так хоронят своих, потому что топлива для костра нужно слишком много. Чаше заваливают камнями или отдают морю, но...

– Мне помочь? – только и спросил я.

– Думаю, сама справлюсь, – вздохнула Фергия, мощным толчком направив лодку прочь от берега. – Но вы поддержите, если не выйдет, хорошо? После сегодняшнего я в себе не очень уверена.

«Я в себе не очень уверена» от представительницы семейства Нарен звучало так... так трогательно, что я даже ничего не сказал в ответ.

Сама Фергия плавала, словно молодой дельфин: вот только нырнула – и уже схватилась за борт лодки. Я схватил волшебницу за шиворот и вынул из воды.

Фергия не обиделась, улыбнулась благодарно, перевела дыхание, отряхнулась и уставилась на островок, где Данна Ара провела долгие годы.

– Ты жила ярко, – негромко произнесла она, – так же теперь и гори...

Я и не помнил подобных слов... Хотя, кажется, слышал их давным-давно, когда хоронили дальнего родственника, а я был совсем юным. Почему же я забыл, а человек помнит? Ведь не проклятие тому виной!

Синее пламя встало над островком, и мне почудилось, будто в темное небо прыгнула огромная птица – взмахнула призрачными крыльями и растворилась среди звезд...

– Прощай, – сказала ей вслед Фергия и без сил опустилась на банку. – Гребите к берегу, Вейриш. И не говорите, что не умеете!

– Не умею, но попробую, – мрачно ответил я и взялся за весла. Не так-то это просто, как выглядит со стороны. – А вы что так угрюмы?

– Просто думаю, каково это: всю жизнь дожидаться единственной встречи, – задумчиво ответила Фергия. – Не зная, с кем, не зная, когда она состоится...

– Это жестоко, – сказал я и уловил наконец ритм, в котором нужно было грести, чтобы одолеть легкую волну.

– Вот именно. Но Данна Ара прожила долгую жизнь, а в итоге получила то, о чем мечтала. – Фергия неотрывно смотрела в звездное небо. – Это не так уж и мало, как думаете?

– Я ничего не думаю. Я пытаюсь понять: почему она, праправнучка Ирдаля, заполучила это проклятие? Или заклятие, не разберешь! Почему не дочь той шуудэ, не внучка?

– На все воля... кого-то, – развела руками Фергия. – Наверно, великого мироздания, а оно... гм... не очень быстро соображает. Иначе ваша миссия досталась бы Гаррешу – он умный, и связи у него имеются!

Честное слово, не знаю, как я удержался, чтобы не двинуть ее веслом по голове.

Глава 8

Время шло, а новостей от дяди Гарреша все не было: не иначе, он забрел в такую глушь, что деревянная птичка Фергии с запиской не могла туда добраться. Много ли надо маленькой

безделушке: обледеют резные крылышки, и она упадет, или подхватит вихрем и ударит о скалу – одни щепки останутся...

Мысли о том, что дядя тоже мог пасть жертвой семейного проклятия, я гнал от себя изо всех сил. Он ведь не большой любитель летать, я упоминал уже. Дядя предпочитает оставаться человеком, даже если проще было бы превратиться и... не знаю, развести большой огонь и отогнать хищников или напугать каких-нибудь недружелюбных дикарей. Но нет, он предпочитал преодолевать такого рода сложности исключительно с помощью смекалки. Не нужно много ума, чтобы превратиться в огромное чудовище, а вот поди уговори воинственных людей, которые и языка твоего, скорее всего, не знают, вести себя гостеприимно! Боюсь, мне такое не по силам.

Зато мне было вполне по силам вылетать по утрам вместе с Аю, как много лет назад. Не каждый день, только когда она говорила, что сегодня мне ничто не грозит, но показалось, что неделя за неделей опасных дней становилось все меньше, словно... Словно своими крыльями я рвал стянувшуюся над Адмаром колдовскую сеть!

Рыбаки, которых я изредка видел на базаре, кланялись мне, как рашудану, и молчали. Я с ними тоже не заговаривал, незачем было. Тем утром, когда я с трудом догреб до берега и выволок из лодки Фергию – ее шатало на ходу, – они ни о чем не спросили. Только старший осведомился, все ли в порядке с почтенной Данна Арой, а когда я опустил голову, только кивнул. Другие помрачнели – наверняка подумали, что теперь, когда видящей духов нет больше, искать рыбу станет сложнее, но тоже промолчали.

Увы, в ловле я им помочь никак не мог... Вернее, так я думал до тех пор, покуда не разглядел с высоты большой косяк рыбы и не последовал за ним. Попытался даже поймать хоть рыбешку, но не вышло – они были мелковаты для моих когтей. С тех пор я выискивал добычу намеренно, и, похоже, рыбаки сообразили, что я не просто так кружусь над одним местом, а время от времени еще изображаю охотящуюся чайку. Конечно, от этого было больше брызг, чем толку, но, главное, они поняли мое послание: я не раз видел, как лодки движутся к тому месту, над которым я выписываю круги с самого рассвета.

Фергия объявлялась время от времени, чтобы воздать должное стряпне Фиридиз, пошептаться о чем-то с Аю, побывать в моей амме и воспользоваться услугами Бушана, великого умельца размять усталое тело и слепить заново, как новенькое, потом беззлобно обзывала меня бездельником и снова исчезала. Чем занималась, сказать сложно, я не слышал о новых свершениях Белой ведьмы. Разговоры о том, как она расчистила горло залива, посрамив чародеев рашудана, и даже, на радость владельцам, подняла галеры почти не пострадавшими, понемногу утихали. Если кто и ходил в Проклятый оазис за помощью, то помалкивал, а Фергия о клиентах не распространялась.

Так все и шло до того дня, когда Ариш, мой слуга, не явился со словами:

– Шодан, там у ворот какой-то бродяга, говорит, ты его знаешь. Просит впустить скорее – у него важная новость, но он готов доверить ее только твоим ушам!

– А имени он не назвал? – поинтересовался я.

– Нет, шодан.

– Ну хоть опиши его!

– Что там описывать, шодан? – поразился Ариш. – Бродяга как бродяга. Маленький, тощий, кожа цвета красной меди... правда, вот одет, хоть и бедно, но чисто. Не в рванине, словом. И пальцы в чернилах, я удивился еще. Но, может, это болезнь какая или он морского гада на базаре стибрил и разделявал неумеючи...

– И еще у него на редкость противный резкий голос, – добавил я, опознав по этому скудному описанию уличного поэта Чайку, который стараниями Фергии и старого книготорговца Хаксюта поумерил пыл и принялся обучаться грамоте. Интересно, что ему от меня-то понадобилось?

– Точно так, шодан.

– Зови его сюда, – вздохнул я. – И вели принести закуски – он наверняка голодный, как всегда...

Что верно, то верно: Чайка оправдывал свое прозвище (настоящего имени я так и не узнал) и мог есть сколько угодно в любое время суток, а что не мог в себя впихнуть, то хоть надкусывал и выпрашивал с собой – для жены.

На этот раз, однако, он не начал шарить взглядом по сторонам в поисках чего-нибудь съедобного, а сразу кинулся ко мне с воплем:

– Вейриш-шодан, он меня убьет!

– Кто? – опешил я. – Даллаль? Так он на тебя не гневается. И не ищет толком, делать ему больше нечего...

– Нет же, шодан! Я про главного советника... – Чайка огляделся, словно ожидал, что из-под каждого куста в моем внутреннем двореке торчат чужие уши. – Он узнал, где я, он сам едет...

– Куда едет? – окончательно потерял я нить мысли. – Скажи толком! К Хаксюту, что ли?

– Да нет! Я ведь не там живу, я только учиться прихожу... – Он растопырил перед моим носом щедро заляпанные чернилами пальцы.

– Домой к тебе? Но ты живешь в Нижнем городе, главный советник рашудана точно к тебе не потащится.

– Шодан, ну почему ты такой недогадливый?! – возопил Чайка, схватившись за голову. – Я говорю о Проклятом оазисе!

– Я опять ничего не понял, – честно сказал я. – Во-первых, откуда ты узнал, что этот... как его?

– Ларсий!

– Да, Ларсий едет в оазис?

– В городе сказали, и я сразу побежал прятаться, – ответил он.

– И кто же ему донес, что ты частенько бываешь в оазисе?

– Откуда мне знать, шодан? Может, кто-то что-то заметил, слухи и пошли...

– Но согласись, глупо отправляться в оазис со всей свитой, рассчитывая застать тебя там!

Фергия-шади – колдунья, она бы превратила тебя во что-нибудь или просто сделала невидимым, и ищи хоть до скончания века!

– Так у Ларсия тоже чародеи есть, – Чайка шмыгнул носом. – Ищейки. Найдут, хоть на дне морском спрячешься...

– Все равно – глупо, – покачал я головой. – Брать тебя удобнее у Хаксюта или дома. И уж точно Ларсий лично не отправится по такому делу, им занимается Даллаль, пускай и спустя рукава. И почему ты решил, что советник явился за тобой, а не к Фергии-шади? Мало ли, по какому делу! И почему ты так ухмыляешься, мерзавец?..

Чайка захохотал и сел на пятки, хотя до того все норовил стукнуться лбом оземь.

– Конечно, Ларсий едет не за мной, шодан, – проговорил он, хихикая. – Но Фергия-шади сказала, что обмануть тебя легче легкого, вот я и решил попробовать...

Я вдохнул поглубже, выдохнул и сказал:

– Ты мог бы придумать историю получше, сочинитель. А теперь не тяни время, выкладывай, что случилось, и почему Фергия-шади прислала тебя, а не волшебную птицу?

– Ну так я тоже птица, – Чайка помахал руками и ухмыльнулся, показав выбитый передний зуб, – пускай и неволшебная. Только кто меня выследит? А вот ее посланников – могут, потому что, говорю же, у Ларсия в свите много чародеев, и они живо заметят, что шади кому-то послала весточку! И еще...

– Хорошо, с этим все ясно, – остановил я его словоизвержение. – Очевидно, ты просто прохлаждался в оазисе, вот тебя и отправили с посланием? Почему не Ургуша?

– А кто будет встречать гостей, подавать на стол и все такое прочее? – резонно ответил Чайка.

– И ты что же, бежал сюда на своих двоих? Если даже птицы-наблюдатели заметили Ларсия от самого города, он давно уже прибыл!

– Вообще-то, все было не совсем так, – сказал Чайка и сел поудобнее. – Я был у Хаксюта-шодана и сражался с буквами, как вдруг пришел Даллаль-шодан.

– Продолжай... – Мне становилось все интереснее и интереснее.

– Я испугался, конечно же, но сделал вид, будто я вовсе не тот поэт, которого все ищут, а просто ученик Хаксюта-шодана, которого тот пригрозил из жалости и который старается изо всех сил, чтобы хозяин не разочаровался в его способностях и не выгнал прочь.

– Я вижу, как ты старался, даже на ухо себе кляксу посадил. Дальше-то что?

– Даллаль-шодан меня узнал, конечно же, взял за шиворот, чтобы я не удрал потайным ходом, и велел со всех ног мчаться к Фергии-шади и сказать ей, что Ларсий собрался к ней в гости.

– Неужели по самой жаре? – нахмурился я и покосился на небо. Солнце палило так, что зной казался физически ощутимым, в него можно было окунуть руку, словно в сосуд с жидкостью.

– Ну конечно же нет, шодан! – возмутился Чайка моей недогадливостью. – Он прибудет к вечеру.

– Вечером дела не делаются.

– Это смотря какие, шодан. Некоторые лучше обсуждать после захода солнца, будто сам не знаешь...

Конечно же, я знал: официальные сделки не заключаются в Адмаре до рассвета и после заката, но можно и пренебречь этим правилом. Уж контрабандисты точно не среди бела дня обдeldывают свои делишки!

Выходит, Ларсий как минимум не желал, чтобы на его поездку обратили внимание. Стражники на воротах, ясное дело, ослепнут и оглохнут, но кругом хватает любопытных глаз. А ночью все-таки больше шансов, что советника не опознают, в особенности если чародеи постараются его замаскировать.

– Фергия-шади сказала: бери жену, шодан, и айда в гости, – добавил Чайка.

– Ясно... А ты что будешь делать?

– Обратно в Адмар поеду. Надо вернуть лошадь, которую мне Даллаль-шодан дал, – он выразительно потер зад, – только он не подумал, что я верхом ездить не умею... Спасибо, лошадь послушная и ученая, не то что у Фергии-шади – смерч пустынный, а не кобыла!

– Отдохни уж у нас, а лошадь Ариш ответит, – сказал я, и Чайка выдохнул с облегчением.

В гости, значит... Что ж, Аю собирается быстро, я – тем более, дороги тут всего ничего, и вскоре мы уже въехали под сень деревьев Проклятого оазиса, видимых только избранным. Вот тут-то я и удивился, а мой конь и вовсе застыл на месте, опасно принохиваясь и прядая ушами: он никогда прежде не видел, чтобы с деревьев падали разноцветные листья, устилая дорогу!

– Красиво, – сказала Аю, повертев головой по сторонам. – Как в Арастене.

– Что это Фергии опять в голову взбрело... – проворчал я и подогнал коня. Тоже мне, выученный жеребец, листьев испугался!

Удивительно, но в оазисе было намного прохладнее, чем снаружи. Если бы я не знал, где мы оказались, то с уверенностью сказал бы – среди осенней рощи где-то на Севере, когда деревья уже сбрасывают летний наряд, но еще не настолько похолодало, чтобы закутываться в меха и прятаться по домам.

– Вот и вы, наконец! – приветствовала нас Фергия. Она сидела на крыльце и пила что-то горячее, от большой кружки шел пар. Точно не ойф, запахе тот.

– Оригинальный у вас способ передавать приглашение, – сказал я.

– Какой нашелся, – усмехнулась она и обнялась с Аю. – Идите на веранду, гости дорогие, угощение сейчас будет... Ургуш! Ургуш, чтоб тебя джаннаи сожрали, опять спишь?! Возьми лошадей!

– Вы бы уж наняли другого слугу, что ли? – сказал я. – Зачем вам этот лентяй? Да еще и убийца, ко всему прочему?

– Он слишком много знает, – спокойно ответила Фергия, – а его лень превосходно лечится хорошим пинком. И не хочется сюда чужих допускать. Я уж думала взять Алманы, – это жена Чайки, помните? – да она отказалась. Говорит, всю жизнь шью, чего это вдруг стану на стол подавать?

– Она же мусорщицей была, – напомнил я.

– Не придирайтесь, Вейриш! Всю взрослую жизнь, если вам угодно. Ничего, обойдусь...

Она взяла меня за плечо и толкнула за стол.

Я хочу сказать, стол, какие приняты на Севере, высокий и стулья были ему под стать, не подушки на полу. Я почти разучился сидеть на таких, и Аю тоже, но она живо приспособилась: угнездилась на этом стуле с ногами, благо ей размеры позволяли. Я вот не сумел бы так устроиться, вернее, сумел бы, но колени торчали бы выше столешницы...

– Вижу, к приему гостей вы готовы, – сказал я, поерзав на жестком сиденье.

Потом вспомнил, что под столом удобно вытягивать ноги, что при адмарском застолье просто невозможно, если не возлечь на подушки, как делают некоторые чревоугодники. А если напротив сидит хорошенькая девушка или дама, можно сделать вид, будто совершенно случайно коснулся ее ноги своей, начав переглядываться... Ну а потом – как повезет.

– Готова, ясное дело, – ответила Фергия.

– А мы-то зачем понадобились?

– Для компании. И пересказывать потом меньше. Вы же догадываетесь, Вейриш, что Ларсий едет ко мне в гости не из-за этого дурного Чайки? Кстати, куда вы его подевали?

– Оставил пока у себя, он же себе все стер – всадник из него никакой. Вечером пускай хромает в Адмар, а лошадь Ариш ответит. Однако не ожидал такого поступка от Даллала!

– Да неужели? – хмыкнула Фергия. – Забыли, о чем мы толковали в лавке Хаксюта?

– О наследниках? Ах да, я ведь даже не спросил, удалось ли задуманное!

– Вечно вы так... – проворчала она. – Ну да ладно, дел хватало. Пока не удалось, Вейриш. У Даллала никак не выходит остаться с Аскалем наедине и поведать о книготорговце, владеющем всякими редкостями. А Энкия такое не очень-то интересуется.

– Ну, Даллаль, прямо скажем, не мастер интриги, – усмехнулся я.

– Это точно. Но он хороший человек, – без улыбки произнесла Фергия. – Пускай звезд с неба не хватает, но свою службу знает. И самое главное, Вейриш, – он никогда не предаст.

– Кого именно?

– Того, кому поклялся в верности, конечно. И тех, кому обещал помочь. Иначе он не послал бы ко мне Чайку, а я обнаружила бы Ларсия с его чародеями прямо на въезде в оазис.

– Как же ваши птицы-разведчики?

– Так ведь с советником едут чародеи, – напомнила Аю, и я хлопнул себя по лбу. – Они могут сделать так, чтобы птицы ничего не заметили. Или вообще их убить.

– Вряд ли гости станут пакостить, хотя... кто их разберет? – проворчала Фергия, Аю же добавила:

– Фергия права. Даллаль хороший человек. Он умрет, если останется таким же хорошим.

– О чем ты? – не понял я, но она лишь развела руками. Значит, увидела что-то, чего не могла пересказать: не все видения поддаются описанию. – Ясно... Но зачем рисковать с Чайкой? Хоть слугу бы своего послал!

– Кто вам сказал, Вейриш, что среди его слуг и подчиненных нет соглядатаев и наушников? Даллаль – не последнее лицо в Адмаре, за ним просто обязаны следить. Я вновь вынужден был признать, что она права, вслух же произнес:

– И что нам теперь делать?

– Ничего. Сидеть и наслаждаться трапезой... Ургуш! Ты там в котле сварился, что ли?! Я не стану тебя есть, и не мечтай! Поторопись! – Фергия откашлялась и продолжила: – Так вот, мы просто мирно беседуем о чем-то личном и любимемся листопадом. Красиво, правда?

– Да, только очень уж непривычно, – признался я.

– Понимаю, но я выросла на Севере, а там так хорошо осенью... Здесь-то не поймешь – лето, осень или зима, потому как ваши пальмы листья не сбрасывают.

– Как это не поймешь? – удивилась Аю. – Ветра другие.

– Вот разве что ветра... – проворчала Фергия.

– В саду теперь красиво, – примирительно сказала Аю. – А потом он снова зацветет?

– Конечно. Снегом уж не стану укрывать, это перебор, – улыбнулась та. – Не в этом году, во всяком случае, а там видно будет. Хорошо, что Лалира тоже видела подобное, а то я замучилась бы объяснять, чего хочу...

Из темноты, особенно густой за пределами круга света, очерченного лампами, вдруг сооткался странный силуэт. Он отдаленно напоминал пустынного падальщика – широкая грудь, длинные передние лапы, короткая сильная шея и массивная голова с мощными челюстями – и в то же время был похож на человека, передвигающегося на четвереньках так, словно способ этот ему удобен и привычен.

Я невольно подобрал ноги под стул – это был Кыж, потусторонняя тварь, охраняющая оазис. Ну, во всяком случае, я надеялся, что Фергия не завела еще кого-нибудь в дополнение к джаннае и этому чудовищу!

– Что, едут? – невозмутимо спросила Фергия, и тварь кивнула. – Пропусти. Напугай немного. Так, чтобы лошади не взбесились, но занервничали. И люди тоже.

Кыж снова кивнул и растворился в темноте.

– Он вас слушается? – спросил я зачем-то.

– Будто вы не видите, – усмехнулась она.

– Но почему? Я тогда не спросил, не до того было, но разве он не должен был вернуться в свой мир, когда убил Цургуша?

– После выполнения приказа Ориша он уже ничего никому не был должен и в самом деле отправился бы домой, если бы я не посадила его на цепь, – был ответ. – Не очень крепкую. Выражаясь фигурально, Кыж сам может расстегнуть ошейник и уйти, но, как видите, никуда не девается. И людей по ночам не ест.

– Но почему?..

– Людей почему не ест? Невкусные, наверно.

– Да нет же, отчего не уходит? Я думал, вы привязали его клятвой или кровью, или всем сразу, но...

– Была и кровь, и клятва... подробностей не поведаю, и не просите, – улыбнулась Фергия. – Но я же не зверь – держать кого-то на цепи просто потому, что мне так захотелось! Все это нужно для другого: чтобы Кыж не убил меня саму или того же Ургуша. Ну и вообще, мало ли что ему взбредет в голову? А уйти он волен, только вот пока не собирается. Обходит дозором мои владения, иногда лежит тут, возле веранды, когда я болтаю с Лалирой или играю с Чайкой в шашки... Молчит. Кто его знает, о чем думает?

Я оставил свои мысли при себе, а вот Аю спросила:

– Фергия не боится?

– Не слишком, – ответила та. – Кыж не опаснее моря. Оно такое же непредсказуемое и жуткое с виду, но если вырос на его коленях... чего тут страшиться?

– Но море вы знаете, – сказал я. – А это существо...

– Повторяю, они чем-то схожи. Сильные, но с ними можно справиться, если как следует узнать их нрав. Очень опасные, если допустить слабость и проморгать верные приметы. А еще, Вейриш, у них есть берега, из которых они не могут выйти, – серьезно произнесла Фергия.

– Неужели? А как же штормы? Наводнения?

– Для такого море нужно изрядно довести, – ухмыльнулась она. – Обычно оно все-таки не перехлестывает через горы – ни сил не хватит, ни желания не найдется.

– Если море поднимется выше гор – человек не справится, – изрекла Аю.

– Именно так. А с остальным – вполне, – кивнула Фергия и добавила, подумав: – Не знаю, что на самом деле нужно Кыжу. Но куда он выполняет свои обязанности и не безобразничает, пускай живет.

– Главное, чтобы вам не пришлось отправляться в его мир улаживать какие-нибудь разногласия между духами, – невесело пошутил я, а она ответила без тени улыбки:

– Я этому не удивлюсь. И если вдруг... Дед свою трость сгрызет от зависти!

Я в очередной раз лишился дара речи.

Может, и к лучшему: появился Ургуш и доложил:

– Шади, тут приехали к тебе, говорят, важный человек.

– Ну так пускай движется на огонек, – сказала она. – Не заблудится, поди.

– Гонец сказал, этот человек хочет, чтобы ты встретила его у входа, как подобает... – Тут Ургуш поперхнулся, откашлялся и уныло закончил: – Как подобает, одним словом.

– Передай гонцу – или его хозяин едет, как все приличные люди, на мой огонек, или вовсе никуда не доедет до самого утра, – отрезала Фергия. – Придумал тоже... Иди давай, Ургуш, что встал?

– Шади, это же, – тот понизил голос, – сам главный советник рашудана, а ты не желаешь...

– Чего я не желаю? Лбом в песок потыкаться? Иди, сделай это за меня, если охота, – фыркнула она. – Я не намерена утруждаться. Этот советник не предупредил меня о визите, нарушил мои планы, помешал дружеской беседе – пускай теперь извиняется!

Слуга тяжело вздохнул и исчез в темноте, споткнулся обо что-то, выругался, потом нашел тропинку – желтые, рыжие и алые листья тускло светились над его головой, освещая путь, – и пошел прочь.

– Смешно, – сказала вдруг Аю.

– Что тебе смешно?

– К бабушке Аю иногда приходили люди, не знавшие, как себя вести. Они хотели, чтобы бабушка предсказала им будущее, а сами не умели подумать на час вперед.

Я онемел. Аю никогда не говорила о своем прошлом, о том, что было до ее появления в доме Флоссии! Нет, иногда упоминала, каково быть рабыней, но о родных местах не вспоминала. Я думал – забыла от страха и боли, случается такое, но...

– И что делала бабушка? – с интересом спросила Фергия.

– Ничего. Степные духи делали, – ответила Аю и подлила себе еще душистого травяного напитка – сегодня мы пили не ойф. – Они охраняли и защищали. Как собаки – свое стадо. Не пускали чужих. Убивали дурных. Бабушка умела с ними говорить. Аю только училась... Она замолчала – так, что я понял: больше мы ни слова не услышим. Аю и без того сказала слишком много.

Но нет, она снова заговорила:

– Кыж не злой. Сам по себе не злой. Не хуже степных собак. Вейриш же не станет браниться, если протянет руку к чужому ягненку, а пастуший пес откусит ему руку?

– Кхм... не стану, – согласился я. – Но я никак не возьму в толк, что ты пытаешься сказать.

– Кыж – дух-охранник. Дух-помощник. Он страшный, да. наших псов тоже боялись, – сказала Аю. – Но его заставили делать не то, что он должен. Нельзя нарочно травить пастушьих псов на человека. От этого у них в голове что-то ломается.

– Ты ведь только что сказала, что они могут убить вора, – напомнила Фергия.

– Только если он тронет стадо. Просто так – никогда. Могут испугать и прогнать, но не укусят, пока чужак не возьмется за нож.

– Хочешь сказать, Кыж – вроде тех духов, что помогали твоей бабушке? И что предыдущий хозяин не ведал, что творил, когда науськал Кыжа на человека?

– Аю думает так, – кивнула та. – Ориш был юн. Он не знал и не понимал, чего делать нельзя. Даже Кыж его простил, Аю это чувствует. Но Кыж не может вернуться домой. Он испорчен.

– Испорчен? – не понял я. – Как это?

– Он, как пес, сожрал не ту добычу, на которую ему позволено охотиться, правильно я говорю? – произнесла Фергия. – Он не виновен в том, что попался Оришу, но кто спросит? Разорвут в клочья, и все. У духов ведь есть свои понятия о чести и достоинстве, верно, Лалира?

– Конечно, – прогудело откуда-то из темноты.

– Вот видите. – Фергия подлила мне еще напитка. – По всему выходит, Кыж должен как-то искупить свою невольную вину. Как – он и сам не знает. Ну да у него век долгий, сообразит рано или поздно... А теперь тихо – гости едут!

– Нам молчать? – спросила Аю.

– Нет, говорите о чем-нибудь домашнем, – прошипела Фергия. – Вроде, я слышала, Вейриш купил новую шуудэ, вот о ней...

– Очень красивая, но совсем глупая, – сказала Аю. – И ничего не умеет. Эйш еще долго ее не позовет. Зачем звать женщину, которая не знает, что у нее для чего нужно?

– Ничего себе, – присвистнула Фергия. – Откуда же взялось такое диво? Только не говорите, что с Западного архипелага, тогда ее лучше сразу же продать, а то бывали прецеденты...

– Нет, она местная, – встрял я. – Только с юго-востока. Там нравы странные даже по адмарским меркам, северянам не понять.

– Так вы расскажите, вдруг разберусь?

Я начал говорить и так увлекся, что не сразу расслышал фыркание лошадей и человеческие голоса. Впрочем, говорили приглушенно, едва ли не шептали – явно опасались колдовства. И то – вряд ли хоть кто-то прежде видел осенний листопад посреди пустыни!

– Шади, гости пожаловали, – доложил Ургуш и убрался в сторонку, а из конных носилок со всеми предосторожностями слуги под руки вывели... а вернее, не без труда вынесли почтенного Ларсия, главного советника рашудана.

Глава 9

Присмотревшись к нему, я счел, что советник вполне может передвигаться самостоятельно: он был толст, но не до такой степени, чтобы не суметь сдвинуться с места без посторонней помощи. Неделя в седле, умеренная пища и даже простая работа живо согнали бы с него лишний жир, как с меня – утренние вылеты с Аю. Может, не так быстро, потому что Ларсий был кастратом, а они часто склонны к чрезмерной полноте, но все же...

Впрочем, этот человек явно не привык утруждать себя сверх меры, а потому, ступив наземь с услужливо подставленных спин, устало выдохнул. Затем огляделся по сторонам, увидел

Фергию и изобразил нечто вроде поклона. Со стороны это выглядело так, будто Ларсий уронил платок и попытался поймать его в полете, не преуспел и бросил это глупое занятие.

– Доброй ночи, странник! – сказала Фергия, хотя я бы на ее месте понаблюдал за представлением. С другой стороны, она права: незачем злить главного советника рашудана. – Что привело тебя в Проклятый оазис?

– А кто ты такая, чтобы задавать вопросы?

Я тяжело вздохнул, понимая, что за этим последует, и угадал: Фергия захохотала на всю округу и ответила:

– Мы с подругой – хозяйки этого оазиса, странник! И если тебя вдруг заинтересует, по какому это праву мы тут обосновались, я покажу тебе бумаги, которые мы с вдовой Маддариша, покойного хозяина этого дивного местечка, честь по чести выправили в Адмаре. И печать на них самая что ни на есть подлинная, можешь спросить своих чародеев.

– Однако...

– Моя подруга купила эту землю на свои деньги, а я навела здесь порядок, – отрезала Фергия. Верно, она же записала оазис на имя Лалиры, как и обещала, я узнал от нечего делать. – Ничто иное тебя волновать не должно, даже если ты чиновник и явился проверить, не развожу ли я тут тайком золотых фазанов или еще какую-нибудь дичь!

– Гость мог бы и назваться, – подала голос Аю. – Нехорошо оставаться безмянным после заката. Мало ли кто бродит окрест.

И будто откликнувшись на ее слова, неподалеку громко завыл... нет, не зверь. Во всяком случае, даже у пустынных падальщиков не настолько гнусные голоса!

Лошади незваных гостей занервничали, да и люди, мягко говоря, не обрадовались.

– Приветствуй Ларсия, главного советника рашудана, да живет он вечно! – проговорил один из слуг, получив пинка от хозяина.

– Кто? Ларсий или рашудан? – уточнила Фергия. – Точнее нужно формулировать, а то такие оговорки кое-кому жизни стоили.

– Оба! – вышел из щекотливого положения слуга.

– Тебя-то как звать?

– Таргиш, шади...

– А других?

Остальные назывались шепотом – будто снова ветерок пронесся по саду. Никто не смолчал, я следил: боялись, наверно, злых ночных духов...

– Вот славно, – сказала Фергия, игнорируя Ларсия. – Теперь бери лошадей, Таргиш, и веди их за дом – там есть конюшня. Остальные бездельники пускай идут с тобой. Где-то там болтался мой слуга, увидишь – скажи, что я велела помочь вам. Пока расседлаете коней, обиходите, напоите, уже и ночь пройдет, а?

Слуга опасливо покосился на господина, но тот лишь величественно кивнул, действуй, мол.

Если он и опасался чего-то, то не выказывал страха.

– А ты присядь с нами, Ларсий-шодан, – медовым голосом выговорила Фергия, ногой подвинув свободный стул на видное место. – Думаю, ты приехал по важному делу, раз не стал дожидаться утра, а потому мы отложим дружескую беседу, и я выслушаю тебя со всем почтением.

Я видел: этот человек вполне мог подняться по ступеням без помощи слуги, которого отпустил коротким жестом, однако он изо всех сил изображал немощь и одышку. Я бы поверил, если б не был драконом и не умел видеть человеческие тела насквозь: это оказалось более чем здоровым, немного испорченным излишествами и неминуемыми последствиями оскопления, но весьма крепким.

Стул Ларсия тоже не напугал – он явно видел прежде такие седалища. Ножки скрипнули, но выдержали, и советник откинулся на спинку, вдыхая прохладный воздух.

– И скажи своим чародеям, чтоб не прятались за деревьями, – между делом произнесла Фергия, поставив ему кружку и налив неведомого пойла. – Все равно от них нет здесь толку. Пускай лучше помогут лошадей успокоить, чем шарахаются в темноте и пугают друг друга.

Ларсий поднял руку – в пальцах у него был зажат тонкой работы серебряный свисток. Короткий сигнал, и лишние тени рассыпались, будто не бывало.

– Ты сильная чародейка, Фергия-шади, – произнес он наконец.

Голос у него был негромким, чуточку хрипловатым, приятным.

– Спасибо, я знаю, Ларсий-шодан, – улыбнулась она. – Что привело тебя сюда в такой час? И не косись на Вейриша-шодана и его супругу – им я доверяю так же, как себе! Впрочем, если не желаешь говорить при них, встретимся в другой раз. Можешь даже пригласить меня во дворец – никогда там не была, вот бы взглянуть! Говорят, там колонны из радужного мрамора, который не продают чужеземцам, а за попытку украсть хоть осколок сажают на кол... это правда?

– Сажают, – кашлянув, согласился Ларсий. – Об этом мы можем поговорить в другое время, Фергия-шади, но мое дело медлить не может. И я прошу Вейриша-шодана и его супругу удалиться, потому что, даже если ты доверяешь им, то я – нет, и говорить при них не могу.

– Ну так молчи, – пожала плечами Фергия и обратилась к Аю: – Послушай, что скажу... Вернее, попытаюсь описать, а ты говори – похоже это выглядит или нет?

– Аю попытается, – кивнула та, и Фергия принялась нести вдохновенную чушь. Жена моя кивала в нужных местах, а время от времени говорила: – Нет. Слишком сложно. Зачем? Чем проще, тем надежнее, сама ведь знаешь!

– Знаю, но хочется же испробовать что-то этакое... – Фергия тяжело вздохнула и покосилась на Ларсия.

Он невозмутимо тянул по капле травяной отвар. Еще и амулет в кружку окунул, я заметил. Помог бы ему тот амулет, как же...

Признаюсь, с первого взгляда его физиономия показалась мне противной, в точности, как описывал Чайка в своих стихах, но потом я присмотрелся и подумал: в юности Ларсий, наверно, был очень красив. Возможно, той же красотой, что и служанка Флоссии, открывшая дверь убийцам, но это уже другой разговор. Тем более Ларсий уже много лет служил рашудану и убивать никого не собирался. Во всяком случае, пока.

Если бы не нездоровая полнота и слишком длинные руки – этого не скрывал даже пышный наряд, – он и теперь был бы красив. Многие осудили бы отсутствие пышных ухоженных бороды и усов – на подбородке у Ларсия росло какое-то недоразумение, – ну так что ж? Я тоже не щеголяю растительностью на лице, однако на меня многие заглядываются...

Но вот если бы от советника не несло так благовонными маслами, перегретыми на жару и соприкоснувшимися с его кожей, я был бы счастлив! Даже мой напиток, казалось, приобрел стойкий привкус пустынной розы с оттенком берегового ползняка, и мне хотелось зажать нос, чтобы не обонять этот дивный аромат. По отдельности все это пахнет приятно, но смесь запахов оказалась такова, что меня так и тянуло помахать рукой перед лицом.

Видимо, Фергия тоже унюхала эту гадость, потому что чихнула раз, другой, повела рукой, и я с наслаждением вдохнул чистый прохладный ветерок с ароматом осеннего сада – я помнил его по Арастену, ни с чем не спутаешь, в Адмаре просто нечему так пахнуть!

– Хорошо, – с удовольствием сказала Аю, с шумом втянув воздух ноздрями. – Не воняет больше.

Ларсий не переменялся в лице. Честное слово, я даже начал уважать его выдержку.

– Я не выгною добрых друзей ради твоего дела, шодан, – сказала Фергия, – Или говори, или возвращайся в город.

– Ты колдуешь, говорят, не как все, шади, – негромко произнес Ларсий.

– Угрожаешь, что ли? – улыбнулась она. – Да, я колдую не по-вашему. Ах, какая беда, придворные чародеи не знают моих заморских приемов! Совсем одряхлели и не умеют распознать, что же такое использует девчонка в десять раз моложе почтенных старцев... Ты это имеешь в виду? Может, ко двору рашудана стоит позвать кого-нибудь помоложе? Знакомого с другими школами магии, а не только этой вашей, замшелой? Может, этот молодой колдун завоюет доверие рашудана, а потом... О, по лицу вижу, ты не желаешь подобного! А раз так, Ларсий-шодан, прекрати намекать. У тебя товар, у меня купец, и хоть в Арастене это говорят совсем по другому поводу, но...

Он смолчал, потом все-таки произнес, глянув в мою сторону:

– Пускай твой друг и его жена поклянутся, что не разгласят тайну.

– А что, если сам рашудан прикажет говорить?

– Тогда придется ответить, – нехотя ответил Ларсий, потрогав жиденькую бороденку, заплетенную в тонкую косичку, перевитую золотыми и алыми нитями. – Но если дойдет до такого, думаю, клятвы уже не будут иметь значения.

– Хм... надо же, как интересно. – Фергия потерев кончик длинной косы, копируя жест советника. – Только вот что, шодан... Я пообещала придворным магам во главе с почтенным

Руммалем, что не вмешайся ни в какие дворцовые дела и не суну нос в политику, если только меня не попросит сам рашудан. Но ты – явно не он, а потому, боюсь, мы даже до клятв не дойдем, не то что до твоей тайны.

– Почему ты решила, будто мой визит как-то связан с подобным? Неужели я не могу нанять тебя как частное лицо?

– Можешь, конечно, шодан. Но что делать, если я возьмусь выполнить твою просьбу, а в процессе расследования окажется, что она хоть краешком да касается каких-нибудь придворных интриг? Ты же главный советник рашудана, рядом с тобой наверняка сплетены такие густые сети, что даже маленькой мушке вроде меня не протиснуться, не зацепив крылышком паутину, – сладко улыбнулась Фергия.

– Хочешь сказать, что отказываешься работать на меня? – нахмурился Ларсий. Его лунообразное лицо приобрело неприятное выражение.

– Вовсе нет, только хочу разведать брод, прежде чем соваться в воду, как у нас на Севере говорят. Ты вот, шодан, можешь быть уверен, что я не нарушу клятву, данную Руммалу и прочим, если возьмусь за твое дело?

– Нет... – после долгой паузы выговорил советник. – Более того, ты наверняка ее нарушишь.

– И как быть?

– Я главнее этих старых бездельников, и я освобождаю тебя от данного им обещания!

– Это так не работает, шодан, – покачала головой Фергия. – Нельзя взять и отменить чужое слово. Руммаль и остальные могли бы позволить мне вмешаться единожды, но что-то мне подсказывает – ты не желаешь, чтобы они знали о твоей проблеме, иначе обратился бы к ним, а не к чужеземке. Я права?

– Права, – нехотя согласился Ларсий. – Я потому и выбрал тебя, шади, что ты здесь недавно, и хоть многого не знаешь, зато и ни от кого не зависишь, во всяком случае, пока. Это важно.

– Не зря же на родине я зовусь независимым магом, – улыбнулась она. – Однако какая интересная ситуация... Не знаю, сумела бы я тебе помочь, и не узнаю, пока ты не расскажешь мне, что случилось. Но я не имею права даже слушать тебя, потому что твоя проблема связана с дворцовыми делами. Нарушенные обещания, знаешь ли, очень больно бьют по клятвopреступникам, а мне вовсе не хочется лишиться своей магии!

Воцарилось напряженное молчание. Вернее, Аю с детским любопытством наблюдала за этим спектаклем, да и я тоже: интересно было, как выкрутится Ларсий. А еще интереснее – что же у него такое случилось, раз он среди ночи явился к чужеземной волшебнице, да еще развел такие секреты вокруг своей просьбы?

– Что, если я добуду для тебя письмо рашудана, в котором он приказывает тебе всячески способствовать мне? – предложил наконец Ларсий.

– Приказывает? – приподняла бровь Фергия. – Я не его подданная.

– Но ты живешь на его земле... и, к слову, платишь ли подати?

– Нет, потому что я еще ничего не заработала, – честно ответила она. – Вот как только кто-нибудь отсыплет мне полный кошелек золота, так непременно передам положенную часть в казну. А если ты про плату за землю, воду, воздух и все в таком роде, то мы с подружкой отдали положенную сумму, когда заключали сделку с вдовой Маддариша. Можешь проверить – за три года вперед выплатили.

Вот чего у семейства Нарен не отнять – так это внимания к мелочам. Я, если честно, вспоминал о податях, только когда у ворот появлялся унылый человек в серой накидке с гербом рашудана, при внушительной охране и предъявлял грамоту с большой печатью: мол, требуется уплатить в казну столько-то монет за землю, за постройки, за каждую из жен и шуудэ, за слуг, за лошадей и скот... Набегала порядочная сумма, должен сказать, и это я еще жил не в самом Адмаре, а за городской стеной!

Однако Фергия, очевидно, успела вникнуть в эти тонкости, а потому подстраховалась, а может, и подмазала кого нужно, чтобы сообщили, если вдруг кто-нибудь позарится на ее оазис. Можно и отбиться, только нужно ли, если есть мирные способы решения таких проблем?

– В общем-то, такое письмо подойдет, – сжалась вдруг Фергия. – Конечно, я хотела бы, чтобы там было написано: «Прошу Фергию Нарен всемерно содействовать нашему верному слуге, Ларсию-шодану, за каковое содействие будет выплачена такая-то сумма»... ну, так обычно его величество Арнелий пишет моей маме, если не вызывает поговорить с глазу на глаз.

Но раз уж у вас тут так принято, пускай рашудан приказывает. Только про оговоренную сумму не забудь, шодан. Можно в конце приписать, я не обижусь.

Ларсий посмотрел на нее зверем, порывлся за пазухой и выудил свиток, запечатанный сургучом. Кажется, печать была рашуданова...

– Да ты подготовился, шодан, – хмыкнула Фергия, не торопясь брать свиток в руки. – Вейриш, скажите-ка, как по-вашему, печать настоящая? Я ни разу не видела настоящего оттиска, так что...

– А я будто только и делал, что к ним присматривался! Сюда бы дядю Гарреша – он отменно разбирается в подделках, – вздохнул я.

– Ставлю золотой против дохлой лошади, что печать настоящая, – вздохнула она. – Ведь у Ларсия-шодана наверняка есть к ней доступ, не так ли? А вот что внутри...

Я не удержался, привстал и заглянул Фергии через плечо, когда она все-таки развернула свиток и принялась читать. Там было-то всего несколько строк, и больше всего места занимало перечисление имен и титулов рашудана, а в конце значилось: «сим повелеваем чужеземной чародейке, известной под именем Фергии Нарен, также называемой Белой ведьмой из Проклятого оазиса, всецело отдаться делу нашего верного слуги и не заниматься ничем иным до тех пор, пока оно не будет благополучно разрешено».

– А про деньги где? – разочарованно спросила Фергия. – Нет, ну так не пойдет. Во-первых, я не собираюсь покупать kota в мешке...

– Что ты имеешь в виду, шад? – кашлянул Ларсий.

– Я еще ничего не знаю о твоём деле и уж тем более не берусь предсказать, будет ли оно разрешено хоть как-то, не то что благополучно!

– Фергия, вы все-таки будьте поосторожнее в выражениях, – попенял я, когда Ларсий вдруг побелел и принялся хвататься за край стола.

– А что я такого сказала? По-моему, чистую правду, – пожала плечами Фергия. – Так вот, вторых, на мне уже висит пара заданий, и я не собираюсь их откладывать ради твоего, Ларсий-шодан. И не смотри на меня так: у мамы бывает и по дюжине дел в работе, справляется же! Я, конечно, еще не так умела, но тоже кое-чего стою... Кстати, ты в курсе, во сколько я оцениваю свои услуги?

– Слыхал, – выдавил он.

– Устраивает?

– Да. Заплачу вдвое. Или втрое, если поторопишься.

– Похоже, дрянь дело-то... Ладно, зайдем с другой стороны, Ларсий-шодан, – пробормотала она и отодвинула свиток на край стола, пояснив: – Записка эта – не фальшивка, я полагаю. Как верно сказал Вейриш, у тебя наверняка есть доступ к печати рашудана, может, даже и к личной. Ты много лет занимаешься его делами, он тебе доверяет, так что вряд ли отказался шлепнуть отпечаток на сей документ, не читая.

Я следил за выражением лица Ларсия – ни один мускул на нем не дрогнул. Ну да опыт у советника колоссальный...

– Написал его, очевидно, ты сам, – продолжала Фергия. – И подпись поставил тоже – думаю, за столько лет ты прекрасно научился ее копировать. А может, просто подсунил этот приказ среди каких-то маловажных бумаг – этого казнить, того помиловать... неужели рашудану хочется вникать в подобные мелочи, если есть ты?

Она помолчала, потом со вздохом сказала:

– И как быть с подобным казусом? Приказ-то настоящий, да только рашудан о нем и не знает! Или я не права?

– Права, – проронил Ларсий после долгого молчания.

– И поди угадай, примет магия эту записку за ту самую просьбу или нет? Что, если я соглашусь, а в итоге лишусь дара?

По-моему, Фергия ломала комедию. На крови придворным чародеям она не клялась, я точно помнил, просто пообещала. И формальность соблюдена: у нее имеется даже не просьба, а приказ рашудана, которого поди послушайся!

– Я щедро вознагражу тебя, если случится нечто подобное, – сказал Ларсий.

– Насколько щедро? – тут же спросила Фергия, и я понял – это затянется надолго... – Ты сам посуди, шодан: одно дело – жизнь, вот она была, а вот ее не стало, и тебе уже все равно, ведь золото не заберешь с собой на ту сторону, от смерти им не откупишься... И совсем другое –

магический дар! Ведь с его помощью я могу заработать гораздо больше денег, чем ты готов мне предложить!

– Но не в единую минуту, – усмехнулся он.

– Само собой, это займет какое-то время, но я буду занята, мне никогда не придется скучать... – Она развела руками. – А что я стану делать с твоим золотом? Скучно и уныло проедать его?

И...

– Ты говоришь совсем не о том, о чем следовало бы, шади, – перебил Ларсий. – Слов много, но они пусты. Скажи, что ты потребуешь в качестве возмещения ущерба, если таковой случится, и я пообещаю тебе это.

– Пообещать – не значит дать, – подала голос Аю. – Если Фергия потеряет дар, ты просто выкинешь ее из Адмара и забудешь. Она уже не будет чародейкой и не сможет заставить тебя выполнить договор.

Я хотел сказать, что помогу, но вовремя прикусил язык.

– Я дам задаток, – пошел наконец на попятный Ларсий.

Понял, видимо, что так вот переливать из пустого в порожнее Фергия может сутками, и сколь бы он ни был искусен в придворной беседе, ему не переговорить это ведьмовское отродье.

Прошу прощения, магическое, конечно же, независимое.

– Вот это уже деловой разговор, – потерла руки Фергия.

– Но ты вернешь его, если с тобой ничего не случится.

– Логично, – пробормотала она. – Мне нравится твой подход, шодан! Привезешь задаток – поговорим о деле, идет? Вряд ли у тебя при себе есть сумма, в которую я оцениваю свой дар и недополученную прибыль...

И вот тут Ларсий впервые изменился в лице: черты его исказила ярость, он, привстав, наклонился через стол к Фергии и шепотом рывкнул, сдирая с пухлых пальцев кольца:

– У меня нет времени, женщина! Вот, возьми драгоценности... мало? Я прикажу своей свите сложить к твоим ногам все, что у них найдется, даже серебряные бляхи с лошадиной сбруи, а завтра привезу еще, если не хватит, но ты должна взяться за дело немедленно!

Фергия задумчиво поворошила горку перстней, браслетов, драгоценные цепи, потрогала огромный рубин с тарбана советника – в огнях ламп камень сиял, словно сердце огненного джанна, – и кивнула:

– Так и быть. Пускай это будет залог за четверть задатка. Не привезешь или не пришлешь остальное – ничего не стану делать. А твои побрякушки верну, конечно же, – я такое не ношу, да и узнать могут. Зачем нам сплетни, верно?

Ларсий шумно сглотнул и откинулся на спинку стула.

– Ургуш! – рывкнула Фергия. – Принеси холодной воды и сок алима! И ойф поставь!

– Сейча-а-ас, госпожа-а-а... – уныло донеслось от пристройки.

– Поживее! – добавила она и тут же сменила тон, любезно обратившись к Ларсию: – Ну а теперь можно поговорить и о задании, которым ты хочешь меня осчастливить, шодан.

– Сперва клятва, – напомнил он, покосившись на меня. – Эти люди не должны никому ничего...

– Вейриш, бывает, помогает мне в расследованиях, – перебила Фергия. – А его супруга – может, ты даже слышал о ней – видящая. Ведунья, как тут говорят. Их помощь лишней не будет, и я могу поручиться за них. В конце концов, этим вот письмом рашудан не воспрещает мне привлекать помощников, а им все равно придется рассказать хоть что-то.

Я уже достаточно привык к Фергии, чтобы стойко переносить ее нескончаемую болтовню, хотя и поражался – как она сама-то не теряет нить беседы? А вот посторонним это давалось нелегко: Ларсий несколько раз встряхнул головой, будто выливал воду из ушей, потом упрямо сказал:

– Посторонние ничего не должны знать.

– Мы не посторонние, мы связаны больше, чем родством, – лихо соврала Фергия.

Хотя почему соврала? Пророчество, да еще проклятие, да еще давнишняя помощь Аю Флоссии

– такого накопилось очень и очень много! Не то чтобы мне нравилось считать себя родственником Фергии, но в данном случае она не ошибалась: мы связаны прочнее, чем хотелось бы.

– Аю знает, о чем хочет сказать важный шодан, – проговорила вдруг моя жена, поудобнее устроившись на жестком стуле.

– Неужели? – Ларсий сощурил светлые глаза.

– Шодан потерял что-то очень важное, – едва заметно улыбнулась Аю, и татуировки на ее щеках пришли в движение. – Это не вещь. И не любимая собака. Какой-то человек. Шодан его ценит, а теперь потерял и не может найти. И почему-то не хочет звать придворных чародеев. Почему?

Ларсий шумно вдохнул и выдохнул, придерживаясь за край стола, и тут Ургуш очень вовремя принес холодную воду и сок алима. И почему копался столько времени? Воды полно – достаточно кувшин под струю водопада подставить, а алимы, уж наверно, он не в горах собирал!

Советник большими глотками выпил чашу подкисленной (и, судя по выражению его лица, даже слишком сильно) воды и снова уставился на нас.

– Я же говорила, Аю – видящая, – невозмутимо повторила Фергия. – Правда, она не всегда может истолковать то, что ей пригрезилось, но на то есть мы с Вейришем. Неужели ты откажешься от такой помощи, Ларсий-шодан?

Тот молча покачал головой, но тут же сказал:

– Если каждому из этих двоих нужно заплатить столько же, сколько тебе...

– О нет, – предвосхитила она мой ответ, – они занимаются подобными вещами из любви к искусству и от скуки. Вейриш достаточно богат, чтобы ни в чем не знать нужды. Зачем ему, а тем более его жене работать? Другое дело – прийти на помощь, если кто-то очень в ней нуждается... Ты ведь нуждаешься, не так ли?

Ларсий помолчал, потом кивнул, будто решил на что-то, и сказал:

– Ты можешь сделать так, чтобы никто не услышал нашего разговора? Ни твой слуга, ни мои спутники? У меня при себе столько амулетов, что хватит на целую армию, но...

– Но делали их придворные чародеи, – поняливо подхватила Фергия, – а им ты не доверяешь. Зачем тогда потащил с собой всю эту орду?

– Не пристало советнику рашудана путешествовать всего лишь с парой-другой телохранителей, – презрительно ответил он. – Можешь – так сделай!

– Сию минуту, сиятельный шодан, – хмыкнула Фергия, встала, взяла кувшин и спустилась с террасы. – Вот так...

Она, что-то напевая себе под нос и тонкой струйкой выливая воду из сосуда, обошла вокруг крыльца, снова поднялась по ступеням, обогнула стол, оставив на полу мокрые потеки, и уселась на свое место.

– Правда, теперь Ургуша за водой не пошлешь – не услышит, – сказала она. – Ну да ничего, я наколдую, если вдруг захочется. А теперь...

Фергия щелкнула пальцами, и вокруг нас взвилось знакомое уже синее пламя. Совсем невысокое, едва по щиколотку, почти прозрачное – оно текло по проложенному струйкой воды руслу, замыкаясь... нет, не в кольцо, конечно, но очерченный контур нигде не был разорван, я смотрел внимательно.

– Позови кого-нибудь из своих слуг, – предложила Фергия, – чтобы проверить.

Ларсий послушался и довольно долго на разные лады выкликал имена чародеев, стражников и прочих, тербил амулеты призыва... Тщетно – никто не отозвался, и он выдохнул с заметным облегчением.

– А теперь давай уже перейдем к делу, шодан, – попросила Фергия. – Не то рассветет прежде, чем ты сподобишься объяснить, зачем явился ко мне.

– Верно... – Ларсий помолчал, снова потербил бородку и выговорил единым духом, словно страшась собственных слов: – Пропал сын рашудана.

Воцарилось молчание.

«Вот это поворот!» – мог бы я сказать, но снова прикусил язык. Аю вроде бы и не удивилась, ну да она ведь знала, о ком речь...

Фергия тоже это поняла, потому что изо всех сил сдерживала улыбку. И, слава всему существу, не спросила: «Спорим, угадаю, который именно?»

Надеюсь, мое лицо выражало приличествующий случаю ужас, когда я первым нарушил тишину вопросом:

– Но почему же его не ищут все стражники, все чародеи Адмара? Отчего ты, шодан, приехал сюда тайно?

– Наверно, шодан виноват, – сказала Аю. Она вспомнила, похоже, что сидя на краешке стула, можно болтать ногами, и теперь с удовольствием предавалась этому занятию, дразня босыми пятками язычки пламени. – И думает: если вернуть пропажу на место, никто ничего не заметит, и его не накажут.

Ларсий, и без того белокожий, сделался каким-то синеватым, и Фергия щедро плеснула ему ойфа из котелка. Готовил это пойло Ургуш, и я лишь смел надеяться, что не по рецепту хозяйки.

– Рассказывай по порядку, Ларсий-шодан, – попросила Фергия, – а то время идет, а мы сидим без дела. Кто именно пропал, когда, какие у тебя есть мысли на этот счет: может, его похитили и потребуют выкуп? Или дело в другом?

Ларсий залпом допил ойф, отдышался и выговорил:

– Если бы я знал, шади, неужели пришел бы к тебе?

– То есть вариант с похищением тебя не устраивает? А почему? И назови хоть имя пропавшего! Я знаю, что старшего сына рашудана зовут Энкилем, а второго Аскалем, так кто из них исчез? – Фергия была сама серьезность. – Они ведь взрослые, так вдруг просто... гм... немного загуляли, как это водится у молодых людей?

– Нет... не они, – помотал головой Ларсий, едва не уронив с нее тяжелый тарбан. – Эти двое – сыновья жен. Пропал сын наложницы, Искер, совсем еще юный мальчик.

– И почему же ты так встревожен из-за него? – делано удивилась Фергия. – Неужели рашудан любит его больше старших сыновей? И если узнает о пропаже, то всех не уследивших...

Она выразительно провела ребром ладони по горлу.

– Рашудан, да живет он вечно, вряд ли помнит, как зовут этого мальчика, – с неожиданной горечью проговорил Ларсий. – И не хватится его, пока не доложат, а если кто и донесет, решит, как вы, – юнец удрал развлекаться.

– Но ты так не думаешь... И как-то странно радеешь об этом Искере, – сказала Фергия. – Если бы я не знала, что ты... гхм... не можешь иметь потомства, то решила бы, будто он твой сын, а вовсе не рашудана!

На этот раз Ларсий подавился ойфом и надолго закашлялся.

– Не вздумай сказать такое вслух, женщина... – просипел он наконец.

– Я уже сказала.

– При посторонних не вздумай! – Ларсий перевел дыхание. – Нет, Искер не мой сын, в этом я уверен. Но я так же уверен в его уме и недюжинных способностях. Пускай он не укрощает диких лошадей, как Энкиль, и не владеет в совершенстве – пока не владеет! – двумя десятками чужих языков, зато прекрасно разбирается в людях и той премудрости, которая необходима, чтобы выжить при дворе...

– Как ты? – прямо спросила Фергия, и он кивнул.

– Знаешь, что делают с лишними сыновьями, шади, когда умирает рашудан?

– Догадываюсь. Что, даже младенцев?.. – Она снова провела пальцем по горлу.

– Прежде было так.

– Отчего бы не продать? Хотя бы тех, кто еще не умеет говорить?

– Много ли ты знаешь покупателей на такой товар? – презрительно хмыкнул Ларсий. – Да и торговцы не глупы: живо сообразят, откуда вдруг взялось столько детей на продажу...

– Что-то мы отвлеклись. – Фергия поерзала на месте. – Значит, ты отличаешь Искера среди остальных за его ум?

– Нет никаких остальных, шади, – устало произнес Ларсий. – Ты не слыхала? Сыновья рашудана умирают в младенчестве, и теперь живы лишь Энкиль-воин и Аскаль-ученый. Кто-то из них займет золотой трон, потому что даже рашудан не сможет жить вечно, сколько бы людей ни желали ему этого. Возможно, в великой милости своей они подарят жизнь младшему брату, но я не стал бы рассчитывать на это. Я бы так не поступил.

– Так ты его выкрасть хотел, что ли? – не удержался я. – Отправить в другую страну под чужим именем – он мог бы преуспеть, если правда все то, что ты говоришь о нем! Как ты сам, верно?

– Нет, шодан. – Советник тяжело вздохнул. – Не совсем так. Я хотел сделать его своим сыном.

Мы с Фергией недоуменно переглянулись. Только Аю все глядела в синий огонь, ловила его язычки и будто шепталась с ними о чем-то.

– У меня не может быть детей, это правда, – продолжил Ларсий. – Но имя при мне, пусть даже нарек меня им работорговец... Прежнее я позабыл, а это давно стало моим. Я могу дать его приемному ребенку. Тогда он потеряет все права на золотой трон, зато останется жив. А потом...

– Потом можно сделать вид, что ничего не было? – не удержался я.

– Нет же! – Светлые глаза Ларсия вспыхнули в призрачном синем свете. – Я хотел сделать Искера не просто своим сыном, но преемником. И тогда сколько-то лет спустя рядом с новым рашуданом, неважно, Энкилем-воином, не желающим думать о скучных хозяйственных делах, или же Аскалем-ученым, отмахивающимся от вестей о нападениях воинственных кочевников, оказался бы человек... способный на многое.

– Способный править вместо них? Или даже лучше их? – поинтересовалась Фергия, неотрывно глядя ему в лицо. – Что отводишь взгляд, Ларсий-шодан? Все знают, что ты не просто главный советник. Рашудан сделает все или почти все, чего ты потребуешь, не так ли?

Он промолчал.

– Одного не понимаю: как ты собирался повернуть фокус с этим усыновлением, – добавила она. – Если уж после смерти рашудана избавляются даже от лишних младенцев и наложниц, то как может уцелеть взрослый юноша? Или у него уже есть верные люди? Качаешь головой? Тогда как, объясни!

– Рашудан дал соизволение, – с трудом выговорил Ларсий. – Он слишком хорошо помнит, как убивали его братьев. Он отрекся от Искера давно, еще несколько лет назад, позволив мне воспитывать его. С одним лишь условием: никогда он не станет посягать на золотой трон и жизни старших братьев... А потом забыл о мальчике...

– Сдается мне, там поработал какой-то чародей. Иначе с чего вдруг рашудану забывать о ныне живом и здравствующем сыне, к тому же всего лишь третьем, а не двадцать третьем, – заметил я, и Ларсий неохотно кивнул, подтверждая мою догадку.

– А сам-то Искер знал об этом блистательном плане? – спросила Фергия.

– Я рассказал ему, когда счел достаточно взрослым.

– И?..

– Он удивился, конечно, но я живописал ему, как происходит смена власти, напомнил, что отец его не вечен, а Энкиль вряд ли пощадит сына какой-то наложницы... Аскаль – тот может, но он сошлет Искера в такую глушь и приставит такую стражу, что тот никогда не выберется на свободу, и все его способности пропадут даром...

– погоди, шодан, – остановила Фергия. – Хочешь сказать, старшие братья ничуть бы не удивились, увидев рядом с собой Искера в качестве советника? Пусть и с другим именем? Они его что, в лицо не помнят?

– Внешность тоже легко изменить, тебе ли не знать, шади, – усмехнулся он.

– Что ж ты свою-то не подправишь? – невежливо спросила она.

– Поздно уже. Такое легко проделать, когда мальчик еще только становится мужчиной, – Ларсий криво усмехнулся. – В эту пору я был рабом. Откуда бы мне взять деньги? А прикрываться иллюзией не вижу смысла – весь Адмар знает, каков я собой.

– Похоже, какая-то интересная методика, – задумчиво произнесла Фергия, – не слыхала прежде о подобном. Надеюсь, чародей, который должен был сделать это с Искером, еще жив?

– Уже сделал! – вскричал Ларсий. – И нет, он... Словом, он уже ничего не расскажет, шади.

– Час от часу не легче... – пробормотал я. – Выходит, парнишке изменили внешность, но он пропал? До того, как ты назвал его своим сыном?

– Именно так.

– А как он теперь выглядит?

– Не знаю... – тихо простонал Ларсий, схватившись за голову. – Превращение должно было длиться три дня и три ночи, и Искер мог выбрать любую внешность, какую бы только захотел, лишь бы не походить на рашудана и братьев!

– Его бы не хватились за это время?

– Кто? Слугам сказали, что он болен заразной болезнью... Он громко стонал – это ведь больно, менять лицо и даже тело... Ему оставляли еду и питье у двери, а чародей следил за тем, чтобы

все шло как следует! Если бы только я сам зашел... Но я не мог, не имел права привлекать внимания!

– Так ты что, велел прирезать этого чародея, едва он доложит, что превращение состоялось? – прервала Фергия его покаянную речь.

– Конечно же, нет! Вернее, я убрал бы его, но сперва удостоверился, что с Искером все в порядке... Но мальчик исчез на исходе третьей ночи. В его комнате остался только мертвый чародей!

– Как же мальчишка ухитрился прикончить мага? – поразился я.

– Наверно, тот задремал... и не ждал подвоха. Но Искер его не зарезал, – покачал головой Ларсий, – хотя кинжал у него был. Свернул голову, как цыпленку, и это...

– Странно, – завершила Фергия. – Неужели он придумал себе внешность... ну, хотя бы как у Даллалая? Нет, не годится, как бы он набрал лишнюю массу? Вряд ли мнимо большого кормили на убой... Значит, он должен был остаться юношей, вчерашним подростком, пусть и с другим лицом, а такой вряд ли может сломать кому-то шею. Ну, если его не учили подобному.

– Учили, но не так, как Энкия. Конечно, Искер усердно упражнялся, научился борьбе, но... – Ларсий вздохнул. – Я не верю, что он смог бы убить спящего. Это совсем на него не похоже!

– Никаких улик, шодан?

Тот снова покачал головой, потом добавил:

– Вот еще что: верный мне человек из стражи сказал, что не знает приема, которым убили чародея. А еще Искер не взял ни денег, ни оружия, ни даже одежды.

– Голым убежал, что ли? – не понял я.

– Выходит, так. Ни единой вещи не пропало.

– Логично, ведь по ним можно отыскать беглеца, если очень постараться, – пробормотала Фергия. – Вот только на человека, нагишом бродящего по территории дворца, наверняка обратили бы внимание, не так ли?

Ларсий развел руками – мол, не заметили.

– Мог он взять тряпье у какого-нибудь слуги?

– Проще уж простыней обмотаться, – заметил я.

– Простыню брать нельзя, она с ним соприкасалась, нужно что-то чужое. Да хоть в занавеску завернуться!

– У слуг не так много одежды, чтобы они не заметили ее исчезновение. Поднялся бы шум, и я бы узнал, – ответил Ларсий. – А если ты имеешь в виду доверенного человека, который раздобыл для Искера новое платье и тайком принес в его покои, то таких у него не было. Я следил, чтобы он ни с кем особенно не сближался. Вокруг него были только мои люди, и они уже выложили на допросе: мальчик никого ни о чем не просил.

– И занавески тоже не пропадали? – совершенно серьезно спросила Фергия.

– Не докладывали о подобном, – таким же тоном сказал Ларсий. – Ты представляешь себе занавесь во дворце рашудана, шади?

– Нет, но предполагаю, что это нечто весьма громоздкое, яркое... словом, закутавшись в такую тряпку, за нищего не сойдешь, а вот за вора – запросто. Да и не побегаешь в таком, с позволения сказать, одеянии: эта штуковина, небось, тяжеленная и длиннющая! А если брать что-то этакое... – Фергия помахала руками в воздухе, – воздушное, то толку от него? Да и откуда в мужских покоях всякие прозрачные ткани?

– Вот именно.

– Понятно... Ладно, поговорим о другом: во дворце ведь наверняка есть сторожевые псы, так? Их должны спускать на ночь, во всяком случае, так делают в Арастене.

– У нас есть даже сторожевые пустынные коты, – не без гордости сказал Ларсий.

– Коты?..

– Они побольше собаки ростом, – пояснил я, – очень привязчивые, довольно послушные, с ними можно охотиться, и для охраны они вполне годятся.

– Ну надо же... – покрутила головой Фергия. – Век живи – век учись... А они с собаками не цапаются?

– Нет, если котят растить вместе со щенками, то они считают себя собаками, – ответил я. – Во всяком случае, мне так кажется. У меня был когда-то один, очень ласковый... со своими, конечно.

– Хочу такого котенка! – ожидаемо заявила Фергия, будто мало ей было Кыжа, но тут же опомнилась и вернулась к расспросам: – И что, шодан, сторожевые звери не подняли тревогу? Ларсий покачал головой и нахмурился.

– Они знают Искера, с чего бы им его останавливать?

– Логично... А ищейки у вас есть? – спросила Фергия. – Должны быть!

– Есть, конечно. Пускали их по следу – не берут. Будто кто-то его чем-то засыпал, так сказали псари.

– А чародеи что? Вон их у тебя сколько! Может, след заколдовали?

– Нет. Эти его как раз взяли, дошли до стены, – мрачно ответил Ларсий, – а за ней след растворился. Слишком много народу кругом, а эти вот... не слишком умелые. Не Руммалю же просить!

– Да уж, его не заткнешь в случае чего, – нелюбезно проговорила Фергия и вдруг с улыбкой потеряла руки. – Прелесть что за дело!

– Неужели? – пробормотал я.

– Ну да! Искать юношу, который неизвестно, как выглядит, без единого следа и зацепки – это же... – Она смачно поцеловала кончики пальцев, как торговка, расхваливающая свой товар. – Кстати, о зацепках... Ларсий-шодан, нельзя ли как-то осмотреть комнаты Искера и сад или что там внутри дворцовых стен? И труп чародея, если его еще не зарыли в общей могиле или не выкинули в море рыбам на корм?

– Труп – можно, я приказал сохранить его как можно лучше, – кивнул Ларсий. – Но пустить тебя во дворец я не могу. Чужого человека заметят сразу же.

– Н-да, жаль, что я не могу обернуться птичкой и перелететь через стену, – хмыкнула она. – Придется шарить снаружи, вдруг еще не все затоптали? И еще мне нужны личные вещи Искера, лучше всего – его любимая одежда или какие-то особенно дорогие ему безделушки.

– Я привез, – коротко ответил Ларсий. – Велел собрать, что было в его комнате.

– До чего же приятно иметь дело с умным человеком! – воскликнула Фергия. – Только, шодан, прежде чем я отправлюсь заниматься делом, будь любезен, изобрази хотя бы примерно план дворца. И нет, я не собираюсь его грабить, мне просто нужно знать, где комнаты Искера, куда выходят окна, где там посты стражи поблизости, какими путями она ходит, где бегают собаки и эти ваши милые кошечки... и высоту стен неплохо бы обозначить. Сумеешь?

– Неужели нет, – буркнул он и взял протянутое перо, которое Фергия привычным движением вытащила из бездонного кармана следом за листом бумаги.

– Для всех Искер, надо полагать, еще болеет? – спросил я.

– Да. Уже идет на поправку, но очень слаб.

– Что, если его кто-то пожелает увидеть? Мать или даже сам рашудан? Мало ли...

– Нечего им делать у заразного, – был ответ.

– Отлично... – протянула Фергия, заглядывая ему через плечо. – И вот еще, шодан: как дорисуешь, расскажи поподробнее, чему именно ты учил Искера, куда брал с собой, что показывал, с кем знакомил...

– Я уже проверил всех знакомых, его там нет.

– Это ты так думаешь, – загадочно сказала она. – Ты черти, черти план, не отвлекайся. До рассвета еще далеко...

– А утром много работы, – добавила Аю, и советник недоуменно покосился на нее.

– Нужно ведь опросить всех, кто мог видеть убегающего на рассвете голого юнца, – пояснила Фергия. – А чтобы никто ничего не заподозрил, скажем, что это ученик чародея, который малость подвинулся умом после того, как сунул нос в книги наставника и попытался наколдовать себе распрекрасную шуудэ, но не преуспел. Найдется у тебя чародей, готовый пожертвовать своим добрым именем и свидетельствовать – был такой ученик, да удрал в чем мать родила, ищи его теперь, думай, что он может натворить?

– Найдется, – с неожиданным воодушевлением ответил Ларсий и протянул ей план. Что и говорить, рука у него была верная, а глаз острый: я не раз видел дворец сверху и мог уверенно утверждать, что советник знал каждый закоулок за высокими стенами. – Он заодно и присмотрит за твоей работой, шад.

– За соглядатая – десять процентов сверху, – тут же сказала она, ничуть не обидевшись, и пояснила: – От них обычно хлопот много. Лезут, куда не нужно, мешают... Если будет наблюдать, помалкивать и только кивать, если спросят – правда ли эта история, – то пускай, но

если попытается мне указывать и тем паче встревать в расследование... Не обессудь, шодан, я верну тебе этого человека в шкатулочке.

– Ты имеешь в виду – его пепел?

– Нет, его самого. Уменьшу и посажу в коробочку, как жука, чтобы не зудел над ухом.

– Фергия-шади способна на такое, – сказал я, припомнив, как она спрятала труп в пальмовый орех, и чары продержались достаточно долго. Правда, я не знал, получится ли проделать подобное с живым существом, но порой небольшая ложь не повредит. – Я свидетель.

– Он не станет докучать тебе, шади, – помолчав, произнес Ларсий. – Я прикажу ему держать язык за зубами. Но ты в свою очередь пообещай не учинять над ним расправу за любой косо́й взгляд или неверное слово.

– Я постараюсь, – искренне ответила Фергия. – И повторяю: не беспокойся, шодан, во дворец я не полезу. Да и как я туда попаду, через стену перелезу? Заметят...

Тут она хитро покосилась на меня, и я представил вдруг, как глубокой ночью захожу со стороны моря, снижаюсь над дворцом, зависаю на месте – это очень тяжело, но минуту-другую я выдержу, – а Фергия тем временем цепляет крюк к моему спинному гребню, скидывает вниз веревку и соскальзывает по ней на крышу дворца.

Надеюсь, она не умеет читать мысли... А то ведь я уже начал прикидывать, не проще ли будет снизиться насколько возможно, чтобы не сбить декоративные башенки, или вообще спикировать, сложив крылья, да и скинуть Фергию в сад: небось, не разобьется, волшебница все-таки!

– Для начала спрашиваем на базаре, – сказала она, мечтательно улыбаясь. – Ты ведь не знаешь точно, когда убежал Искер, а на торговые места многие прибывают до рассвета. Мало ли, у кого тряпка пропала или еще что. Или у какой-нибудь хозяйки белье с веревки свистнуло среди ночи. Не ветром унесло – таких ветров сейчас нет, значит, точно украли... Словом, что-то да всплывет!

– И сколько времени займут такие расспросы? – глухо спросил Ларсий.

– Понятия не имею, – развела руками Фергия. – Но не думай, что я стану тянуть время, лишь бы вытряхнуть из тебя побольше золота. Мне самой интересно разобраться в этом дельце!

– Но что, если отсутствие Искера заметят? Те же слуги могут сболтнуть, за всеми не уследишь, как это ни прискорбно... Узнает его мать – ее и чародей не остановит, шум поднимется на весь дворец!

– Скажи, он снова заболел, – произнесла Аю. – Так бывает. Вроде выздоровел – и опять слег.

Прикажи никого не пускать к нему.

– К слову, а она-то знает о вашем с рашуданом плане? – опомнился я.

– Конечно же, нет! – воскликнул Ларсий. – Разве можно доверить подобное неразумной женщине, которая к тому же...

Он осекся, а Фергия подбодрила:

– Ну же, договаривай! Которая – что? Спит и видит своего сына рашуданом, а себя – вдовствующей рашодэ? Киваешь?.. Я так и думала!

– Точно, она ведь не могла не узнать, что ты взялся обучать Искера, – сообразил я, – и подумала, что... гхм..

– Что Ларсий-шодан готовит мальчика в преемники не себе, а самому рашудану, – улыбнулась Фергия. – Да-с, от этой женщины можно ожидать проблем, а потому мой тебе совет, Ларсий-шодан...

– Избавиться от нее?

– Ну зачем же так сразу? Я хотела сказать: положи в постель Искера какого-нибудь невольника, похожего на него ростом и лицом, и пусть твои чародеи его заколдуют, чтобы никто не заметил подмены, – объяснила она. – Лежит себе беспамятный больной и лежит, главное, чтобы вслух не бредил. А мать близко не подпускайте – опасно, дескать. Вблизи-то она может распознать обман. Что смеешься?

– До такого и я додуматься в состоянии, – сказал советник. – Первым делом велел как следует зачаровать подмышка.

– Прекрасно! А теперь рассказывай, куда ты возил Искера, с кем вы общались, а самое главное: не бывал ли он где-нибудь один? В смысле, со свитой, но без тебя. Ты же не мог сопровождать его постоянно, не так ли?

Ларсий снова помолчал, собираясь с мыслями, потом начал говорить. Мне показалось, будто вода в его чаше изменила цвет. Я принохался – так и есть, Фергия наколдовала вино! Вроде бы легкое, но такое бывает очень коварным – и выпил-то всего ничего, но язык уже развязался, а ноги, наоборот, заплетаются! Орта – та честнее...

Однако хитро она это проделала: Ларсий вроде бы не заметил подмены. Отхлебывал из чаши, когда пересыхало в горле и продолжал говорить, как по писаному: он был весьма красноречив. Я слушал вполуха – у Фергии память все равно лучше, – а сам думал: сложно поверить в то, будто этот человек преисполнился теплых чувств к какому-то мальчику. Почему не к Аскалю, любителю книжной премудрости? Может, потому, что тот был слишком недоверчивым и мог распознать обман, не поддался бы на обещания Ларсия? Или просто не любил его и старался держаться подальше? Для неприязни не нужны причины, а здесь их хватало... Вполне вероятно, сметливый юноша давно уже понял, что Адмаром правит не сам рашудан, а его верная тень, вот только изменить ничего не мог. Отец не стал бы слушать, а портить отношения с советником – себе дороже. Всегда, знаете ли, можно упасть с лошади или отравиться чем-нибудь, пусть и той же книгой – иногда страницы пропитывают ядом...

Вот интересно, со старшим братом Аскаль это обсуждал? Они – дети от разных жен, но Хаксют вроде бы упоминал, что братья не враждуют. Возможно, лишь по той причине, что покамест им нечего делить, но вдруг они все-таки если не дружат, так хотя бы не ненавидят друг друга? У них не такая уж большая разница в возрасте, и если в детстве она кажется непреодолимой пропастью, то теперь, когда оба юноши достигли совершеннолетия, это сушая ерунда! Как бы разузнать?

Увы, ни Даллаль, ни тем более Хаксют не в состоянии добраться до Аскаля! А не смогу ли я поспособствовать? Только как? Я же не дядя Гарреш, который вроде бы вхож ко двору... Кстати! А не использовать ли его связи? Вот только какие? Вспомнить бы, о каких людях он мне говорил! Почему я не слушал? Нет, я знаю, почему: мне было непереносимо скучно... но кто же знал, что все это понадобится в самом ближайшем, по нашим меркам, времени? «Ты и сейчас не слушаешь», – одернул я себя и вернулся к беседе. Поздно: Ларсий уже закончил.

– Значит, ты не веришь, будто это могло быть похищение? – спросила Фергия.

– Сама подумай, кому мог понадобиться Искер? Зачем?

– Чтобы ослабить тебя, шодан. Вдруг кто-то все-таки прознал об этом плане? Вдруг какой-нибудь из твоих чародеев не устоял перед мощью Руммала и выложил ему все?

– Но...

– Недруги могли решить, что ты, лишившись выпестованного помощника, неизбежно... ну, если не сдашь позиции, то хотя бы расстроишься. А ты сам знаешь, порой достаточно одного подходящего момента, чтобы... – Фергия сделала выразительную паузу. – Подумай об этом. Допрашивать своих людей ты не позволишь, я понимаю, но ты хорошо их знаешь. Может, найдется какой-то намек, а?

– Я подумаю, – пообещал Ларсий.

Его одутловатое лицо словно осунулось за время беседы, на нем появились морщины, и ясно стало, что дворцовая жизнь оставила на нем изрядный отпечаток.

«Печать рашудана», – почему-то пришло мне в голову.

– Езжай обратно, Ларсий-шодан, – сказала Фергия и сгребла сокровища поближе к себе. – И не забудь прислать остальную часть задатка. И труп чародея, мне нужно на него взглянуть. Ну а я сейчас выпью ойфа да отправлюсь в Адмар – поспрашиваю на рынке, что да как, след поищу, опять же...

Он кивнул и поднялся, потом вдруг произнес:

– Найди его, Фергия-шади. Пускай даже мертвым, но найди. Я не останусь в долгу.

– Стой-стой-стой! – спохватилась она. – Совсем вылетело из головы – твои чародеи искали его по крови?

– Нет, – после паузы выговорил Ларсий. – Кровью Искера я не запасаю, а... как бы я объяснил рашудану, зачем мне нужна его кровь?

– А братья? Родные по отцу, вдобавок Энкиль – воин, наверняка тренируется каждый день, так сложно ли ему получить ссадину? Нужна-то всего пара капель!

– Н-нет...

– Неужели и у матери Искера нельзя взять кровь? – тяжело вздохнула Фергия. – Пускай ее служанка поцарапает, беднягу накажут, конечно, но... Если это будет твой человек, ты не дашь ее выпороть, а просто переведешь куда-нибудь в другие покои, и дело в сторону!

– Все это возможно, только эти вот, из свиты, – Ларсий указал подбородком куда-то в темноту, – не способны на подобное. Слишком сложное колдовство. К нему и Руммаль не всегда прибегает.

– Неужто? – поразились Фергия. – А северяне – так через одного. Запропастился сын, так окунают в кадку с водой клочок ткани с его засохшей кровью – мальчишки же вечно в ссадинах, у каждой матери такой лоскут найдется, а то и не один! – и глядят, куда его унесло. Почти все так умеют, ну а если речь о походе в далекие края, тогда к ведьмам идут, ясное дело...

– Боюсь, нам это не поможет, – сказал он.

– Как скажешь, Ларсий-шодан, – сменила она вдруг тон. – Ты платишь, тебе и решать, слушать мои советы или нет. Но если вдруг что-то не удастся потому, что ты решил действовать по-своему... извини.

– Договорились, шади.

– И еще: как с тобой связаться? Я же не могу явиться во дворец и попросить аудиенции у советника рашудана! И послать волшебную птичку с запиской не могу – заметят. А ты вряд ли сумеешь еженощно приезжать сюда... и настолько верных слуг, чтобы ты смог им довериться, у тебя нет, так ведь?

Ларсий кивнул и будто постарел еще на несколько лет.

Клянусь, я не хотел представлять, какой была его жизнь во дворце. Из рук Хаксюта он угодил к муштровщикам личных слуг, а что было потом? Как он сумел выбраться на самый верх? И ведь он так и оставался бы там – наверно, ни Энкиль, ни Аскаль не пренебрегли бы опытом и знаниями старого слуги, – если бы ему в душу не запал сын наложницы. Но почему, а? Хаксют сказал – Искер тоже рыжеватый, так может, мать мальчика была с Запада? Может, она напомнила советнику сестру или мать? Или этот мальчик был похож на его маленького брата? Или на него самого в детстве?

Иногда в глубинах души самых мерзких и бесчувственных с виду, самых суровых людей можно отыскать удивительно нежные ноты и сыграть на них, говорил мне дядя Гарреш, а я не слушал, как всегда. Вернее, мне так казалось: все равно ведь запомнил.

– Действуй, шади. Когда найдешь хоть что-то, сообщишь через чародея, которого я к тебе приставлю, – сказал наконец Ларсий. – Пока что он болтать не станет, надеется выслужиться. Ну а потом – не сможет.

Фергия лишь кивнула в ответ.

Глава 11

– Поедете со мной, Вейриш? – спросила Фергия, когда отбыл Ларсий со свитой.

– На базар-то? Отчего нет, – ответил я и сдержанно зевнул. – Думаете и впрямь найти там зацепки?

– Как знать, как знать, – пробормотала она. – А ты, Аю, поедешь?

Она помотала головой.

– Аю хочет спать.

– А как же... – я взглянул на небо.

– У Аю с Эйшем будет еще много рассветов, – невозмутимо ответила она. – А мальчика нужно найти поскорее. С ним может случиться плохое.

Тут я был согласен: насколько ни был мне несимпатичен Ларсий, Искер-то ни в чем пока не провинился! Неужели он решил сбежать от настойчивого внимания – и влияния – главного советника? Неглупо, у него ведь теперь иная внешность, поди найди... Только почему побег обставлен так нелепо, будто мальчишку из дворца джаннай унес? Или дракон, вспомнил я собственные мысли.

Нет, Искер точно бежал не впопыхах, он сумел сбить нюх ищейкам, не взял с собой ни единой личной вещи, стало быть, задумал все это не вчера. Но куда же он подевался? Нанялся на какой-нибудь корабль юнгой? Но он ничего не смыслит в морском ремесле... Просто спрятался в

триуме в надежде, что его не выкинут за борт и не продадут кому попало, когда обнаружат? Нет, тоже не то, не похоже на человека, продумавшего все детали... Или его плана хватило только до стен дворца, а снаружи он растерялся и...

– Вейриш, вы едете или нет? – прервала Фергия мои размышления. Она успела переодеться поярче, спасибо, тарбан из золотой парчи не намотала, обошлась привычной красной косынкой с замысловатым узелком. – Я уже готова.

– И я готов, – кивнул я. – Аю, ты...

– Аю сама доедет до дома, – улыбнулась она и потянулась ко мне, потереться носом о кончик носа. – Когда Эйш вернется, его будет ждать пир и горячая амма!

– Надо и мне построить амму, а то что за безобразие, помыться толком негде, – проворчала Фергия. – Воды-то нагреть несложно, так ведь Ургуш подглядывает, колючку ему в глаз!

– А я говорил вам – не нужно брать этого человека в услужение.

– Вы зануда, Вейриш, – сказала мне Фергия и ухмыльнулась, а потом взревела во всю мощь тренированных северными ветрами легких: – Ургу-у-уш! Седлай коней!

Конечно, пришлось обождать, и когда мы выехали, солнце уже показало самый краешек над горизонтом, но все еще было прохладно, и лошади шли резво. Особенно Даджи – дикая кобыла Фергии – она то и дело принималась выписывать круги и петли.

– Она у вас не заболела, часом? – спросил я. – Слышал, если лошадь попьет зараженной воды, в мозгу у нее заводятся черви, она сходит с ума и начинает так вот кружить.

– В Проклятом оазисе нет зараженной воды, – ответила Фергия, – а в башке этой скотины – мозгов, поэтому червям завестись решительно негде и не с чего. Даджи просто безобразничает. – Надеюсь, когда мы въедем в город, она успокоится.

– И я надеюсь!.. – согласилась Фергия, и голос ее затих, когда кобыла снова понеслась в песчаные дали, весело взбрыкивая и мотая большой головой.

На наше счастье, дитя пустыни угомонилось как раз к тому моменту, как мы миновали ворота: их открывали с рассветом. Правда, Даджи попыталась откусить украшение с тарбана стражника, но это уж мелочи...

Фергия болтала с торговцами как старая знакомая, а я лишь старался не упустить нить беседы, как это случилось ночью.

Говорили много, о разном, и уже почти рассвело, когда мы вдруг услышали знакомый голос:

– Это был не племянник, шади!

– Итиш-шодан? – повернулась к нему Фергия. – Значит, это не он облил твои ковры едким составом? Кто же тогда?

– Не знаю! – схватился тот за голову, но тут же опомнился и ткнул в мою спутницу пальцем. – Из-за тебя моя семья снова в убытках!

– Почему это? – возмутилась она.

– Потому что племянник действительно встречался с дочкой соседа там... ну... – Итиш всплеснул руками и с негодованием добавил: – И сделал с ней ЭТО даже не на ковре! Какой позор и бесстыдство...

– Придется платить отступного, что ли? – не поняла Фергия.

– Нет, женить этого мерзавца... Все равно собирались, но не сей же день, и не на средней дочке, а на старшей! Теперь все в обиде, но двух жен ему не прокормить, и к тому же свадьба – это такие расходы, шади, чтоб ты знала!.. Иные люди продолжают платить долги за празднества в честь своих детей, когда внуки уже выросли!

– А может, просто справлять торжество поскромнее? – предположила она с деланой наивностью. – Или пускай дети сами подзаработают... Ну ладно, я понимаю, если сочетают браком совсем юных, то им неоткуда взять денег, но чего это они сидят на шеях у родителей, когда собственные отпрыски уже взрослые, как ты говоришь?

Итиш подавил следуюющей репликой, гневно воздел руки, но сказать ничего не смог.

– Ну да ладно, чужие обычаи – не мое дело, – безмятежно продолжила Фергия. – Значит, твой племянник все же встречался с девушкой, и их быстренько поженили...

– Еще нет! Но тянуть нельзя – не ждать же, пока у нее живот на нос ползет? Ее уже тошнит по утрам... – ожил Итиш. – Но теперь выходит, что племянник вовсе не носил тот сосуд в мастерскую, а поручил это кому-то, а кому, не помнит.

– Как это? – удивился я.

– Только не говорите, что вам никогда любовь глаза не застила до такой степени, что... где уж там слуг различать! – прошептала Фергия и снова преисполнилась внимания. – Итиш-шодан, так он что, даже предположить не может, кому поручил дело?

– Имеются трое на выбор, – мрачно проговорил тот. – Но ни один не сознается, а амулеты не работают!

– А я тебе говорила, что по дешевке продают только фальшивку, – ухмыльнулась она, поворачивая в другую сторону. – Но ты продолжай, Итиш-шодан! Думаю, скоро ты узнаешь еще больше интересного и о работниках, и о родне...

– Тебе я платить не буду! – послышалось за спиной. – Свадьба! Такие траты!.. Сплошное разорение!..

– Забавный, правда? – обратилась ко мне Фергия.

Ее матушка, думаю, уже наградила бы Итиша заклятием немоты или чем-нибудь похуже, но дочь была совершенно непрошибаема.

– Вы людей о деле-то спрашивать будете? – напомнил я.

– Буду, только решу, с чего начать и как это сформулировать, чтобы... – Она покосилась через плечо, на нашего сопровождающего.

Выглядел он, если честно, неубедительно – невысокий, крепкого сложения, но далеко не воин. Однако Фергия сказала, что из всех чародеев Ларсия этот – самый умелый, хоть и молод с виду, и я предпочел поверить ей на слово.

У него было округлое приятное лицо, короткие ухоженные усы и бородка, неброский наряд, и в нем чувствовалась сила. Звали чародея Диргешем. Он таскался за нами по пятам, и я не рисковал обронить лишнее слово. Неприятное ощущение...

– Фергия-шади! – вдруг раздалось несколько женских голосов, и Даджи встала, встопорщив короткую гриву. – Наконец-то ты появилась!

– Я не пропадала, уважаемые, – ответила та, спешилась... и потерялась на фоне рослых женщин в почти таких же красных головных уборах, черноколых и смуглых... Даже одеты они были похоже, разве что Фергия носила сапоги, а эти все либо щеголяли босиком, либо в сандалиях. – Что вам мешало заехать в мой оазис?

– Мы только что узнали о тебе. Она сказала, – одна из женщин властным жестом указала на старуху. Как бы не ту самую, что продала Фергии эту дикую лошадь и старого верблюда...

Старуха почтительно поклонилась, а я получше присмотрелся к незнакомке.

Они с Фергией, наверно, были одного роста, только эта выглядела... внушительнее, другого слова я подобрать не могу. Не толще, нет, и не массивнее, бардазинка была иссушена солнцем, но... Ее горделивая осанка, высокая шея, надменное выражение расписанного замысловатыми узорами бронзового лица, с которого смотрели густо подведенные глаза, – все говорило о том, что она принадлежит к знатному роду. И неважно, что на ней почти не было украшений – у бардазинов женщины их не носят вовсе либо носят нечто, подчеркивающее их статус, – все равно это было заметно.

«Может, по наряду из драгоценной синей шерсти?» – усмехнулся я про себя.

За этой бардазинкой, помимо женской свиты, следовали телохранители: больше десятка рослых воинов, закутанных с ног до головы – одни глаза видны, необычайно светлые на фоне загорелой кожи. Я не удивился бы, окажись это ее мужа или сыновья: у бардазинов всем заправляют женщины, у них даже род считается по жене! И именно мужчины-бардазины закрывают лица, я слышал, даже в кругу семьи. Вот им как раз позволено украшать себя, и эта дюжина щеголяла и драгоценными наборными поясами, и тяжелыми чеканными обручьями, и изумительной работы оружием – я, кажется, сроду не видел таких сабель и кинжалов... взглянуть бы на клинки! Что-то мне подсказывало, они окажутся под стать рукоятям, обтянутым шкурой серой акулы, шершавой, не дающей руке скользить, и усыпанным самоцветами ножнам. Как бы это была не туманная сталь, предмет гордости пустынных мастеров и зависти городских...

Говорят, секрет изготовления такой стали давно утерян, но бардазины как носили такие клинки испокон веков, так и носят, и не скажешь ведь, что оружие древнее... Но с этой тайной они не расстанутся, хоть на части режь! Тем более для этого бардазина еще нужно поймать, что не так-то просто: они превосходные бойцы, что мужчины, что женщины.

Адмар много веков страдал от их набегов, и вот только в последние сто лет бардазины немного унялись, хотя все равно могут по старой привычке ограбить караван. Теперь поселений больше,

на Адмаре свет клином не сошелся... есть, на кого напасть, словом. А уж в Адмаре – перепродать награбленное...

Сейчас перед нами стояла очень знатная по их меркам женщина. Глава большого клана, никак не меньше. Я не слишком хорошо разобрался в рисунках, которые бардазины наносят на лица, но у этой вязь была настолько густой и сложной, что могла бы посоперничать с татуировками моей Аю, а значит, женщина считалась весьма уважаемой. И возраст ни при чем: у старухи вон всего несколько волнистых полос на щеках и на лбу.

– Почтенная Ари-Мара сказала, ты колдунья. Умеешь искать потерянное, – продолжила бардазинка. – Мы собирались ехать к тебе, но повезло – ты появилась раньше.

– Что же вы потеряли? – с интересом спросила Фергия.

– Мою дочь.

– Как ухитрились-то? Я думала, бардазины не способны потеряться, потому что им всегда укажут дорогу солнце и звезды, ветер и само небо, которое отражается в ваших глазах, – без тени улыбки сказала Фергия. – Или твоя дочь еще маленькая и не умеет читать следы на песке? – Она недавно стала женщиной, – коротко ответила бардазинка. – И она умеет все, что положено знать наследнице моего рода.

– Это уже хуже... А что, если...

– Не хочу говорить у всех на глазах, – перебила та. – Идем со мной, шади. Ари-Мара уступила мне свой шатер. Нам нельзя оставаться в городе после заката, поэтому времени не так уж много.

– Да, я помню, – вздохнула Фергия. – Идем, что ж поделаешь!

– Шади, тебе приказано заниматься только одним делом, – негромко произнес Диргеш, до того державшийся позади.

– А тебе велено помалкивать, – сказала ему Фергия через плечо, и тот осекся. Наверно, тоже слышал про шкатулочку.

– Фергия, но вы еще даже не приступали к основному заданию... – прошипел я.

– Ну и что? Я, Вейриш, в случайности не верю, – сказала она на арастенском. Диргеш его, может, и знал, а вот бардазины – сомнительно, так что предосторожность имела смысл. – Когда разом пропадают юноша и девушка, это может ничего не означать, а может...

Тут Фергия гнусно захихикала, а я попытался представить, где и каким образом могли бы повстречаться знатная юная бардазинка и третий сын рашудана, которого Ларсий берег как зеницу ока. Ничего не выходило. Очевидно, у меня не настолько богатое воображение.

До шатра, вернее, потрепанной палатки Ари-Мары было рукой подать, и вот тут-то я оценил красоту действий бардазинов: они попросту не подпустили Диргеша близко. То Даджи – прежняя хозяйка приняла у Фергии ее повод – вдруг заартачилась и принялась брыкаться, то чья-то телега преградила путь чародею, то... Словом, в шатер мы входили, то есть вползали на четвереньках, уже без Диргеша.

– Это соглядатай? – спросила бардазинка, усевшись на пол.

– Да, но он относительно безобидный, только надоедливый, – ответила Фергия. – Я сделаю так, чтобы он не услышал нашего разговора, об этом не беспокойся... кстати, как тебя называть, шодэ?

– Ири-Хтара, дочь Лури-Даны, внучка Тори-Дельви, – без тени улыбки выговорила бардазинка. – И не называй меня шодэ – я не раба своих мужчин, как адмарские женщины.

– Скорее, наоборот? – ухмыльнулась Фергия.

– И они не мои рабы. Вольны уйти, с чем пришли... кроме детей, – едва заметно улыбнулась Ири-Хтара. – Называй меня ишиди, если тебе сложно выговорить мое имя.

– Не сложно, но долго, если перечислять всех достойных женщин твоего рода, так что благодарю за позволение, ишиди. Мое имя, полагаю, тебе известно – я Фергия Нарен, независимый маг, колдунья, если угодно. А это Вейриш... Просто Вейриш. Во всяком случае, я никогда не слышала его фамилии, – ухмыльнулась она.

– Я вам скажу как-нибудь на ухо, надеюсь, оглохнете, – не остался я в долгу.

– Он мой помощник, и при нем ты можешь говорить свободно, ишиди, – добавила Фергия.

– Если бы я этого не поняла, то он бы сюда не вошел, – был ответ. – Не будем тянуть время, к делу.

– Да уж, давай начнем. Только скажи сперва, почему ты решила обратиться именно ко мне? Разве мало других чародеев?

– Даже слишком много, – ответила та. – И все они адмарцы, а мы – бардазины.

– Хочешь сказать, они не взяли бы за твое дело?

– Может, и взяли бы, если бы я упрашивала, как следует, – сощурилась Ири-Хтара. – Что делать? Пришлось бы идти к ним на поклон... К счастью, Ари-Мара сказала о тебе. Ты колдунья и ты чужеземка – уже этого достаточно, чтобы попытать удачи. Вдобавок ты женщина, а значит, лучше меня поймешь.

– Во всяком случае, попытаюсь, – вздохнула Фергия. – Что ж, приступим... Значит, пропала твоя дочь? Каким образом, ты можешь предположить? Наверно, если бы это случилось в пустыне, вы бы нашли... ну... хоть следы какие-то, верно?

– Именно. Мы нашли следы, – произнесла Ири-Хтара. – Ее мертвого коня, вернее, один остов – пустынные падальщики постарались. Но сбрую мы узнали. Следов дочери там не было.

– Погоди, она что же, в одиночку поехала куда-то? – нахмурилась Фергия.

– Мы все так делаем, когда становимся взрослыми. Тянет на подвиги. Хочется посмотреть мир и не слушать взрослых. Неужели тебе это не знакомо?

– Еще как! Только я этим занималась задолго до совершеннолетия, потому что... Потому что следить за мной было некому, – вздохнула Фергия. – Дед не успевал, а остальные... на Севере это в порядке вещей. Лезь, куда хочешь, только постарайся не убиться, а то родители расстроятся.

– Вот и у нас это в порядке вещей, – сказала бардазинка. – Девушка уже достаточно взрослая, чтобы не потеряться в пустыне, не умереть от жажды, не погубить коня, суметь отбиться от зверей. Пускай едет, куда захочет, взглянет на чужие становища, побудет в одиночестве... Это важно – побыть одной, наедине с пустыней и ночью. Иногда люди возвращаются совсем другими.

– А у вас не говорят, что в таких какой-то дух вселился? – тут же спросила Фергия.

– Разве что дух пустыни, а разве это плохо? Во мне самой живет такой, – усмехнулась Ири-Хтара, – уже шестой десяток лет. Не вижу от него никакого вреда, кроме пользы. Я и так-то молчал, а тут окончательно лишился дара речи. Так этой красивой – очень своеобразной красотой, конечно же, – сухощавой женщине уже больше полувека? Впрочем, Флоссия Нарен тоже на свой возраст не выглядит... но она волшебница!

– Осмелюсь предположить, пропавшая была твоей последней дочерью, – сказала тем временем Фергия, и бардазинка кивнула, потом добавила:

– После нее были еще два сына, но сыновья – это другое. Они уйдут в другую семью. И не о том речь, шади! Мне нужно знать – возьмешься ли ты искать мою дочь?

– Взяться-то я возьмусь, только сможешь ли ты заплатить, ишиди? – последовал ожидаемый ответ.

– Я слышала, ты берешь дорого. Но у нас есть, чем рассчитаться. Если придется, наши мужчины снимут с себя золото и серебро, даже драгоценную отделку с ножен и бляхи с лошадиной и верблюжьей сбруи, и ты не останешься внакладе. А если не хватит, мы отслужим.

– Надеюсь, не придется идти на такие крайние меры, ишиди, – усмехнулась Фергия, а я только головой покачал: Ларсий говорил почти так же. – Но к делу! Я поняла, что дочь твоя отправилась послушать пустыню, она была без сопровождающих, а когда стало ясно, что она не возвращается слишком долго, вы начали ее искать и обнаружили труп коня, так? И ни малейшего следа самой девушки?

– Именно, – обронила бардазинка. – Но остались следы каравана. Я думаю, дело было так: она подъехала слишком близко. Она красива, и это наверняка заметили. Может, заговорили дружелюбно, спросили о чем-то, хотя бы уточнили, верной ли идут дорогой, и она приблизилась еще. И тогда...

– Да, как бы ни была смела и сильна твоя дочь, сладить с несколькими крепкими мужчинами ей вряд ли по силам, тем более, она не думала, что придется драться, – согласился я. – А как же конь? Почему его убили?

– Взгляни на лошадь Фергии-шади и скажи, нужен ли такой бешеный зверь в караване?

– Нет, – сразу сказал я. – Но почему бросили тушу? Свежее мясо все-таки...

– Может, самое годное и срезали, – встряла Фергия. – Но теперь-то не поймешь, раз его уже обглодали стервятники. И вряд ли это был конек вроде моей Даджи... хотя и она может задать жару. Его наверняка приучили оберегать хозяйку, верно, ишиди?

Та кивнула.

– Ну вот, – удовлетворенно сказала Фергия, – а сладить с такой скотиной, когда она пытается забить тебя копытами или откусить голову, очень непросто. Выгоды от его возможной продажи крайне сомнительные... словом, пришлось прикончить.

– Ага, а потом они посмотрели на сбрую, на самого коня, на девушку и поняли, кто им попался, – довершил я. – Кстати, странно, почему не срезали эту самую сбрую.

– Ничего не странно. Может, коня подстрелили, но не насмерть, и он следовал за караваном, пока хватало сил. Чтобы его прирезать – сперва надо подойти вплотную, а что-то мне подсказывает – среди караванщиков самоубийц не было. Стрелять... ну... опять-таки, вряд ли они там великие стрелки и ящерице глаз выбить могут, а если лошадь вертится, так поди попади наверняка! Тем более ученый конь не приблизится слишком сильно, да и от стрелка удерет. – Фергия перевела дыхание и закончила: – А когда он пал... Возвращаться не стали, ясное дело. Подумаешь, сбруя! Сдается мне, девушка была так хороша, что старший караванщик рассчитывал продать ее очень и очень дорого. А что диковата немного, так обучат...

– Вот и я решила, что она угодила в плен, – глухо произнесла бардазинка. – Мы обыскали невольничьи рынки в округе, но не увидели ни одной похожей девушки. А говорить с нами не очень-то желают... Тогда я решила, что все дороги ведут в Адмар, и мы отправились сюда. И встретили тебя, Фергия-шади. Найди мою дочь!

– Ишиди, ты хоть скажи, как ее зовут, – вздохнула Фергия. – И опиши внешность. То есть я догадываюсь, что она похожа на тебя, но...

Та помолчала, потом сказала:

– Имя моей дочери – Эрра-Тана, она очень высокая, хоть и не выше меня, и такого же сложения. У нее широкие плечи, и чужаки издалека могут принять ее за юношу, пока не разглядят косы – они у нее ниже пояса, черные, как у нас с тобой. Лицом она похожа на меня, но черты мягче – она ведь совсем юна. И глаза другие. У нее глаза, как у ее отца – серо-синие, как небо перед грозой, как море перед ураганом, яркие и в то же время прозрачные. На левой щеке у нее родинка, на лбу другая. Она шутила, что даже рисовать не нужно – нужные точки уже есть. У нас считают, что ее отметили боги... – Ири-Хтара опустила голову, и я заметил, что в ее смоляных волосах блестят серебряные нити. – Кожа светлее моей. Ее отец был родом откуда-то из твоих краев, шади.

– Он жив еще? – тут же спросила Фергия.

Я решил: вдруг она рассматривает вероятность того, что партнер Ири-Хтары был случайным, а теперь вот вернулся в наши края, узнал о дочери и решил забрать ее в цивилизованные, по его мнению, условия?

– Он умер еще до ее рождения, – покачала головой бардазинка. – Мы встретились, и... Долго объяснять. Скажу лишь, что я хотела отпустить его, потому что ему плохо было в наших местах, но не успела. Был бой, он сражался отчаянно и погиб. А у меня осталась Эрра-Тана. Вот и все.

– Про одежду, думаю, спрашивать нет смысла, – протянула Фергия, – если твою дочь взяли в плен, то наверняка раздели. А вот оружие может где-то всплыть. Опиши и его!

Я понял, что это надолго, и лишь когда они закончили со всеми этими деталями, сообразил спросить:

– Ишиди, прости за нескромный вопрос, но твоя дочь уже познала мужчин? Не сочти за оскорбление! Просто если нет – то ее, скорее всего, могли продать только в одно место, а если да, то... вариантов больше.

– Познала, разумеется, – фыркнула Ири-Хтара. – Я же сказала, что она недавно стала женщиной. Или вы полагаете, это означает...

– Вейриш, вам лучше выйти, мы тут обсудим всякое... – быстро произнесла Фергия, и я послушался. Мне как-то не хотелось слушать об обычаях бардазинов применительно к юным девушкам.

Снаружи было жарко. Телохранители Ири-Хтары стояли возле шатра стеной, где-то чуть поодаль шалила Даджи, вернее, играла с прежней хозяйкой-старухой... Диргеш оставался достаточно далеко, и это не могло не радовать.

Кажется, меня разморило, и я задремал, потому что очнулся от тычка в бок, сделавшегося уже привычным.

– Вставайте, Вейриш, – сказала мне Фергия. – Солнце почти в зените, а у нас еще джаннаева прорва дел!
Она раскланялась с Ири-Хтарой, не без интереса посмотрела на ее телохранителей, и мы направились прочь.
– Забавно, – сказала Фергия, когда мы отошли подальше, – у них у всех глаза светлые. У одного – видели, высоченный такой, с двумя саблями? – точь-в-точь, как у папы – серые, яркие... Они нарочно, что ли, таких мужчин выбирают?
– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – вздохнул я. – Но слышал, что только знатные бардазины светлоглазые и сравнительно светлокожие. На старуху вон взгляните, она ведь почти черная! И глаза у нее карие.
– Ну вот не надо, Вейриш! Черная она от солнца, а не от природы. Да и глаза намного светлее, чем у адмарцев. И не совсем карие, немного с прозеленью, на солнце заметно. Ну да ладно, это мелочи, – махнула она рукой. – Еще разуюзнаю!
– Шодан приказал шади не отвлекаться от его поручения, – откуда ни возьмись появился Диргеш.
Вместо ответа Фергия вынула из кармана и показала ему крохотную шкатулочку. Чародей снова отстал.
– Думаете, дела связаны? – спросил я как бы между прочим.
– Да кто ж их знает... Вряд ли. Где бардазинка и где этот мальчик... Но и пренебрегать такой вероятностью не стоит, – улыбнулась Фергия. Подумала и решила: – Все-таки нам придется проникнуть во дворец.
– Вы с ума сошли!
– Не хотите – сидите дома, я одна туда заберусь. Не так уж это и сложно.
– Но... Но...
– Вы ведь думали об этом, Вейриш, разве нет? – сказала Фергия и пошла дальше, а я вынужден был признать: да, размышлял о подобном, но... исключительно в теории!

Глава 12

К сожалению, Фергии не слишком нравились теоретические умопостроения, ее больше привлекала практика, а потому она с ходу заявила:
– Прыгать с вашей спины в дворцовый фонтан я не буду. Брызг много, толку мало, да еще, чего доброго, напорешься на эту, с позволения сказать, скульптуру, которая торчит посредине!
– Откуда вы знаете, какая там скульптура? – опомнился я.
– О ней рассказывают все, кто бывал в садах рашудана, – пояснила она. – И в книгах описано это сооружение. Не то чтобы я отказалась взглянуть на него своими глазами, но... не таким образом, хорошо?
– А этого-то вы куда денете? – шепотом спросил я, кивнув на Диргеша.
Фергия выразительно клацнула крышкой шкатулочки.
– Может, заставите его провести нас во дворец безо всяких там... приключений? Или это вам не по силам?
– Отчего же, вполне по силам... – задумчиво ответила Фергия и тоже покосилась на нашего сопровождающего. На его месте я бы уже забеспокоился. – Но что мы станем там делать? Нам не назначена аудиенция, и вы наверняка не вспомните ни единой персоны, к которой могли бы прийти...
– Да-да, а дядя Гарреш точно бы сумел проникнуть внутрь, не привлекая внимания, – проворчал я. – Я уже пытался вспомнить его связи, не преуспел. И потом, даже если мы войдем, что дальше-то? Кто нам позволит опрашивать хотя бы слуг? Мигом доложат, куда следует, и что-то мне подсказывает: Ларсий не обрадуется, узнав о наших похождениях!
– Мне нравится, когда вы говорите «наших», – широко улыбнулась Фергия. – Это вселяет в мое сердце надежду на то, что...
– Что я вам помогу?
– Нет, что вы небезнадежны.
«Вы зато безнадежны», – мог бы я сказать, но предпочел спросить:

– Есть какие-нибудь идеи?

– Конечно, – тут же сказала Фергия и крепко взяла меня за локоть. – Только нужно избавиться от этого типа. Не сразу, не сразу, пускай походит следом и удостоверится, что я выполняю данное Ларсию обещание – общаюсь с торговцами. Потом ведь докладывать побежит, так хоть будет, о чем...

– А вы тем временем...

Я не завершил фразу, рассчитывая, что это сделает Фергия, и она не подвела:

– Я тем временем буду общаться с торговцами, – с нажимом повторила она. – А когда мы отправимся вкушать обед, а то и ужин... надеюсь, Фиридиз опять приготовит тех птичек в меду, они восхитительны! Словом, план обсудим у вас дома. Но сперва заедем ко мне: мне же еще труп осматривать... если его уже прислали. А Диргешу все равно нужно, скажем так, дозреть.

Надо ли говорить, что я преисполнился самых скверных предчувствий?

– Вейриш, – сказала вдруг Фергия, – вы ведь часто покупаете шуудэ?

– Не то чтобы часто, но случается.

– И знаете, к кому нужно обратиться, чтобы вам показали самый лучший товар?

Я начал понимать, к чему она клонит.

– Конечно. Мне и без просьбы предлагают только лучшее, иначе Аю устроит скандал... А-а-а, вы ведь не видели скандалов в ее исполнении! Много потеряли.

– Нет, я имею в виду другое. – Фергия потерла переносицу. – Я видела ваших шуудэ: все красавицы, как на подбор, ласковые и, не побоюсь этого слова, выдрессированные. Но что, если вам захочется разнообразия? Ну там... объездить дикую кобылицу вроде Даджи и все в таком роде? То есть для этого у вас Аю имеется, но вряд ли вы посвящаете торговцев в такие подробности, а по здешним меркам Аю ведь уже... ну... не слишком молода, правильно?

– А, вот к чему вы клоните! – дошло до меня. – Конечно, я и таких торговцев знаю, просто не захожу к ним, потому что... на кой мне в доме эти страсти?

– Думаю, пора наведаться к ним. Потихоньку, чтобы супруга не узнала, понимаете? – выразительно поиграла бровями Фергия, и меня разобрал смех. – Что вы ухмыляетесь? Ири-Хтаре такие люди ничего не скажут, а вы – совсем другое дело.

– Да понимаю я, – поднял я руку. – Попробую. Ничего не могу обещать, тем более, сами понимаете, если Эрра-Тана и оказалась в Адмаре, то ее могли давным-давно продать куда угодно, даже за море. А если она очутилась в чьем-то доме, то...

– То Ири-Хтара со своим отрядом мужей возьмет его штурмом, дел-то, – вздохнула Фергия.

– Погодите! – опомнился я. – Вы что, по крови пропавшую поискать не можете?

– Я вам больше скажу: и сама Ири-Хтара может, у них с северянами, представляете, очень схожие методы! Да и колдуны у бардазинов свои есть... Подумайте, Вейриш: неужели бы она пошла на поклон к чужому магу, если бы могла отыскать дочь доступными ей способами? Она все перепробовала, но даже несколько колдунов, объединив силы, не сумели найти Эрра-Тану!

– Так может, ее уже...

Я умолк.

– Будем надеяться на лучшее, – ожидаемо ответила Фергия. – Тем более мертвой они ее не видят. Просто найти не могут. Следовательно, или им не хватает сил, чтобы преодолеть водную преграду – в том случае, если девушку продали за море, что добавляет головной боли, – или она очень хорошо спрятана.

– Да уж, давайте надеяться, что ни один торговец не польстился на этот цветок пустыни и не увез за три дюжины морей, – пробормотал я, потому что понимал: если след отыщется и укажет в дальние дали, лететь туда придется мне. – Хотя в ваших краях такие забавы вроде бы не процветают.

– Ну, если считать моего пра-пра... неважно! Того, кто женился на Ирдалле, то нет, – улынулась Фергия. – Но Ирдалла все-таки существенно отличалась от Эрра-Таны, на мой взгляд.

– Да. Читать умела, к примеру.

– Бардазины неграмотные, по-вашему? – изумилась она. – Ну, Вейриш... не ожидала от вас!

– Но к чему им грамота? Именные бирки на верблюдах подписывать, что ли? – защищался я из последних сил.

– Вообще-то у них есть своя письменность, – желчно сказала Фергия. – И адмарский они знают. Не все, конечно, но среди мужей Ири-Хтары все на нем говорят, а половина недурно читает и пишет. Несколько знают и северные языки. И я уж молчу о дюжинах разнообразных наречий народов пустыни и саванны!

– В чьем-то доме Эрра-Тане эти умения не пригодятся.

– Неважно. Когда я говорила об отличиях, то имела в виду совсем не это.

– А что же?

– Вейриш, ну напрягитесь же! Как их можно сравнивать? Ирдалла сбежала от брата, у нее не было иного выбора, кроме как найти себе хозяина, покуда ее джаннай или еще какой-то дух не забрал! А вот Эрра-Тана – свободная бардазинка, и я сомневаюсь, будто ее так просто удержать в неволе...

– Знаете, я скажу Фиридиз, чтобы поспрашивала знакомых, – подумав, решил я. – Она за одну поездку на рынок узнает больше, чем вы – за неделю.

– Сама ее попрошу, – буркнула Фергия. – А теперь идемте заниматься делом. Или езжайте домой, что вы ходите за мной по пятам?

– Я хожу? – поразился я. – Это вы меня за собой таскаете!

– Не хотели бы – не таскались, я вас не на поводке вожу.

Я открыл рот, чтобы возразить, но осекся: Фергия была права. Я так недавно снова почувствовал вкус к жизни, что опасался снова его утратить. И мне стало мало привычного дома и негромкой перебранки слуг на кухне, и сонных от жары шуудэ... и даже Аю, всегда неизменной, как громадные каменные статуи посреди степи, неведомо когда и кем вытесанные. Она рассказывала о них, я помню...

Мне бы взять и полететь, куда глаза глядят, как я делал это тридцать лет назад, навеститься в Арастен, хорошенько покутить в Стальвии... но я не мог. Боялся взлететь, и это было хуже всего. Нет, вру: хуже всего то, что я не осознавал этого, жил себе в спокойной дреме... А потом меня разбудили. Пинком под ребра, да, очень бодрит, не хуже ведра холодной воды на голову. Ну, хотя бы в этом мы с Фергией квиты: пинать ее я бы поостерегся, а вода... подумашь, высохнет!

Одним словом, Фергия стала моим проводником к жизни, о которой я почти позабыл. Неважно, пророчество там, не пророчество, главное, она за шиворот вытащила меня под огромное сияющее небо, ткнула вверх пальцем – гляди, какая диковина! – и тут же забыла об этом. А может, и не забыла, с этими магами нужно держать ухо востро...

Хуже всего – я не знал, что теперь с этим делать.

– Вейриш, – сказала Фергия, заметив, что я приуныл, – езжайте, правда, к торговцам. Вечером встретимся и обменяемся... гхм... новостями. Заодно попробую поискать девушку, не здесь же этим заниматься... Надеюсь, этот огрызок к вам не потащится.

– А если вдруг?

– Вы знаете ответ, – ослабилась она. – Вперед же, на поиски истины!

Скажу я вам, искать истину или что-то иное в Адмаре в полуденные часы – занятие глупое и бесперспективное. Да и странно бы я выглядел, взявшись разыскивать... гм... необъезженную лошадку именно днем, а не вечером, когда порядочные люди занимаются подобными делами. Вдобавок я успел проголодаться, а потому заехал в знакомую ойфану, где не раз пережил жару, заказал ойфа, потом хороший обед... Словом, коротал время не без удовольствия, только думал: а что я Фергии-то скажу? Немного зная ее, я мог сказать, что она даже по этой дикой жаре носится, словно уязвленная колочкой под хвост верблюдица, а я сижу в покое и неге и наслаждаюсь в самую меру крепким, ароматным ойфом, холодными закусками и фруктами...

– Доброго дня, Вейриш-шодан, – поздоровался кто-то. Я узнал Ларуша, торговца, и вежливо кивнул. – Странно видеть тебя здесь в такое время.

– Не рассчитал, – ответил я. – Думал вернуться домой к полудню, но... хм... засмотрелся.

– Ты же обычно ездишь покупать новых шуудэ вместе со своей шодэ, разве не так? – удивился Ларуш, выразительно посмотрел на меня, а когда я кивнул, приглашая, присел напротив и подал знак слуге, чтобы принес ему ойфа.

Не иначе, он разглядел на моей мрачной физиономии желание поделиться проблемами. И хорошо, а то я думал, что совсем разучился притворяться.

– К слову, Вейриш-шодан, – добавил он, – если станешь продавать своих шуудэ, не побрезгуй, отправь мне письмецо заранее. Я дорого за них дам и не стану торговаться.

Ларуш всякий раз мне так говорил, но ни разу не назначил справедливой цены, да и Аю его не слишком жаловала, а это было верным признаком того, что продавать кого-то этому человеку не стоит. Вот купить у него – дело другое.

– Аю-шодэ не понравилась моя новая идея, – сказал я и погрузился в созерцание темной поверхности ойфа.

– Неужели тебе захотелось чего-то... – Ларуш едва заметно подался вперед, – чего-то необычного?

Я выразительно вздохнул.

– Зачем же сразу говорить о таком жене, Вейриш-шодан, – покачал он головой. – Ты ведь знаешь, к кому можешь обратиться... чтобы попробовать, разве не так?

– Задним умом все крепки, – ответил я арастенским присловьем.

– Понимаю, понимаю, – сказал Ларуш, сочувственно поцокал языком и придвинулся ближе. – А чего именно ты возжелал, скажи? Может, найдется такой товар... не насовсем, раз Аю-шодэ против, но...

– Не думаю, шодан, – отозвался я, тоже придвинулся ближе, осмотрелся по сторонам и шепнул: – Я присмотрел себе дикарку, но пока ругался с женой, кто-то успел первым.

– Дикарку? Вот так невидаль! Если хочешь, я найду тебе любых – с Западного архипелага, с дальнего юга, равнинных жительниц и горянок... белых, черных, красных, смуглых, цвета старой бронзы, золотистых и почти белокожих...

– Вольный цветок пустыни ты мне не разыщешь, – буркнул я и снова уставился в свою пиалу, будто собирался гадать по гуще ойфа.

– А-а-а... – протянул Ларуш и опустил голову. – Вот ты о ком, Вейриш-шодан...

Я молчал, чтобы не спугнуть. Может, он вовсе не об Эрра-Тане говорит...

– Была у одного торговца девушка... – Ларуш выразительно пошевелил пальцами. – Совсем дикая, но красоты неопишуемой! Ты о ней, шодан?

– Откуда мне знать, о ней или нет, если я даже не знаю, кто ее пытался продать?

– Убики-шодан, ты наверняка его знаешь! Пожилой, чернее угля, худой, на лице шрам от сабли... как он говорит, а я думаю – от кнута, – ухмыльнулся Ларуш.

Я неопределенно кивнул – то ли знаю, то ли нет. В самом деле, встречал я этого Убики или нет? Непомню...

– Ему дали за нее очень большие деньги, так что не удивлен, Вейриш-шодан, что ты не успел, – закончил мысль Ларуш, изо всех сил подавая мне знаки. – Ее взяли... ну...

– Во дворец, что ли? – сообразил я. – Зачем там дикарка?

– Спроси что полегче! Может, сам рашудан, да живет он вечно, решил развлечься, может, кто-то из его сыновей или придворных...

– Вроде бы не говорили, что кого-то покалечили, – мрачно пошутил я.

– Ну, мало ли, вдруг покупатель знает толк в извращениях, – без тени улыбки ответил Ларуш. – И ты сам понимаешь: что позволено рашудану, не позволено ослу.

– Так-то оно так, но все равно обидно, – сказал я. – Ведь из рук уплыла, и если б не упрямство жены...

– Она ведь у тебя видящая, так может, узрела что-то дурное?

– Нет, не в том дело... Я потом уж понял: это она привыкла быть самой дикой кобылицей, а чтобы чужая-пришлая... – Я снова вздохнул.

– Заревновала? – понимающе спросил Ларуш.

– Похоже на то. Ну да мы с этим разобрались, а тот цветочек впрямь жаль... Загубят ведь, неумеючи!

– О, Вейриш-шодан, во дворце хватает умельцев...

– Так-то оно так, только дикарки, я слышал, часто гибнут от тоски.

– Выдумки, – махнул рукой Ларуш. – Если и умирают, то от плетей, а их за всяческие выходки полагается преизрядно. Так-то эти... пустынные цветы куда живучее садовых.

– Если вдруг станут продавать из цветника рашудана что-то этакое, не сочти за труд, пришли письмецо, – попросил я, и он довольно улыбнулся.

– Непременно, Вейриш-шодан! Ты-то уж точно не торгуешься, все знают.

Да, торговалась обычно Аю, от нее никакого изъяна не скроешь...

Ларуш отошел, уважительно оставив меня в раздумьях, но в голове у меня было совершенно пусто. Если Эрра-Тану взяли во дворец, вызволить ее удастся разве что с боем. Бардазины и без

этого за пленение их девушки, да вдобавок дочери главы клана, могут устроить такое веселье в окрестностях Адмара, что рашудан отдаст пленницу с приплатой, хватит нескольких разоренных караванов. Я говорил, бардазины давно не трогают наших торговцев, но если Ири-Хтара молвит слово, а совет кланов поддержит... В том, что он поддержит, я почему-то даже не сомневался. Словом, караванщиков ждали тяжелые времена.

Но что, если Эрра-Таны уже нет в живых? Ларуш верно сказал про плети: ими учат всех, а свободолюбивой девчонке их достанется сполна... Конечно, если ее купили по приказу самого рашудана, то, может, пощадят – разве придется ему по нраву изорванная кнутами плоть? Но он ведь может и потерять интерес к слишком строптивой девушке, и приказать кому-то другому заняться ее воспитанием, а там и позабыть о ней. А забытая – считай, мертвая... В прислуги Эрра-Тана не годится, тут к ведунье не ходи, а значит...

Правда, Фергия еще не пыталась искать пропажу магическим способом, так что не все было потеряно, однако мне думалось лишь о самом скверном.

С этими тяжелыми мыслями я вышел из ойфаны, хотел было поехать напрямик домой, но не тут-то было: меня привлек чудовищный шум посреди базара.

– Ты ослеп, что ли, почтенный? – узнал я громкий голос Фергии. – Нет, я очень тебе признательна за то, что ты увидел во мне юную девочку, но поверь, я более чем вдвое старше той, которую ты ищешь!

Тот что-то пробубнил, и Фергия снова взвилась:

– Иди ты к джанна! А лучше – к Даллалу-шодану, он прекрасно меня знает и скажет тебе, кто я такая! Или... Вейриш! Вейриш, как вы вовремя!

Я не успел даже спросить, в чем дело, как оказался нос к носу с несколькими стражниками.

– Они считают, что я шуудэ и что я сбежала из дворца рашудана, – кратко объяснила мне диспозицию Фергия. – Как по-вашему, Вейриш, они слепые или тупые?

– Но похожа ведь... – пискнул тот, что помоложе.

– Поди догони бардазинов, которые недавно уехали, – у них почти все женщины на меня похожи! – взревела Фергия и тут же добавила благонаправным тоном: – Вот только они не будут так вежливы с вами, как я, почтенные.

– Если нужно засвидетельствовать личность, – опомнился я, – то я помогу. Это Фергия Нарен, колдунья с Севера, она живет в Проклятом оазисе, том, что прежде принадлежал вдове Маддариша. Можете еще Итиша спросить, он ее хорошо знает, вон его лавка. Или Каддаша, он ей дом восстанавливал. Или старую Ари-Мару, Фергия у нее лошадь покупала. А меня-то уж, надеюсь, вы встречали?

– Конечно, Вейриш-шодан, – уважительно сказал мне старший этой тройки. – Пускай чужеземная колдунья простит нас, мы просто выполняем приказ...

– А головой не думаете, – кивнула Фергия, прищурилась и добавила: – Превратить бы вас всех в ящериц, да кто тогда станет беглых шуудэ искать? Чего это она вдруг из дворца сбежала? Совсе глупая или сманил кто-нибудь?

– Ни то, ни другое, шади, – буркнул стражник. – Просто дикая. А ты не лезь не в свое дело!

– Почему это оно не мое? Очень даже мое... – проворковала Фергия, наклонившись к нему. – Я колдунья, ты разве не слышал? Я ищу пропавших людей. И, представь себе, мне поручили найти исчезнувшую бардазинку... Ставлю золотой против верблюжьей лепешки, что ищем мы одну и ту же девчонку!

– Э-э-э... – только и смог выговорить стражник.

– Что? – участливо спросила она. – Не понимаешь? Объясню еще раз: меня наняли бардазины. У них девица пропала. А тут вдруг ты со всем рвением и тщанием, понимаешь, разыскиваешь высокого роста девушку с черными косами, смуглую... то есть по адмарским меркам светлокожую, конечно. Возможно, одетую по-мужски. Дальше объяснять или сам сообразишь? Он сообразил и поник, да и остальные тоже.

– Как она оказалась во дворце, не спрашиваю. Всякое случается. А вот как она оттуда удрала и когда именно, мне хотелось бы услышать. Изволь рассказать, почтенный, а не то...

– Превратишь в ящериц? – хмыкнул этот бесстрашный человек, и в ту же минуту тяжелая рука опустилась на его плечо.

– Что случилось, Фергия-шади? – встревоженно спросил Даллал, начальник городской стражи, и я выдохнул с облегчением. – Эти скудоумные осмелились докучать тебе?

– Ну что ты, Даллаль-шодан! – Когда Фергия улыбалась, она делалась на удивление симпатичной. – Они просто не желают отвечать на мои вопросы, но я могу их понять: ведь я просто колдунья, и они не имеют права разглашать кое-какие подробности... Хотя можно говорить об этом и повежливее!

Даллаль перевел взгляд на стражника, и тот отступил на шаг.

– Это – Фергия-шади, – раздельно произнес начальник стражи. – Белая ведьма из Проклятого оазиса. Услышу, что кто-то вел себя с нею непочтительно, – голову сниму!

Зная Даллала, я мог уверенно сказать – это не шутки. Еще как снимет: выхватит саблю, да и...

– У тебя-то что за дело, Фергия-шади? – спросил он.

– Девушку разыскиваю, – который раз повторила она, – бардазинку. По всему выходит, она угодила во дворец, сбежала, а теперь...

Фергия выразительно развела руками, а потом сказала заискивающим тоном:

– Может, вместе поищем?

Глава 13

К моему огромному счастью, стражники наотрез отказались сотрудничать с Фергией, и были правы: ей-то поручено вернуть беглянку матери, а им – во дворец! Налицо выходил конфликт интересов, если выразаться деловым языком...

Я уже было обрадовался, но все испортил Даллаль, питавший к Фергии необъяснимую, с моей точки зрения, симпатию. Нет, в самом деле, не мог же он рассчитывать взять в жены чужеземку, колдунью с чудовишным характером, да еще и далеко не юную по адмарским меркам? У него и так хватало женщин, как у всякого уважающего себя мужчины такого возраста.

Если же он помышлял о романтическом приключении в зачарованном оазисе, только безо всяких обязательств, то я мог бы сразу посоветовать ему держать руки при себе, а язык – за зубами. Впрочем, Даллаль наверняка это понимал. Правда, я не знал, что думает по этому поводу Фергия: вдруг вовсе не возражает? С другой стороны, она вся в матушку: расчетливая и хитрая, будет держать Даллала на коротком поводке, поскольку он человек крайне полезный, но вряд ли позволит какие-то вольности... ну, кроме лобызания рук, которое я уже наблюдал однажды.

С третьей стороны, кто ее разберет! Вдруг чувства Даллала однажды найдут отклик? Не хочу даже представлять, во что это может вылиться...

Но ведь не приворожила же она его! Начальник городской стражи – это не какой-то там привратник, на нем и заклятий множество, и амулетов на шее целая связка, и проверить его должны... И что же, поверить во внезапно вспыхнувшую страсть? Как-то это глупо и нелепо... Правда, тут я припомнил родителей Фергии и постановил для себя: возможно все. Стечение обстоятельств, удивительное везение (или невезение, если говорить о Даллале) – и вот, пожалуйста, начальник городской стражи уговаривает стражников дворцовых помочь какой-то там колдунье! Приказать он им не мог, ясное дело, у них свое начальство, но посулить что-нибудь лишь за то, что они немного развяжут языки и отвернутся, когда Фергия будет осматривать место побега... почему нет?

– А как вы узнали, как именно она бежала? – допытывалась Фергия.

– Трудно не догадаться, если через стену веревка переброшена, – буркнул один из стражников. – Самодельная, понятно, из тряпок связана.

– Так-так... – Фергия сделала стойку не хуже охотничьей собаки. – Любезные, сейчас такая жара... Не пойти ли нам охладиться и поговорить без всей вот этой публики?

Она обвела широким жестом любопытный базарный люд, и старший стражник заколебался.

– Я плачу за все, – произнесла Фергия волшебные слова, и крепость пала.

Надо ли говорить, что мы очутились в той же ойфане, из которой я недавно вышел?

– Фергия, куда вы Диргеша подевали? – прошипел я, уловив момент. Колдуна нигде не было видно, и меня, признаюсь, немного беспокоила постигшая его участь.

– Он мне окончательно надоел, – сказала она.

– Он вам еще утром надоел. Не уходите от вопроса!

– Я оставила его отдохнуть, – созналась Фергия. – Нет, не в шкатулочке, не хотелось силы тратить.

– И где же? Залучили куда-нибудь и напоили?

– Еще не хватало, – фыркнула она. – Я вспомнила, что хотела кое-что спросить насчет Даджи у Ари-Мары, вернулась к ее шатру, а там... слово за слово...

Я вспомнил о том, что бардазины способны заарканить любую лошадь, а у старухи рука наверняка набита, раз уж она справлялась с Даджи, и невольно посочувствовал Диргешу.

– Пускай поспит, – добавила Фергия. – До заката он точно не очухается, а там видно будет.

– Если он не явится к Ларсию с докладом, тот удивится.

– Так вдруг я даже при свете звезд ищу пропажу, разве может соглядатай оставить пост? Бросьте, за это ничего не будет, – махнула она рукой. – Главное, не забыть о Диргеше совсем. Так-то Ари-Мара отличные узлы вяжет, тело у него не онемееет, но вот кормить и поить его она не согласна. Ну и потом, когда он очнется, еще попытается освободиться и, чего доброго, разнесет половину базара...

– Я вам напомню, – пообещал я.

– Спасибо, Вейриш.

Тем временем все расположились возле низкого столика, а хозяин подал угощение и напитки, вино в том числе, и не из дешевых.

– Ну что ж, любезные, излагайте, – в предвкушении потерла руки Фергия. – Только по порядку. Я знаю, когда девушки хватились родные, а вот когда и каким образом она очутилась во дворце?

– Убик продал, – проворчал старший стражник, не забывая жевать.

– Что, вот так пришел к дворцовым воротам, привел неизвестно кого и говорит: купите, люди добрые, девицу?

– Не-ет... – помотал тот головой. – Дал знать старшему над женщинами, что есть товар. Ну такой... необычный товар. И на рынке Убик его показывать не желает: все равно не купят, мало любителей на этакое. И времени у него мало, нужно снова отправляться в путь. А рашудан, да живет он вечно, вроде бы заскучал и подыскивал... ну... развлечение. Может, не насовсем взять, а так...

– Попробовать, – подсказал я, вспомнив слова Ларуша.

– Именно, Вейриш-шодан. Испробовать, значит, за определенную мзду.

– Убик кого хочешь уговорит, даже, наверно, джанная переспорит, – подал голос второй стражник, помоложе, с неожиданно рыжими усами на смуглом лице. Красит он их, что ли? Брови-то темные... Или впрямь таким уродился? – А старший над женщинами давно его знает. Какие-то у них там свои делишки, но в это нос лучше не совать, нас они не касаются. Лишь бы никто не пропадал!

– Значит, этот старший... кстати, как его имя? – спросила Фергия. – Ага, значит, Ольри-шодан взял девицу у Убик-шодана. И что же, она не пришлась рашудану по нраву?

– Он ее вовсе не видел, – буркнул старший стражник, не отрываясь от еды. Похоже, во дворце их вовсе не кормят, бедолаг. – Ольри-шодан поверил Убик на слово, и зря! Девица оказалась уже... гм... объезженной.

– Так пускай бы вернул ее торговцу и забрал деньги назад, – удивилась Фергия.

– Он и хотел так сделать, да еще приплату потребовать, – сказал рыжий. – Потому что девица, как только очнулась от зелья, которым ее опоил Убик, разгромила покои и жестоко избивала троих эвди...

– Это кто?

– Прислужники на женской половине, – пояснил я. – Ну, такие, как Бушан, вы понимаете...

– В смысле, кастраты? – прямо спросила Фергия. – Гм... И что, такого же сложения, как ваш слуга? То есть с меня ростом и втрое шире?

– Нет, обычные, – сказал рыжеусый стражник, с трудом сглотив. – Кто же знал, что Убик дал девице столько зелья, потому что она бешеная? И не предупредил! Вот она и... Одного искусала, чуть ухо не оторвала, другому едва глаз не вышибла, третьему руку вывихнула, и от синяков они долго пегими ходили... А если б пришла в себя, когда ее проверяли, наверно, вообще убила бы!

– Да, такое чудо подсовывать рашудану нельзя, – поцокала языком Фергия. – А то еще казнят за попытку покушения на убийство.

– Вот и Ольри-шодан так сказал, – сокрушенно вздохнул старший стражник, – и велел девицу заковать и дать ей плетей, а потом найти Убики, забрать деньги и вернуть ему эту ненормальную. Пускай сам с ней мучается.

– Конечно, Ольри-шодан сам виноват, что поверил Убики на слово, – негромко добавил рыжеусый, – но прежде-то все было гладко. Зачем Убики это устроил, вот бы узнать?

– А вы его еще не нашли? – с интересом спросила Фергия.

– Да его словно джаннай унес! – покачал головой старший стражник. – Он ведь сказал, что пора в путь, вот и уехал, и с тех пор не возвращался. Жены и прислуга ничего не знают. Прячется, наверно.

– Наверно, кто-то решил это подстроить, чтобы навредить рашудану, – вставил третий стражник, самый молодой.

– Нет, вряд ли, – покачал головой Даллаль, внимательно слушавший рассказ. – Будь дело так, девица взбрыкивала бы время от времени, чтобы продемонстрировать нрав, но не более того, иначе ее не допустили бы до рашудана. Уж до побоища бы точно не дошло, а тут, похоже, она дралась насмерть.

– Насмерть или нет, но остановить ее смогли, только когда на нее оборванная занавесь упала. Тогда эвди разом навалились сверху, стукнули девицу по голове, чтобы угомонилась, ну и обвязали сверху веревкой, – вздохнул старший стражник. – Потом чародеи подоспели, заковали ее как следует. Но никаких чар на ней не было, просто злобная и буйная. Дикарка, что с нее взять?

– Но она все-таки как-то ухитрилась удрать, – произнесла Фергия. – Когда именно, кстати? И как? Раз она была закована и, полагаю, не в железо, ее держали магические путы, верно? Кстати, а почему чародеи сразу не проверили новую покупку, тем более предназначенную рашудану?

– Проверили, шади! Я же сказал – обнаружили, что она...

– Ах да, верно. Но они только на это обращали внимание, а на всякие чары и прочее – нет, что ли?

– Амулетов при ней не оказалось, колдовского дара не заметили. Но даже если он был, только очень хорошо спрятанный, то... кто повел бы ее сразу же в опочивальню рашудана? – развел руками рыжеусый. – Сначала смотрит старший над женщинами, а потом уже решает, как поступить с новенькой. В любом случае, для начала ее нужно отмыть как следует, подобрать одежду, украшения, научить вести себя...

– Но тогда получится воспитанная девушка, а не дикарка, которую хотел рашудан, – заметил я.

– Вейриш, вы будто вчера на свет родились, – вздохнула Фергия. – Вы бы еще предложили подложить рашудану в постель какую-нибудь нищенку из первой попавшейся канавы! Ладно, обхождение, но, может, у нее блохи? Разве могут у рашудана оказаться блохи? Или вши с чесоткой заодно...

Она подумала и добавила:

– Зачем вообще такие сложности? Нашли бы девицу посимпатичнее и посообразительнее, научили изображать дикарку – вот и решение проблемы! С настоящими, сами видите, одни неприятности!

– Было такое, шади, – махнул рукой старший стражник. – Только рашудан, да живет он вечно, давно уже отличает подученных... Вдобавок они, видишь ли, тоже уже обычно знали мужчин, а это, как ни крути, заметно.

– Что, и чародеи не могут помочь... гм... вернуть цветок невинности? – удивилась Фергия, и рыжеусый заметно покраснел. – В Арастене кое-кто из магов-медиков этим промышлял, точно знаю. Правда деньги драл совершенно неприличные, но спрос на его услуги в определенных кругах имелся, и недурной... Однако мы что-то увлеклись, любезные, время идет, а расследование наше не движется... Повторяю: как девушка ухитрилась сбежать? Почему ее вообще выпустили из... где там держат провинившихся выпоротых рабынь?

– Ее не успели выпороть, шади, – вздохнул старший стражник и щедро подлил себе вина. Правильно, отчего бы не выпить за чужой счет?

– То есть она удрала до этого?

– Да нет же!..

– Отставь чашу и говори по порядку, – велела Фергия и отобрала у него сосуд с живительной влагой, кувшин тоже отодвинула подальше. – Когда все расскажешь – хоть упейся, а пока изволь говорить!

– Я вот скажу Эбруди-шодану, что его подчиненные вино пьют среди бела дня, – весомо добавил Даллаль, и стражник тяжело вздохнул.

– Я сам не видел, как это было, – произнес он. – Только слухи донеслись, а во дворце это дело такое... никогда не угадаешь, правду сказали или переврали дюжину раз!

– Но ты все-таки расскажи, – подбодрила Фергия.

Стражник помолчал, поправил тарбан, собираясь с мыслями, и заговорил:

– Когда дикарку тащили на порку, это случайно увидел один шодан из тех, чье слово – не пустой звук. Он приказал прекратить расправу, спросил, что это за девушка и за что ее хотят наказать...

– А потом велел отдать ее ему, – добавил рыжеусый стражник. – Эвди сказали, что это может решить только Ольри-шодан, и вельможа приказал его позвать. А когда тот явился и стал отговаривать... словом, сказал, что сообщит другому важному человеку, и тогда Ольри-шодану не поздоровится.

– И ее отдали? – удивленно спросил Даллаль. – Надеюсь, хотя бы чары не сняли?

– Нет, – сказал старший стражник. – То есть не сразу, так говорят. Шодан оставил ее при себе и какое-то время наслаждался ею...

– Как он ухитрился, если она дикая? – не выдержал я.

– Так говорят, шодан, – повторил он. – Он держал ее при себе, а она не буйствовала и не пыталась никого покалечить, даже когда чары сняли.

– Так может, она не сбежала, а он ее отпустил? – предположил я.

Глаза Фергии, сидевшей напротив, горели. Кажется, она думала о том же, о чем и я...

– Нет. Он не мог, – неохотно произнес старший стражник. – Он тяжело заболел. Девушку удалили от него, и вот тогда-то она и перелезла через стену...

– Не так было, – подал голос самый младший, опустил голову и добавил: – Я слышал на кухне. Там всегда знают больше прочих. Тому, второму важному шодану, не нравилась эта девушка. Когда первый заболел, и ее перевели в дальние покои... словом... Он приказал ее удавить. Воцарилась долгая пауза.

– Ничего себе история, – проговорила наконец Фергия. – Видимо, жертва не сдалась так просто?

– Да. Все уже привыкли, что она присмирела, да и не должна она была заподозрить неладного – зачем быть рядом с заразным больным, верно? И чтобы она и дальше пребывала в неведении, с ней послали всего двух эвди – прислужить, помочь расположиться на новом месте... Наутро обоих хватились, а нашли в ее покоях. Она сломала им шеи, – просто сказал старший стражник, – и исчезла.

– Сожалею о погибших, конечно, – с заметным сомнением в голосе произнесла Фергия, – но почему второй шодан не приказал убить девушку колдовством? Или подали бы ей какой-нибудь напиток, и она бы тихо-мирно, без жертв и разрушений отправилась к праматери...

– Откуда нам знать, шади? – мрачно спросил старший стражник. – Так принято, вот и все. А чародеи слушают не только этого шодана, но и заболевшего. Прикажи тот – они сказали бы правду.

– Можно подумать, правда бы не всплыла и так!

– Сказали бы – сбежала, вот и все... Хотя нет, тогда молодой шодан стал бы ее искать, – задумчиво произнес Даллаль. – Значит, тоже заболела и умерла.

– Погодите, – подняла руки Фергия, – я запуталась в этих ваших дворцовых тайнах. Чародеи, значит, отчитываются тем важным шоданам, а простые эвди – нет? Я имею в виду тех, кому поручили удавить девушку.

– Так ведь и их потом... – Даллаль выразительно провел ребром ладони по горлу. – Уж такой прислуги во дворце хватает!

– А чтобы узнать что-то, нужно либо долго и упорно собирать слухи, – пробормотала Фергия, – либо изначально знать, у кого и о чем спрашивать. Все верно, концы в воду... в данном случае – в песок, конечно. Но зачем вы ее ищите, любезные? Сбежала – и пускай себе бежит, и чем дальше, тем лучше!

Стражники переглянулись с мрачным видом, а старший протяжно вздохнул.

– Не понимаю, что вы изображаете этими гримасами, – сказала Фергия, а я пояснил:
– Если рабыню взял кто-то знатный, то...
– Поняла! – перебила она. – Неведомый наследник, объявившийся через много лет, и связанные с этим неприятности... И как это я не подумала о подобном варианте! Так было дело, любезные?
Старший снова кивнул, а я внимательно посмотрел на Фергию. Кажется, у нее снова зрел какой-то план, а это было чревато последствиями.
– Что-то не сходится, – вдруг сказала она. – Скажите-ка, этому второму знатному шодану, приказавшему убить девушку, уже сообщили, что она на самом деле исчезла? И о том, что эвди погибли? Ну ладно, их он наперечет вряд ли знает, если это не его личные слуги, но пленницу-то видел!
Стражники отвели глаза.
– Зачем докладывать о подобном такому важному человеку? – пробормотал старший. – Узнает – всем не сносить головы... Главное – выполнить приказ, так сказал Ольри-шодан. Велено было давить рабыню, вот и... Найдем – исполним.
– Как же быть с моим делом? – негромко спросила Фергия. – Эту девчонку мать по всей пустыне ищет. Вы хоть представляете, на что способны бардазины?
– Дед говорил, – сглотнул младший стражник. – То есть показывал. У него руки по локоть не было – это бардазин налетел и саблей... Ему еще повезло, что лошадь на дыбы встала. Других они напополам до самого седла разваливали...
– Все это я понимаю, шади, – остановил его старший, – но что нам делать? Пускай даже эта дикарка сбежала к своей родне... Если она успела понести от шодана, то...
– Бардазины считают родню по матери, ты не знаешь? – не выдержал я. – И этот клан – из далеких краев, уйдут – не найдешь.
– Вдобавок я колдунья, – добавила Фергия. – Если там что и есть... долго ли избавиться? Времени прошло всего ничего, она и не заметит!
Даллаль покачал головой:
– Это дурное дело – травить плод, шади.
– Будто никто этим не занимается! – воскликнул я. – Сходи на базар, спроси ведуний и кудесников – все знают или слово, или зелье, чтобы избавиться от неожиданного подарка...
– Вот уж верно сказано, и это точно не хуже, чем убивать взрослых наследников, – добавила Фергия. – Те-то уже соображают, а тут... не головастик даже. Или ты никогда не видел, как это выглядит, Даллаль-шодан?
– Н-нет... – выдавил он.
– Захочешь – расскажу и покажу, – сказала Фергия и повернулась к стражникам. – Давайте подытожим. Нам нужно найти девушку. И я верну ее матери, любезные, потому что мне за это уплатили. Я отдам вам часть денег, купите на него чей-нибудь труп... а если найдете дармовой, сбережете золото.
При слове «золото» глаза стражников вспыхнули. Да уж, у дворцовых-то меньше способов подзаработать, нежели у городских. Последние, точно знаю, собирают дань с торговцев, с нищих... а во дворце чем разживешься? Разве что тайком впускать и выпускать кого-нибудь, но ведь если поймают – головы лишат. И для такого дела есть проверенные люди, и их наверняка очень мало. Остальным, увы, приходится довольствоваться жалованьем.
– Я зачарую тело, – продолжала Фергия. – Вряд ли этот ваш Ольри-шодан умеет колдовать, не так ли? Чародеев по такому пустячному делу он дергать не станет, к тому же они могут сообщить важному шодану, что девица где-то бегала, тогда как ей полагалось давно кормить стервятников. Ну, а амулеты способны распознать далеко не всякие чары... Понимаете ход моей мысли?
– Вроде бы да... – протянул старший стражник.
– Прекрасно! Значит, вы предъявите Ольри-шодану мертвую девушку, вот и все, и разойдемся миром. Устраивает вас такой расклад?
Эта тройка сдвинулась поближе и зашепталась.
– Мы согласны, – сказал наконец старший стражник. – Но если нас уличат в подлоге...
– Свали все на меня, – посоветовала Фергия. – Конечно, тебя это вряд ли спасет, а мне доставит сколько-то неприятных минут... Но я это переживу, так что на мой счет не беспокойся, подумай лучше о себе и постарайся не выдать наш обман ни словом, ни жестом! А теперь, любезные

шоданы, поскорее доедайте и допивайте, и пойдём посмотрим на ту самодельную веревку и вообще на место, откуда наша пропажа сделала ноги! Вейриш, вы с нами?

– Куда же я от вас денусь, – тяжело вздохнул я. – Вас только оставь на минуту...

– Постарайтесь видеть во всем что-нибудь хорошее, Вейриш, – сказала она.

– Например? Что хорошего в этой вот истории?

– Нам не придется пробираться во дворец тайком, разумеется! – ответила Фергия, и на этот раз Даллаль подавился ойфом.

– Не шути так, шади, – искренне попросил он. – И уж тем более не пытайся проделать подобное.

– Не то, что случится? – улыбнулась она.

– Придется казнить тебя на главной площади. Мне не хотелось бы видеть, как тебя обезглавят, а еще менее того – как станут пытать на потеху толпе. И не напоминай о том, что ты колдунья: во дворце достаточно сильных чародеев, чтобы взять тебя если не умением, то числом.

– Учту, – сказала Фергия после паузы, налила себе вина и лихо выпила. Даллаль с облегчением выдохнул, а она добавила: – Впредь буду уделять больше внимания планам. Дед всегда твердит об этом, и он прав!

Я предпочел промолчать, Фергия же продолжала:

– Ну что, шоданы, идем, наконец, смотреть место побега? Еще достаточно жарко, все приличные люди расплзлись по домам, так что, надеюсь, зевак не будет. А отдельных любопытствующих я уж как-нибудь отважу...

И мы устремились к дворцу.

* * *

Его громада высится над Адмаром – древний замок выстроили на скале, а затем дворцовый комплекс, постепенно спускаясь ниже по склонам, все прирастал и прирастал постройками, службами, садами... там даже зверинец есть! Сам не видел (вернее, замечал нечто похожее с высоты), но слышал, что ловцы диких зверей время от времени привозят какую-нибудь диковину для рашудана.

Тут я чудом уклонился от коварного выпада Даджи и подумал, что этой скотине самое место в зверинце, желательно за решеткой, чтобы не сожрала зрителей. Это же не лошадь, это какой-то плод противоестественной любви джанна с пустынным падальщиком, по недоразумению принявший конский облик!

– Вот это место, шади, – указал старший стражник на стену. Я бы не рискнул спускаться оттуда по самодельной веревке, потому что, порвись она, – падать будет больно, внизу даже не песок, а камни.

– Как же она на такую высоту веревку закинула? – поразились Фергия и принялась, запрокинув голову, рассматривать зубцы стены.

– С той стороны огромное дерево, шади, гордость всего сада, – пояснил рыжеусый. – Если отойти подальше, то даже снаружи можно увидеть егокрону.

– А что ж эта гордость растет у самой стены? Почему его не посадили где-нибудь... не знаю, в центре, чтобы рашудан мог любоваться?

– Так в том и дело, шади, что дерево выросло само! То ли кто-то бросил косточку, то ли птица занесла семечко... Сперва на него не обратили внимания, а когда оно вымахало, пересаживать уже было поздно, погубить ведь можно.

– Вот оно что... – потеряла переносицу Фергия. – Ну хорошо, продолжай!

– Похоже, эта ненормальная сперва вскарабкалась на дерево, до тех веток, которые едва могли ее выдержать, привязала веревку к стволу и перебросила на эту сторону. Там в самый конец тряпки был камень завязан, иначе как докинешь?

– Вот так фокус! – искренне поразились Фергия. – А до земли веревка доставала?

– Нет, шади. Но раз эта девица ухитрилась спрыгнуть с высоты в три своих роста и не оставила на камнях следов крови, значит, осталась цела.

– Ясно... А на веревку взглянуть позволите? Вы ее еще не выкинули?

– Нет, она у нас там... – махнул рукой младший из троицы. – Не возить же с собой?

– Так идемте скорее! – воскликнула Фергия. – Или мне нельзя туда? Куда, кстати?

– В караулку, – буркнул старший, покосился на Даллала. – Тут недалеко вход. Но тебе действительно нельзя туда, шади. Посторонним вовсе не нужно знать, какие ходы ведут во дворец и наружу.

– Принесите сюда, – милостиво разрешила она, – я обожду, так и быть. Тут как раз тень от стены, не изжарюсь...

За веревкой отрядили младшего стражника, а пока мы его ждали, Фергия вынула из кармана план, нарисованный Ларсием, и принялась внимательно его рассматривать, время от времени поглядывая по сторонам и явно пытаясь сориентироваться на местности.

– Мы вот здесь, – не выдержал я и показал пальцем.

– Вот спасибо, Вейриш, – покосилась на меня Фергия. – Надо будет попросить вас еще разок пустить меня к себе на загривок – поглядеть на Адмар сверху. А то карты картами, но...

– Я так и знал, что этим кончится.

– Почему кончится? Еще ничего толком не началось, – улыбнулась она. – И тсс... Даллаль на нас уже косится.

– Он на план косится. Уберите вы его, прицепится же – откуда взяли, а ваш заказчик вряд ли обрадуется, если вы на него сошлетесь!

– О да, вы правы, – кивнула Фергия, спрятала карту в карман и ослепительно улыбнулась Даллалю.

Так он и таил в лучах ее улыбки и на послеполуденном солнце, пока не вернулся наш гонец.

Глава 14

– Дайте-ка посмотреть, – сразу сказала Фергия и отобрала у запыхавшегося стражника эту, с позволения сказать, веревку. – Так-так, что тут у нас... Глядите, Вейриш, это же синяя шерсть, я не ошиблась?

– Она самая, – с отвращением ответил я, поглядев на обрывок ткани. – А это вот шелк.

– Без вас вижу. И, кажется, части пресловутой занавеси, вот эти, плотные, с тканым узором... А это обычная простыня. – Фергия просматривала кусок за куском, узел за узлом. – Странно.

– Что теперь вас насторожило?

– Помните, что мы говорили о занавесях?

– Да, что они длинные и тяжелые, и... – тут я осекся, опасаясь проговориться.

– Вот именно. И ткань прочная. Если уж девица раздобыла такую занавеску, почему не покромсала ее всю на ленты? Зачем вязывать какую-то... – Фергия потыкала пальцем тонкую материю, – не знаю, как это называется, но это не имеет значения. Главное, оно может порваться.

– Может, ей удалось отрезать только низ у занавеси? – предположил Даллаль.

– Отрезать? – Фергия внимательнее присмотрелась к скрученным жгутами кускам ткани. – Ты прав, друг мой! И как это я сама не разглядела?

Мне показалось, что Даллаль сейчас взлетит от счастья. Нужно будет потом сказать Фергии, что такая грубая манипуляция – просто некрасиво с ее стороны по отношению к бедному начальнику стражи. С другой стороны, если он принимает это за чистую монету, кто же виноват? А если они оба получают удовольствие от игры, тогда мне лучше и вовсе не лезть в эти забавы, целее буду.

– Интересно, – сказала Фергия. – Девушку уже не держали в кандалах, но откуда у нее острый нож? Посмотрите, шоданы: материю не рвали, да еще и поди порви эту клятую шерсть или шелк... Ее резали, и довольно аккуратно, не второпях, не каким-нибудь заточенным осколком. Тут поработало хорошее лезвие.

– Позволь высказать догадку, шади? – попросил Даллаль, и она кивнула. – Эта рабыня давно готовила побег. Она не в один день сплела эту веревку. Должно быть, когда она жила в покоях молодого шодана, то смогла добраться до его оружия – вот тебе и острый клинок. И она отрезала понемногу от тех тряпок, до которых могла добраться и которых бы не хватились сразу.

– Блестяще! – воскликнула Фергия. – Но раз у нее был нож или кинжал, почему же она не зарезала тех эвди, а свернула им шею?

– Это тише, – развел руками Даллаль. – Зарезать человека не так-то просто, особенно если опыта нет. Дернется, или у тебя рука дрогнет – и он останется жив, поднимет крик... А действовать вот так девушка явно умеет, поэтому воспользовалась привычным приемом.

– Годится, – кивнула Фергия. – Опять же, если угодить не туда, кровищи будет море, угваздаться... а у нее не было времени переодеться. И, вероятно, не во что. Так... Выходит, веревка была уже готова, и она пронесла ее с собой. Как, интересно? Здоровенная ведь штуковина! Вейриш, подержите-ка конец...

– Что вы делаете? – опешил я, когда она принялась крутиться на месте.

– Не видите: обматываюсь веревкой, – пояснила Фергия, подняла руки и посмотрела на себя. – Ну... я еще и половины не намотала, а уже похожа на бочку. Такое будет заметно даже под глухим балахоном вроде тех, в которых тут некоторые женщины ходят. Кто со стороны, может, и не обратит внимания, но те эвди наверняка знали, кого сопровождают, и были уверены, что рабыня не на сносах.

– Может, она спрятала веревку в своих нарядах? – предположил я.

– Наряды укладывают слуги, они бы заметили. А в то, что она распихала там и сям обрезки ткани, а потом за полчаса связала их в этакий канат, я ни за что не поверю, – ответила Фергия. – Кстати, помогите мне размотаться... И снова держите конец, Вейриш. А теперь тяните как следует!

Я и дернул, как просили... и мы с Фергией разлетелись в разные стороны, когда лопнула тонкая ткань в середине веревки. Я ощутил хлопок оземь, а Фергию успел поймать Даллаль.

– Девушка, конечно, весит поменьше, чем Вейриш и даже я, – задумчиво произнесла Фергия, изучив место разрыва, – хотя если она моего роста и сложения, то... я бы не зарекалась. Плюс веревка терлась о край стены. Или беглянке очень повезло, или...

– Что? – с любопытством спросил рыжеусый стражник.

– Просто размышляю вслух. Что ж, здесь искать больше нечего, – вздохнула она. – Позвольте оставить у себя эту штуковину, шоданы? Ну хотя бы половину!

Стражники переглянулись, и старший кивнул:

– Половину. А то вдруг спросят...

– Вот и славно. Если еще какие-то следы девушки обнаружатся, вы знаете, где меня искать, – улыбнулась Фергия. – А вот как мне вас найти, если понадобится? Записку во дворец не пришлешь...

Рыжеусый только руками развел.

– Скажешь мне, шади, – подал голос Даллаль, – а я передам.

– Что бы я делала без тебя, Даллаль-шодан, – вполне искренне произнесла она. – Ну что ж! Договорились, значит, а теперь все разойдемся по своим делам. Мне еще нужно... поворожить, а это лучше делать без свидетелей.

– Вам еще того надоеду нужно забрать, – напомнил я, когда стражники отправились своей дорогой, а мы своей.

– Да, и допросить, как следует, – согласилась Фергия

– Зачем?

– Затем, что Ларсий кое о чем умолчал. Или просто не счел это важным. Но все ведь сходится одно к одному, не так ли, Вейриш?

– Думаете, Искер сбежал с бардазинкой? – после паузы спросил я.

– У вас есть другие идеи? Эти стражники, конечно, не называли имен, но проговорились: молодой шодан тяжело заболел. И кто же это у нас недавно захворал? Не припоминаете?

– Но они ничего не говорили о его исчезновении.

– Так они и не знают, им не положено. Их дело – беглянок ловить... Кстати, – добавила она, – пока вы прохлаждались, я успела съездить к себе и осмотреть труп чародея.

– И?..

– Ему свернули шею, как Ларсий и говорил, – развела руками Фергия. – Очень ловко, насколько я могу судить. И тех эвди убили таким же способом. Жаль, я на их тела взглянуть не могу, чтобы удостовериться – прием был один и тот же.

– Думаете, это дело рук бардазинки? Но как она ухитрилась?..

Фергия молча пожала плечами, а я принялся вспоминать план и пометки Ларсия.

– Послушайте, выходит, место, где стражники нашли веревку, и то, где якобы исчез Искер, – на разных концах сада.

– Ну да, – кивнула Фергия. – И мне очень интересно, как девушка сумела обойти сторожевых псов... и котиков, чтобы добраться до стены и проделать этот трюк с фальшивой веревкой.

– Почему... стойте, сам догадаюсь, – поднял я руку.

– О чем там догадываться, я наглядно продемонстрировала!
– Эта штучковина не выдержала бы даже юную стройную бардазинку, вы на это намекаете?
– Могла выдержать, но скорее всего – нет. Но этого и не требовалось. Эрра-Тана не спускалась по веревке, – сказала Фергия. – На ткани есть следы – я чувую, я маг, как-никак, – но это следы Искера. Ларсий так любезно оставил мне его вещи... К слову, узлы тоже не бардазинские: я видела, как вяжет Диргеша Ари-Мара, и это совсем иная манера.
– Значит, все-таки они удрали вдвоем, – протянул я. – Но зачем? И как?
– Найдем – узнаем, – ответила она и подхлестнула Даджи. – Давайте-ка ко мне, нужно постараться разглядеть, где сейчас эти двое... Сдается мне, где нитка, там и иголка. Вряд ли эти двое разбежались в разные стороны, едва миновав стены дворца... хотя чем джаннай не шутит?
– Чародея не забудьте захватить, – спохватился я.
– Да помню я, Вейриш!..

* * *

В Проклятом оазисе мы оказались на закате. Слегка оглушенный чем-то из утвари старой Ари-Мары Диргеш покачивался на лошади, заметно кренясь на левый бок, и я время от времени вынужден был усаживать его ровно.

– Ургу-у-уш! – гаркнула Фергия, едва только мы въехали под деревья. – Готовь ужин, да поживее! И побольше!

– Сейчас, шади-и-и... – раздалось в ответ.

– Сманить у вас Фиридиз, что ли? – задумчиво произнесла она. – Так ведь не пойдет, далековато отсюда до базара, а где она будет сплетни собирать? Ну ничего, выживу как-нибудь... Помогите мне снять этого соню с лошади, Вейриш, и положите... да, вот здесь, возле фонтана. Пускай отдыхает, а пока Ургуш готовит, я делом займусь!

– Лошади, – напомнил я.

– Ай, да... Ургу-у-уш! Лошадей возьми!

– Шади! – тот явился с поварешкой наперевес. – Я не чародей, я простой человек и не могу разорваться напополам, чтобы одна половина обихаживала сразу трех коней, причем среди них твоя злокозненная кобыла, чтоб ей... а вторая – готовила ужин!

– Так почему ты его заранее не приготовил? – невозмутимо спросила Фергия. – Знал же, что я вернусь к ночи. Прохлаждался весь день? Теперь не жалуйся. Сперва лошадьми займись, ужин обождет... но не до полуночи, слышишь?

– Слышу, шади, – уныло отозвался Ургуш и увел сперва наших с Диргешем коней, потом вернулся за Даджи.

Эту, насколько я знал, нужно было только обтереть, почистить, если дастся, да и отпустить на волю. К кормушке и поилке она сама приходила.

Фергия долго рылась по карманам, потом выудила клочок ткани в подозрительных разводах и удовлетворенно кивнула. Ну а я пообещал себе больше не окуна́ть голову в этот маленький пруд... хотя бы в ближайшие дни, потому что Фергия бросила грязную тряпку именно в него. Могла хотя бы ведро взять... Хотя нет, пришлось бы снова звать Ургуша, а сходить самой ей и в голову не пришло. Что греха таить – мне тоже, привык к слугам...

Поверхность воды застлал уже знакомый синий туман, он делался все гуще и гуще, время от времени в нем проскальзывали язычки пламени, а Фергия хмурилась все сильнее и сильнее.

– Что не так? – не выдержал я наконец.

– Все не так, – ответила она, мановением руки смахнув туман и выудив тряпку из пруда.

Фонтанчик снова зажурчал, а до того помалкивал, словно боясь спугнуть колдовство. – Ее нет.

– То есть... погибла все-таки?

– Нет. Тогда бы я ее отыскала. Я думала: бардазины не сумели найти Эрра-Тану, потому что сперва караван ушел слишком далеко, а за неделю пути и северяне не всегда могут увидеть своих, ну а затем девушка оказалась во дворце, который защищен так, что моему оазису и не снилось. Но я-то не пустынная колдунья! – гневно произнесла Фергия. – Мне вполне по зубам прошибить охранные заклатья! Но что толку, если Эрра-Таны там просто нет?

– Вообще ни единого следа? – зачем-то спросил я.

– Почему же? Следы есть, хотя и очень слабые, но не в городе. Они ведут от Адмара в дюжине разных направлений и растворяются в пустыне. Похоже, тут поработал очень сильный маг, если уж ему оказалось по силам создать столько ложных путей! Но я не возьму в толк, кто и зачем это проделал...

– Я тоже, – признался я. – Ладно еще Искер – на него мог поставить кто-нибудь из придворных в этой долгой игре с наследниками. Решил, скажем, прибрать к рукам, чтобы парнишка не достался Ларсию, и спрятал так, чтобы не отыскали до тех пор, пока не придет время делить золотой трон. Но кому и зачем понадобилась бардазинка?

– Это-то и есть самое интересное... – Фергия посмотрела на меня в упор. – Вейриш, а давайте проверим эти следы?

– То есть как? – опешил я.

– Просто – посмотрим сверху. Ездить по ним верхом – месяца не хватит, к тому же они рассеиваются со временем. А если вы взлетите повыше, то заметить в пустыне странников будет совсем легко! Тем более, сейчас солнце зайдет, взойдет луна, а она нынче полная, светит, что твой фонарь...

«Я догадывался, что этим кончится», – в очередной раз подумал я, вслух же сказал:

– Дайте хоть поужинать!

– Вы в той ойфани не наелись? – ядовито спросила Фергия. – Я же платила за всех, думаете, не знаю, кто сколько употребил? Стражники – и те были умереннее в еде, и это притом, что вы побывали в этом заведении уже второй раз!

– Вы меня каждым куском попрекать станете?

– Только теми, которые оплачиваю я. У меня есть деньги, Вейриш, – сказала она, – но запас их, видите ли, кончен. А я пока ничего не заработала в вашем дивном Адмаре, только потратилась.

– Не нужно было начинать с таким размахом, – ядовито ответил я. – Сняли бы лачужку в Нижнем городе, начали со всяких сглазов и прочих чирьев, лет через двадцать заработали бы репутацию, как ваша матушка...

– По-вашему, она начинала вот так? – поразилась Фергия.

– Она упоминала, что на Севере поначалу занималась всякой ерундой вроде кражи рыбацких сетей и смерти деревенского дурачка.

– Да, все так, но кто вам сказал, что при этом она ютилась в хижине и питалась водорослями и рыбьими хвостами? Думаете, дед отпустил бы ее в странствия, не снабдив изрядным золотым запасом? Он, конечно, приверженец идеи о том, что каждый должен сам зарабатывать себе на хлеб насущный, но весьма далек от того, чтобы выпнуть юную внучку и тем более правнучку в этот жестокий мир без единой монеты в кармане!

Фергия выдохлась и умолкла, потом произнесла:

– Думаю, когда мы вернемся, Ургуш как раз управится с ужином. Что скажете?

– Скажу, что вы меня грубо используете, – вздохнул я. – И еще, Фергия... Я не спрашивал сегодня у Аю, можно ли мне в небо. Мы ведь как расстались на рассвете, так и... А пока я съезжу домой и вернусь, уже полночь наступит!

– Попробуйте рискнуть, Вейриш, – без улыбки ответила она. – Вы же дракон. Неужели вы сами не чувствуете, что творится вокруг вас? Не ощущаете этой... рыболовной сети, которая стягивается вокруг вас, но зияет прорехами, как сказала Данна Ара?

– Что ж, если я упаду, разобьемся мы оба, – согласился я.

Под сердцем вдруг стало пусто и холодно, по хребту побежали мурашки, и даже кончики пальцев заледенели, хотя вечер был очень теплым.

– Нет, я уцелею, – уверенно сказала Фергия. – Я же маг. Меня можно ронять с большой высоты. Вероятно, я что-нибудь себе сломаю, но вряд ли умру. Приятного в этом мало, так что вы уж постарайтесь держаться на крыле как следует.

– Как вы меня ободрили – просто слов нет! – невольно ухмыльнулся я.

– Поймете, что падаете – превращайтесь в человека, – серьезно добавила она. – Я постараюсь удержать.

– Совсем как в море?

– Да. Можно подумать, воздушный океан так уж отличается от обычного! Ну что? Полетите?

– А почему вы своих птичек не разошлете? – спохватился я.

– Потому что они маленькие и летают в разы ниже и медленнее здорового дракона! – вспылила она. – Без вас бы никак не додумалась, ага... Еще Кыжа предложите послать! Он согласится, конечно, да только, если найдет бедолаг, напугает их насмерть.

– То есть дракон их не напугает, по-вашему? – уточнил я.

– Думаю, не настолько. Нет, если вы откажетесь, придется так и поступить, но время уйдет, вот в чем беда!

– Я не отказываюсь, я...

– Придумываете отговорки, – завершила Фергия и отправилась за своим ковриком и подушкой. Правда, кроме них она принесла еще и подобие конской сбруи, потрясла переплетением ремней у меня перед носом и пояснила:

– Это чтоб вы не жаловались, будто я снова избил вас каблуками.

– Ну нет! – Я представил себя взнузданным и оседланным, с мундштуком в зубах, и невольно оскалился.

– Вейриш, – сказала мне Фергия, – обещаю, я буду с вами нежна.

Интересно, почему я ей не поверил?..

Пустыня в лунном свете дивно хороша, и я с удовольствием просто покружил бы над Адмаром – видны были огни факелов на стенах, светились окна в домах побогаче, сиял дворец, сады и фонтаны, подсвеченные волшебными огнями, не иначе...

– Видите, какая иллюминация? – прокричала Фергия, и я повернул голову, чтобы лучше слышать. – С одной стороны, удобно – тени длинные, можно спрятаться, а с другой – беглеца видно издалека. Поворачивайте, Вейриш, у нас еще столько маршрутов не исследовано!

Я и повернул, рухнув вниз так, чтобы она завизжала. Зря я это сделал: от внезапного испуга Фергия так стиснула ногами мои бока, стараясь удержаться, что я был уверен – и на человеческом теле проявятся синяки. Хорошо еще, Аю не сложно объяснить, откуда они взялись, а то я один-единственный раз наблюдал сцену ревности в ее исполнении, больше не желаю...

Впрочем, эта самодельная сбруя оказалась куда милосерднее каблуков. Легкое натяжение ремня давало мне понять, в какую сторону поворачивать, а смещаясь взад-вперед в импровизированном седле, Фергия обозначала, нужно мне спуститься или подняться повыше.

Раз за разом мы возвращались к Адмару и пускались по одной Фергии видимому следу. Я спросил бы, почему не сделать круг пошире и не найти в пустыне еще один такой же, но увя, был лишен такой возможности. Впрочем, Фергия и сама способна додуматься до подобного, значит, была причина. Она ведь сказала, что следы совсем слабые, так может, даже маг не в состоянии взять их в отдалении от города?

– Дюжина! – прокричала она, когда луна была уже совсем высоко и заливала мертвенным светом пустыню.

От редких камней и колючек падали длинные резкие тени. Не заметить человека было сложно: мы уже видели пару караванов – многие не останавливаются на ночь, идут по прохладе, а отдыхают днем.

– Возвращаемся! – добавила Фергия и для убедительности пришпорила меня. – Давайте, Вейриш, поживее, не то Ургуш сам слопает все, что приготовил...

Должен сказать, меня это подстегнуло, и вскоре я уже несся со всех крыльев к Проклятому оазису, благо потерять направление в таком море звезд да при почти полной луне крайне сложно.

При луне?.. А где она?..

Я завертел головой, и Фергия тут же крикнула:

– Что с вами, Вейриш? Вы почему так зарыскали? Учужали что-нибудь?

Ничего я не учужал, но луна пропала в тучах, звезды тоже, и небо надо мной теперь было непроглядно-черным... Если бы не светлый песок внизу, я бы перепутал верх и низ.

«Не мог я сбиться с курса, – подумал я и напряг крылья. – Надо лететь, как летел! Море впереди, я уже чую запах...»

Вот только именно с моря подходила чудовищная гроза, наверно, такая же, как та, что несколько дней трепала Адмар. Громадная туча, почти невидимая на фоне ночного неба, в глубине которой глухо рокотал гром и едва заметно польхали зарницы.

Откуда-то повеяло холодным ветром, захотелось прикрыть спину от проливного ледяного дождя и от молний – не знаю, обычных или магических. Как в тот раз...

Я не различал уже, что передо мной – грозовая туча или скала. Вдруг ветром меня отнесло к горам?

– Вейриш! – донесся до меня крик Фергии. – Летите прямо! Кажется, я разобрала, что это!

Я и сам понимал, что бросаться из стороны в сторону нет смысла. Крылья отказывались держать – лечь бы на восходящий поток и воспарить над бурей, только не было подходящего ветра! Пустыня все же не море, воздушные массы движутся совсем иначе...

Приземлиться, что ли? Разбиться тут не обо что, скал быть не должно, а песок... ну, пропащу я носом пару барханов, не сдохну! И Фергия, надеюсь, удержится. А если нет, я ее потом подберу...

Это все были лишние мысли, лишние и глупые, потому что я не хотел думать о главном: проклятие вновь нагнало меня. А вернее того – подстерегло, потому что я не спросил Аю, а послушал Фергию и рискнул лететь!

Могучий вихрь подхватил меня и потянул вверх – хотел закружить и ударить оземь, но я успел вывернуться. Звезд вовсе не было видно, нигде, и землю я тоже не различал. Туча встала передо мной непреодолимой стеной, навалилась на меня чудовищной свинцовой тяжестью, сковала крылья... А воздух уже не держал, его не было вовсе, я даже не мог вдохнуть, и...

– Вейриш, чтоб вас джаннай поймел! – расслышал я вопль и ненадолго очнулся. – Опять ваши видения, что ли?! Летите прямо и вверх, и не вздумайте сворачивать, слышите? Слышите меня? Дайте знак, если да!

Я выдохнул – жалкие язычки пламени мгновенно угасли в непроницаемой тьме.

– Тогда вперед! – Фергия так вонзила каблучки мне в бока, что я невольно взревел, и пламя вырвалось само собой. – Вот, уже лучше... И не бойтесь, Вейриш, я же с вами! Там есть что-то впереди, но оно такое зыбкое, что я никак не разберу, в чем дело... надо подлететь поближе, понимаете?

Еще бы я не понимал...

– Это в ваших интересах, – добавила она и снова дала мне шенкелей. – Хватит метаться, как ночной мотылек возле лампы! Вы дракон – так порвите эту дрянь на лоскуты!

Сказать, что мне было страшно, значит ничего не сказать. Что, если дыхание снова оборвется, молния найдет цель, и земли достигнет только кучка обугленных костей? Что, если я не смогу миновать грозовой фронт, которого даже не видел толком, лишь ощущал, и то смутно?

Но ощущал ведь! И Фергия была права: он старается захватить меня, задушить в объятиях, но если взять выше, и еще выше и не останавливаться, то он, быть может, не успеет перехватить нас...

– Это видите только вы, Вейриш! – прокричала она. – Передо мной чистое небо, луна и звезды! Поднажмите!

«Невидимая преграда, – вспомнил я, – та, о которую разбивались наши женщины, а их спутники ничего не замечали... Так может, если не смотреть, то...»

Это как в детстве: если зажмуриться покрепче, когда дедушка рассказывает страшные сказки, то чудовища тебя не заметят и не сумеют схватить.

Очень глупо – летать с закрытыми глазами, но я рискнул. Главное – непрестанно забирать вверх, а то я этак и сам превосходно разобьюсь...

«Вокруг ничего нет, – твердил я себе, пытаясь дышать пустотой и на нее же опираться крыльями, – проклятие действует на твой разум, не на тело! Так вообрази взамен этой неодолимой тучи чистое небо, о котором говорила Фергия, – и лети!»

Не знаю, сколько я боролся с тучей... или сетью, но вдруг смог вздохнуть полной грудью, и крылья расправились сами собой.

Я оказался так высоко, как редко забирался прежде – разве что приходилось перелетать через горы, а я не каждый день таким занимаюсь. И здесь было пусто, просторно, ясно... И клятая туча клубилась внизу, пытаясь отрезать мне дорогу назад. Но теперь, когда я распознал ее норы...

– Вейриш, я околею сейчас! – рявкнула Фергия. А я-то думал, что это такое вибрирует у меня на хребте? Даже приятно, к слову... – Ныряйте скорее вниз!

«Неужели волшебница не может согреться?» – хотел я спросить, но не мог. Вдобавок, знал ответ: Фергия наверняка удерживала странную тучу как можно дальше от нас обоих, а на это требовалось много сил. С другой стороны, она ведь хотела рассмотреть эту пакость поближе, а лучше того – изнутри... что мы и проделали, к слову. Налюбовалась, надо полагать.

Что толку спорить? Я лег на левое крыло и скользнул вниз, стремясь поскорее достичь земли. Проклятый оазис был совсем близко...

– Вот это было дельце! – проговорила Фергия, растирая щеки и уши – они яростно пламенели. – Ух! Даже зимой на Севере холод не такой... Вы не замерзли, Вейриш?

– Я немного горячее человека, – деликатно заметил я.

– Тогда вы должны сильнее ощущать перепад температур, разве нет?

– Я бронированный.

– А что ж так дергаетесь, когда я вас пришпориваю?

Я не нашелся с ответом. Ну как объяснишь, что жару и холоду я чувствую совершенно иначе, нежели пинок под ребра?

– Страшно было? – негромко спросила Фергия, сунув мне фляжку.

– Невыразимо, – подобрал я подходящее слово.

Хотелось забыть этот кошмар, как... как... Просто – забыть!

– Но вы все-таки сумели прорваться.

– Без вас не смог бы.

– Что ж, запишем этот скромный долг жизни на ваш счет, а пока вернемся к текущим проблемам, – потерла руки Фергия. – Например, попытаемся понять, где мы очутились.

– Как это – где?..

Я наконец-то посмотрел по сторонам и понял, что это место совершенно не похоже на Проклятый оазис.

Кругом лежали пески, а мы стояли у подножия невысоких скал: такие попадаются иногда в пустыне. Наверно, в незапамятные времена там высились горы, но неумолимые ветра и песок источили несокрушимую плоть гигантов, и теперь над барханами маячат лишь причудливые каменные столбы, а кое-где прячутся лабиринты вроде этого.

– Я же правил домой, – выговорил я, когда до меня дошел ужас нашего положения. – Я летел по звездам! Но...

– Но существенно промахнулись, – заключила Фергия, посмотрев на небо. – Интересно, как так вышло? Я тоже думала, что мы движемся в нужном направлении. Вон он, ваш Дракон, подмигивает... Если я еще не разучилась ориентироваться по небу и прикидывать расстояние, то унесло нас ох как далеко!

– Проклятие поработало?

– Другого объяснения у меня нет, так что примем это за рабочую версию.

– Но туча ведь осталась далеко внизу, – сказал я. – А потом меня подхватил попутный ветер, и я не сомневался, что лечу к Адмару!

– Ага, только мы были на такой высоте, что этот ветер швырнул нас, может, и в нужную сторону, только слишком далеко, примерно за несколько дней обычного пути, – проворчала Фергия.

Я почему-то даже не сомневался, что ей нравится новое приключение, а вот мне самому... Нет. Очень уж памятен был пережитый страх, до сих пор подгибались колени, а еще страшно хотелось есть, потому что полетать пришлось изрядно, а поужинать я не успел.

– Неважный из меня вышел помощник, – самокритично сказала Фергия.

– О чем вы?

– Если на море густой туман, рядом с рулевым становится морская ведьма и направляет корабль меж скал и обломков льда, – пояснила Фергия. – Я к этому привыкла, Вейриш. Только не учла, что там, – она указала в небо, – ветра ведут себя совсем не так, как над морем. Будет мне впредь наука...

– Без вас я бы разбился.

– Без меня вы бы и не полетели никуда.

– Так-то оно так, но мы кое-что узнали, верно? Вы сказали, что не видите преграды, это правда? – спросил я.

– Зачем мне вас обманывать? – Она подумала и снова протянула мне фляжку. В ней плескался какой-то жидкий огонь, не орта даже, нечто куда более забористое. – Я ничего не заметила, только вы вдруг замесились, словно ослепли, и что мне оставалось делать?

– Стать у руля, – мрачно пошутил я, – что вы и проделали.

– Ага... Потом рассмотрела кое-что, но что именно, мне еще нужно осмыслить. Вроде бы смутно знакомая штукавина, но почему она мне знакома, вот в чем вопрос? Словом, это дело не на полминуты.

– Спросите у прадедушки, – вздохнул я.

– С радостью, как только он на предыдущее письмо ответит. Ну да ладно, Вейриш, мы живы – и это уже замечательно, – улыбнулась она. – Надо выбираться отсюда, согласны?

– Да, только, боюсь, не долечу. Вернее, дотянуть дотяну, но только по прямой, – сознался я. – У меня до сих пор поджилки трясутся. И если эта тварь снова окажется на пути, я не справлюсь. Сил не хватает.

– Значит, нужно отдохнуть, – постановила Фергия. – Только не под открытым небом. Идем посмотрим, что там за пещеры? Я имею в виду: если там кто-то водится, то мы его съедем, а если нет, то хотя бы худо-бедно укроемся. До рассвета уже недалеко, а мне что-то не хочется изжариться на этих камнях.

При слове «съедем» у меня в желудке предательски заурчало. Фергия тяжело вздохнула и полезла по своим необъятным карманам. Иногда мне кажется: если перевернуть ее вверх ногами и потрясти как следует, из тайников высыплется целая библиотека, пара ведер ее любимых слив, золотой запас небольшого государства, снаряжение на все случаи жизни и еще множество предметов неведомого назначения.

В этот раз, правда, Фергия выудила всего лишь горсть орехов и жменю сушеных ягод.

– Чем богата, – удрученно сказала она и, глядя, как я ем, потрясенно добавила: – Вейриш, ну не со скорлупой же!

– А это что? – присмотрелся я, сглотнув.

– Это та самая подметка, как вы ее назвали. Помните, нашла в своем подвале? – Фергия постучала куском вяленого и давно засохшего мяса тридцатилетней выдержки по стене. По моему, осталась выщербина.

– Зачем вы ее с собой таскаете?

– Да так... мало ли, – туманно ответила она. – В крайнем случае, наколдую все-таки котелок из ореховой скорлупы и воду, сварю вам похлебку из этой древности. Вряд ли будет вкусно, но отравиться не отравитесь.

– Кстати, о воде... – произнес я, потому что после сладких ягод и орехов пить захотелось сильнее прежнего.

– О, конечно, как это я позабыла!

Фергия подняла руку и – я глазам своим не поверил! – на ладони ее забил ключ. Капли падали наземь и впитывались в сухую землю.

– Ну и долго мне изображать фонтан? Пейте давайте да пойдём на разведку!

Я не заставил себя упрашивать и приник к источнику живительной влаги. Наверно, со стороны это выглядело, как поцелуй, который Фергия позволила запечатлеть на своей руке Даллалю, но на нас некому было таращиться, кроме бесчисленных ящериц и змеек.

– Змей тоже можно есть, – пробормотала Фергия. – Но от этих толку мало, кожа да кости.

Чтобы вас накормить, придется наловить пару мешков, а где мы их возьмем?

– Наколдуйте, – вздохнул я. – Котелок же грозились сделать.

– Это только в самом крайнем случае, потому что сил я на это угрожаю сверх всякой меры. А они еще могут нам пригодиться, не так ли?

Я кивнул, проглотив предложение соорудить мешки из ее шаровар. Неизвестно, с чем... или кем мы можем столкнуться, да и туча где-то поблизости поджидает...

– Говорите, предмет наколдовать сложно, а вода как же? – спросил я, напившись.

– А ее – легко, – ответила Фергия и вытерла руку о штанину. – Вейриш, влага есть повсюду даже в этой раскаленной пустыне. Своей волей я просто собираю ее в одну точку.

– То есть я сейчас выхлебал пару кувшинов, а где-то в оазисе пересох родник?

– Не говорите глупостей, Вейриш. Я не говорила, что выкачиваю воду из конкретного источника. Повторяю – она повсюду вокруг нас! Прячется под землей, рассеяна в воздухе, и нужно только собрать ее, как бардазины. Знаете способ?

– Не припоминаю...

– Они складывают камни особым образом, а утром на них образуется роса. Не так уж много, но вполне достаточно, чтобы утолить жажду. И не во всех местах такое работает, где-то проще до воды докопаться, но... Считайте, я сделала то же самое, только не ждала всю ночь, – улыбнулась она. – А теперь, когда вы немного ожили, пойдёмте внутрь, найдем себе местечко поуютнее да вздремнем – во сне не так есть хочется, точно знаю! Может, там найдутся своды повыше, а то ведь я этак вскочу спросонок и голову расшибу...

В самом деле, ей приходилось изрядно пригнуться, что уж говорить обо мне!

– Не заблудимся? Такие подземные лабиринты бывают очень коварными.

– Я маг или кто? – возмутилась она. – Буду метки на развилках ставить...

– А если застрянем? Или потолок обвалится?

– Тогда вы превратитесь в дракона, и проблема будет исчерпана, – коротко ответила Фергия, а я представил себе эту картину и невольно улыбнулся. – Однако проверять, что крепче – ваш череп или эти камни, мне не хочется, поэтому в узкие отнорки мы не полезем. У нас совершенно иная задача, если вы еще не забыли. Идем!

В глубине было прохладно, если не сказать – зябко. Хотя, возможно, меня просто трясло после пережитого. Поди ж ты, не первый век на свете живу, а все равно перепугался чуть не насмерть! Хотя такого попробуй не испугайся...

– И сбруя нам пригодится – вдруг там какая-нибудь пропасть? – бормотала Фергия, освещая путь.

– Пожалуйста, давайте не будем спускаться в пропасть, – попросил я и сам удивился, насколько жалобно прозвучал мой голос.

– Я пошутила, – вздохнула Фергия. – К слову, если ремни как следует выварить, их тоже можно есть, вы знаете об этом?

На этот раз, по-моему, она вовсе не шутила, поэтому я предпочел смолчать.

– Знаете, Вейриш, – сказала Фергия, отвлекая меня от мрачных мыслей, – очень похоже, что эти ходы в незапамятные времена проточила вода.

– Вода? Откуда она здесь? – опомнился я.

– Я же сказала – в незапамятные времена! Вы что, не читали старинных книг? Многие путешественники упоминают, что давным-давно в этих местах, которые еще не назывались Адмаром и Данжером, я уж молчу о прочей мелочи, не было никакой пустыни, а цвели сады. Не такие, как у меня в оазисе, а... – Она развела руками. – Огромные. В их тени как раз и отдыхали путешественники, а потом описывали впечатления.

– И куда же все подевалось?

– Мне-то откуда знать? Это вы долгоживущий дракон, – ядовито сказала Фергия, – и если не помните сами, поскольку в те годы еще не вылупились из яйца... или как вы там появляетесь на свет, то ваши старшие родственники наверняка застали наступление пустыни и знают, что стало тому причиной. Помню, Гарреш упоминал Иррашью, которая еще Империю помнит, вот и спросите у нее при случае.

Я оценил, с каким «изяществом» Фергия попыталась выведать кое-что о нашем народе, но не стал заострять на этом внимание. Пускай думает, что я не заметил, а если заметил, то счел шпилькой в свой адрес.

– Нет уж, эту даму расспрашивать – себе дорожке, – ответил я и коснулся пальцами стены. В самом деле, гладкая, как морская галька. – Думаете, это место затопляло в паводок?

– Да нет, высокогато...

– Бросьте, эти холмики верблюду по колено!

– Это сейчас, – терпеливо сказала Фергия. – Времени прошло достаточно. Порода тут мягкая, ветер изрядно над нею потрудился, да и песком занесло. Вы же сами видите: ходы ведут вглубь, там под нами наверняка целый лабиринт!

– Давайте не станем его исследовать, – искренне попросил я. – Вряд ли тут спрятаны какие-нибудь сокровища, а просто так лазать по этим норам у меня сил нет. Впрочем, вы-то вольны делать, что угодно, но мы, кажется, собирались вздремнуть? По-моему, эта пещерка достаточно просторна для нас обоих.

– Я бы не сказала... К тому же вон большой проход, надо проверить, что там. Но вы можете остаться и спать себе спокойно, а я пойду посмотрю.

Как бы я ни устал, но оставить женщину, пусть даже мага, в одиночестве в подобном месте не мог, а потому потащился следом.

Когда Фергия посылала вперед огонек-спутник, вроде бы черные стены вдруг становились красными или рыжими – это разбегались собравшиеся там ящерицы, а потом возвращались обратно.

– Точно, – произнесла она вдруг и указала пальцем, – видно, как вода поднималась и на каком уровне стояла. Я видела подобные пещеры на Севере и в Арастене, и там чаще всего или льды таяли, или подземные реки постарались. Наверно, и тут была такая, и после ливней уровень

воды поднимался очень сильно. Представляете, как красиво? Эта вот рыжая с красным гора, тогда, наверно, еще поросшая какой-то зеленью... Проходят дожди, и вдруг со склона начинает бить водопад!

– Наверно, радуги играли, – добавил я, представив, как низвергалась с утесов вода... может, мутная, но какая разница? Брызг всяко достаточно.

– Еще бы, на здешнем-то солнце! А теперь ничего не осталось, только колючки какие-то растут. И эти вот, – Фергия снова посветила на ящерок, – тут собираются.

– Может, как раз потому, что здесь какая-то влага есть. – Я потрогал стену. Мне показалось, будто она и впрямь сырая, но, может, дело в росе? – И где-нибудь поглубже живут... не знаю, слизняки или еще какая-то мелочь, вот хвостатые и устроились там, где можно прокормиться и спрятаться.

– Все может быть...

Дальше проход раздваивался, и Фергия предложила:

– Я пойду направо, а вы налево, чтобы не терять время понапрасну. Огонек-спутник я вам дам, а так... если что – кричите, я прибегу.

Я снова промолчал: переговорить Фергию Нарен сложнее, чем обмануть джанная. Проще поступить, как она желает, чтобы не выслушивать словесный поток...

Здесь, внизу, было еще холоднее и стены казались уже не едва влажными, а просто-таки мокрыми. Мне послышалось, будто где-то капает вода, и я повернул туда.

Ящерицы по-прежнему усеивали стены, и я рассудил, что они привыкли к свету и уж тем более не боятся меня. К тому же живой ковер под ногами расступался передо мной, и не приходилось задумываться о том, как сделать шаг и никого не задавить.

«Может, чуют во мне родственника? – мелькнула мысль. – Пускай очень дальнего, но все-таки... И пускай я едва жив, я больше, старше, опаснее и владею небесным огнем».

Вообще-то, небесным огнем обычно именуют молнии, но в нашем семействе так с незапамятных времен именовали способность выдыхать пламя. Оно, к слову, тоже может быть разным: я владею далеко не всеми приемами, но, по идее, могу и молнию вызвать. Дядя Гарреш – тот точно умеет, а я все ленился выучиться...

А еще, вспомнил я, когда пальцы мои угодили в настоящую струйку воды, пусть и тоненькую, кое-где драконы вовсе не считаются повелителями пламени, а причислены к водным чудовищам. Да и так-то подумать: я люблю воду, способен нырять и плавать, прежде мог часами летать под дождем и в грозу... до тех пор, пока одна такая буря не принялась на меня охотиться! Что-то в этом было, и следовало поразмыслить как следует, а это дело не на полминуты, как Фергия выражается.

Тут я опомнился, сообразил, что забрел уже очень далеко, и окликнул:

– Фергия! Где вы?

– Где-то... – раздался искаженный эхом ожидаемый ответ. – Что у вас, Вейриш?

– Ничего, просто хотел узнать, что вы делаете!

– Если бы меня пытались сожрать, вы бы услышали – я так легко не сдамся! – расхохоталась она, и эхо заметалось по причудливым тоннелям.

У меня снова заурчало в желудке, и я стал думать о том, что та сушеная подметка, по идее, вполне съедобна. И ремни сбруи тоже – они, по крайней мере, не настолько старые. Выбраться бы из этого лабиринта, и я попрошу Фергию...

Тут я взглянул вперед, увидел незнакомца, отскочил, хватаясь за кинжал... а потом сообразил, в чем дело, и облегченно выругался.

Не было передо мной другого человека – это оказался я сам, растрепанный, грязный, в драной одежде... Поди признай Вейриша-шодана, одного из самых богатых (пускай и скромных) жителей Адмара!

– Но как... – шепотом произнес я и уже протянул руку двойнику, но тут же отдернул. Нельзя трогать вещи, от которых не знаешь, чего ожидать, хотя бы это было прочно вбито мне в голову. Вот я и гаркнул: – Фергия! Идите скорее сюда!

– Вы все-таки нашли сокровище? – раздалось вскоре.

– Не уверен, но вы точно не откажетесь это увидеть!

Она примчалась с такой скоростью, будто проложила новый тоннель напрямик ко мне.

Впрочем, я не удивился бы, окажись так: Фергия все-таки маг, что ей эти стены? Ее матушка, повторюсь, не разбрасывалась заклинаниями направо-налево, но она, я полагал, привыкла

сдерживаться и не шокировать окружающих. Фергия тоже не колдовала при посторонних (ну, почти), однако мне казалось, будто она намного сильнее матери. Как знать...

– Что? Что вы обнаружили, Вейриш? – жадно спросила Фергия, отдышавшись.

Вместо ответа я указал вперед, и она вперилась туда, потом поинтересовалась, нахмурившись:

– Разыгрываете, что ли? Я полагала, на это у вас не осталось сил.

– О чем вы? Не видите разве? – поразился я.

– Вижу стену, если вы об этом.

– А я – зеркало и свое отражение в нем. А вашего... не вижу, – заметил я вдруг.

– Вот так дела... – Глаза Фергии вспыхнули уже знакомым огнем. – Как хорошо, что вы оказались под рукой, Вейриш! Все-таки драконы могут много такого, что людям не под силу... Она шагнула вперед и бестрепетно приложила руку к стеклу. Ничего не произошло, ее отражение не появилось, а вот ящерки заволновались и настоящей волной хлынули к незваной гостье. Правда, на само зеркало они не забирались, но кишели кругом.

Фергия тоже обратила на это внимание:

– Знаете, Вейриш, похоже, будто они охраняют это место или хотят что-то показать.

– Неужто?

– Иначе почему не разбежались? Прежде они удирали от яркого света, а теперь, глядите, лезут поближе.

– Только не забираются на зеркало, – добавил я.

– Я уж вижу, они настоящую оправу сплели...

Фергия глубоко задумалась, потом сказала:

– А потрогайте-ка эту штуку, Вейриш. Только осторожно.

– Кажется, вас посетила какая-то идея, только меня вы в нее посвящать не намерены, – пробормотал я и шагнул вперед, навстречу своему отражению.

– Я могу изложить, это не займет много времени.

– Ну так не молчите!

Фергия вздохнула и спросила:

– Помните Данна Ару? Помните, о ком она говорила?

– Да, о самозванце, а может, настоящем бастарде, который решил обрести облик дракона. И которого заточили... Нет, Фергия, это не может быть тот самый предмет!

– Почему?

– Как бы он сюда угодил, сами подумайте? В пустыню... да чтобы довести зеркало такой величины в эти края и спрятать его в пещере, потребуется столько сил и денег, что...

– За века любой слух рассеется, – сказала она. – И почему вы решили, что зеркало откуда-то везли? Я же сказала: когда-то эти земли процветали, и Адмар – лишь осколок Империи! Не знаю, где именно была столица, но под толщей песка вполне может скрываться старинный город – вспомните рассказы Лалиры! А в этих скалах удобно прятать... разное.

– Понимаю вашу мысль, но все-таки не могу поверить, будто мы наткнулись на ту самую вещь. Зеркало! Почему не канделябр, к примеру? Или камень какой-нибудь? Он всяко прочнее! Вместо ответа Фергия подобрала осколок камня и с размаху швырнула им в стекло. Только гул пошел, а на блестящей поверхности не осталось и следа.

– Беру свои слова назад, – сказал я, приглядевшись. – Это явно непростая штукавина.

– А я вам о чем твержу? – она вздохнула. – И сами подумайте, почему нас занесло именно сюда, Вейриш. Проклятие ваше, ну?... Думайте!

– Если принять за истину, что проклял меня и моих родичей тот самый, заключенный... неважно, где или в чем! Словом, мы связаны с ним, так? – медленно выговорил я. – А может быть, мы даже родня по крови.

– Гений! – Фергия от души треснула меня между лопаток. – Мы думали, по какому принципу действует это проклятие, так вот же, все лежит на поверхности: оно забирает ближайшую родню того бастарда или кем он был!

– Но зачем?

– Не заставляйте меня считать вас глупее, чем вы есть на самом деле, Вейриш, – сказала она тоном Флоссии, так что я невольно устыдился и выудил из глубин памяти:

– Все дело в крови. Если он сумел вернуться к жизни, но у него нет вообще ничего, то копить собственную мощь он может веками, да так ничего и не добьется, но если выпить силы из близких родственников...

– Ну наконец-то додумались! – искренне обрадовалась Фергия. – Вот вам и мотив... Но что же за этой стенкой?

– Зеркалом.

– Для меня это стенка... Давайте ее сломаем? – тут же предложила она.

– А вы уверены, что мы после этого выживем? Может, все-таки выберемся отсюда, а потом вернемся подготовленными и полными сил?

– А вы уверены, что мы сумеем найти это место снова? – передразнила Фергия. – Нет, правда, Вейриш, вы не можете сложить два и два? Буря, призванная вашим проклятием, унесла нас именно сюда! Это же неспроста, как вы полагаете?

– Я полагаю, что если придется сражаться с кем-то могущественным, то я позорно паду во время первой же атаки, – честно ответил я. – От меня сейчас мало толку, а вы, пускай и волшебница, но все же человек, и...

– И именно поэтому я не стану встречать в драку неведомо с чем, – перебила она. – Мы только посмотрим! Может, у нас ничего и не получится, что вы начинаете переживать заранее?

– То есть грохнуть зеркало выше моего роста – это «просто посмотрим»?

– Вдруг и не придется его разбивать? – стояла на своем Фергия. – Дотроньтесь до него, Вейриш! Если вы видите свое отражение, а мое – нет, наверно, это что-то да значит? И все эти ящерицы и змеи точно не просто так сюда сползлись... Ну же?

– Ладно, но если я погибну, вам придется, во-первых, идти пешком до Адмара, а во-вторых, объясняться с Аю, – выговорил я, сглотнув вязкую слюну.

– Аю наверняка предвидела, что случится, а потому мне ничто не угрожает, – сказала Фергия и толкнула меня под локоть, так, что моя рука дернулась, но вместо того, чтобы натолкнуться на холодную преграду, по самое запястье вошла в зеркало.

Клянусь, мне стоило больших усилий не заорать в голос. Ощущения были, мягко говоря... неприятными. Зеркальная поверхность медленно, но неумолимо тянула руку внутрь. Я мог высвободиться, но...

– Это проход, – утвердительно произнесла Фергия. – Наверняка... Теперь, когда вы коснулись этой штуки, я что-то чувствую! Продолжайте, Вейриш, умоляю!

– Но как же вы?

– Я буду держаться за вас, – и она обняла меня со спины, стиснув так, что у меня ребра захрустели. Сказал бы я – как страстная любовница, но нет, скорее, как укротительница диких лошадей. – Глядишь, сумею проскочить...

Я понимал, что творю безумие, что нельзя дотрагиваться до непонятных артефактов, а уж тем более позволять им завладеть собой, знал – я совсем обессилел, не смогу отбиться, случись что, а Фергия... она, вероятно, сумеет, но что будет потом с нами обоими?

Рука моя по плечу ушла в зеркальную поверхность, и показалось – я вижу круги на воде. Да и ощущение было, словно дотронулся до холодной глади пруда... Оставалось только задержать дыхание и нырнуть.

Это я и проделал.

Глава 16

Чувства обманули меня: странное вещество (не стеклом же его называть) не было ни холодным, ни теплым, как нагретый солнцем водоем. Зато оно было довольно-таки густым и вязким – я словно погрузился в студень, доводилось мне пробовать такое блюдо в Арастене. На любителя, если честно... Да и это вещество, если подумать, больше напоминало цветное желе – кругом я замечал сполохи, но некогда было размышлять об их природе: я старался двигаться вперед. И не думать о том, что случится, если я навеки застряну здесь, как муха в смоле, окаменею, а через века какие-нибудь искатели сокровищ обнаружат мое застывшее в зеркальной глубине тело... Или они вовсе его не увидят? Это, похоже, не каждому дано, ведь Фергия... Кстати, где она?

Я ее не ощущал. Вернее, помнил, что она вцепилась в меня что было сил – чувствовалось, ей доводилось не только справляться с дикими лошадьми. Впрочем, я же видел, как она

управляется с веслами, а раз так, то, наверно, может и паруса помочь ставить, и к штурвалу стать, а его поди удержи. Однако сейчас я не ощущал железной хватки...

Мысли мои свернули куда-то не туда, но это от страха – страха оказаться неведомо где совершенно одному. Хорошо, если Фергия просто не смогла миновать преграду и стукнулась лбом о камень, но... мало ли что еще могло случиться?

И вдруг моя рука, до того преодолевавшая сопротивление зеркального студня, очутилась на поверхности – там было прохладно и влажно. Гадать, что поджидает впереди, желания не было, и я постарался поскорее вынырнуть целиком... и вытащил за собой Фергию в темноту и неизвестность.

– Вот это приключение! – выдохнула она и смачно выругалась, помянув род создавшего преграду до двенадцатого колена в обе стороны. Если она умеет проклинать по-настоящему, а не ради красного словца, не завидую детям этого мастера! – Вы в порядке, Вейриш?

– Вроде бы да? А вы?

– Как видите, цела и невредима.

– Я не вижу, тут темно хоть глаз выколи, а ваш огонек пропал куда-то.

– Как это – темно? – поразилась она. – Тут и без огонька неплохо: стены светятся... Наверно, это какие-то растения или даже крошечные животные вроде тех, что в ваших морях обитают, – видели, как волны по ночам сверкают? Вот, это они тому причиной. А у нас...

– Но не ослеп же я! – со страхом перебил я ее словоизвержение.

– Не должны бы, – с некоторым сомнением ответила Фергия и потыкала меня пальцем в плечо. – Вейриш, я огонек зажгла, неужели вы и его не видите?

Я помотал головой, стараясь не поддаваться панике.

– Ну-ка, не моргайте. – Она взяла меня за подбородок и, видимо, что-то сделала. – Зрачки на свет реагируют. И хоть маг-медик из меня, как из верблюда танцовщица, уверена – повреждений нет. И чужих заклятий нет... кажется. Либо я их не различаю, что вовсе ни в какие ворота не лезет...

– Может, вы лишились волшебного дара? Тогда нам точно крышка.

– Да конечно, ждите! Огонек-то горит... и так я могу... – Судя по звукам, она что-то наколдовала. – Что за ерунда?

– Ничего себе ерунда... – выговорил я с нервным смешком. – Ладно еще залезть в явно зачарованную пещеру, миновать какие-то врата или что это было... но вот оказаться в неведомом вслепую – это уже перебор!

– А вы, когда сквозь эту липучку шли, зажмурились? – подумав, спросила Фергия.

– Н-нет... – ответил я, вспомнив цветные сполохи, отдаленно напоминавшие северное сияние. – Там красиво было, так... так... ярко.

– Хорошо, что я зажмурилась, – довольно сказала она. – Не то тыкались бы мы теперь по углам, как слепые щенки.

– Спасибо за поддержку! – не выдержал я и хотел оттолкнуть ее, но промахнулся.

– Погодите драться, – велела Фергия, – может, это пройдет само собой. Или на обратном пути.

– А как мы найдем этот обратный путь? Вы зеркало вообще не видите и даже не ощущаете, а я... Я тоже не вижу.

– На ощупь попробуйте, – сказала она, взяла меня за руку и потянула чуть в сторону. – Мы вывалились вот отсюда, я уверена – сразу метку поставила, а то мало ли.

Я провел пальцами по гладкому влажному камню и покачал головой.

– Это не зеркало, Фергия. Похоже, оно было односторонним.

– Ну, раз есть вход, значит, должен быть и выход, – с привычной жизнерадостностью, от которой мне сейчас давиться хотелось, сказала она. – А в крайнем случае, как я уже говорила, вы превратитесь и прошибете потолок. Не так уж тут глубоко. Я помогу, обещаю! Но сперва посмотрим...

– Гхм...

– То есть поищем, – поправилась Фергия, – нет ли тут чего-нибудь интересного. Держитесь за меня, Вейриш! Видели, как маленькие афранты держатся за хвост матери? У меня хвоста, конечно, нет, но вот вам конец моего пояса, намотайте на руку и не выпускайте!

– И куда вы намерены идти? – безнадежно спросил я, выполнив требование. Что еще мне оставалось делать?

– Тут только один ход, и он ведет вглубь, – ответила она. – Возможно, есть и другие, но они наверняка хитро замаскированы, так зачем время тратить? Сперва раз узнаем, что там прячется, в этой сияющей бездне... Кстати, вот и подтверждение моим словам: ящерицы и змеи питаются этой светящейся насекомой мелочью. Вот только интересно, как они минуют зеркало? Или оно для них вовсе не преграда? Или просачиваются через щели по бокам? Надо же, как интересно! Я в который раз помянул незлым ругательным словом способность Фергии говорить без умолку, но в то же время проникся к ней признательностью: если бы не ее болтовня, я, наверно, все-таки запаниковал бы.

Сейчас я чувствовал себя... да, примерно как той зимней ночью в Арастене, когда в меня воткнули арбалетный болт, увитый сложными заклинаниями, но именно что примерно. Помню, я ничего не мог поделать – ни выдернуть его, чтобы залечить рану, ни превратиться... да и нельзя же посреди города, я бы разнес весь квартал и поубивал ни в чем не повинных людей! Тогда я ощущал, как быстро утекают силы, старался удержаться в сознании, но минуло всего ничего – и я канул в темноту. По-моему, все случилось так быстро, что я даже не успел испугаться, а потом было не до того.

Теперь же времени на то, чтобы до меня дошел весь ужас моего положения, хватало с лихвой, и если бы я позволил себе погрузиться в эти мысли... Право, не знаю, что бы со мной стало. Однако непрерывные реплики Фергии – а она ведь еще требовала реакции на них, не говорила в пространство, лишь бы заполнить тишину, как делают многие, – отвлекали меня и злили, а злость в подобных ситуациях самое подходящее чувство! Во всяком случае, пока выбираешь лучшие методы казни для столь надоедливой особы, жалеть себя времени нет.

– Фергия! – потянул я ее за пояс. – Постоите...

– Поаккуратнее, Вейриш, вы же меня пополам сломаете, если дернете изо всех сил! – возмутилась она. – Ну, что там у вас? Прозрели?

– Нет. Но все равно что-то вижу.

– И что же это такое? – вкрадчиво произнесла Фергия.

– Если бы я знал, сказал бы, наверно, как по-вашему? – вспыхнул я, но тут же остыл. – Я не знаю, как описать. Кругом крошечная тьма, а в ней светятся золотые искры. Я думал, это последствия перехода, но... их становится все больше и больше. И кое-где это уже не искры, а как бы... прожилки на мраморе, видели? Попадаете иногда такой, с вкраплениями золота. Говорят, во дворце рашудана им стены отделаны...

– Да пес с ним, с этим рашуданом!

– Оскорбление правителя, – машинально ответил я. – Карается четвертованием, а дальше как пойдет... в смысле, на что у палача фантазии хватит.

– Вейриш, хватит о рашудане, скажите лучше, где больше всего этих искр? Или покажите!

Я ткнул пальцем в нужном направлении. Судя по ругательству, чуть не попал Фергии то ли в нос, то ли в ухо, но это уж мелочи...

– Вы вот не видите, а жаль, – сказала она. – Все эти змейки-ящерики выстлались ковром, ни стен, ни пола не разглядишь, только дорожку для вас оставили. И ведет она именно туда, куда вы указали.

– Для меня? – не понял я.

– Ну не я же дракон! К слову, ведь тот бастард, – Фергия схватила меня за локоть и зашептала в ухо, – он полукровка, помните? Он хотел стать настоящим... Вейриш, вот это удача – угодить в его тайник!

– Вы б еще сказали – логово...

– Нет, логово охраняли бы иначе, – авторитетно заявила она, не выпуская моей руки. – Теперь вы ведите.

– Я же не...

– Вы видите какие-то искры, а я ничего такого не различаю, вот вы и будете проводником. Не переживайте, пол здесь довольно ровный, а я в любом случае не дам вам упасть, если споткнетесь. Удержу уж, хоть вы и здоровенный.

– Да и вы не девушка-из-цветочка, – не удержался я, – так что поверю на слово.

– Что за девушка? – заинтересовалась Фергия.

Я сосредоточился – сложно идти вслепую, ощущая только камни под ногами и крепкую руку спутницы, – нашел место, где искры роились гуще всего, и сделал шаг вперед. Сообразил еще

выставить вперед свободную руку, чтобы ни на что не наткнуться, а то вдруг Фергия отвлечется, я и врежусь лбом в какой-нибудь выступ?

– Это сказка, – ответил я, освоившись с ролью ведущего. – Наверняка на этом вашем Севере есть подобная.

– Вполне вероятно. Расскажите, пока идем!

– Ну... начинается история, как обычно: жила-была семья, и был у них любимый сын.

– Только один?

– Не знаю, может, имелись и менее любимые, от наложниц, – огрызнулся я. – Словом, его никак не могли женить. Никто ему не нравился.

– А что ж родители не приказали? – удивленно спросила Фергия и потянула меня в сторону, уводя от столкновения с камнем, так что я ударился лишь плечом, а не всем собой.

– Так любимый же, как его приневолишь? Словом, мать пошла к колдуну и сказала, мол, у сына уже усы выросли, а он на девушек и не глядит, что делать?

– Может, его не девушки интересовали? – хихикнула Фергия, и я смутился.

– Нет, не в том смысле не глядит! У него были шуудэ, просто жениться он не хотел.

– И что же колдун? О, погодите, я угадаю! У нас действительно есть похожая сказка! – радостно сказала она. – Он дал женщине волшебное семечко, так? Велел посадить, ухаживать за ростком и смотреть, что будет дальше?

– Точно... – удивленно протянул я.

– Из семечка вырос прекрасный цветок, а когда бутон раскрылся, внутри оказалась та самая девушка, только ростом с палец?

– Нет.

– Интересный поворот, – сказала Фергия. – А как же тогда дело было? Вы говорите, говорите, только не забывайте следить за дорогой!

– Слежу я! Гхм... Из семечка действительно вырос цветок, только не обычный.

– Ясное дело, волшебный.

– Фергия, если вы будете перебивать, я никогда не закончу эту историю!

– Я просто уточнила, – буркнула она, положила руку мне на затылок и придавила с неженской силой, пояснив: – Тут потолок низкий, пригнитесь. И говорите дальше.

Я вздохнул, припомнил сказку и продолжил:

– Бутон этого цветка был размером с человека, а когда он начал раскрываться, стало ясно, что на каждом лепестке можно накрыть стол на дюжину персон.

– Ого!

– Мать обрадовалась: цветок был очень хорош, и внутри наверняка скрывалась красавица, которая наверняка понравится ее сыну.

– Знаете, – сказала Фергия, – у меня есть подозрение, о каком цветке идет речь. Я его не видела, только читала описания, и не знаю, как его называют здесь, а арастенское название вряд ли что-то скажет вам, но свидетели живописуют его на редкость красочно... Он растет где-то в джунглях, цветет редко, но уж если сподобится, то зрелище выходит редкостное. Красиво, да, но лепестки у него цвета гнилого мяса, а то и вовсе черные, аромат соответствующий. Это он?

– В сказке не говорится, – вывернулся я, хотя думал о том же. – Словом, мать позвала мужа и сына в сад, чтобы наблюдать явление чудесной красавицы. Они высмеяли ее, но все-таки пришли, и тогда волшебный цветок показал им свою сердцевину...

– Эти несчастные хоть живы-то остались после такого зрелища?

– Конечно. Лепестки раскрылись, и из цветка вышла юная дева невообразимой красоты.

– Насколько невообразимой? – любопытно спросила Фергия.

– Ну... судя по этой истории, она была очень высока, совершенно обнажена, кожа ее оказалась чернее земляного масла и такой же блестящей, волосы вились, как плети волшебного цветка, глаза сверкали огненной страстью, а в руке она сжимала копье с наконечником длиной в мужскую руку. Наверно, это была тычинка, – невольно улыбнулся я.

– Полагаю, сын взял ее в жены прямо в саду, – заключила Фергия. – Что ему, собственно, оставалось делать?

– Так и было.

– И жили они долго и счастливо?

– Как ни удивительно, да, – ответил я. – Помните носильщиц? Мы их видели на базаре, когда встретились впервые, и вы напросились ко мне в гости.

– Я напросилась?! – задохнулась от возмущения Фергия. – Это вы меня к себе затащили!.. Но носильщица я помню, конечно, их поди забудь. Удивительных... гм... статей женщины!

– Ну вот, говорят, это дочери девушки-из-цветочка. Уж не знаю, что в итоге стало с ее мужем, но их потомки до сих пор живут, здравствуют и помыкают мужьями, потому что, как вы выражаетесь, поди возрази такому... нежному созданию.

– У бардазинов тоже женщины верховодят.

– Там иначе, – покачал я головой. – Мужчинам, конечно, полагается заниматься хозяйством, стадами и всем прочим, но они при этом отменные бойцы, пускай и не имеют права голоса ни в своем клане, ни тем более на собраниях племен. Очень редко кому-то дается такое право, но это должен быть поистине прославленный воин! А у «цветочков» мужья... кто торгует, кто сидит дома с детьми и готовит, мирные все и спокойные. Но с виду – они главные, не как у бардазинов, те не скрываются.

– Надо же, как интересно! – воскликнула Фергия, споткнулась и выругалась под нос. – Вейриш, как там ваши искры? Куда поворачивать? Тут развилка.

– Налево, – уверенно сказал я.

– Уверены? Справа стены светятся, а слева почти нет.

– Уверен. Это обманка, настоящее золото – в левом проходе.

– Да? – насторожилась она. – С чего вы это взяли?

– Я же объяснил, как это выглядит, – напомнил я. – И еще... словно чую, что направо уходят пустые жилы, а здесь, похоже, прячется самородок немислимой величины.

– Ну что ж, пойдем проверим... – пробормотала Фергия и крепче взяла меня под руку, пояснив: – Тут такая темнотища, что даже мой огонек-спутник ее толком не разгоняет. А тратить силы, чтобы зажечь что-нибудь посильнее, не хочется. Мало ли, пригодятся еще... И не стойте на месте, Вейриш. Солнце, наверно, уже высоко, а мы еще вздремнуть собирались, прежде чем возвращаться.

«Нет, ее невозможно переговорить», – в который раз подумал я и осторожно шагнул вперед. Это было все равно что брести на ощупь в незнакомом доме. Я вспомнил подобный опыт и невольно развеселился: не раз, о, не раз мне приходилось пробираться по чужим галереям и запутанным переходам, направляясь к очередной красавице!..

Сравнение пришлось как нельзя к месту: когда я увидел эту девушку, то остолбенел.

– Хоть предупреждайте, когда останавливаетесь, чуть нос о ваше плечо не разбила! – тут же сказала Фергия из-за спины.

– Вы ее не видите? – почему-то шепотом спросил я.

– Никого и ничего я не вижу, кроме ящер и стен. И ручеек еще, как мы и предполагали. А вы... да не молчите, говорите, что происходит!

– Пока ничего, – снова шепнул я и как только мог почтительно поклонился девушке с длинной золотой косой. – Приветствую тебя, благородная шади. Прости, что нарушил твое уединение, но любопытство – враг мой...

– Враг твоего народа, – сказала она голосом холодным и звонким. Мне показалось, будто это звенят, сталкиваясь, ледышки или монеты. – Но и друг.

– О чем ты...

– Я привела тебя сюда, как пыталась привести многих других, – перебила девушка. У нее было очень бледное лицо, бледнее, чем у северян, необыкновенно большие глаза, а еще... Чтоб мне провалиться, если зрачки у нее не были вертикальными! – Если и ты мне не поможешь, надеяться не на что.

– Так гроза – твоих рук дело?

– Нет. Я не умею вызывать бури. Я только старалась зазвать тебя поближе.

– Ну же, с кем вы говорите? – страшным шепотом произнесла Фергия, вцепившись в меня мертвой хваткой. – У вас что, видения?

– Смертная не способна увидеть меня, – едва заметно улыбнулась златовласая девушка.

– А я – никого и ничего, кроме тебя, – сказал я. – После того зеркала зрение отказало, и я...

– Боишься, – закончила она. – В этом нет ничего постыдного, и ты сможешь...

– Нет, я все-таки что-то различаю, – перебила Фергия. – Прямо перед нами, да? Не могу разобрать деталей, вижу только силуэт, и то, если смотреть краем глаза. Похоже, женский. А вот слышать – ничего не слышу. Может, побудете переводчиком? Познакомимся все вместе, а то невежливо как-то по отношению к хозяйке пещеры, не правда ли?

Златовласая девушка рассмеялась, и я невольно зажал уши – смех ее звучал, словно бьющееся на камне стекло; холодный и острый, он резал слух.

– А эта смертная не так-то проста, – протянула она наконец. – В самом деле, она не сумела бы миновать преграду, даже если бы ты напоил ее своей кровью. Стало быть, эта кровь уже течет в ее жилах. Наверно, всего лишь капля, но и этого хватило... А раз вы пришли вдвоем, это что-то да значит.

Я быстрым шепотом повторил сказанное Фергии, и она кивнула:

– Поскольку кое-какие мои предки из этих мест, а драконы озоровали тут много веков подряд, вполне вероятно, что ты права, шади. За века драконья кровь, конечно, порядком подразбавилась, но что-то осталось. Кстати, – она ткнула меня в плечо, – как бы вам не оказаться моим многоюродным дядюшкой или там кузенком!

– Вам бы все шутить, – пробормотал я, опасливо поглядывая на хозяйку пещеры.

Признаюсь, она действительно меня пугала.

– Я вовсе не шучу, – сказала Фергия, повернулась почти точно к тому месту, где сидела девушка, и отвесила почтительный поклон. – Не могу тебя слышать и видеть, уважаемая, но раз уж ты почтила нас обоих своим гостеприимством, то, может, не откажешься передать через этого дракона, которого обычно называют Эйшем, свое имя или хотя бы прозвище? Нужно же как-то обращаться к тебе?

Я вдруг сообразил, что до этого момента Фергия ни разу не назвала меня по имени. А эта старинная формула «тот, кого называют так-то» – она ведь призвана защитить от поистине злых духов, способных похитить настоящее имя и сотворить с его владельцем что-нибудь скверное. Не тех, которыми она пугала прислугу Ларсия в оазисе: такие как раз ничего не могут сделать с названным правильно человеком, а...

О таких существах стараются не вспоминать даже в сказках, слишком уж они страшны, хуже джаннаев. Кыж – и тот показался бы смирным домашним песиком рядом с подобными тварями. Так что же выходит, Фергия подозревала, в чье логово мы можем угодить? А если так, почему не предупредила меня? Ради естественной реакции, что ли? Придушить бы ее за такие фокусы, так ведь увернется...

– Повторяйте мне все, что она скажет, только от и до, слышите? Это не шуточки, каждое слово может быть важным! – прошипела Фергия, и ее локоть вступил в болезненное соприкосновение с моими ребрами. Я охнул и кивнул.

– Имя у меня забрал тот, кто заточил здесь, – сказала вдруг незнакомка, а я принялся пересказывать дословно, как и было велено. – Одно лишь могу сказать – я дочь царя, который превыше всех земных царей, богаче и могущественнее их всех, вместе взятых... И все же я оказалась бессильна пред слишком хитрым смертным.

– Похоже, это очень длинная и интересная история! – воскликнула Фергия, выслушав меня, и присела на корточки напротив девушки. – Можешь поведаешь ее нам? Ах да, я сказала тебе, как зовут дракона, а сама назваться забыла. Обычно меня именуют Белой ведьмой из Проклятого оазиса, но это слишком длинно, поэтому можно пользоваться прозвищем, которое дал мне добрый друг, – Фержи. А к тебе можно обращаться просто – шади? Или все-таки лучше – рашодэ?

– Рашади, – поправил я, – она же дочь правителя, а не вдова.

– Пускай будет рашади, – милостиво согласилась девушка, – это именование ничем не хуже прочих. Однако странно не видеть собеседников, не так ли?

Я кивнул: мне удивительно не хватало выразительного лица Фергии. Тем более она могла подсказать что-нибудь одной лишь мимикой...

– Ты совершенно права, рашади, – ответила Фергия, когда я донес до нее сказанное, – но можно ли как-нибудь поправить это досадное неудобство?

– Конечно, – сказала златовласка. – Посмотри направо. Ты ведь видишь все, кроме меня, не так ли? Что там?

– Из скалы бьют... ну как – бьют, вяло вытекают три струйки, – живо ответила Фергия.

– Это волшебные ключи. Раз ты колдунья, тебе не составит труда найти правильный. Промоешь глаза – прозреешь.

Я перевел.

– А как же Эйш?

– Ему предназначен другой ключ, – едва заметно улыбнулась девушка. – И не мешкай! Солнце снаружи уже высоко, я чувствую.

Я слышал, как Фергия прохаживается взад-вперед, цокая по камням подкованными каблуками, бормочет под нос, осторожно трогает воду пальцем, присев на корточки, а потом...

– Дай-ка ты мне слово, что не обманываешь, рашади, – сказала вдруг она. – Не то умоешься вот этак – вообще без глаз останешься. А они нам обоим еще пригодятся.

– И какое же слово тебе нужно, смертная?

Мне почудилось, будто зрачки девушки расширились, а рот... Нет, точно померещилось!

– Клятва, – просто ответила Фергия, поднялась во весь рост и встала напротив нее, уперев руки в бока. – Ты не смотри, что я человек. Сама же сказала – водились у нас в предках драконы, это раз. А два – я что, по-твоему, не имела дела с такими вот... существами? Хочешь, джаннаю позову? Буду ей должна, но ладно, как-нибудь расплачусь! Лучше уж с ней, чем с тобой...

– Полагаешь, простая джанная справится со всеми заклятиями, которые наложены на это место? – прошептала девушка. – Может, она и сумеет унести вас отсюда, но зрение дракону не вернет!

– Мы всегда можем вернуться и повторить, – бестрепетно заявила Фергия, выслушав меня. – О, хотя нет, ты ведь сейчас скажешь, что мы больше не сумеем найти вход в твое убежище...

– В мою тюрьму, – поправила та и опустила голову так, что золотые волосы заструились водопадом. – Это верно. Не всякий день выдается такая удача. Поэтому рискуй, смертная Фержи, или же разговаривай с той тенью, которую можешь различить.

– А как же Эйш? – тут же спросила Фергия. – Ему тоже рисковать? Когда он выйдет на волю, сможет видеть по-прежнему или нет?

– Не сможет. Волшебное зеркало отнимает эту способность, хотя и дает взамен другой дар. Пускай сам решает, хочет ли видеть, как смертный, или как, – девушка едва заметно улыбнулась, – настоящий дракон.

Я, передавая ее слова, задумался на мгновение: ни родители, ни дядя, никто из родни не говорили мне, будто драконы как-то по-особенному видят окружающий мир. Да, мы способны заметить многое, не доступное людям, но чтобы вот так...

– Как думаете, брешет? – едва слышно спросила Фергия на стальвийском, который я тоже неплохо знал, и я вздрогнул.

– Не знаю, но рисковать не хочу. Но и слепым оставаться – тоже.

– О чем вы шепчетесь? – тревожно спросила девушка и снова привстала.

Пряди ее золотых волос зазмеились по камням, и я вдруг подумал: неужели ей не холодно сидеть здесь в одном тонком платье? Или рубашке, северяне носят такие, я точно помню, не одну снял с понравившихся девиц, а то они и сами их скидывали, там нравы вольные, не то что в Адмаре...

– Решаем, как быть, рашади, – ответила Фергия. – Так ты дашь клятву в том, что эти твои источники не выжгут нам глаза? И хотя бы оставят зрение таким, какое оно теперь? Я-то уж точно проживу без созерцания твоего, без сомнения, прекрасного лица, но вот каково будет Эйшу? Нас ведь люди окружают, не создания иного мира!

– Угадала, да? – едва слышно прошипела девушка и начала подниматься, а я предпочел зажмуриться, потому что...

Потому что под рубашкой ее скрывался змеиный хвост, длинный, ему конца-края не было видно, наверно, он обвивал всю пещеру...

– Почему угадала? – хмыкнула Фергия. – Сделала логические выводы! Неужели я ошиблась? Скажешь, в чем именно, или сразу убьешь?

Глава 17

– Я не убиваю людей, – холодно произнесла девушка, опустившись на место. Я еще гадал: как ей не холодно сидеть на камне, а это был вовсе не камень, а свившийся кольцами длинный хвост! – Сперва испытываю, как мой отец. Может, и зря. Может, нужно было сразу убить того дерзкого, и тогда ничего не случилось бы...

К счастью, мне некогда было отвлекаться на размышления: я передавал Фергии ее слова, заодно сообщил о том, что увидел. На стальвийском, конечно. И, чтоб мне провалиться, увидел, как вспыхнули глаза Фергии!

– Рашади, – сказала она, – давай вернемся к трем источникам. Готова ли ты поклясться кровью и жизнью, что мы с Эйшем не ослепнем, если умоемся из них, но выберем неправильные?

– Готова.

(Я уж опушу свое вмешательство в качестве толмача.)

– А можешь ли обещать, что Эйш прозреет, если выберет правильный ручеек?

– Нет, – девушка улыбнулась. – Никому никогда не приходилось делать подобного, и я не могу предречь, как сработает заклятие.

– Хорошо, уточню еще раз: что насчет меня? Без способности видеть тебя я точно не умру, как уже говорила, но не утрачу ли обычного зрения?

– Нет, – сказала та. – В этом я уверена. Но вот если начнешь видеть странных духов и прочее подобное, не обессудь.

– Ничего, с этим я как-нибудь проживу, я их и так вижу, – отмахнулась Фергия. – Тогда клянись, но только как я скажу, а то эти ваши древние варианты никуда не годятся... И я непременно испробую источники, нельзя же упустить такой шанс!

– Фержи... – прошипел я, едва успев вспомнить, как нужно ее называть.

– Я ничего не потеряю, в отличие от вас, – хладнокровно ответила она, – но могу приобрести. Поэтому стойте смирно, Эйш, и не вмешивайтесь. А ты повторяй за мной, рашади...

Я не мог взять в толк, почему эта странная... нет, назвать ее девушкой уже язык не поворачивался... Словом, почему она слушается Фергию? Может, потому что другого выхода у нее нет? Она ведь говорила о тюрьме и о том, что иного случая ей может и не представиться.

Клятва вышла длинной. Очень длинной, как по мне: то ли в родне у Фергии затесались крючкотворы, то ли она действительно уже имела дело с созданиями иного мира, помимо Лалиры и Кыжа. Ну, всяко имела представление, как нужно с ними договариваться... в отличие от меня. Может, прадед натаскал, может, мать рассказала, что видела в том лесу...

– Теперь выбирай источник, – сказала ей змеедева, договорив и капнув кровью на камень. Ей и утруждаться не нужно было, чтобы прокусить себе палец, с такими-то клыками! Тут я некстати задумался, не ядовитые ли они, а если да, то почему яд не действует на владелицу, спохватился, обругал себя за витание в облаках и вернулся к созерцанию ритуала.

Фергия кивнула и прошла враз-вперед, потом поманила меня к себе с вопросом:

– Скажите, видите ли что-нибудь?

– Постой, так нечестно! – взвилась змеедева, и я честно передал эти слова Фергии.

– В клятве ничего не сказано о помощниках, – хладнокровно ответила она и, взяв меня за плечи, поставила напротив источников, судя по журчанию и бульканью.

Громкое шипение было ей ответом. Ну что ж, не только духи умеют обманывать смертных!

– Слева, по-моему, искры, – произнес я на стальвийском. – Не уверен, они такие слабые и тусклые...

– Золотые, как вы видели?

– Ну да.

– А в других источниках?

– Ничего не вижу. Хотя постойте... – Я сосредоточился. – Тот, что посредине, серебрится. Но это не искры, он весь такой, целиком. А справа, мне кажется, мелькает что-то синее. Но я опять же не уверен, Фержи!

– Но эта ваша знакомая не сказала, что будет, если умыться сразу из двух источников, – тихо ответила Фергия, и тут мне в лицо прилетело чем-то ледяным и мокрым, я невольно вскрикнул, отшатнувшись и протирая глаза, а когда проморгался...

– Я вас вижу! Вижу, чтоб мне провалиться! И стены, и ящериц, и источники...

Клянусь, такой чистой неизбывной радости я не испытывал с тех самых пор, как отец скинул меня со скалы, а я распахнул крылья и впервые взмыл в небо!

– Вот и замечательно... и прекратите меня душить, Эйш! – Фергия не без труда разомкнула мои объятия, привычным жестом вытерла мокрую руку о штаны и присмотрелась к двум другим источникам. – А рашади видите?

– И ее... – покосился я в сторону.

– Совсем хорошо. А теперь проверим...

Не успел я опомниться, как она плеснула себе в глаза из серебристого источника, и я снова сдержал возглас, когда лицо Фергии вдруг начало неудержимо меняться.

Сперва оно сделалось похоже на лицо Флоссии, потом еще больше огрубело, черты заострились, глаза провалились, и теперь на меня смотрела старая Данна Ара... Длинная прядь смоляных волос, выбившаяся из-под косынки, побелела, кожа сморщилась, пальцы превратились в скрюченные птичьи лапы, одежда мешком повисла на тощем теле – Фергия неудержимо старела, превращалась в дряхлую развалину у меня на глазах...

– Прекрати это, слышишь?! – Я сам не понял, когда успел метнуться к змедеде и схватить ее за тонкую шею. – Останови!

– Но она ведь сама выбрала, – едва слышно ответила та и улыбнулась. Движение кончика ее хвоста отправило меня в дальний угол пещеры, я врезался в камень так, что из меня вышибло дыхание, и надолго потерял дар речи.

– Вот это да... – просипела старуха-Фергия запавшим беззубым ртом и трясущейся рукой черпнула из синего источника. Да не раз – я видел, она не только умылась, но и напилась от души.

И тут процесс пошел вспять. Я заворожено наблюдал, как разглаживаются морщины, светлеет кожа, под одеждой появляются какие-никакие округлости, руки снова становятся руками молодой женщины, выпрямляется спина, темнеют видимые из-под косынки волосы... Не до конца, правда – одна прядь так и осталась седой.

– Гулять так гулять! – объявила Фергия и макнулась головой в мой источник.

Я уже готов был вытаскивать ее оттуда силой, змедеде там или нет, но Фергия сама оторвалась от воды и с восторгом взглянула по сторонам:

– Вот ты какая, рашади! – воскликнула она. – Наверно, не один мужчина пал жертвой твоей красоты!

– Что ты натворила?.. – прошептала та.

– Я? Ничего особенного, просто никак не могла выбрать, – улыбнулась Фергия и ткнула пальцем в серебристый ручеек: – Это вот, судя по всему, источник мудрости, которая приходит вместе со старостью, и если вторая меня не минует рано или поздно, так или иначе, то первой явно не хватало, как дед говорит. Могла ли я устоять?

– И как, ощущается мудрость-то? – не удержался я.

– Нет, – честно ответила Фергия. – Но это же не чирей на заднице, сами посудите! Покуда не настанет пора эту мудрость проявить, я о ней и не узнаю.

– К некоторым, говорят, старость приходит одна... – пробормотал я. – А со вторым источником вы что вытворяли?

– Этот, синий, – мой, как и было сказано, у проявлений моей магии такой цвет, вы видели, и не раз. Тоже не удержалась...

– Безумная!.. – выговорила змедедева.

– Есть немного, – мило улыбнулась Фергия. – Это я в папу удалась, как дед говорит. Папа с виду такой смирный, но как учудит что-нибудь – хоть стой, хоть падай.

– Фержи, а если бы... – Я замолчал и развел руками, представив, как мне пришлось бы вернуть в Арастен дряхлую старуху, и что мне на это сказали бы Флоссия и ее дед, я уж молчу о Лаурине.

То есть, конечно же, они дружно отправились бы в Адмар, искать способ расколдовать Фергию, и что бы тут началось, даже воображать не хочу, потому что разъяренная Флоссия – это похуже бешеного джанна. А кому бы досталось больше всех? Правильно, глупому молодому дракону, который не удержал Фергию от опрометчивого поступка! И то, что я даже представить не мог, что придет в голову этой ненормальной, в расчет точно бы не приняли...

– Если бы, если бы, – проворчала она. – Вспомните сказки, Эйш. В них герои всегда купаются в трех водах: кипящей, обычной и студеной. Главное, выбрать правильный порядок. Я рассчитывала, что успею макнуться в свой источник силы до того, как меня разобьет старческий паралич, и, как видите, мне это вполне удалось.

– Вы невозможны, – сказал я. – Я и раньше догадывался, за что вас выгнали из дома, но...

– Я сбежала!

– Врите больше. Вас выставили. И, думаю, с наказом не возвращаться в ближайшие полвека!

– Ну ладно, почти угадали, – широко улыбнулась Фергия и снова перешла на стальвийский: – Но вообще-то я мухлевала.

Видимо, вопрос был достаточно явно написан у меня на лице, потому что она добавила:

– Видение вашей супруги. Давнишнее и неясное, как обычно, но я уже привыкла толковать их... гм... в свою пользу.

Я с размаху закрыл лицо рукой. Почему мне-то Аю ничего не сказала? Чтобы не вмешался и не испортил это представление? Ничего, вернемся – я у нее спрошу!

– Ну вот, – вернулась к объяснениям Фергия, – третий источник, золотистый, предназначался только Эйшу, верно? Но я решила: раз уж я тоже чуточку дракон, то он мне не повредит. Зато теперь я вижу тебя, прекрасная рашади, и наверняка сумею увидеть еще множество духов, которые не желают показываться мне своей волей!

Я невольно пожалел этих незнакомых духов, пусть даже и зловредных.

– Тебе сопутствует поразительное везение, Фержи-шади, – негромко произнесла змеедева. – Коснись ты источников в ином порядке, не знаю, что случилось бы с тобой. Однако довольноно терять время!

– Ты права, хватит болтать попусту, – кивнула Фергия, но снова присела на корточки напротив собеседницы. – Ты завлекла сюда Эйша не просто так, это мы уже поняли. Теперь объясни, зачем? И кто ты такая? Как здесь оказалась? То есть я догадываюсь, но лучше скажи сама...

– Как ты выносишь такую болтливую женщину? – тяжело вздохнула змеедева, обращаясь ко мне, и я ответил:

– Это же не моя женщина. Пускай говорит, сколько хочет, я не обязан ее слушать.

– Однако слушаешь и слушаешься.

Право, я не нашелся с ответом.

Скажи сперва, как ты ухитрилась затащить нас в это место? – спросила Фергия. – Ты говоришь, тебе не под силу вызвать бурю, но мы почему-то оказались здесь, хотя Эйш уверен, что правил домой, да и я тоже так думала.

Змеедева помолчала, перебирая и переплетая косу в мою ногу толщиной. Я только теперь увидел, что кончик этой косы полощется в ручейке, в который впадают все три слабеньких ключа, из которых нам довелось умыться. А на дне русла, вымытого водой, – похоже, змеедева полоскала здесь косу не один год! – что-то сверкнуло в свете огонька-спутника.

– Самородок! – воскликнула Фергия и, опередив меня, выхватила его из воды. – Смотрите, Эйш, такой?.. Ну? Как те?

– Очень похож, – согласился я, рассмотрев его. – Похоже, вы правы. Мы вплотную подобрались к нашему бастарду.

– Тяга к золоту неистребима, – горько произнесла змеедева, – и если драконов еще можно оправдать – они были созданы такими, то люди готовы забыть обо всем на свете ради проклятого металла...

– Да мы вовсе не ради наживы, – отмахнулась Фергия, но, я заметил, все-таки пошарила в ручье, выуживая новую добычу. – Просто в деле, которое я расследую, замешаны вот точно такие самородки, рашади. Мы догадывались, кто дает такое золото своим людям, но не знали, откуда оно берется. И вот, похоже, хотя бы эта загадка раскрыта! Только как ты это делаешь?

– Я же сказала – я дочь царя, который превыше всех земных царей и богаче их всех, вместе взятых.

– Дочь Золотого Змея?! – ахнул я, вспомнив наконец древнюю легенду, такую старую, что даже прапрабабушка Иррашья не знала, правда ли это. – О, превеликая рашади, прости нам нашу дерзость, мы забыли...

– Я и вовсе не знала, – перебила Фергия и снова ткнула меня в бок, чтобы перестал кланяться. – Что это за Золотой Змей? Никогда не слышала, каюсь. Можете изложить вкратце, Эйш?

– Это хозяин всего золота на земле, – ответил я, сглотнув. – Он... не добрый и не злой. Часто бродит по свету как обычный человек и тех, кто ему приглянется, щедро одаривает, а жадин – наказывает. Может превратить добычу целого рудника в обманку, а может притянуть золото в любое место, даже такое, где его отродясь не видели, а потом убрать как не бывало. Сколько успеешь добыть в оговоренный срок – то твое, но на большее не рассчитывай, хоть всю округу переверни.

– Чем-то напоминает вашего дядю, – заметила она. – Ну, по меньшей мере, странствиями.

– Так драконы ведь тоже потомки Змея, только очень, очень дальние... – вздохнул я. – Нам досталась только тяга к золоту, способность отыскать его, отличить фальшивку, ну и... желание скопить побольше.

– И возможность летать, – добавила змеедева, с тоской взглянув вверх.

– Интересно, с кем же скрещивались ваши предки, чтобы получить такую способность? – тут же выдала Фергия, и я чуть сквозь землю не провалился. – Но ладно, это мы обсудим позже. Выходит, рашади, ты дочь великого Золотого Змея, и ты умеешь все то же самое, что и он? Еще ручейки эти... Это ты их вызвала или они всегда тут были?

– Они всегда со мной, куда бы я ни отправилась, – ответила та. – И всегда меняются. Я ведь говорила, что испытываю людей, как и мой отец, для этого и служит вода. Кто-то другой пожелает и разглядит совсем не то же, что вы двое. Может быть, захочет стать красивее, или умнее, или удачливее... Если выберет правильно – его счастье.

– С этим понятнo, – потерла руки Фергия. – А как быть с золотом? Ты вот моешь косу в ручье, а в него падают самородки. Наверно, ради этого тебя и похитили?

Змеедева коротко рассмеялась.

– Если бы – похитили! Я пошла своей волей...

– Так расскажи же, наконец, рашади, что случилось! Мы не сможем помочь тебе, если не будем знать правды! – выпалила Фергия.

Воцарилась тишина, и только ящерики, с тихим шорохом бегавшие по стенам, нарушали ее. Одна такая забралась мне на запястье, обвилась вокруг него роскошным медным браслетом со сверкающими темными глазками, да так и осталась. Я осторожно погладил ее пальцем по хребту – не убежала. Ну, пускай сидит...

– Жизнь моя текла и текла, как этот ручей, – сказала наконец змеедева, – без забот и тягот. Я могла отправиться в чертоги отца, могла гулять на поверхности, притворившись обычной девушкой, но чаще всего разведывала подземелья: там часто попадаются всякие диковины. И в тот раз мне повезло – я нашла... зеркало.

– Как так? Откуда оно в подземелье? Или ты имеешь в виду клад?

– Нет же, нет! Так бывает иногда – пласт породы отслоился и оставил гладкую поверхность, – объяснила змеедева. – Если зажечь огонек вроде твоего, то можно рассмотреть свое отражение. Я приказала слугам отполировать зеркало и часто приходила полюбоваться собой. Почему-то в отражении я казалась еще красивее, чем на самом деле.

– А отцу не сказала, конечно, – пробормотала Фергия.

– Он был занят совсем иными делами, – пожалла плечами наша собеседница, – и у него хватало диковин получше этой. Да и я уже была достаточно взрослая, для того чтобы не спрашивать разрешения на такую ерунду.

– Когда ты его обнаружила? – спросил я. – Я имею в виду, сколько лет прошло?

– Не знаю, – покачала она головой. – Ваши годы для меня – что минуты, а здесь за ними вовсе не уследишь. Но я могу сказать тебе, скольких крылатых убил мой тюремщик с тех пор, как завлек меня в эту пещеру. Может, тогда ты сумеешь понять?

– Да, перечисли, – попросил я, хотя голос предательски сорвался, и змеедева принялась считать по пальцам.

Я отмечал одну дату за другой: двоюродная (или троюродная) бабушка Гирришья – больше тридцати лет назад, потом еще несколько... А затем я вспомнил слова Аю, она следила за этим куда пристальнее, чем должен был я: «Бабушка Арташья разбилась семнадцать лет назад. Тетя Оннаришья – девять с небольшим. Сестра Дарришья – семь». Все сходилось.

– А почему пострадали только женщины? Ну, за исключением Эйша? – спросила вдруг Фергия.

– Они сильнее, потому что каждая женщина может породить десятки воинов, – ожидаемо ответила змеедева. – Зачем начали охоту именно за этим драконом... Возможно, он узнал что-то такое, чего ему знать не полагается, а может, отмечен судьбой. Я не знаю, шади. Могу поклясться, раз тебе так нравится принимать клятвы.

– Я тебе верю, рашади, потому что сложно узнать нечто, сидя в этой норе и не имея возможности связаться с внешним миром, – в тон ей ответила Фергия. – А теперь объясни, как тебя пленили?

Та снова замолчала, и ящерики сбежались к ней, окружили, словно пытаясь утешить...

– Я сама пошла в ловушку, – сказала наконец змеедева. – Это зеркало... Его все начищали и начищали, и однажды мне показалось, будто я вижу в нем не только свое отражение.

– Ну же, говори! – подалась вперед Фергия.

– Мне показалось, это был мужчина. Красивый, статный, только одетый как-то странно, ну да что мне за дело до людской одежды? И не таких встречала... – Змедева помолчала. – Он раз за разом являлся мне, становился все ярче и ярче, покуда однажды не заговорил со мной.

– А слуги? – не выдержал я. – Они не донесли твоему отцу?

– Я больше не брала с собой слуг. Что могло угрожать мне в недрах горы? – улыбнулась она тонкими губами. – Я заговорила с незнакомцем, я признала в нем нашу кровь. Он рассказал мне, как был заточен и сделан пленником зеркала. Я почувствовала в нем натуру яркую и яростную, горячую... Великолепный ум, невероятные колдовские способности, которые не снились вам обоим, – он был великолепен! Великолепен и навечно обречен на жалкое существование в зазеркалье...

– Постой, рашади, – перебила Фергия. – Если его кто-то сумел заточить, значит, не был этот человек таким уж... непревзойденным!

– Теперь я это понимаю, а тогда заслушалась сладкими речами, как кобра слушает дудочку заклинателя, – сказала змедева, и ее огромные золотистые глаза словно подернулись мутной пленкой.

– Ты хотела вытащить его оттуда? – спросил я.

– Да, – обронила она. – Мне почудился в нем родственный дух. Я ведь тоже способна на многое, но обречена годами бродить по земле и мыть волосы в проточной воде, чтобы смертные смогли найти там самородки.

– Почему это? – удивилась Фергия.

– Кто-то должен это делать. Отцу недосуг, у него хватает важных дел... А заменить его я не смогу, потому что сперва мне придется его убить, а на это я не пойду никогда. – Глаза змееды вспыхнули золотым огнем. – Этот... пытался уговорить меня, но я стояла на своем – никогда и ни за что я не подниму руку на отца!

– Извини, если вопрос неуместен... а кто твоя мать? – не удержался я.

– Текучая вода, – улыбнулась она. – И не смотри так, крылатый. Я появилась на свет, когда твоих прародителей еще и на свете не было, а великие духи...

– Сношали все, что шевелится, а что не шевелилось – то шевелили и тоже сношали, – любезно дополнила Фергия, и я едва не треснул ее по затылку, чтобы помалкивала. Увы, не дотянулся. – Почему же ты не можешь утечь отсюда с водой, рашади? Она же куда-то девается?

– погоди, объясню еще... – Змедева опустила голову. – Я не договорила. Когда тот человек – нет, не совсем человек! – понял, что я не коснусь отца... но и не выдам тому своего тайного друга, он попросил меня помочь ему выйти в наш мир. Но у меня не вышло.

– Зеркало все-таки одностороннее... – пробормотал я, и Фергия сочувственно похлопала меня по спине. Чуть дух не вышибла.

– Может, отец сумел бы помочь, но мне это было не по силам. Тогда друг мой предложил взглянуть на его узилище изнутри, и я согласилась...

– Очень умно, – вставила Фергия, но змедева только кивнула:

– Я была самонадеянна. Я думала, мне удастся разрушить эту крепость, когда я получше узнаю ее... Видишь ли... – Она подняла глаза. – Мужчина не оценит, но ты, возможно, поймешь: мне никогда прежде не встречался такой человек. Я касалась его пальцев сквозь стекло, и мне чудилось, будто он совсем рядом...

Фергия молча кивнула.

– Но ты не смогла выйти, – прошептал я, и змедева вздохнула, а потом добавила:

– Здесь я почти бессильна. Вы видите все, на что хватает моих умений: вычесывать самородки из косы... Мои источники – и те почти иссякли...

– Но неужели тебя не искал отец? – поразился я. – Ведь столько времени прошло, даже и по вашим меркам!

– Искал. И до сих пор ищет. Только ему не дотянуться сквозь зеркала... Он зовет, зовет днем и ночью, я слышу его голос, – змедева закрыла лицо руками и начала раскачиваться из стороны в сторону, – но он ничего не может поделать. Прежде, где бы я ни оказалась, хоть на другом краю мира, он схватил бы меня за косу – эту проклятую золотую косу, на которую польстился Дженна Дасс! – и притащил к себе, а теперь никак не выходит... Только вытягивает из нее самородки, все больше и больше – а моему тюремщику только того и надо!

– Так, – сказала Фергия. Она уже выудила из кармана записную книжку и быстро строчила. – Выходит, человек с драконьей кровью, появившийся в зазеркалье и увлекший тебя с собой,

носил имя Дженна Дасс. Ему нужно было золото... надо полагать, ты сама рассказала ему, что способна на такое?

– Упоминала, что если выполощу косу в ручье, люди после находят в нем золотые прожилки и песок, – удивленно сказала змеедева. – А вот если отец потянет, тогда и самородки появятся...

– Ясно. Послушай, рашади, а куда подевался этот тип? Он сумел выйти из зеркала или так и бродит где-то... – Фергия неопределенно повела рукой.

– Сумел. – Змеедева обняла себя руками за плечи. – Но это не он.

– Занял чужое тело? – сообразил я.

– Да. Он меняет их, когда захочет, а может быть самым собой, но недолго. Вы знали?

– Кое-что разведали, – ответила Фергия. – Значит, он пленил тебя и держит здесь уже много лет. Но ты так и не сказала, почему великий Золотой Змей не разнесет эти скалы по камушку и не унесет любимую дочь домой!

– Он меня не видит, – тихо ответила змеедева. – Он знает, что я где-то здесь... но пустыня велика, и все эти годы отец пытается разыскать меня. Чем старательнее ищет, тем больше золота сыплется из моей косы...

– А Дженна Дасс, надо думать, вовремя подбрасывает ему новости о том, где именно видели деву с золотыми волосами! – сообразил я. – Вот мерзавец!

– Почему не видит? – не отвлекалась от основной темы Фергия. – Какие-то сложные заклятия? Я сомневаюсь, что в чужом теле Дженна Дасс способен на них, тогда что это?

– Я не знаю, шади, – устало сказала змеедева. – Я не понимаю этой магии. Она... она нездешняя, страшная, мне больно от нее! За эти годы я приучилась сидеть смиренно и не докучать хозяину... Но я все же не смирилась. Я знала – рано или поздно кто-нибудь сумеет пройти зеркальный вход и что-нибудь придумает!

– А вы еще говорили, Эйш, что не надо было лезть в эти лабиринты, – удовлетворенно сказала Фергия и подседа поближе к змеедеве. – Что мы можем сделать, скажи? Дать знать твоему отцу? Но как? Выхода нет, мы пробовали вернуться – у зеркала только одна сторона.

– В том-то и дело... Это... – Змеедева подняла руки. – Как шар! Он зеркальный снаружи, и отец мой видит только свое отражение! Его силы хватает, чтобы вытягивать золото из моих волос, но и только. А изнутри выйти нельзя, никак, я пробовала превращаться и в огонь, и в воду, и в змею – не выходит...

– У твоих ящерок получается, значит, отверстия есть, – твердо сказала Фергия и (тут я чуть не упал там же, где стоял) обняла змеедеву за хрупкие плечи. – А вода камень точит. Может, это твои ручейки промыли трещины?

Я же думал о том, какой же силой должен обладать кто-то давно умерший и заточенный в зеркале, чтобы много лет противиться воле Золотого Змея. Мне, признаюсь, было очень не по себе.

– Объясни, рашади, как умудрилась позвать меня, – попросил я, – и сбить с курса. Мы догадались, что этот... Дженна Дасс охотится за теми, кто с ним одной крови. Их нагоняет буря, но только мне удалось выжить, угодив в нее... За это я должен поблагодарить тебя, но обязан и спросить – как это у тебя вышло, если ты заперта здесь?

Воцарилась тишина.

– Я пыталась их спасти, – тихо сказала наконец змеедева. – Можешь не верить мне, крылатый, но я пыталась! Они же... родная кровь... Ничего не вышло, я только даром растратила силы... Нужно было сразу звать, но я еще молода и глупа, я не додумалась!

– Да уж, бабушки с прабабушками справились бы лучше, – невольно усмехнулся я. – Но все-таки – как?

Змеедева кивнула на ящерок.

– погоди, я догадаюсь! – воскликнула Фергия. – Они бегают туда-сюда свободно, и ты отправила их наружу, и через них направила свою силу... Да?

– Именно. Я не сразу придумала, как это сделать, не сразу поняла, что чем больше маленьких друзей, тем сильнее зов... Но получилось наконец...

– А почему они не могли позвать твоего отца? – не понял я.

– Толку-то, если она в ловушке, которую снаружи даже Золотой Змей не может взломать? – ткнула меня в плечо Фергия. – Но он и так знает, где ты, верно?

Змеедева вздохнула:

– Маленькие друзья не понимают движения звезд и не знают ничего, кроме этих скал. А примерное направление ему и так известно.
Мы молчали, капала вода, шуршали ящерики.
– Что требуется от нас? – спросила наконец Фергия. – Эйш – жертва проклятия, это понятно, и его не снимешь, пока мы не прикончим Дженна Дасса. Он явно затеял что-то пакостное, раз уж столько лет копит золото...
– Если освободить рашади, она сможет превратить все это золото в обманку, – с удовольствием сказал я. – Ну или ее отец, он будет только рад этому, уверен.
– С языка сняли, Эйш! – ухмыльнулась Фергия. – Только как это проделать? Выхода нет, так? Сам-то Дженна Дасс как отсюда выходит?
– Как захочет, – был ответ. – Он умеет управлять зеркалами. Научился там, где был заточен на века. Зеркало появляется там, где ему заблагорассудится.
– Вот же... – На этот раз ругательство Фергии было настолько замысловатым, что я пожалел об отсутствии собственной записной книжки. – А как же то, через которое мы вошли?
– Наверно, каждый раз открывать новое тяжело, – заметил я, – особенно если тело чужое и не слишком сильное. Вот он и соорудил запасной вход, так, рашади?
Она кивнула, потом помотала головой:
– Не знаю наверняка.
– Значит, будем думать, – постановила Фергия и надолго замкнулась в молчании.

Глава 18

– Все же выходит, что не ты выпустила этого негодяя, рашади? – спросила наконец Фергия.
– Нет. Он и сам мог выйти, только искусно лгал.
– А давно его заточили?
– Века и века назад, – развела руками змеедева. – Не могу сказать точнее.
– Да уж, просчитались предки или кто там был, – буркнул я. – Нужно было ему голову откусить, чтобы наверняка...
– Он уже был мертв, – улыбнулась змеедева. – Существовал лишь в виде духа, и заточение в зазеркальном мире стало для него второй казнью. Он смеялся как сумасшедший, когда говорил об этом... пускай бывало это очень редко. Никогда не упоминал о том, как ему удалось выжить в том месте... И пускай он подчинил себе зеркала, но все равно не доверяет им. И боится. Смертельно боится, потому и мечтает окончательно вырваться в обычный мир.
– Что ж там такое-то, в глубине?... – пробормотала Фергия.
– Не желаю знать, – ответила та. – Я живу всего лишь с обратной стороны зеркала, не внутри. А о том, что таится в глубине, мне страшно и подумать. Он упоминал иногда о тварях и... нет, он даже не мог подобрать слов, чтобы описать происходившее в зазеркалье.
– То есть если Дженна Дасс и был нормальным до заключения, то спятил, а если нет – рехнулся окончательно и бесповоротно, – постановила Фергия. – Однако все-таки сохранил достаточно разума для того, чтобы строить планы возвращения. А чем его не устраивают временные... гм... вместилища?
– Наверно, не подворачивается никого достаточно умного, красивого и талантливого, – мрачно сказал я. – Да чтоб еще был драконом, желательно, не полукровным.
– Вот! – вскричала Фергия, тыча в меня пальцем. – Вот почему вы!.. Среди всех погибших женщин – единственный мужчина, которого настигло проклятие! Молодой, талантливый, пускай и ленивый, чистокровный дракон, вполне вероятно, родня по крови... Лучше во всей округе не найдешь, готова поспорить! Кстати об округе: безобразничает этот тип именно в здешних краях, так Гарреш говорил, я ничего не перепутала? Вероятно, все-таки не повсюду наш злодей может открывать зеркала и уж тем более проклинать драконов, силенок не хватает...
– Он меня убить пытался, а не захватить! – едва сумел я вклиниться в поток ее красноречия. Это, знаете ли, задача нетривиальная.
– Откуда вы знаете, что случилось бы, отдайся вы на волю стихии? – спросила она. – Вполне вероятно, вихрь отнес бы вас на уединенный остров, а уж там вашим обессиленным телом

овладел бы Дженна Дасс, извращенец этакий, и сотворил с ним все, что желал, и, может, даже чуточку больше. В следующий раз непременно попробуйте, вдруг вам понравится?

– Фергия... – простонал я. – Вы с Чайкой слишком много общались, что ли? Откуда такие мысли?

– С Чайкой я разговаривала не больше обычного, а шуточки подобного рода у любого северянина всегда на языке, – ухмыльнулась она. – Обычно-то я сдерживаюсь, чтобы не шокировать почтенное общество, но сейчас не до того. Переживете как-нибудь. У нас есть задачка поважнее того, чтобы следить за моей речью: надо выбираться отсюда, и поскорее, а то как заявится хозяин – то-то будет номер...

– Да, лишь бы никто не помер, – добавил я и подумал, что нужно подсказать эту рифму пресловутому Чайке: ему такое придется по нраву, уверен.

Змедева молчала, явно отчаявшись постичь нашу логику. Или просто не могла вклиниться в диалог, даже и не знаю...

– Итак, – сказала Фергия, обойдя пещеру и обстучав камни. – Вода в источниках берется из ниоткуда, судя по всему? Раз уж они всегда с тобой, рашади?

Та кивнула.

– А уходит-то куда?..

Фергия оторвала уголок странички своей записной книжки и бросила в ручей. Бумажка проплыла немного по течению, потом покружилась на месте... и канула на дно, не успев даже размокнуть.

– Дырка, что ли? – Фергия, засучив рукав, по локоть сунула руку в воду. – Ух, холодная!.. Нет, течения не чувствуется. Стало быть, колдовство, так, рашади?

Змедева снова кивнула.

– А сразу нельзя было сказать, пока я не вымокла? – непочтительно произнесла Фергия и для разнообразия вытерла руку о мое плечо. – Хм... Может, это замкнутый цикл? Поди пойми... Остается искать щели, через которые пробираются ящерицы. Вернее, рашади, попроси их показать, где эти отверстия!

– Я попробую, но чем это поможет? – удивленно сказала змедева, что-то едва слышно прошипела, и ящерицы разбежались по стенам, образовав сложный рисунок.

– Ты столько лет провела под землей – и не знаешь? – вздохнула Фергия. – Ничего, скоро поймешь. Главное, что нам известно: эта пещера заперта заклятием – раз. Два – скорее всего, это что-то вроде каверны, в которую сейчас нет доступа снаружи, кроме как через зеркало. Однако воздух откуда-то поступает, я даже чувствую сквознячок... А вы, Эйш?

– Да, вот с той стороны явно поддувает, хоть и очень слабо, – согласился я. – И что из этого следует?

– Я с этого начала, – буркнула она. – Здесь есть щели, и даже не микроскопические. Ящерица может сплюснуться очень сильно, но не проберется в щелку толщиной в волосок. А теперь помолчите, Эйш, я думать буду...

Я покорно умолк, пытаюсь понять, как сочетается наглухо закрытая заклинанием пещера, в которую даже Золотой Змей пробиться не в состоянии, и эти вот щели. С другой стороны...

Снаружи, видя зеркальный шар, даже и не додумаешься искать в нем микроскопические трещинки, – ведь все застит твое собственное гигантское искаженное отражение.

Интересно, были ли эти щели изначально? Несколько – наверняка, не мог же этот Дженна Дасс оставить пленницу вообще без притока воздуха! Она, конечно, не человек, но и не джаннай, способный провести в заточении где-нибудь в каменном мешке не то что десятилетия, а целые века... К тому же, будь этот шар глухим, сумел бы Золотой Змей вытягивать из дочкиной косы хоть сколько-то золота? Вряд ли... Стало быть, все было спланировано очень и очень хитро: снаружи не проберешься, изнутри не выйдешь, однако некое сообщение с внешним миром все-таки осталось. Дженна Дасс явно собирался доить свою золотую змейку еще очень и очень долго...

Ну а прочие трещины образовались со временем: часть промыла вода, а некоторые, вполне возможно, прорыли ящерицы, повинувшись приказу хозяйки. Они ведь не люди, они не видят зеркала, к тому же некоторые заклятия животным не помеха. В сказках часто упоминаются верные кони и псы, упреждающие хозяина об опасности, не говорю уж о котях – колдовских тварях. Но все эти звери вполне разумны, а вот ящерицы... сомневаюсь. Зов хозяйки осознают и

повинуются ему, но не более того: умолкни ее голос, они тут же разбегутся по своим немудреным ящеричьим делам.

– Здесь, – сказала вдруг Фергия, оторвав меня от размышлений. Она уже несколько минут мерила шагами пещеру и вот, наконец, додумалась до чего-то. – Почти уверена.

– В чем?

– В том, что это слабое место, – указала она на свод.

– Хотите сказать, его можно пробить?

– Да. Придется вам постараться, Эйш, как я и предполагала, – ухмыльнулась Фергия.

– Почему мне? – нахмурился я. – Вы только что отвели из источника силы... да вам ее и так не занимать! Вот и прошибите потолок...

– Умный вы – слов нет, – ядовито ответила она. – Думаете, он не защищен от заклятий? Ха!

– Но тогда...

– Если ты превратишься, – подала вдруг голос змея, – это не будет колдовство. Это будет просто очень сильный удар...

– По моей голове, – закончил я.

– Вашу голову я, так и быть, заклятиями прикрою. Они же не крушащие, а защитные, так что, по идее, не помешают, – задумчиво произнесла Фергия и тут же приободрилась: – Заодно и проверим, как это работает!

– Почему-то проверяете вы все на мне, – проворчал я.

– Умела бы превращаться в дракона – сделала бы сама: пустой болтовни меньше, а проку больше, – не осталась она в долгу. – Но я не умею. Поэтому, Эйш, смотрите вот сюда. Видите рисунок трещин?

– Да... – пригляделся я к светящейся паутине, которую вывела на потолке Фергия. – Вероятно, если ударить вот в эту точку, есть шанс развалить эту... конструкцию. Может, она и сама рухнет?

– Вполне вероятно, лет через сто, но мы не можем столько ждать, как бы вам ни хотелось.

– Моя голова в вашем распоряжении, – тяжело вздохнул я.

– Погодите, а вы вообще здесь поместитесь? – спохватилась Фергия. – Так, чтобы не размазать нас с рашади по стенам?

– С трудом, – окинув взглядом пещеру, ответил я, – если подожду лапы, изрядно скрючусь и засушу хвост под брюхо. А есть ведь еще крылья... К слову, Фергия! Пес с ней, с головой – лучше крылья защитите, потому что...

– Потому что в голове у вас все равно сплошная кость... ну, я же видела гребень, – ухмыльнулась она. – А если вы повредите крылья, то нам придется несладко. Даже если выберемся, то рашади, может, отец заберет, а нам куда деваться? Так и будем сидеть посреди пустыни, как дураки?

Я хотел сказать, что в награду можно потребовать излечение или возвращение домой, но на всякий случай прикусил язык. Золотой Змей может и не разобраться, враги перед ним или друзья, сметет с дороги – и не заметит... Лучше держаться от него подальше.

Следующие полчаса мы посвятили расчетам. Вернее, считала Фергия, а я только подсказывал, где у меня наиболее прочные части тела и как именно я могу свернуть крылья. А еще ведь нужно было прикрыть обеих женщин! То есть мы решили, что они спрячутся у меня под брюхом, но ты поди пойми, как им нужно встать, чтобы после моего превращения оказаться именно там... Та еще задачка, скажу я вам, но в итоге Фергия заявила, что лучше все равно не получится, поэтому что толку тянуть?

И мы принялись за дело.

Наверно, если бы кто-то мог увидеть нас со стороны, подумал бы, что начинающие колдуны чертят фигуры для призыва потусторонних существ. Но нет, это мы всего лишь размечали пещеру, прикидывая, как я должен разместиться, чтобы наверняка воткнуться головой в слабую точку на потолке...

Голову было жаль. Однако я как-то не планировал остаться в этой пещере на веки вечные, так что чем-то нужно было жертвовать.

И тут Фергия сказала:

– Мы идиоты.

– Неужели? – не удержался я. – Мы? Оба?

– Да. Я не додумалась, а вы не подсказали, что самое крепкое место у вас вовсе не голова, а спина, – она похлопала меня между лопаток. – Там и мышцы сильные, и гребень, и броня. На загривке вы, если поднапряжетесь, снесете эту горюшку легче, чем меня со всем золотым запасом Адмара!

– И... что? – осторожно спросил я.

– Ничего, переделываем план, – ответила Фергия и снова принялась менять разметку.

Я тихо застонал.

С другой стороны, сам-то я почему об этом не подумал? Я все-таки не морской зверь однозуб, чтобы головой и этим самым зубом пробивать корпуса кораблей! А вот верхняя часть туловища у меня действительно мощная, и если я сгорблюсь и подамся вверх... Заодно, к слову, и голову уберегу. Что значит взгляд со стороны!

– Ну что ж, – сказала наконец Фергия. – Вставайте сюда, Эйш. А ты, рашади, двигайся поближе. Думаю, мало приятного, если тебе хвост придавит. Кошки от такого обычно вопят и когтями угощают, а собаки кусаются...

– Когда это вы дергали котов и собак за хвосты? – тут же спросил я.

– Я, в отличие от многих, – с достоинством сказала Фергия, – была крайне понятливым ребенком, и после первых же кровавых ран по всей руке и щедрого подзатыльника от случившегося рядом взрослого осознала, что мучить кошек нельзя. Ну а собак мне хватило ума не трогать. Устроит вас такой ответ?

Я кивнул. Что толку с ней спорить? Не время и не место.

– Рашади? – окликнула Фергия.

– Ты умная колдунья, – улыбнулась змедева, – но ты позабыла о том, что я могу менять облик. Сейчас это тяжело, но я постараюсь...

Фергия шумно выдохнула и снова принялась тыкать меня локтем в бок: дескать, гляди, какое диво! Я и без нее видел: длинное, многожды обвившее пещеру змеиное тело вдруг рассеялось, рассыпалось мириадами золотых искр, а напротив нас встала хрупкая девушка. Вышитая рубашка доходила ей всего лишь до колен, и я мог разглядеть босые ноги змееды.

– Надолго моего колдовства не хватит, – предупредила она, подходя ближе. – Поэтому поторопитесь! Если получится...

Движения ее были неуверенными, и немудрено – она привыкла перемещаться иначе, и я подумал, что не отказался бы взглянуть на это. Змедева должна быть дивно хороша в родной стихии...

– Косу смотай, – перебила Фергия. – Если ее придавит камнем, придется резать. Вряд ли тебе это понравится.

– Она наутро отрастет, – равнодушно ответила змедева, но все-таки вытянула волосы из ручья и накрутила их на руку.

– Отлично, – одобрила Фергия. – Хотя лучше бы намотала, как тарбан, чтобы голову прикрыть, волосы всяко смягчат удар. Ну да ничего, так загородишься, если что... А теперь встань рядом, да приступим! Мне уже не терпится... Давайте, Эйш, что тянуть?

Знаете, я никогда не превращался, стоя на четвереньках. Ну не возникало у меня такой необходимости! Хотя нет, вру: однажды я так напился, что передвигаться иначе попросту не мог. Говорят, пьяным море по колено, вот и я ухитрился перелететь залив, не заблудившись, на берегу ни во что не врезался, никого не напугал, а поскольку свежий ветер немного выдул из меня хмель, сообразил найти укрытие и проспал там весь день – рассвет уже занимался, и домой я не успевал. Но как же мне было худо после этого приключения...

Теперь мы составили замысловатую скульптурную группу: я, повторяюсь, стоял на карачках, а женщины замерли в расчетных точках. Одну я еще мог спрятать под собой – змедеву, она была изящной и некрупной, но вот Фергию – увы, мы с нею вполне сопоставимой комплекции... И я искренне надеялся на то, что она хорошо запомнила мои размеры, все рассчитала правильно, и во время превращения я никого из них не раздавлю! А ведь если стены не поддадутся...

«Превратишься обратно, дурак!» – сказал я себе и вдохнул поглубже. Воздух в подземелье сырой и спертый, и мне захотелось поскорее оказаться под вольным небом, раскаленным добела, прогреть крылья и взмыть к самому солнцу... И плевать, увидит меня кто-нибудь или нет!

На спину легла немыслимая тяжесть. Однажды я угодил под лед – хватило ума искупаться в северном море! – и ощущения были похожими: сверху давила толща льда, скользкая,

блестящая, непробиваемая... Но тогда я мог нырнуть поглубже, благо воздуха в легких еще хватало, оттолкнуться от дна и прошибить лед... да, в десятке шагов от проруби, куда меня спровадили добрые и веселые северяне. К счастью, они были настолько пьяны, что даже не поняли, что за чудовище взломало лед, а я поспешил унести обледеневшие крылья подальше оттуда. Как не грохнулся по пути и не врезался в ледяную гору, сам не знаю. Видимо, опять повезло – не только мои спутники перебрали горячительного...

Но здесь некуда было нырять, а оттолкнуться я мог только от пола пещеры, который начал опасно потрескивать под моими лапами. Потрескивать?

«Ну же, давай! – сказал я себе. – Ты ведь не можешь свернуться в этой пещерке, как зародыш в яйце, и ждать, тебе нужно на волю! И ты вовсе не слабак, как бы ни дразнила тебя Фергия! Понимала бы что в драконах...»

Я думал, у меня хребет переломится, когда я изо всех сил подался вверх. Видел краем глаза синее пламя – значит, Фергия помогала по мере возможностей... Вот только ничего не выходило, это зеркальное яйцо не желало раскалываться и выпускать на волю новорожденных... Что за чушь лезет в голову!

И вот тут... Клянусь, не знаю, что случилось, но от боли у меня в глазах полыхнуло алым, и я с бешеным ревом рванулся, стряхивая со спины и крыльев осколки – не разглядел даже, каменные или зеркальные...

Снаружи светило закатное солнце. Кругом расстилалась пустыня, а рядом с нами торчали остатки того, что недавно было пусть невысокими, но скалами.

– Спасибо, что огнем не дохнули, Эйш, – невозмутимо сказала Фергия, отряхиваясь от песка и каменной крошки. – Сомневаюсь, что я сумела бы сдержать драконье пламя.

– Я бы смогла, – сказала змеедева.

– Ну, я рассчитывала на это, поэтому и рискнула, – ухмыльнулась Фергия.

– Вы что... вы что сделали? – выговорил я, обретя человеческий облик.

– Вы можете меня возненавидеть, Эйш, но я покусилась на вашу самую большую ценность, – сказала она без тени раскаяния.

– То есть...

– Вспомнила, о чем предупредила нашу пленницу, потом еще всплыло в памяти, как дед говорит: «Злющий, как дракон, которому хвост прищепили», вот и... – улыбнулась она и шикнула: – Потом поругаемся! Посмотрите лучше на нее, когда еще такое увидишь...

Змеедева больше не напоминала слабое подземное существо, всю жизнь проведенное в полной темноте. О нет, глаза ее остались огромными, но сейчас они горели не бледным пламенем, а живым огнем. Распущенные волосы – и когда она успела расплести косу? – укрыли весь пригорок, на котором мы очутились, они струились все дальше и дальше, вплетаясь в сложный рисунок барханов, и сверкали так, что глазам было больно. Хвост обвивал всех нас тремя кольцами, и он тоже сиял чистым золотом.

Она была поразительно красива... и ужасна. Наверно, даже дракон страшен не до такой степени, как порождение древних духов!

Ящерицы и змейки собрались вокруг, но не рисковали приближаться. Наверно, для них змеедева была слишком горяча.

– Мне кажется или земля дрожит? – светски осведомилась Фергия.

– Отец идет... – благоговейно выговорила змеедева и протянула руки в сторону севера. – Он идет за мной, наконец-то...

– А он нас не раздавит, не проглотит? Была ему охота разбираться, кто мы такие – помощники или враги? – озвучила Фергия мои опасения.

– И верно... – Змеедева очнулась. – У тебя есть нож?

– Как не быть.

Фергия протянула ей требуемое, и она быстро отрезала две свои пряди, завязала у нас на запястьях и пояснила:

– Теперь не тронет. Но если вдруг... вы ведь можете улететь.

У меня ныла спина после всех этих упражнений, я уж молчу о... хвосте, но я подозревал, что от Золотого Змея буду улепетывать со всех крыльев, даже если они начнут отваливаться! Другое дело, что поди удери от него – поднимется хоть до самого солнца и сглотнет на лету. Ему дракон – что ящерице муха.

Дрожь земли нарастала, но у меня уже не было сил бояться. Я думал только о том, что зверски хочу есть. И пить. И если воду могла наколдовать Фергия, то с едой дело обстояло скверно. Впрочем, в драконьем облике я и ту сушеную подметку могу проглотить, другое дело, что надолго мне ее не хватит, а нам ведь нужно как-то выбираться из этого дивного места!

«Вот почему дядя странствует в облике человека, – невольно подумал я. – Так ему нужно в разы меньше провианта! В случае опасности – взлетит, конечно же, но это случается редко, от обычных бандитов и диких зверей он и так отобьется...»

Солнце садилось, и небо приобрело тревожный оттенок.

К нам двигалось что-то громадное, настолько, что даже сравнить было не с чем. Оно, наверно, вздыбило все барханы на своем пути, опрокинуло скалы и взбаламутило источники в оазисах, а теперь...

Теперь оно оказалось прямо перед нами.

Я зажмурился, когда песок полетел во все стороны. Судя по ругани, Фергия поступила так же. Когда же оба мы рискнули открыть глаза, перед нами не было никакого Золотого Змея, каким его живописуют легенды, – только невысокий, плотного сложения, дорого одетый мужчина обнимал девушку, снова лишившуюся хвоста.

– Ну вот, все проглядели... – расстроено протянула Фергия, и я шикнул на нее.

Мужчина, отстранив дочь, подошел к нам. Если не приглядываться – человек как человек, но вот глаза у него были такие же, как у змеидевы, огромные, золотые, на пол-лица, с вертикальным зрачком.

Я поклонился, Фергия даже не подумала, с жадным любопытством рассматривая незнакомца.

– Крылатый и смертная, – негромко произнес он, но уши заложило, словно где-то неподалеку сошла лавина. – Много лет я искал дочь, а нашли и выручили ее чужаки... Как это вышло?

– Мы искали вовсе не ее, рашудан, – развела руками Фергия. – Наткнулись по чистой случайности. Хотя... Не такая уж это была случайность, верно, рашади?

Змеидева кивнула. И верно, она же пыталась притянуть кого-то, пойманного заклятием в это место, но сработало это только со мной.

– Удачное стечение обстоятельств, одним словом, – завершила Фергия. – Хорошо, что все остались живы и невредимы, и я искренне надеюсь, рашудан, что ты позволишь нам с этим крылатым поскорее убраться прочь...

Желудок мой отозвался протяжной трелью, и я понял, что неудержимо краснею. Конечно, удержаться я никак не мог, но в такой момент!..

– Далеко вы улетите, голодные и уставшие, – пробормотал Золотой Змей и подошел к яме, образовавшейся на месте темницы змеидевы. – Солнце еще не село. Присядьте. Поговорим.

– А-а-а, смотрите, Эйш! – не дослушав, вскричала Фергия, хватая меня за рукав. – Вот это чудеса! Я так не умею!

Яма на наших глазах наполнялась водой – она перехлестнула через края и хлынула прочь, впитываясь в песок, еще мутная... Но несколько минут – и вода сделалась кристально прозрачной, и в образовавшееся озерцо теперь можно было смотреться... да, как в зеркало. – Пей, крылатый, – сказал мне Золотой Змей, поразительно знакомым жестом вытерев руки о вышитый кафтан, – не бойся. Ручьи моей дочери уходят вместе с нею, а я лишь выпустил подземный источник на волю. Когда-то давно он был силен, потом сотряслась земля, и его завалило, а следом пришла пустыня. Теперь он вновь свободен.

– Как я и говорила! – радостно воскликнула Фергия и упала на четвереньки рядом со мной, чтобы от души нахлебаться чистой холодной воды и умыться чумазое лицо. – А теперь тут будет оазис, рашудан?

– Кто знает? Может, будет, может, нет, но источник не иссякнет, – без улыбки ответил Золотой Змей, поудобнее уселся на пригорке, вынул из кармана вышитый платок, встряхнул его и расстелил на земле.

Я глазам своим не поверил: платок сделался скатертью, как в сказках, и теперь на ней появлялась немудреная снедь – хлеб, сыр и мясо, вареное, жареное и копченое, а еще почему-то яблоки и плоские с незнакомыми ягодами. Хотя все верно: Золотой Змей ведь родом из северного края, а там нет такого изобилия фруктов, как в Адмаре.

– Ух ты, морозинка в меду! – восхитилась Фергия, узнав какое-то яство, и первой уселась к импровизированному столу. И проговорила сквозь ломоть ветчины: – Эйш, не думаю, что рашудан намерен нас отравить, так что сядьте и поешьте, сил уже нет слушать эти ваши

желудочные рулады... А если даже он питает такие намерения, так хоть вкусно поедим напоследок!

Золотой Змей негромко засмеялся, но так, что вода в озере подернулась рябью, а собравшиеся поближе ящерки вновь разбежались в испуге.

– Мне нравятся такие люди, – сказал он. – Смелые, но не безрассудные.

«Это Фергия-то не безрассудная?» – поразился я, но счел за лучшее промолчать. Тем более рот все равно был занят. Готовят на Севере своеобразно, но уж точно не хуже, чем у нас...

– Благодарю, рашудан, – кивнула Фергия. – Уф... Я утолила первый голод и готова поведать, что здесь случилось, пока Эйш доедает оставшееся. Надеюсь, рашади дополнит мой рассказ. Змедева кивнула, а я поразился: она снова изменилась. Не сияла больше золотом, походила на обычную красивую девушку. Только предлинная золотая коса, сверкающая в закатных лучах, да богатый наряд, в который превратилась обычная рубашка, выдавали в ней... а кого, собственно? Ее можно было принять за знатную девицу, каких тысячи, если не всматриваться в глаза, и только, как ее отца – за купца из северян.

Рассказ занял немало времени, потому что Фергия начала с самого начала – с истории пленника зеркал, с проклятия, павшего на мой род, а потом уж добралась до нашего безумного приключения в здешних подземельях.

– Я слышал о безумном, заточенном в зазеркалье, – негромко сказал Золотой Змей. – Это случилось давно. Тогда еще не было пустыни, а эти края процветали. Здесь лежала Империя, и занимала она едва ли не все известные земли и тянула руки к Северу.

– Но там были не рады, – вставила Фергия.

– Отчего же? Арастен и Стальвия, и Вельция, как они теперь именуются, согласились подчиниться... на своих условиях, конечно, – усмехнулся он. – Ты-то не можешь помнить, смертная, да и твои старшие наверняка уже забыли, но твой предок участвовал в этом. В нем текла не капля даже, целый ручеек крови крылатых, и он был дальней родней императорской семье. И он, – Золотой Змей снова улыбнулся, – сошелся с северной ведьмой. Вот от них и пошел твой род.

– Так я не ошиблась! – в восторге подскочила она. – Нужно написать деду, ух, как он исполошится... Еще бы узнать, как их звали, но это невозможно, наверно?

– Мне ваши имена ни к чему, – покачал головой наш собеседник.

– Ну ладно... – Фергия поерзала на месте. – Что же случилось с Империей? Не было ведь опустошительных войн и катастроф, таких, чтобы уничтожили целые страны?

– А что обычно случается с империями? – развел руками Золотой Змей. – Она стала слишком велика, только и всего. Сперва отпали северные провинции – те самые, которые с таким трудом помог присоединить твой предок. Потом западные острова.

– Архипелаг? – не понял я.

– Нет, острова. Архипелаг еще дальше к западу, а эти были поблизости. Только ушли под воду, когда земля вздрогнула, но не целиком. Там еще можно жить, но охотников что-то не находится... Затем с востока налетели орды кочевников, а потом с юга пришла пустыня. И не проси меня вспомнить, в каком году по вашему счислению все это случилось! – поднял он руку, видя, что Фергия готова разразиться потоком вопросов. – Это дела человеческие, меня они волнуют мало.

– То есть вам без разницы, что здесь теперь? – удивилась она.

– Да, – ответил Золотой Змей. – Сад может стать пустыней, пустыня – садом, и все это – дело ваших рук. Мы же обитаем глубоко в подземном царстве, и если показываемся наверху, то лишь из любопытства или по очень важному делу. Я давно уже не бывал здесь, и если бы дочь моя не угодила в ловушку, оставался бы внизу, как века и века до того.

– Прости мое любопытство, рашудан, – повинилась Фергия, хотя ясно было, что она ничуть не раскаивается, – но не всякий день встретишь кого-то, кто помнит настолько древние времена!

– Понимаю тебя, смертная, но помочь не могу, – улыбнулся он. – Ваша возня на поверхности для меня не более чем копошение этих вот ящерок на солнце.

– А говорят, ты часто бродишь меж людьми, кому-то помогаешь, кого-то наказываешь за жадность, – коварно сказала она.

– Спроси у рассказчиков, когда такое случилось в последний раз.

– Понятно... Что ж, – Фергия поклонилась, насколько это можно проделать сидя, – благодарим тебя, рашудан, за угощение и за то, что оставил в живых. Ну и за те сведения, которые нам достались, тоже...

– Что, даже ни о чем не попросишь за спасение моей дочери? – тихо спросил он.

– Такие, как ты, рашудан, одаривают сами, если пожелают, – бестрепетно ответила она. – Но мы с Эйшем обойдемся. Нам добраться бы до дома, а там уж...

– Даже не пожелаешь, чтобы я снял проклятие с крылатого? Я могу, и дочь моя может – теперь, когда она не в плену.

Я чуть было не крикнул «Хочу!», но Фергия успела первой:

– А как мы тогда станем искать этого зазеркального умалишота? Нет уж, до сих пор Эйш как-то выживал, значит, и дальше не умрет! Ты рассказал очень много, рашудан, благодарю тебя за это. Но награда нам не нужна, верно?..

Она снова двинула меня локтем под ребра, и я вынужденно кивнул. Верно, слышал ведь о таких существах: нельзя просить у них платы. Нет, они тебя одарят, но так, что не обрадуешься...

Может, Золотой Змей и снимет проклятие, но взамен одарит чем-то таким, что... лучше и не воображать!

– Я выжил благодаря твоей дочери, – сказал я. – Если бы не ее зов, вряд ли я сумел бы одолеть колдовскую бурю. Она рассказала нам о своем тюремщике, и мы удостоверились, что шли по верному следу. А потом все вместе мы придумали, как разрушить ловушку. О какой же награде может идти речь, рашудан?

– Ты мог бы взять ее в жены, – посмеиваясь, произнес он.

– Это великая честь для меня, рашудан, но у меня уже есть жена, – ответил я, хотя внутри сделалось холодно. – Я люблю ее, и... она много лет спасала меня от гибели. Мне не нужна другая, пускай даже твоя дочь, как бы она ни была прекрасна.

– Твоя смертная скоро умрет, – подала вдруг голос змедева, глядя на меня в упор.

– Я знаю, – кивнул я. – И я стану тосковать по ней, долго по человеческим меркам. Ты это имела в виду? Что ты бессмертна, и что меня не ждет горе утраты, потому что ты переживешь меня, рашади, не так ли?

– Нет. Я хотела сказать и сказала, что она скоро умрет, – повторила она и подняла на меня золотые глаза. – Не спрашивай, Эйш, откуда мне это известно. Я знаю.

«Скоро» по меркам таких, как она, – это лет пятьдесят, а то и все сто. Не о чем беспокоиться...

Только почему у Фергии глаза такие... странные?

– И говорю я это вовсе не потому, что мне нужен муж, – добавила змедева и покосилась на отца. – Одного я уже выбрала. Вы видели, что получилось.

Воцарилось молчание. Солнце почти зашло. Вода искрилась, а где-то в глубине вились золотые искры, сплетались в подобие змей. Не иначе, назовут это место Колдовским или Змеиным озером, или как-нибудь похоже...

– Награды вы не хотите, – проговорил наконец Золотой Змей. – Ваше право. Значит, за мной долг. Большой долг. Я отдам его, когда придет время.

– А как ты узнаешь, что оно пришло? – тут же спросила Фергия.

– Позовете! – рявкнул он.

Нет, я понимал, что Фергия может вывести из себя кого угодно, но вовсе не желал испытывать на себе ярость Золотого Змея...

– Как? – тут же спросила она, поковыряв в ухе – заложило, наверно.

– Вижу, в источниках ты искупалась? – сказал он и, протянув руку, поймал ее за серебристую прядь. – Вот тебе золотой волос. Поймешь, что дела плохи, – выдерни его и разорви.

– Это интересно, – сказала Фергия, скосив глаза на челку. – В разгар сражения перебирать волосы и выискивать нужный... Может, придумать что-нибудь попроще? Вот как дочь ваша – завязала нам волосы на запястьях... Такие браслеты всяко проще порвать, вам не кажется?

– Ты не женщина, ты порождение огненных глубин, – сказал ей Золотой Змей. – И нет, не джанная, намного хуже!.. Но ты права, как это ни печально.

– Только не говори, рашудан, что хотел прилепить Эйшу золотую чешуйку на хвост, – прыснула она. – Пока он ее там найдет да отковырнет... Ой, не могу...

– Да что с вами? – прошипел я.

– Представила, как вы за своим хвостом гоняетесь, – всхлипнула Фергия и утерла глаза.

Ну что ты будешь с ней делать?..

– Оставь им мои браслеты, отец, – подала голос змеедева, – только зачаруй, чтобы не было видно и чтобы это не мешало их собственной магии.

– Да, так будет проще всего, – согласился он и протянул нам обе руки. – Ну же, давайте! Солнце садится, вам пора улетать!

Браслеты из волос змеедевы вспыхнули огнем, когда мы коснулись пальцев Золотого Змея, рассыпались огненными искрами и будто втянулись под кожу. Во всяком случае, боль осталась, как от ожога...

– А теперь летите, – сказал он. – К утру будете дома.

Я видел, Фергия хищно покосилась на платок-скатерть, но не рискнула выпросить. И на том спасибо... хотя я и сам бы не отказался от такой диковины.

Взглянув на звезды, уже показавшиеся на небе, я прикинул направление, превратился и подставил Фергии лапу. Она живо оказалась у меня на спине и воскликнула с огорчением:

– Я потеряла свой любимый коврик, не говорю уж о подушке! Отобью весь зад о ваш гребень... И сбрую мы где-то там забыли, так что терпите теперь мои каблуки!

Взмыв в небо, я сделал круг над небольшим озером – оно светилось, словно глаз змеедевы, – хотел было повернуть к дому, но тут же почувствовал, как в ребра мне впились каблуки.

– Глядите, Вейриш, когда еще такое увидите...

Я уставился вниз, а там... Неказистый, хоть и разодетый торговец вдруг сделался размером с башню, я уж молчу о хвосте, и устремился прочь, раздвигая нагретые солнцем пески. Рядом с ним струилась тоненькая змейка, и следы обоих искрились золотом.

Поднявшись так высоко, как только мог, чтобы не заморозить Фергию, я увидел, как эти двое нырнули под землю, в какие-то одним им известные ходы, и долго еще там роились искры. Интересно, на том месте найдут золото или песок все укроет?

Я развернулся и ринулся домой, домой... Сил прибыло, словно я пару коров сожрал, а не вежливо отобедал с самобраного платка Золотого Змея. И даже спина перестала болеть после всех этих приключений... Выпить бы еще горячего вина со специями, а лучше – орты или что там во фляге у Фергии, но не на лету же? Дома выпью, подумал я и наддал так, что воздух засвистел. Не потерять бы всадницу... хотя, судя по боли в подреберье, держалась она за меня крепко.

Казалось, и часа не минуло, однако звезды уже пропали, солнце показало край над горизонтом, а Проклятый оазис показался прямо подо мной. Я лег на левое крыло и спикировал вниз, напугав бродившую неподалеку Даджи, что доставило мне несказанное удовольствие. Даже странно – после всего пережитого – такая ерунда, а поди ж ты!

– Ух!.. – Фергия скатилась с моей спины и начала приплясывать, растирая руки и хлопая себя по плечам. И то, наверху нежарко. – Знаете, Вейриш, по-моему, Золотой Змей все-таки чем-то нас наградил. Меня – пока не знаю, чем именно, а вы начали летать втрое быстрее прежнего!

Я кивнул – тоже заметил.

– А еще, – добавила она, протянула руку, и я опустил голову, чтобы она могла дотронуться до моей чешуи, – вы теперь не бурый, а золотой. От носа до кончика хвоста. И чтоб мне провалиться, если я вру!

Я изогнулся, посмотрел на себя и вынужден был признать, что она права.

– Только поди вас теперь замаскируй! – добавила Фергия.

Глава 19

Каюсь, следующие двое суток я мог только спать и есть. Аю, к счастью, ни о чем меня не расспрашивала... а вот у меня имелись к ней вопросы, но это могло обождать. Где была и чем занималась Фергия, я понятия не имел, но на третье утро мне доложили о ее визите.

– Вейриш, вы не поверите! – было первыми ее словами.

– Во что? – зевнул я.

– Я обнаружила настоящий след наших беглецов, – с энтузиазмом ответила она и тут же уселась к столу. Да уж, Фергию хлебом не корми... тьфу ты! Хлеб она и впрямь есть не станет, если есть яства побогаче!

– Да? Каким образом? – стряхнул я сонную одурь. – Мы же облетели всю дюжину этих самых следов, прежде чем меня изловила буря, но они никуда не вели, разве нет?

– Они и не могли куда-то вести, это была фальшивка. Но фальшивка умело выполненная... – ответила она с набитым ртом. – Пока вы дрыхли, я дала пинка Хаксюту, а с его помощью все-таки добралась до Аскаля.

Я уже привычно подавился ойфом.

– Вы... как... А рашудан?

– Он, как обычно, ничего не знает, потому что ему не докладывали. Ларсий не горит желанием поделиться сведениями, знаете ли, – ухмыльнулась Фергия.

– И что же Аскаль? – спросил я, спросонок с трудом припомнив, что так зовут младшего сына рашудана.

– Ждет за воротами позволения войти, – улыбнулась Фергия, и на этот раз я вылил ойф на себя.

– Вы с ума сошли!

– Все нет, я следую принятым здесь правилам приличия, Вейриш. Даже если он сын рашудана, он не имеет права вломиться в поместье вольного торговца, каковым вы записаны, если за вами не числится что-то ужасное вроде убийства и тому подобного. Да и тогда не имеет, – добавила она, подумав, – если Даллаль не позволит. Юноша ведь не служит стражником, в отличие от...

– Я сам приглашу его, – перебил я, – а вы велите Фиридиз...

– Почему я-то? Когда вы успели на мне жениться?

– Точно... Аю! Аю! Вели немедленно подать на стол... как для самого рашудана!

– Аю слышит! – раздалось откуда-то из глубины дома, а я ринулся к воротам.

Вернее, ринулся бы, если бы Фергия не поймала меня за рукав, не поправила тарбан, потом не плюнула на палец и не провела полосу у меня над бровями.

– Хоть проснетесь, – сказала она и ухмыльнулась. – А теперь идите, уже можно.

Снаружи терпеливо ожидал небольшой отряд: если бы я не знал, кто это такие, решил бы, что в гости пожаловали торговцы. Вернее, младший сын какого-то торговца, которого тот решил поучить жизни: стройный и высокий Аскаль вовсе не красовался на прекрасном жеребце, под ним был выносливый и крепкий мерин смешанной породы. Спасибо, не верблюды...

Свита его тоже не хвастала лошадьми, кое-кто вообще прибыл на муле, и я подумал, что это уж слишком.

– Вейриш-шодан? – спросил Аскаль, когда я появился. – Прости за беспокойство, но мне нужно срочно переговорить с тобой.

– Ты никоим образом не обеспокоил меня, незнакомец, – вежливо ответил я и кивнул слугам, чтобы пошире распахнули ворота. – И поспел как раз к обеду. Не откажешься разделить со мной трапезу?

Кажется, я заразился от Фергии этой ее беспардонностью, потому что приглашать членов семейства рашудана к столу следовало совсем не так. С другой стороны, после того, как отведал яств вместе с Золотым Змеем, о подобных условностях уже и не думаешь... И вообще, гость не назвался, так откуда мне знать, насколько он знатен?

– С удовольствием разделю с тобой трапезу, Вейриш-шодан, – улыбнулся Аскаль и спешился, бросив поводья кому-то из свиты. – Надеюсь, заодно мы сможем переговорить о деле.

– Не возьму в толк, о каком именно деле ты говоришь, незнакомец, – не без яда произнес я, – но, думаю, ничто и никто не помешает нам беседовать о чем только вздумается. Следуй за мной!

Я упорно молчал до тех самых пор, как юноша не омыл руки и лицо, и мы не сели за стол. Фергии видно не было, и это нервировало: я не представлял, что она задумала.

– Неужели ты не узнал меня, Вейриш-шодан? – спросил юноша, когда мы воздали должное стряпне Фиридиз.

– Прости, нет, – искренне ответил я.

Встреть я его на улице, точно не признал бы: мой гость был совсем юным, красивым, с нежной кожей и точеными чертами лица, которые сделали бы честь даже девушке. Однако они были и твердыми тоже, и пальцы, пускай тонкие и запятнанные чернилами (под ногтями их поди отмой, вот я и обратил внимание), наверняка не чурались кинжала, а то и меча. Я уж молчу об одежде – скромной, но очень дорогой. И об оружии телохранителей: несколько последовали за хозяином и сели позади, поглядывая по сторонам.

Однако таких юношей в Адмаре пруд пруди, поэтому я был вне подозрений. И то, что он не желал называть имени, тоже ни о чем не говорило...

– Мне сказали, ты отыскал след моего брата, – негромко произнес Аскаль.

– Я не понимаю, о чем ты, гость.

– Мой младший брат пропал, – терпеливо произнес он, – и мы желаем найти его, пока не стало слишком поздно. Пожалуйста, помоги нам, Вейриш-шодан, и мы не останемся в долгу.

Я замер. «Мы» – так говорят о себе венценосные персоны. Либо же те, кого больше одного...

– О чем я могу говорить, покуда не узнаю подробностей? – развел я руками и сделал знак подать еще угощения. Что Фергия наплела этому юнцу, хотелось бы мне знать?!

– Я скажу тебе, Вейриш-шодан, – негромко произнес Аскаль, глядя мне в глаза, а я вдруг подумал, что он намного опаснее воинственного брата. Такой вонзит кинжал меж ребер и даже не задумается... – Все просто. Нас несколько сыновей у отца, от разных жен, и вот теперь младший пропал, а нам нужно отыскать его...

– Постой! – поднял я руку. – Почему ты пришел ко мне? Неужели не можешь нанять колдунов, чтобы отыскали твоего единокровного брата?

– Все они уже куплены тем, о ком не стоит упоминать вслух, – ответил он. – Так ты выслушаешь меня?

Я кивнул. Что мне еще оставалось?

– Как я уже сказал, нас несколько. Я средний, – проговорил Аскаль. – Унаследует дело старший, мы так решили.

– Вы?..

– Да, мы с братом. – Он смотрел на меня в упор, и я невольно поежился. – Он сильнее, он храбрее, за ним пойдут люди, случись что. А я помогу – умею искать в книгах... всякое, знаю, где найти кого-то, а если не знаю, найду того, кто знает.

– Все это действует до первого удобного случая, – не выдержал я, – и вот уже ты – старший наследник, а о старшем и памяти не останется!

– Мы дали друг другу клятву, – тихо сказал Аскаль. – Повторяю: мы сыновья разных женщин, но одного отца. Мы не сумеем удержать наследство поодиночке, нас разорвут на части. Как бы молоды мы ни были, мы это понимаем и хорошо знаем, что случилось в прошлом. А если учесть, что еще кое-кто зарится на все это...

– Неужели третий ваш брат, пропавший? – прикинулся я дурачком. Вроде бы удачно, потому что Аскаль ответил:

– Нет, он от наложницы, совсем юный. Потому-то мы с братом и ищем его: опасаемся, что кто-то может использовать такого глупого мальчишку. Нам сказали, Вейриш-шодан, что ты не колдун, но умеешь искать пропажи. Прощу, найди нашего брата, и мы щедро отблагодарим тебя!

– А что вы сделаете с ним? Уберете, чтобы тот, кто зарится на ваше наследство, не воспользовался им? – тихо спросил я, и...

Аскаль выплеснул мне в лицо полную чашу вина.

– Ты такой же... – прошептал он, наклонившись вперед, и черные глаза его полыхнули огнем. – Такой же, как тот... Думаешь лишь о золоте? Подавись!

Теперь мне в физиономию полетели золотые монеты, едва успел уклониться. В рукаве он их прятал, что ли, чтобы в нужный момент поразить щедростью?

– Прочь отсюда, скорее, – задыхаясь, выговорил Аскаль, – съездим еще к Белой ведьме, но если она такова же...

– Зачем далеко ездить? – ухмыльнулась Фергия и уселась рядом со мной. – Присядь, Аскаль-шодан. И скажи, чтобы твоя охрана, в особенности Энкиль-шодан, не хваталась за сабли. Ну что вытарацились? Это я – Белая ведьма, а что не очень белая, так уж простите...

– Ты меня обманула! – воскликнул юноша. – Ты прикинулась бардазинкой из оседлых, когда заманила меня сюда!

– А ты обманулся. Хороший советник для будущего рашудана!

– Что вообще здесь происходит? – прошипел я, утирая лицо. Глаза щипало.

– Замолчите все, – негромко, но веско произнес один из свиты Аскаля, невысокий, крепко сбитый и совершенно не похожий на него ни лицом, ни статью, и кивнул свите: – Вы – пошли вон. Мы будем говорить с глазу на глаз.

– Неужто и колдунов прогонишь? – поразилась Фергия.

– Их – особенно, – ответил Энкиль, старший сын рашудана, и сел рядом с нами. – Ты догадалась, шади?

– Сложно не догадаться, если видела вас обоих, – ухмыльнулась она. – Это Вейриш витает в облаках в прямом и переносном смысле, а потому не обращает внимания на окружающих. Но вас обоих превосходно знают в городе и могут описать вплоть до приметных родинок у тебя, Аскаль-шодан, – Фергия указала на младшего, у которого на щеке родинки действительно сложились в треугольник, – и шрамов у тебя, Энкиль-шодан. Даже тех, которые не на виду, если ты понимаешь, о чем я.

– Я вас придушу... – тихо прошептал я, но Энкиль услышал и сказал:

– Сперва пускай колдунья найдет нашего брата. Раз говорят, что она так хороша, это не составит ей труда!

– Говорят, значит... – улыбнулась Фергия. – Ах, я и рада бы, да не могу!

– Силенок не хватит? – сощурился Энкиль.

– Нет. Я уже получила заказ, а следующий не отменяет предыдущего, хоть переплати вдесятеро. Магия, – развела она руками.

Врать Фергия умела профессионально, как ни крути.

– Ларсий... – выдохнул Аскаль. – Успел!..

– Убью мерзавца, – тихо добавил Энкиль.

– Убить вы его всегда успеете, – сказала Фергия и уселась поудобнее. Я знал эту ее манеру, а потому понял: сейчас последует торг. – Сперва надо придумать, как выкрутиться из этой истории с наименьшими потерями. Скажите для начала: вам этот третий брат вообще нужен? Молодые люди недоуменно переглянулись.

– Я имею в виду, – терпеливо пояснила Фергия, – может, он хорош в науках или еще чем-то, и, когда повзрослеет, получится пристроить его к делу?

– Он умный юноша, – подумав, ответил Аскаль, – но не хватает звезд с неба. И я не сказал бы, будто ему так уж нравится книжная премудрость.

– По-моему, он всегда тянулся за мной, – добавил Энкиль. – Рука у него верная и сильная, глаз зоркий... Из него со временем вышел бы отличный боец. Но тот, кого мы вспоминать не станем, заставил Искера заниматься совсем иным.

– Что ж, картина складывается... – пробормотала Фергия, а громче произнесла: – А вы знаете, что Искер давно уже не брат вам?

На этот раз Аскаль для разнообразия разлил вино на старшего брата.

– Что?.. – выговорил Энкиль, не обратив внимания на досадную мелочь. И правда, на такой жаре влага мгновенно высохнет, а на темной ткани пятно и не заметишь.

– Тот, кого не нужно вспоминать... К слову, почему вы не желаете называть его по имени? Из презрения или есть другие причины?

– Говорят, его чародеи слышат, когда хозяина слишком долго обсуждают, и могут заметить, где ведется такая беседа, – нехотя пояснил Аскаль. – Мы не знаем, правда ли это. Наши собственные колдуны слишком слабы, чтобы обнаружить подобное.

– Возможно, у него просто очень много осведомителей, – добавил Энкиль. – Не верю я в то, что колдуны будут днем и ночью слушать, не произнесет ли кто-нибудь это имя лишний раз. И в то, что они могут узнать, о чем болтают, тем более не верю. Однако людей хватают – и на базаре, и в городе, и во всяческих заведениях. Значит, кругом наушники. Им и платить можно меньше, чем колдунам, а проку больше: они сами могут вызвать человека на нужный разговор!

– Ставлю на твою версию, Энкиль-шодан, – улыбнулась Фергия, и Аскаль гневно фыркнул. – Здесь нет чужих ушей, да и я позабочусь о том, чтобы даже слуги не услышали нашей беседы, поэтому давайте называть эту персону коротко – Ларсий, иначе до вечера не закончим.

Братья переглянулись, потом Аскаль кивнул:

– Заодно и проверим, правду ли говорят, – сказал он с нехорошей улыбкой. – Что скажет отец, если обоих его сыновей обвинят в чем-нибудь похуже измены? И кто – любимый главный советник!

– Интересный опыт, согласна, – кивнула Фергия. – Но вернемся к делу. Я сказала, что Искер больше не брат вам...

– Как такое может быть? – перебил Энкиль.

– Ваш отец отрекся от Искера несколько лет назад и позволил Ларсию воспитывать его. У того ведь не может быть собственных детей, а не братья же сиротку с улицы... – она вздохнула. – По

его словам, условием этой сделки было вот что: Искер никогда не станет посягать на золотой трон и ваши жизни.

– Но зачем это Ларсию?

– Он хотел сделать из Искера своего преемника. Этот неприятный субъект, представьте себе, радеет о благе Адмара и думает о том, что станет со страной после его смерти, – ответила Фергия. – Правда, он не знает о вашем уговоре. Думает, трон займет кто-то один, а второго по заветам предков...

Она выразительно провела пальцем по горлу и прежде, чем кто-то из братьев успел вставить слово, продолжила:

– Говорил: если править станет Энкиль, ему скучно будет заниматься хозяйственными делами, и Адмар придет в упадок, а если Аскаль – бардазины обнаглеют и, чего доброго, захватят дворец, потому что правитель не захочет отрывать от книг.

– Ну что ж, у нас есть какое-никакое преимущество, – сказал Энкиль после паузы. – Если, конечно, ты не расскажешь об этом Ларсию, шади.

– С какой стати мне рассказывать ему что-то, не касающееся задания? Он за это не платит. И вообще, ваш трон – вы его и делите, мне-то какая разница, кто на нем седалище разместит? – добавила она. – Я не адмарка, соберусь да махну домой, только меня и видели... К слову!

– Что еще?

– Не рано вы начали подумывать о власти, шоданы? Отец ваш вроде бы еще не на смертном одре, да и отречься не собирается... Если что, в заговоре я участвовать не стану, – сказала Фергия, – это так долго, нудно и противно...

– Что вы несете? – произнес я краем рта.

– А что не так? Всем нужен этот несчастный Искер, только Ларсий говорит, будто мальчик ему как сын, он передаст ему свое дело и должность, ясное дело. А эти двое вообще ничего не говорят, только твердят – найди да найди! Может, они хотят прикончить папашу и свалить убийство на Ларсия с Искером? – Фергия отхлебнула воды с алимом и добавила: – История помнит много таких переворотов. Очень удобно: сразу убрать всех, кто стоит на пути... А войска, политика, хозяйство... с этим можно справиться, если умеючи. Только вот кандидат на роль отцеубийцы взял и сгинул в самый неподходящий момент, незадача-то какая!

Я понял, что сейчас Аскаль ее убьет. Возможно, даже подерется за это право с Энкилем.

– Чем вам не нравится моя версия? – осведомилась Фергия. – Докажите, что Искер вам нужен не для этого! Вы сказали, что опасаетесь – кто-то использует Искера, но наговорить можно что угодно.

Воцарилась тишина, и лишь стрекот какого-то насекомого в густой листве нарушал ее.

– У нас нет никаких доказательств, – произнес вдруг Энкиль. – Слово против слова. Ты – независимая чародейка и не станешь слушать того, кто выше по положению или попросту больше заплатит, так?

– Не стану, – согласилась Фергия. Кажется, это представление доставляло ей несказанное удовольствие.

Я же начал опасаться, как бы не пришлось улепетывать из Адмара, если сегодня же вечером или рано поутру мое поместье и Проклятый оазис окружают стражники... Впрочем, Даллаль наверняка предупредит Фергию, а она – меня. Во всяком случае, хотелось на это надеяться.

– Мы боимся, шади, – произнес вдруг Энкиль, и эти слова так странно звучали в устах молодого воина, что я замер. – Вся наша жизнь проходит в страхе за себя, за тех немногих близких, которых нам дозволено держать рядом... С тех самых пор, как мы повзрослели достаточно, чтобы осознавать это, нам нет ни минуты покоя.

– Брат прав, – добавил Аскаль. – С недавних пор мы боимся, что Ларсий прикончит отца и посадит на трон Искера, хочет он того или нет. Мы, ясное дело, умрем еще до этого: зачем Ларсию люди, способные отобрать взятое обманом?

– Ларсий давно подле отца, знает все его помыслы и чаяния... пожалуй, он ближе отцу, чем любой из нас, – сказал Энкиль. – Чародеи служат Ларсию, ему не составит труда сделать так, чтобы все ослепли и оглохли, и отец мирно скончается во сне. Или от яда, поднесенного якобы кем-то из нас. Не могу представить... Мы давно думали об этом, но Искер был еще совсем ребенком, и оставалась надежда, что Ларсий повременит.

– Ребенком проще управлять, – заметил я.

– Верно, но и мы были еще слишком молоды, чтобы посягать на золотой трон, у нас не было своих людей, и в наш заговор не поверили бы, – криво усмехнулся он. – Теперь все запуталось. – Ничего, будем распутывать, – потеряла руки Фергия. – У меня работа такая, знаете ли, вытаскивать на свет всякие семейные тайны и прочую дрянь и ковыряться во всем этом в поисках истины... Но я уже не раз спросила: как я могу быть уверена, что вы не лжете?

– Зачем это вообще? – спросил Аскаль. – Ты упомянула, что колдовство не позволит тебе взять заказ, если он вступает в спор с предыдущим, если я верно понял.

– Мало ли, что я сказала... – Фергия улыбнулась еще шире. – Я независимый маг, шоданы. Хочу – выполняю задание, хочу – беру другое. Задаток Ларсию, конечно, придется вернуть, но, думаю, вы возместите мне эту потерю? Если мы договоримся, конечно. И если, повторяю в который раз, я смогу быть уверена, что...

– Что мы не желаем смерти нашего брата, – перебил Энкиль. – Пускай даже Ларсий сказал, будто отец отрекся от Искера, для нас это ничего не меняет. Он наш младший брат, и в нас течет одна кровь. Никакое колдовство не сумеет этого изменить.

Я только смотрел во все глаза: он вынул нож, небольшой, небогато украшенный, но очень острый – когда Энкиль провел им по запястью, кровь побежала быстро, пятная песок.

– Я, Энкиль одда Ларданиль инна Даргаль, кровью своей клянусь, что не умышляю зла против Искера одда Ларданиль инна Даргала. Такой клятвы тебе хватит, колдунья?

– Вполне, только пусть Аскаль-шодан ее повторит, – сказала Фергия и протянула Энкилю чистый платок, чтобы зажать рану – полоснул он глубоко.

Тот отказываться не стал, а я подумал: «Вот выйдет забавно, если Искер им вовсе не брат...

Всякое ведь случается, иные ушлые стражники ухитряются шастать к шуудэ, покуда рашудан занят делами!»

Аскаль был куда более умерен, едва порезал палец, но и то пара капель упала на камни моего двора.

– Вот и замечательно, – сказала Фергия. – Теперь у меня есть ваша кровь, и найти Искера будет куда проще, чем по моему зыбкому, едва заметному следу...

– Ты... колдовать будешь? На крови? – спохватился Энкиль и крепче вцепился в платок, который Фергия потянула к себе. Не справился – она легко выдернула ткань из его пальцев.

– Буду. Хочешь посмотреть – приезжай на закате в Проклятый оазис. Не здесь же таким заниматься... А хотя, – Фергия взглянула на небо, – можно и обождать. Посидим, поговорим, а потом, как доедем, уже и солнце сядет. Не хватятся вас, шоданы?

– Нет, – коротко ответил Аскаль. – Отец... хм... занят, а для остальных – мы уехали кутить.

– А что мешает заниматься этим прямо во дворце? – не понял я.

– Тебе так нравится предаваться разврату дома, Вейриш-шодан? – усмехнулся Энкиль. – Верно, у нас много шуудэ, умелых и страстных, но ты и представить не можешь, до чего же они опостытели...

– Поэтому иногда мы ездим в портовые заведения из тех, что почище, с выбором получше... и позатейливее, для привередливых гостей, – добавил Аскаль. – С охраной, разумеется, и как следует замаскировавшись, чтобы не подвергать свои драгоценные жизни опасности. Ларсий это даже одобряет, я знаю наверняка. Наверно, надеется, что однажды нас там все-таки зарежут.

– Не суди других по себе! Так, кажется, сказал один ваш мудрец, он же поэт, имя которого не принято поминать в приличном обществе? – усмехнулась Фергия. – Но это все пустые разговоры. Позвольте мне отдохнуть, шоданы, да и сами наберитесь сил, а после поедем в мой оазис. Надеюсь, Вейриш-шодан найдет, где вас разместить на те немногие часы, что остались до заката...

С этими словами она исчезла в глубине дома, а я... Что мне оставалось? Только раздать указания слугам... Конечно, всем гостям нашлось подходящее место, а я решил поговорить с Аю.

Мне казалось, она избегает бесед со мной, и это настораживало. Что такого она могла увидеть в неопределенном будущем, что испугало ее? Или, наоборот, все страшное миновало, и она просто не желала сознаваться в преступном сговоре с Фергией?

– Дурак! – коротко сказала мне супруга и стукнула по лбу маленьким, но твердым кулачком, когда я высказал ей эти соображения. – Эйш знает, кто такая Аю. Разве Аю когда-нибудь обманывала Эйша?

– Никогда, – признал я, но не мог не добавить: – Но умалчивала, разве нет?

– Такое не могло повредить Эйшу. А если бы Эйш знал, вышло бы хуже. Он слишком много думает, мечется из стороны в сторону и делает ошибки. Так нельзя, когда имеешь дело с проклятием. – Аю смотрела на меня в упор, и мне показалось, что глаза у нее вовсе без белка, черные провалы в пустоту. – Ашшу знают, когда лучше не говорить. Пускай Аю не выучилась как следует, но помнит слова старших. Не все, но помнит.

– Оно все еще висит на мне? – спросил я, отдавшись ласке ее рук.

– Да. Но как будто оплетено золотой нитью. Она непрочная, но сможет сдержать проклятие какое-то время.

– Наверно, это Змеев подарок, – я коснулся запястья с невидимым браслетом.

Любопытно: Фергия наколдовала такие же или почти такие, чтобы передать наследникам престола, еще когда мы думали о том, что им грозит опасность. Теперь выяснилось, что эти двое сами кого хочешь изрубят, не пригодились им эти подарки... Хотя как знать, может, Фергия еще всучит их юношам. Интересно просто, откуда она знает, как делается подобное? А впрочем, Золотой Змей ведь из северных краев, значит, и искусство его живо именно там...

– Змеева сказала, ты скоро умрешь, – вспомнил я, уже засыпая в объятиях Аю.

– Конечно. Для рожденных землей и огнем мы все умрем завтра, – был ответ.

– Но это прозвучало как-то... не так! И я подумал...

– Эйш слишком много думает, – сказала Аю и закрыла мне глаза ладонью. – Пускай лучше поспит. Ночью Фергия будет колдовать, вдруг понадобятся его силы?

– И ты, конечно же, опять не пойдешь смотреть?

– В этот раз Аю не пойдет, – странным тоном произнесла она. – Не надо больше говорить. Пусть Эйш спит. Аю разбудит на закате.

Я мгновенно провалился в сон, и мне почудилось, будто на щеку падают холодные капли – одна, вторая... Ерунда, Аю никогда не плакала! Наверно, мне приснилась пещера змеевы – там со стен чего только не капало...

Глава 20

Мы выехали в Проклятый оазис в тот самый час, когда солнце уже почти скрылось, но пустыня еще пышет жаром.

– Охрану оставьте за оградой, – сказала Фергия, когда мы приблизились. – Всех, не только колдунов.

– Но... – начал было Аскаль, она же перебила:

– Не поможет вам ваша охрана. Вон, взгляните вперед.

Я тоже посмотрел и поспешил отвести взгляд, потому что тропу перегородил Кыж. Он казался втрое больше обычного, а эта тварь – зрелище не для слабых духом, даже когда делается размером с собаку... И как на него должны были отреагировать обычные люди, я даже не предполагал.

Братья, впрочем, не ускакали с воплями ужаса, а осадили тревожно захрапевших лошадей, переглянулись тем долгим взглядом, который означал у них... не знаю, как и назвать, не обменом же мыслями? Ну а затем Энкиль сказал:

– Если мы сами привели себя в ловушку, пускай это будет на твоей совести, Фергия-шади, и на совести того, кто тебя нанял. На его – в первую очередь, потому что ты – клинок, а он – рука разящая, и...

– И додуматься оставить кого-то одного со свитой за пределами оазиса, а другого отправить со мной вы не могли, – закончила она. – Или вы и впрямь настолько друг другу... хм-хм... доверяете?

Я отметил, что стойкое желание убить Фергию испытывает все больше людей в Адмаре.

Интересно, как обстояло дело с ее матушкой в Арастене?

– Мы поедем вместе, – сквозь зубы сказал Энкиль и махнул свите. – Вы! Ждите здесь!

– А почему вы не оставили им инструкций на случай, если не вернетесь? – светски поинтересовалась Фергия, указывая путь. Даджи шагала вразвалку, крепко упираясь в землю копытами.

– Если мы не вернемся, какая уже разница, что случится?

– То есть вы даже запасного плана не подготовили?! – всплеснула Фергия руками, едва не вывалившись из седла. – О, морские твари, кто же так работает...

– А что толку готовить такой план, если его некому будет исполнить? – спросил Аскаль. – Нас только двое, шади. И верных людей у нас – по пальцам перечесать!

– И именно поэтому вы, братья-храбрецы, тащитесь в Проклятый оазис и даже не замечаете, какой дорогой, – проворчала она, и младший сын рашудана взглянул по сторонам. И обмер, по моему.

Волшебный сад джанна снова цвел. Кажется, и пары месяцев не прошло с тех пор, как Фергия угощала меня знаменитыми сливами, а деревья опять стояли, как невесты народа ниррахе в богатых праздничных уборах из речного жемчуга: такие же темные и стройные, украшенные белыми и розовыми узорами.

Ветер бросил нам в лица пригоршню влажных лепестков, и Энкиль наконец обрел дар речи:

– Это чудо!

– Нет, это магия, – довольно ответила Фергия.

– Как ни назови... Отец говорил об этом саде, – выговорил он. – Он покупал у Маддариша что-то... не знаю, что именно, и порой ездил к нему сам. Может, просто ради того, чтобы посидеть под этими деревьями, не слыша шума и не видя никого... Но Маддариш умер, когда мы оба еще не появились на свет, и сад погиб. А теперь...

Фергия спрыгнула с Даджи и свистнула в два пальца, давая Ургушу знать, что вернулась.

– А теперь ты тоже можешь посидеть и полюбоваться цветущими сливами, шодан. Отпустите лошадей, они пойдут за Даджи, а она уж знает, где кормят. Не будем терять время – Дракон едва лишь показал кончик крыла, у нас вся ночь впереди, но лучше не мешкать...

Братья послушались и стояли теперь под звездным небом, под осыпающимися лепестками, крепко стиснув друг другу руки. Их не волновали даже лошади, хотя уж воину вроде Энкиля следовало самому позаботиться о своем скакуне, а не полагаться на чужого ленивого слугу.

– Никогда в жизни такого не видел, – выговорил наконец Аскаль, и мне показалось, что щека у него влажно блестит. – Знал, что бывает, слышал от отца, от путешественников... Отцу не очень-то верил, а о других думал – в северных краях не то, что у нас.

Ох уж эти книжные юноши... Строгие и смелые, превзошедшие все науки, они почему-то теряются, увидев каплю росы на утренней былинке! Так же и знаменитые красавицы, привыкшие к тому, что их осыпают жемчугами и рубинами, порой тают, если забросить им в окно букет мокрых от дождя, растрепанных цветов, оборванных по всем парковым клумбам, а то и вовсе собранных на лугу...

Да и старший такой же, понял я, посмотрев на Энкиля. Держится лучше, конечно, но в глазах такой восторг, что сомнений нет: он поверил – Белая ведьма знает свое дело. Но я ошибся.

– Вот бы отец снова сумел увидеть эти цветы, – негромко сказал он. – Может, тогда он вспомнил бы...

Энкиль осекся, но я понял, что он имел в виду. Рашудан привык к удовольствиям, слишком много пьет и курит, он забыл о простых человеческих радостях, он даже о третьем сыне позабыл! Может ли ветка сливы излечить его? Ну... если она из волшебного сада – почему бы и нет?

– Я обещала вашим придворным чародеям, что не вмешаюсь ни в какие дворцовые дела, если только меня не попросит сам рашудан. Я уже дважды нарушила данное слово: когда взялась за дело Ларсия и когда выслушала вас, – ответила Фергия и почесала нос. – Но, в общем, слово мое – хочу даю, хочу беру обратно... Так что, когда будешь возвращаться, можешь сорвать несколько цветущих веток на радость отцу. Только не переусердствуй и не ломай деревья, не то хранитель сада тебя накажет...

Она лукаво улыбнулась, а я вспомнил рассказ своего слуги Ариша – ребенком он бегал сюда подбирать упавшие плоды, и Маддариш позволил ему и товарищам даже рвать сливы, лишь бы ветки не ломали. Тогда за садом следила джанная Лалира, но и теперь ведь тоже! А уж в том, что она может наказать, сомневаться не приходилось...

– А теперь к делу, – сказала Фергия и резко хлопнула в ладоши. Из-за дома доносилась привычная уже ругань Ургуша и злобное ржание Даджи. – Не приглашаю к столу, шоданы, нет времени. Тем более все равно из готового в доме только сухари и вяленое мясо. Может, фрукты еще остались, понятия не имею, если честно.

– Конечно, вы же у меня столуетесь, – вставил я.

– Не нужно этого, ты же сама сказала, что время дорого, – заставил нас обоих замолчать Энкиль. – Колдуй, раз уж взяла мою кровь!

– Идем, – поманила Фергия и направилась к фонтанчику. – Сейчас... Еще немного, луна взойдет повыше, и мы сможем рассмотреть...

Я подался чуть в сторону и шепнул ей на стальвийском:

– Вы что задумали?

– Ничего особенного. Я же сказала, что обнаружила след, но очень зыбкий. Сейчас он или подтвердится, или нет, – ответила Фергия, кинув в воду окровавленную тряпку и сыпанув горсть песка (наверно, соскребла с камней в том месте, где капнула кровь Аскаля). – И что вы, в самом деле, Вейриш... Можно подумать, сыновья рашудана не знают этого языка!

Я мысленно плюнул. В который раз забываю, что в Адмаре даже нищий и безграмотный поэт Чайка способен худо-бедно объясниться на нескольких наречиях, а уж наследники...

Братья едва заметно улыбнулись. Видно было, что их заботит вовсе не мой промах.

– Смотрите, – коротко сказала Фергия. – Уже пора. Луна достаточно высоко, Дракон тоже. Сейчас...

Над маленьким прудом за клубился синий туман, а потом вдруг развеялся, и я увидел... песок.

– Тихо! – приказала Фергия, видя, что Аскаль тоже готов высказать что-то насчет ее профессиональных умений.

Песок не был обычным. На нем отпечатывались следы босых ног, словно кто-то шел прочь, но мы не могли его видеть.

Все кругом потемнело – это невидимка спрятался под каким-то навесом, пережидая рассвет, а когда ожил базар, двинулся в путь. Мне казалось, я чувствую его страх и неуверенность: он десятки раз проезжал этой дорогой на коне, но никогда не ходил пешком (тем более босиком), не видел людей лицом к лицу, не обонял этих запахов, ему не приходилось опускать глаза...

Никто никогда так крепко не держал его за руку.

– Это Искер, – проговорил вдруг Энкиль. – Это он, уверен, я чувствую, я...

– Давай еще подождем, – сказала Фергия, а изображение стало совсем темным: теперь я мог различить лишь огонь очага да чьи-то сморщенные руки, быстро снующие возле кипящего ойфари.

Нет, неправильно. Я не видел этого, я это ощущал – всей кожей... И если Фергия так расстаралась, даже не представляю, как чувствовали происходящее братья...

Вот снова рассвет, и медленно ступающие верблюды, и тропа под ногами: он никогда не ступал вот так по песку пустыни, не тому, что рядом с городскими стенами, а настоящему, вольному, тому, что течет и меняется, как великие реки Севера, о которых он лишь читал в книгах... И барханы! До чего прекрасен их рисунок – совершенный на фоне утреннего неба и недолговечный, ведь стоит подуть ветру, как изменится все кругом... Перед ним – пустыня, которая старше любого из живущих, даже и чародеев, бескрайнее небо, изменчивое – в этом языке больше сотни слов для того, чтобы обозначить его оттенок, а он еще не выучил и десятка... И еще оазисы, а там по ночам пляшут у костров, если не вымотались за день насмерть... И незнакомые люди, и где-то очень-очень далеко на юге – саванна, по которой мчатся табуны диких лошадей с короткой гривой и полосками на спине, и можно поймать себе такую, если хватит смелости и сил... А еще дальше водятся вовсе уж невиданные звери... И еще...

– Довольно. – Движением руки Фергия перекрыла нам источник... знаний, скажем так. – Ваши впечатления, шоданы, исключительно личные. Вряд ли вы хорошо знали мальчика, вы заинтересовались им не так уж давно... Аскаль-шодан, что это с тобой?

– Ничего, ровным счетом ничего, соринка в глаз попала, – сдавленным голосом ответил он, отвернувшись. Тоже, наверно, мечтал о дальних странах, а что вышло?

– Так вот, я заявляю, что знаю, где ваш брат.

– Знаешь! – вскинулся Энкиль. – Любые деньги, шади, мы...

– Нет, подожди с деньгами, – отстранила его Фергия. – Не забывай о Ларсии. Вы пока никто, уж простите, а он способен испортить мне жизнь. Ну разве что вы его зарежете... но мне бы этого не хотелось – хоть и противный, а человек все-таки, и не бесполезный для Адмара.

– Скажи ему, что не нашла Искера, – предложил Аскаль.

– Не пойдет. Моя репутация на кону, – Фергия умолчала о том, что Ларсий обратился к ней, не привлекая излишнего внимания.

– Тогда я не знаю, что делать, – сознался Энкиль, и я кивнул, потому что давно уже отчаялся понять полет мысли Фергии. Такие петли даже пьяный дракон не закрутит, уж мне ли не знать!
– Искер всего в трех днях пути, – сказала Фергия, выдержав паузу. – Но на наших лошадях мы его не нагоним, а за другими посылать некогда...

– Нет, – сразу сказал я.

– Что, неужели не свезете троих? С вашей-то силищей?

– Вы с ума сошли?! Завтра все будут знать о том, что...

– О том, что Вейриш-шодан – не совсем человек? – негромко спросил Аскаль и улыбнулся. – Я давно подозревал. И не я один.

– Я же вам говорила, что в Адмаре все если не знают, так догадываются, кто вы такой, – вздохнула Фергия. – А наши знакомые рыбаки наверняка знают. Ну хватит ломаться, Вейриш, вы же не дорогая шуадэ!

Я лишился дара речи, а братья заухмылялись. Нет, ну всякое я слышал от Фергии, но сравнить меня с продажной женщиной – это уже перебор! Впрочем... я потом выскажу все, что думаю, не при посторонних. А пока...

– Хорошо, – сказал я. – Согласен. Но только после того, как шоданы поклянутся не разглашать того, что увидят, и пообещают никогда, ни при каких обстоятельствах не пытаться использовать меня в своих целях.

– Не использовать? – приподнял тонкую бровь Аскаль. – А попросить можно, Вейриш-шодан? Мало ли что случится...

– Попросить можно, но я вправе отказаться без объяснения причин, – ответил я. – Клятву, шоданы, или мы вовсе не двинемся с места!

– Этак во мне вовсе крови не останется, – мрачно пошутил Энкиль, но спорить не стал.

Времени это заняло не так уж много, и вскоре Фергия воскликнула:

– Вейриш, вы легко сумеете перегнать караван, а утром мы встретим их в оазисе, вот будет здорово!

– Это если они нас сразу на рагу не изрубят.

– Я маг или кто? Энкиль-шодан тоже владеет оружием... да и вы в обычном облике наведете страху, если что.

– Высокое Небо, – сказал я, посмотрев вверх. – Зачем я связался с этой колдуньей?

– Это не вы, – тут же оборвала Фергия, – это была случайность, которая привела к... сами знаете, чему, ну и так далее. Поэтому хватит стонать, Вейриш, летим скорее, а то эти клятые бардазины очень быстро передвигаются.

– Погодите, – опомнился Аскаль, явно замороженный перспективой прокатиться на драконе, – так Искера украли бардазины? Но зачем? Никто не просил выкупа!

– Да не украли его, – ласково ответила она, – сам сбежал. Не поняли? Объяснить? Немного времени еще есть – я позабыла, что Вейриш теперь летает быстрее ветра...

– Уж будь любезна, – кивнул Энкиль.

Фергия помолчала, потом изложила все то, что нам стало известно от Ларсия, потом от дворцовой стражи.

– Они не сумели бы удрать по одному, – говорила она, вышагивая взад-вперед. – Рабыню-бардазинку увели на смерть. Она могла убить тюремщиков, но такую веревку до утра связать не сумела бы. И не смогла бы отвлечь собак и этих ваших сторожевых котов в саду, чтобы добраться до стены и тем более влезть на дерево. Коты тоже неплохо лазают по деревьям, не так ли? Сняли бы ее оттуда вмиг... А Искер, которого звери как раз знали, даже если бы перелез через стену... Ему некуда было идти.

– Но почему не к одному из нас?! – воскликнул Энкиль.

– Можно подумать, он вам доверял. Ларсий хорошо с ним поработал.

– Ты права...

– Веревка откровенно фальшивая, вы говорили, – сказал я. – И о том, что ее делал Искер, тоже, – узлы не такие, которые вяжут бардазины.

– Ну да. Ее перебросили через стену ради отвлечения внимания, – кивнула Фергия.

– А эти-то двое куда подевались?

– Разве вы не догадались? Вышли, как выходят все невольники, которые идут за господином на базар за самой свежей рыбой, мясом и овощами к столу рашудана, – ухмыльнулась Фергия. – Кто станет заглядывать под покрывало рабыни?

– Ларсий говорил, что у слуг не так много одежды, чтобы они не заметили ее исчезновения, – напомнил я.

– Ну хоть одна смена у всех есть, так что можно позаимствовать ее в прачечной, – ухмыльнулась Фергия. – Сразу не заметят. Я не ошибаюсь, шоданы? Даже слуги не стирают свою одежду сами?

– У них других дел достаточно, а для стирки есть прачки, ты права, – кивнул Энкиль. – Тяжелая работа, на нее часто отправляют провинившихся служанок и рабынь.

– Ну вот, сходится. Так-то побег эти двое готовили давно. Преображение пришлось им на руку, с одной стороны. С другой – Эрра-Тане пришлось уходить одной, раньше, чем было задумано. Она справилась, однако, а потом вернулась.

– И принесла одежду для Искера! – сообразил я. – Женскую!

– Именно. Говорю же – кто станет заглядывать под покрывало обычной служанке?

– Думаете, она и в первый раз так вышла?

– Не знаю, – пожала плечами Фергия. – Может, так, а может... Помните, наш знакомый стражник бегал за веревкой в караулку, а нас не пустили посмотреть, какие там входы-выходы? Ну вот, там в стенах полно потайных калиток. Видимо, так Эрра-Тана и выскользнула: Искер наверняка слышал об этих лазейках от Ларсия, а то и ходил ими вместе с ним, вот и сказал девушке, как выбраться. Но вдвоем так уйти сложнее, особенно если второй не умеет таиться.

– Какая... необычная девушка, – только и выговорил Энкиль, осмыслив сказанное.

– Бардазинка из знатных, – сказала Фергия. – И когда я говорила о слабом следе, который успела обнаружить, покуда вы, Вейриш, спали, я имела в виду, что довела-таки старую Ари-Мару, и та созналась: это к ней примчалась ночью Эрра-Тана, чумазая, в каком-то грязном тряпье. А разве бардазинка выдаст свою?

– Но девушка бежала ночью, а ночью бардазинам в городе делать нечего, – напомнил Аскаль, – это закон.

– Ари-Мара – оседлая. Ей, конечно, запрещено ночевать в самом Адмаре, но в Нижнем городе она вполне может поставить свой шатер, если найдет местечко, а нет, так на повозке переночует, – ядовито улыбнулась Фергия. – Не думаю, что Эрра-Тана знала о старухе. Скорее, услышала о ней, покуда пряталась по сточным канавам – это ведь не один день заняло, – а там уже притекла, куда нужно.

– А тем временем ее искала мать, по песчинке просеивая барханы во всей округе, – вздохнул я.

– Ну не бежать же было девушке голой и босой в пустыню, в надежде, что матушка окажется именно в нужном месте? – возмутилась Фергия.

– Могла спрятаться в шатре старухи.

– Это ей не по статусу, Вейриш. Нет, насколько я поняла, в определенных ситуациях Эрра-Тане не зазорно было бы скрыться у Ари-Мары, но эта к таковым не относилась: жизни девушки, в сущности, уже ничто не угрожало – наши знакомые стражники могли искать ее еще очень и очень долго, – ухмыльнулась Фергия. – Вдобавок она обещала кое-что Искеру и намерена была исполнить клятву. И она вернулась, точно так же спрятавшись среди служанок с корзинами и кувшинами, кто их там по головам-то пересчитывает...

– Как она ухитрилась прятаться в городе несколько дней? – задумчиво произнес Энкиль, погладив короткую бородку. – Бардазины не очень-то хорошо в нем ориентируются.

– Зря ты так думаешь, шодан, – покачала головой Фергия. – Они дети пустыни, и они с младенчества привыкли замечать различие даже между двумя песчинками. Неужели ты веришь, будто бардазин способен заблудиться в городе, где каждый переулок отличается от другого, каждая дверь покрашена иначе, если не блуждает в пустыне, между одинаковыми барханами?

– Случалось такое, и не раз, я слышал.

– Ири-Хтара со свитой не плутала, – фыркнула она, – хотя в Адмаре, как я поняла, бывала всего раз-другой. Что до прочих... кто знает, зачем им потребовалось свернуть не туда? Даже если Эрра-Тана в городах не бывала, что вряд ли, то рассказы слышала, подмечать детали умеет, прятаться – тем более. Но, шоданы, это всего лишь мои измышления! Вот найдем – спросим! Как вам идея?

Братьям идея пришла по нраву, а вот мне... Нет, я могу унести хоть троих, хоть дюжину, просто сама мысль о том, что наследники рашудана, пускай они поклялись кровью не разглашать мою тайну, увидят меня в настоящем облике, была неприятна.

Ну а потом я вдруг подумал: что я теряю? Я всегда могу покинуть Адмар, пускай и любимый, на десятки лет и вернуться, когда обо мне не вспомнят даже внуки живущих, назваться другим именем... А они – они никогда не видели сверху пустыню в звездном свете... Ночью она совсем иная, нежели днем. Нет, днем я летал редко, только вынужденно и где-то очень далеко от города, но все же хорошо знал разницу. Тени ночью другие, очертания барханов вовсе не узнаешь...

Они шарахнулись от меня, как от огня, и Энкиль, я видел, схватился за саблю. Повредить он мне не мог, но... Я вспомнил нелепую гибель Араша, сына дяди Гарреша, и убрал лапу подальше от воинственного человека. Этак подрежет мне жилу, и я истеку кровью прежде, чем Фергия сообразит, как меня спасти.

– Огромный... – прошептал Аскаль, глядя на меня снизу вверх. В глазах его отражались звезды.

– Это вы его старших родственников не видели, они побольше будут, – ответила Фергия, деловито сновавшая по моей спине с ремнями.

Когда, интересно, успела соорудить новую сбрую? Старую-то мы в пещере змедевы позабыли... И откуда ей знать, каковы мои родственники? Впрочем, она совет – недорого возьмет.

– Что встали? – окликнула она. – Помогите ремни затянуть, не то загремим посреди пустыни, то-то картина получится!

– Вейриш-шодан никогда никому не причинял вреда, – осторожно произнес Энкиль, очутившись у меня на загривке. – Ведь так?

– Да если бы и собрался, так проспал такое событие! – фыркнула она. – Большого лентяя в жизни своей не видела... Уселась, шоданы? Тогда... Летим!

Я пригнулся и взмыл в небо, набирая высоту, так, чтобы у этих вредных... нет, не мог я их назвать людишками. Аю тоже была человеком, и многие другие... Ладно, чтобы у этих вредных типов дух захватило!

– Как же красиво... – прошептал Аскаль. Ну, на самом деле он наверняка кричал, чтобы брат его услышал, но для меня это был едва различимый шепот.

– Ничего лучше нет! – ответил Энкиль, а я не удержался и принялся подниматься по восходящей спирали, а когда оказался вовсе уж высоко, сложил крылья, перевернулся и камнем рухнул вниз.

Что всадники с меня не свалятся, я был уверен: Фергия сама проверила сбрую и пристегнула братьев как следует. А вот что именно они вопили то ли от ужаса, то ли от восторга, я, к сожалению, не расслышал. Подозреваю, это были дивной красоты словесные конструкции... Раскрыв крылья едва не над самой землей – даже чиркнул хвостом по бархану, – я снова поднялся повыше и взял прежний курс.

Фергия вдруг свистнула и завопила:

– Вейриш, вон они! Вон тот караван!

«Ну и что мне, сверху на него сесть, что ли?» – подумал я.

– Они правят к оазису во-он там, – продолжала она, барабаня по моей броне, – к нему и летим. Как раз к утру они дойдут, а мы успеем передохнуть... И будем их ждать!

И Фергия разразилась чудовищным хохотом, я даже вздрогнул от неожиданности. Нет, я знал, что глотка у нее луженая, но не предполагал, будто такие звуки может издавать молодая женщина...

Глава 21

Фергия оказалась права: мы успели и отдохнуть, и перекусить – эта запасливая особа, оказывается, навьючила на меня здоровенный мешок с провизией... и правильно сделала.

– Он так всегда ест, Фергия-шади? – едва слышно спросил Аскаль, глядя, как я пожираю холодное жаркое.

– Только после полетов. А что?

– Нет, ничего. Просто я подумал, что содержать дракона на постоянном довольствии выйдет слишком дорого, – невозмутимо ответил он, и я поперхнулся.

– Я не просился к вам на службу!

– А я и не предлагал, – улыбнулся он даже слишком спокойно для человека, пережившего потрясение при виде дракона, ночной перелет на нем же и приземление носом в песок (крепление лопнуло, какая незадача). – Просто мысли вслух, Вейриш-шодан. Я уже понял, что ты не станешь мечом Адмара, но, может, согласишься служить его шитом... время от времени? Когда чародеи выдохнутся?

– С кем это вы собрались воевать, шоданы, что опасаетесь, будто ваши чародеи не справятся? – удивилась Фергия.

– Мы ни с кем не собираемся воевать в ближайшее время, – сказал Аскаль и опустил голову. – Но, возможно, нам придется...

– Скажи им! – велел Энкиль. – Они и так знают более чем достаточно! Быть может, сумеют помочь или хоть подсказать, раз уж ты не нашел ответов в своих книгах!

– Да что случилось-то? – недоуменно спросил я.

– Пророчество, – негромко ответил Аскаль. – Когда-то очень давно один человек произнес его, и эти слова сбываются, одно за другим. Я проследил – больше трех десятков лет исполняется сказанное. Рано или поздно дойдет дело до последних слов, и тогда погибнем не только мы. Погибнет Адмар. Теперь понимаешь, почему мы рвемся к власти?

– Может быть, мы еще успеем что-то изменить! – добавил Энкиль. – Отец не слышит нас, его уши открыты только для Ларсия, а тот думает лишь о выгоде и не верит в эти глупости...

– Пророчество? – глаза Фергии загорелись. – Ты знаешь его текст, шодан?

– Конечно, шад. – Он прикрыл глаза и процитировал: – Кровь предателя смешается с песком. Я открыл было рот, но Фергия тут же сунула мне в зубы кусок мяса.

– Кровь предателя не даст обильного семени, – продолжил Энкиль. – Последние всходы погибнут под палящим солнцем. И тогда кровь предателя встретится с кровью отступника, и Адмар исчезнет, как исчезают миражи...

– Мы – последние всходы, – сказал Аскаль так просто, будто это было чем-то само собой разумеющимся. – Пока мы живы. Не знаю, где и как настигнет нас смерть.

– А у нас есть еще кусочек этого пророчества, – сказала Фергия и, прежде чем я успел прожевать и возразить, процитировала: – Кровь отступника встретится с кровью крылатых. Кровь отступника откроет путь. Кровь крылатого закроет врата.

– Что это?! – вскрикнул Аскаль.

– Нам это повторил Руммаль, ну, вы знаете его, придворный чародей, а сперва сказал Уммаль с базарной площади, но неважно, – ответила Фергия и улыбнулась. – Главное, теперь есть с чем работать, шоданы! Смотрите, все просто: крылатый – это понятно кто. Кровь отступника – это я. Судя по всему, я потомок сестры неведомого Ирдала. Кстати, кем он был, и почему вы – кровь предателя? А впрочем, догадываюсь...

Братья переглянулись. Энкиль кивнул, и Аскаль произнес негромко:

– Ирдаль одда Эналь имма Армаль был рашуданом, очень давно... Он занял золотой трон по праву сильного, он хорошо правил, но не всем нравилось то, что он делал.

– Так это ваш предок стал предателем? – не удержался я.

– Да.

– Они были братьями по матери, – добавил Энкиль, – до этого Аскалю удалось докопаться. Ирдаль возвысил брата, сделал помощником, а потом...

– Но почему Ирдала назвали отступником? – требовательно спросила Фергия. – Что такого он сотворил? Есть версия, что он просто отступил от правил, но каких именно? Говорите же, не молчите!

– У него было несколько сыновей от разных женщин, а он сказал, что оставит Адмар сыну сестры, – нехотя проговорил Энкиль.

– У нее же вроде детей не было? – вспомнил я. – Она и замуж не вышла, разве не так?

– Вот когда появятся, тогда и оставит. Умирать он не собирался, в нашем... да, нашем роду, – усмехнулся Аскаль, – живут долго.

– Так может, именно поэтому Ирдалла сбежала за море? – предположил я, переглянувшись с Фергией. Она не стала делать мне знаки, мол, не говори о каком-то злом духе, да я и не собирался. – Я бы не обрадовался, если бы мне велели поскорее обзавестись наследником, особенно если прежде позволяли всякие вольности, о которых мы слышали.

– Теперь не узнать, шодан, – сказал Энкиль. – Написано лишь, что когда Ирдаль объявил о своем решении и велел вписать его в дворцовые книги, случилось народное возмущение...

– Погодите, погодите! – перебила Фергия. – Я поняла! Точно, Ирдалла могла сбежать от брата, потому что наследника он желал – от нее!

Мы дружно лишились дара речи.

– Что такое? Знаю я близнецов-северян, – улыбнулась она, – дети у них на загляденье! Но там и мать сильная ведьма, и отец не хуже, так что никаких проблем от такого смешения крови нет. А тут могло выйти что-то... непонятное, и виноватой выставили бы Ирдаллу, уверена. Вот она и скрылась прежде, чем ее не заперли, а все наверняка к тому шло...

Я подумал: а что, сходилась! Ирдаль любил сестру, раз позволял ей столь многое. Он видел ее час за часом, год за годом вблизи себя, любовался ею, ее юной красотой, силой и ловкостью, так похожими на собственные, но не мог обладать... Не мог, покуда эта мысль не пришла ему в голову, а тогда оставалось только внести запись в дворцовую книгу... Только Ирдалла, прознав об этом, улетучилась из дворца быстрее этой нашей бардазинки, а объявилась уже в Арастене. Но почему она сбежала? Ее испугала сама вероятность сойтись с родным братом, близнецом, и родить от него ребенка, возможно, даже здорового – Фергия же говорит, что случается и такое? Или все-таки Ирдаль собирался расплатиться с духом не своей жизнью, не жизнью любимой сестры, а... первенцем? Дух вполне мог потребовать его в уплату, они это любят... Но почему именно от Ирдаллы, а не любой наложницы?

Сколько вопросов и ни одного ответа! И версии событий не вполне совпадают, что и немудрено, лет-то сколько прошло... А обсудить с Фергией нельзя, не при братьях же...

– Когда Ирдалла исчезла, и ее не сумели отыскать, Ирдаль, наверно, впал в бешенство, а пока он не пришел в себя... ну... Ваш предок сделал свое дело, верно? – негромко спросил я.

– Да, – обронил Аскаль.

– А кто произнес пророчество? – не выдержал я. – Не Ирдаль, раз его убили и вывесили его голову на всеобщее обозрение. Да и вряд ли он сам назвал бы себя отступником. Не Ирдалла – она уже была далеко... Кто тогда?

– Придворный чародей, – ответил Аскаль. – Такой старый, что помнил деда Ирдаля младенцем. Пишут, когда он увидел голову Ирдаля на пике, то выкрикнул вот эти слова, а потом сразу умер...

– Спорю на что угодно, это был предок Руммалья, – сказала Фергия. – Правда... нет, не сходится: если он умер сразу, то когда успел завещать наследникам передавать слова пророчества будущим поколениям?

– Фергия, в этих древних легендах вечно все перевернуто, – вздохнул я. – Вполне вероятно, старый чародей умер – немудрено, от такого потрясения! – на руках сына или внука, тогда и пересказал им...

– А почему тогда Руммаль и Уммаль цитируют лишь часть пророчества? – въедливо спросила она. – Они ничего не говорили о крови предателя, ни один, ни второй! И об исчезновении Адмара тоже речи не было, неужто вы не помните?

– Гм... старик умирал, и наследник расслышал только это? – нашелся я.

– А от других они не могли узнать полный текст? Раз уж старик выкрикнул это во всеуслышание, то об этом весь базар должен был болтать! Вон, начало-то известно, наверняка его многие знали. Ну, пока это не было приказано изъять, стереть и так далее...

Я только руками развел.

– Может быть, – сказал Аскаль, все это время теревший висок, словно его донимала головная боль, – каждый расслышал только то, что предназначалось лично ему?

– Отличное объяснение, – проворчала Фергия, – но другого нет, пока обойдемся им. Так или иначе, пророчество начало исполняться, и не вчера, шоданы, в этом вы правы.

Я кивнул, подтверждая.

– Кровь отступника встретилась с кровью крылатого, – продолжила она. – О каком пути идет речь, я не знаю, только догадываюсь...

Мне пришло на ум то странное зеркало, но при чем тут оно?

– Какие врата должна закрыть кровь Вейриша, мы пока тоже не знаем.

– Может, те, из которых изыдет нечто, готовое поглотить Адмар? – тихо спросил Аскаль.

– И это возможно, – жизнерадостно ответила Фергия. Как меня обрадовала такая перспектива, слов нет! – Однако кровь предателя, уж простите, шоданы, встретилась с кровью отступника, а Адмар все еще на прежнем месте. И о чем бы могла идти речь, как по-вашему? Что может погубить Адмар?

– Я читал о великих сотрясениях земли, – сказал Аскаль, – тогда волны вставали до самого неба и сметали города с лица земли, а земля разверзалась и исторгала огонь. Может, речь о чем-то подобном?

– Землетрясение – это вполне возможно... – протянула Фергия. – Только здесь ему неоткуда взяться, разве что отголоски докатятся с Западного архипелага – там-то постоянно земля дрожит и вулканы пыхтят. Если там действительно сильно встряхнет, то волны и сюда дойдут, но Адмар защищен заливом, целиком не смоем. А подземный огонь... ему сюда не добраться: Адмар стоит на сплошной скале, а поверх песок. Хотя... есть старые подземные русла, и нужно разведать... Я даже знаю, как, но... нет. Слишком высока цена...

Верно, джанная ведь может пробраться по любым пещерам и трещинам и сказать, не сочтется ли откуда-то лава, нет ли под Адмаром спящего вулкана... Глупость, их никогда здесь не было, но проклятия просто так не произносятся. Если не потоп и вулкан, что это может быть?

– Насколько высока? – перебил Энкиль мои мысли.

– Дороже цветущих сливовых ветвей для твоего отца, – без улыбки ответила Фергия. – И я все равно не стану этого делать. Гибель может прийти вовсе не этим путем, понимаешь?

– Джаннай, – тут же сказал Энкиль. – Они владеют и водой, и огнем, и если он...

– Ну вот, сами догадались, – довольно сказала Фергия и вдруг сдержанно зевнула, явно не от усталости, от напряжения.

Я же задумался, где наш враг может раздобыть джанная. Хотя... Не так уж их мало, если верить Лалире. Найдет хотя бы того ее давнишнего противника, околдует, приведет к городу, и никто и понять ничего не сумеет, как улицы зальет поток лавы, а вода в гавани вскипит так, что поднимется облако пара... Утром к берегу придут корабли, может, даже сумеют причалить, если земля уже остынет, но не найдут ничего, кроме спекшейся твердой корки. Или, если джаннай будет поистине огненным, то пройдет по улицам Адмара так, что на каменных стенах останется лишь черная сажа, тени тех, кто жил здесь...

– Вейриш, вы меня слышите? – окликнула Фергия. – Солнце встает, караван уже близко, так что вы трое – в укрытие!

– Но... – начал Энкиль.

– Никаких «но». Побойсьце нам совершенно ни к чему, – сказала она. – Вейриш, вы отвечаете за то, чтобы эти двое не вылезли, пока я не позову. Надеюсь, сил удержать их вам хватит?

– Хватит, – тяжело вздохнул я, посмотрел на наследников рашудана и, пытаясь вжиться в роль, показал им кулак. Очевидно, они еще слишком хорошо помнили, как взбирались по моей лапе, потому что покорились и скрылись в какой-то канаве. Спасибо, не такой, в которой однажды прятался Ургуш...

Оттуда открывался неплохой вид на источник и на Фергию: она сидела на камне у самой воды, что-то мурлыкала под нос и, по-моему, подпиливала ногти обломком камня. Врать не стану, не разглядел.

Уже слышно было, как перекликались погонщики, звонко звучали женские голоса и смех. Этот караван, подумал я почему-то, везет не товары, он везет радость, которая совсем ничего не весит, вот почему верблюды идут так легко, а лошади после долгого перехода едва ли не срываются в галоп...

– Привет тебе, Ири-Хтара, – сказала Фергия, когда высокий белый верблюд остановился перед ней, и полюбовалась своими ногтями. – Было ли твое путешествие добрым?

– Путь стлался шелковой лентой, – бардазинка легко спрыгнула с седла. – Почему ты ждешь меня здесь?

– Так ты ведь дала мне задание, не рассчиталась, а потом ушла со своим отрядом в пустыню, о чем я узнала только через пару дней, – непосредственно ответила Фергия. – Я-то задание выполнила... а платить кто будет?

– Не понимаю, о чем ты, – Ири-Хтара скрестила руки на груди.

– Ты просила меня отыскать твою дочь, верно? – Фергия встала напротив и повторила ее жест. – Я нашла ее. Теперь плати, как уговаривались.

– Где же она? – улыбнулась бардазинка, и Фергия ткнула пальцем в одну из всадниц, окруживших источник.

– Вот.

– Чем докажешь?

– Кровью, – произнесла Фергия так, что, по-моему, даже верблюд попятился. – Ты дала мне ее кровь, а теперь пытаешься отпираться? Не ожидала от тебя такого, Ири-Хтара!

Девушка спрыгнула наземь и тоже подошла к ним. Я услышал, как выдохнул Энкиль и ткнул его в бок. Аскаль, слава Высоким Небесам, помалкивал.

Бардазинка была немислимо хороша, и я понимал того, кто купил ее без проверки. Высокая, не меньше Фергии ростом, она не казалась внушительной, а выглядела изысканной статуэткой. Тонкая и изящная, гибкая и сильная, сильнее иного мужчины, но с женственной фигурой, различимой под всеми этими синими тряпками, Эрра-Тана казалась олицетворением пустыни. У нее была светлая кожа – загорелая, но светлая, а оттого – словно золотая, будто песок в рассветных лучах. И лицо – как у древних статуй в забытых храмах, тонкое, чеканное, но и твердое. Если бы не родинки на лбу и на щеке, оно было бы совершенным, а так – осталось живым.

И глаза цвета утреннего неба – серо-синие, сумрачные, но в то же время прозрачные, я видел такие в Арастене... Верно, ее отец ведь откуда-то оттуда.

– Боги, как же ее никто не... – выдохнул Энкиль, но фразу не завершил: я двинул ему под дых. Не одной же Фергии так поступать.

– В чем дело, муамэ? – негромко спросила девушка, и рука ее легла на кинжал в руку длиной. – Кто-то мешает поить наших животных?

– Поите, сколько угодно, только деньги попрошу... – Фергия призывно пошевелила пальцами. Бардазины, окружившие источник, словно и не волновали ее. – Я не привыкла работать даром. Это, знаешь ли, вредит моей репутации.

– Моя дочь вернулась сама, – негромко произнесла Ири-Хтара.

– Но я этого не знала и продолжала ее искать. Всю ночь неслась на крыльях ветра, обнаружила здесь, и вот-те нате – ты не желаешь платить! – возмутилась Фергия.

– Муамэ, лучше заплати этой женщине, – попросила девушка, оглянувшись. – Это ведь чародейка, о которой ты говорила? Не надо ее злить. Они мстительные.

– Хорошо, – сказала Ири-Хтара, – я заплачу. Я обещала тебе все золото, но раз Эрра-Тана вернулась сама...

– Вовремя надо отменять договоренность, – перебила Фергия. – Помнится, ты обещала мне, что твои мужчины снимут с себя все золото и серебро...

Что и говорить, бардазины выглядели нарядно даже в походной одежде: синяя шерсть (будь она неладна!), и эти их украшения... И лица закрыты до самых глаз, только и разберешь, что один немного смуглее, а тот вроде бы даже веснушчатый.

– До этого ведь не дошло, – обронила Ири-Хтара.

– Нет. Мне хватит ожерелья... вон того, рыженького, – чуточку невнятно сказала Фергия и ткнула пальцем в невысокого по меркам остальных юношу. У него из-под покрывала впрямь выбилась рыжевато-каштановая прядь. – Отдашь?

– Конечно, – с явным облегчением ответила бардазинка.

– Отлично, я его забираю, – ухмыльнулась Фергия, сделала шаг к нему и взяла за рукав, а я едва удержал рванувшихся на помощь братьев.

– С какой это стати...

Рослые мужья Ири-Хтары ошетинились клинками.

– Ну ты же согласилась, что отдашь ожерелье и рыженького, на котором оно надето! Сама сказала!

– Я говорила только об ожерелье, а вовсе не...

– А ты уточняй! Не то я сперва ищу, а потом оказывается, что пропажа сама нашлась, потом мне плату не отдают. – Фергия попыталась соорудить обиженное лицо, но безуспешно. – Ладно. Раз вы такие злые, то я меняю эту золотую побрякушку на разговор.

– О чем ты?

– Это, – Фергия указала на «рыженького», – Искер одда Ларданиль инна Даргаль, третий, младший сын рашудана Адмара. Его я тоже искала, так уж сложилось, – добавила она с ухмылкой.

– Что за чушь ты несешь, колдунья? – Ири-Хтара нервничала, это было заметно. – Бери... бери золото, какое только есть, и убирайся отсюда, как явилась, на крыльях ветра!

– Не выйдет, ветер носит меня только по ночам, – заявила Фергия, а Эрра-Тана, выступив вперед, вдруг негромко сказала:

– Давай уьем ее, муамэ. Чтобы никто не узнал.
– Вот так нравы... – только и выговорила Фергия, сев на песок, когда девушка толкнула ее обеими руками. Условного знака она пока не подавала, и я держал братьев за загривки из последних сил. Еще немного, и придется превращаться! – Мальчика ищет воспитатель, ищут родные братья, а меня собрались убивать за то, что я отыскала его прежде остальных? Куда катится этот мир!
– Вот потому, что воспитатель ищет... – негромко сказала Эрра-Тана, обнажив клинок. – Я не отдам...
– Что, и братьям?
Фергию, казалось, вовсе не смущал здоровенный кинжал возле ее носа.
– Никому, – был ответ. – Он мой. По закону пустыни – мой.
Тут я на время выпустил братьев, потому что бардазины вдруг взвыли, как пустынные падальщики, так что пришлось зажимать уши.
– А если он сам захочет увидеть братьев и поговорить с ними, непустишь, воительница? – Фергия оказалась стойкой, ее этот вой не пронял.
– В Адмар – нет. В оазис... тоже нет! – Девушка тряхнула головой, и черные косы змеями упали на грудь. – Увезут обманом! Отец его предал, а братья ему не нужны, они никогда о нем и не думали...
– Неправда! – подал вдруг голос «рыженький». Глаза у него были мокрыми. – Говори за себя, Тана, не за меня, сама же учила!
– О! Я угадала, это пропавший Искер, – широко улыбнулась Фергия и жалостливо спросила: – Тебя тут не обижают, а?
– Никто меня не обижает, – шмыгнул он носом, скрытым под покрывалом. – Дочь ишиди оказала мне честь и взяла в мужья. Мне подарили оружие, и скоро я стану воином! Как только выучусь сражаться...
– Я же говорил, тянется за мной... – прошипел Энкиль, и я его пнул. Не знаю, почему, но это доставляло мне невыносимое удовольствие.
– Так братья все-таки что-то для тебя значат? – коварно спросила Фергия. – Меня, знаешь, не посвящали в тонкости ваших отношений. Что отец отрекся – знаю, что воспитывал тебя Ларсий – тоже... К слову, о нем ты что думаешь?
– Ненавижу, – коротко и просто ответил Искер и немного приспустил покрывало. Не привык к нему еще, наверно. – Он был слишком добрым. Слишком долго.
– Не понимаю... – нахмурилась она, но тут же спохватилась: – Ишиди, может, вы и впрямь пока животных напоите, а мы поговорим? Уверена, Эрра-Тана не даст супруга в обиду, после таких-то приключений!
– Не дам. – Взглядом этой девушки можно было металл плавить. – Искэ мой. Пускай взяла без спросу, но меня тоже... не спросили.
– Я знаю, что с тобой случилось, шодэ, – спокойно сказала Фергия, – и не намерена отбирать у тебя мужа. Я просто хочу узнать кое-что. Ты сядь рядом и слушай. Если решишь, что он говорит лишнее, зажди ему рот или по голове стукни, как тут у вас принято...
– Обещай не колдовать, – велела девушка, и Фергия с самым серьезным видом скрестила пальцы, плюнула и засыпала плевком песком.
– Чтоб мне с места не сойти, – объявила она и уселась поудобнее. – А теперь вы говорите. Как тебя украли, шодэ, я догадалась. Не нужно повторять, это больно.
Эрра-Тана вскинула гордую голову, и мне показалось, что в ее глазах блеснули слезы.
– Пускай больно, – сказала она. – Я дочь пустыни. Боль делает меня сильнее. Было так...
Опущу ее рассказ, скажу лишь, что Фергия угадала: беспечную бардазинку поймали, опоили, да так и продали во дворец. А тут уж в дело вступил Искер...

– Я никогда не приказывал по-настоящему, – говорил он, и пальцы нервно теребили край одежды, – только когда он велел. Но у меня все равно не получалось правильно. А тогда я не смог, я увидел, и...

– В сердце нож? – процитировала Фергия нашего приятеля Чайку.
– Да. Наверно. Я не помню, – виновато сказал Искер.

– Я помню, – негромко произнесла Эрра-Тана. – Я думала о том, как не закричать и не опозорить себя. И вдруг раздался голос... такой повелительный и твердый. Меня не стали бить и отвели в покои. И я не поверила, что приказывал – вот он.

Она грубо ткнула пальцем в Искера, а я подумал: хорошая ведь традиция, лица мужчинам закрывать! Он ведь не удержался сейчас, вспомнил тот день, наверняка скривились и задрожали губы... Когда на виду одни глаза, их можно опустить, и поди пойми, что в них...

– Он даже не знал, как к женщине притронуться, – ласково добавила Эрра-Тана.

– Да знал я! – возмутился Искер.

– К другим, не ко мне.

– Так, успокойтесь, чайки-встречайки, – перебила Фергия. – Кто кого лишил невинности, меня не волнует. Как вы удрали, я тоже знаю. Как будете жить дальше, мне вовсе не интересно. За одним крохотным исключением.

– Каким? – спросил Искер.

– Ларсий. С ним как быть? Почему ты сказал, что ненавидишь его? По его словам, он считал тебя своим сыном.

– Не позавидовал бы я его сыну, – вздохнул Искер. – Почему ненавижу?.. Не знаю. Просто – ненавижу. Разве нужна причина? Он никогда не причинял мне боли, но он всегда заставлял меня делать то, чего я не желал! Я... – Он сглотнул. – Я хотел пойти на двор посмотреть, как Энкиль бьет соломенные чучела, а может, и самому попробовать, Энкиль бы позволил, но мне было нельзя, вдруг кто-то подумает что-то плохое. Я хотел попросить Аскаля дать мне посмотреть старинные картинки с кораблями, но это тоже было нельзя. Даже говорить с ними нельзя...

– Так ты его невзлюбил лишь потому, что он запретил тебе развлекаться? – делано удивилась Фергия.

– Нет. Он сказал, когда отец умрет, братья меня убьют.

Воцарилось молчание. Перекликались бардазины, ржали лошади, взрывывали верблюды, но на этом крохотном пятачке царил тишина.

Я почувствовал, как Энкиль нашарил руку Аскаля и крепко сжал. Может, они, последние всходы, в самом деле не намерены продолжать дело предков и истреблять братьев?

– А я не верил, что они меня убьют, – сказал наконец Искер. – Я знал, как это бывает, я все прочел... Но не верил. Энкиль однажды подарил мне игрушечный меч. Аскаль – нарисовал Адмар и все, что есть вокруг. Я взял это с собой. У меня нет никаких сокровищ, которые я мог бы принести семье, но... ай, больно же!

– Болтай поменьше, – мрачно сказала Эрра-Тана, потрянув отбитой рукой. – И заканчивай.

– Ларсий сказал: я буду жить, если стану его слушаться, если изменю лицо и возьму другое имя. А я подумал: все равно останется только один брат, – произнес Искер. – И понимал, что я увижу, как это будет, только никто не узнает, что я – это я.

– Ты знала, когда состоится превращение, тогда и прокралась к Искеру? – спросила Фергия у Эрра-Таны, и та кивнула:

– Будто я не догадалась, что меня ведут убивать! Я видела его прежнее лицо... так зачем я теперь нужна?

– Ну да, и шею чародею тоже ты свернула, – улыбнулась Фергия, – так же, как тем двоим эвди. Характерный прием, адмарцы такого не знают.

– Да, я это сделала, – спокойно ответила Эрра-Тана. – Искэ бы не сумел. Он никогда еще не убивал людей. И он был слабым после этого колдовства. У него не хватило бы сил даже ударить чародея кинжалом, не то что...

Воцарилось недолгое молчание.

– За одно спасибо Ларсию – показал, где тайные выходы из дворца, – наконец тихо сказал Искер. – Тана ушла. Я надеялся – не вернется... ай!

– Если надеялся, зачем такое же лицо себе оставил? – рявкнула она, и случившаяся поблизости лошадь опасно прижала уши.

– Чтобы не умирать с чужим, – ответил он и снял покрывало. Я знал, что у бардазинов такое даже с домашними не всегда позволено, но...

Искер был еще сущим мальчишкой, светлокожим и веснушчатым, а глаза у него лучились удивительным зеленым светом, какой можно увидеть, если лечь лицом вверх под пальмами на рассвете.

– Я думал, нам не удастся сбежать, – сказал он. – Но Тана все сумела... Не знаю, как со страху не умер.

– Чтобы ему не поддаваться, ты мастерил веревку, – ухмыльнулась Фергия и вдруг щелкнула пальцами – взвилось синее пламя. – Вейриш, выпускайте их!

Я был только рад послушаться – руки уже онемели, потому что братья оказались очень сильными. Вернее, Энкиль – сильным, а Аскаль – увертливым. Вот и держи их!

– Не дам! – в который раз рявкнула Эрра-Тана, взвившись на ноги, когда из канавы полезли непонятные люди, но Искер узнал их. Правда, тоже подался назад, выкрикнув:

– Я вам не брат! Мне не нужен золотой трон!

– Живой! – Энкиль с удовольствием облапил мальчишку. – А что, это у нас во дворце так плохо готовят или Искер успел отощать в пути?

– Я хорошо кормлю своего мужчину! – выверилась на него Эрра-Тана, и он, отпустив Искера, примирительно поднял руку. Вторую, правда, держал возле кинжала. – Искэ! Что творится?

– Это мои братья... – виновато ответил он. – Только я не пойму, откуда они взялись и чего они хотят...

– Откуда взялись – совершенно не важно, а желают они определенности, – сказала Фергия и хлопнула в ладоши. – Сядьте все. И ты, прекрасная Эрра-Тана, тоже. Никто из твоих людей не примчится на выручку, нас сейчас никто не видит и не слышит. Вернее, видят, как мы мирно беседуем. Следовательно, решать будем только мы. Ясно? Тогда... Сядьте, я сказала!

От голоса Фергии приседали верблюды, что уж говорить о людях...

Глава 22

– О чем ты, шади? – негромко спросил Аскаль, когда мы устроились более-менее тесным кружком. – Что именно мы должны решить?

– Как быть дальше, – ответила она. – С Искером все просто – он нашелся. Вам этого достаточно?

Братья переглянулись, потом Энкиль медленно кивнул.

– Я уже говорил: мы опасались, что Ларсий хочет использовать его. Посадить на трон и править от его имени. Раз это не так, то...

– Что, простите главного советника? – поддела Фергия.

– Нет, – ответил Аскаль. – Ты не жила во дворце, шади, ты не поймешь. Но будь уверена: окажись я или Энкиль немного слабее духом, не сдружись мы еще в детстве, нас ждала бы именно такая участь. Не место советника, нет. Золотой трон. Вот только какой ценой...

Я понимал, что он имеет в виду: Ларсий постарался бы воспитать удобного наследника. Сына рашудана от жены нельзя наречь своим именем, но можно сделаться для него целым миром, заставить смотреть себе в рот, а когда подойдет время – посадить на трон и подсказывать правильные решения.

– Если бы наши матери еще до нашего рождения не вцепились друг другу в волосы, выясняя, которая из них больше по нраву рашудану, а потом не сделались лучшими подругами, то мы могли бы даже не встретиться, – сказал вдруг Энкиль. – Дворец большой, можно не видеться не то что неделями – годами.

«Сдается мне, эти лучшие подруги делали все, чтобы новые жены у рашудана не заживались, – пришло мне на ум, – а может, и дети тоже... И дело вовсе не в проклятии, а в давнишнем союзе молодых женщин, понявших, что поодиночке им во дворце не выжить и не спасти сыновей от других таких же жен рашудана. Двое – это не две дюжины. Двое еще могут договориться, поделить проклятый золотой трон и не поубивать друг друга, что Энкиль с Аскалем и сделали... не дожидаясь смерти отца».

Что поделать, нравы здесь именно такие: или ты убьешь, или тебя убьют, и я никогда не согласился бы жить во дворце, где нельзя и шагу ступить, не проверив – нет ли ловушки, не скрыт ли яд в напитке, не отравлена ли книга или одежда...

– Без Ларсия все пойдет кувырком, это вы осознаете? – спросила Фергия.

– Да. Только поэтому он до сих пор жив, – ответил Энкиль и брезгливо скривился: – Придется терпеть его еще долго. Он много знает, только не горит желанием делиться своими знаниями!

– Ну почему же, Искера он обучал, – коварно сказала она.

– Искер еще сущий ребенок, – вздохнул Аскаль, не обращая внимания на гневный взгляд Эрра-Таны. – Он сможет стать главным советником, только если не останется ни единого претендента на это место. А у нас и обычных советников хватает. Пускай не таких сметливых, как Ларсий, но не вовсе безмозглых.

– Я и не желал этого места, – выговорил Искер. – Я сказал почему.

– Так может, если бы узнал, что братья не собираются резать друг другу... и тебе глотки, передумал бы? – спросила Фергия.

– Нет, – помотал он головой. – Даже так... все равно я чувствовал – во дворце мне не место. Но я сам не знал, чего хочу, пока не встретил Тану. Тогда понял.

– И чего же? – негромко осведомился Энкиль.

– Свободы, – был ответ.

– Вот такой? – старший брат обвел рукой окружающий пейзаж. – Ходить за верблюдами и лошадьми, подчиняться женщинам, не видеть ничего, кроме пустыни?..

– Почему это – ничего? – возмутился Искер. – Скоро мы двинемся в саванну, а может, еще дальше, потому что нам нечего делать в Адмаре... ну, хотя бы ближайшие несколько лет. И я не простой погонщик, я зять ишиди! Пускай я еще плохо умею сражаться, не очень-то силен и вряд ли сумею поймать дикую лошадь, зато знаю много языков, хорошо помню карты и твердо заучил движение звезд. Я не бесполезный груз в этом путешествии!

– Бесплезный я бы братья не стала, – вставила Эрра-Тана. Она немного успокоилась и теперь лишь крутила в пальцах нож, время от времени на всю длину вгоняя его в твердую землю. – И муамэ сказала – Искэ годится, иначе разве разрешила бы мне взять его в мужья? Не все мужчины родились воинами, но это ничего. Воинов найти легко, а таких, которые хорошо умеют думать, мало.

– Я думал, у вас женщины за всех думают, – не удержался я.

– Так и есть, – не поняла она насмешки. – Но это разное. Мы знаем, куда и когда идти, с кем торговать... А иногда нужно другое. То, чего мы не видим за горизонтом и никогда не увидим, потому что мы – дети пустыни, и здесь наше место. Зато мы хорошо чувствуем – хорошее дело или дурное. – Эрра-Тана перевела дыхание. – Искэ совсем ничего не видел, даже пустыни, но зато его многому выучил тот человек. Даже от дурных людей бывает хорошее, вот так и вышло. И теперь мы сложим то, что знает Искэ, и то, что знаем и чувствуем мы, и получится хорошо для всего племени. Понятно я говорю? Вы так смотрите, словно у меня выросли ослиные уши!

– Мы просто немного удивлены, – сформулировал Аскаль, – таким деловым подходом у столь юной девушки. Я-то думал, ты украли Искера из дворца, потому что вы полюбили друг друга...

– Конечно, как же иначе? – удивленно сказала Эрра-Тана. – Зачем мне нелюбимый мужчина, даже если он умный?

– Окажись Искер глупым, ты не стала бы его выручать? – не отставал Аскаль.

– Это ты глупый, – снисходительно сказала ему девушка. – Совсем ничего не понимаешь. Наверно, еще никого не любил.

Аскаль не нашелся с ответом.

– Значит, возвращаться ты не намерен? – спросил зачем-то Энкиль, и Искер лишь покачал головой:

– Зачем? Я нашел свою дорогу. С вами мне больше не по пути. Только очень жаль, – он криво улыбнулся, – что вы раньше не говорили со мной... вот так.

– У нас не было умного наставника, – мрачно сказал Аскаль, – до всего доходили своим умом. И все могло пойти иначе, если бы...

– Только не начинайте про то, что могло бы случиться, если бы у бабушки была борода! – не выдержала Фергия. – Ну да, ее звали бы дедушкой, но вам от этого не легче. Вы нашли брата, так? Он жив, здоров, вполне доволен жизнью, жена его вроде бы не обижает... не обижает же? Ну вот. Вам еще что-нибудь от него нужно?

Братья молчали.

– Ах да, как я могла забыть... – протянула она. – Золотой трон! Если Искер поклянется кровью, что никогда ни он сам, ни его потомки не станут претендовать на него, вам этого хватит?

– Да, – обронил Энкиль, но Аскаль сказал вдруг:

– А что, если никого другого не останется? Что, если мы с тобой погибнем раньше, чем успеем дать жизнь наследникам? Бесхозным Адмар не останется, ведь дальних родственников у нас как песка в пустыне, но...

– Ты прав, – после долгой паузы согласился Энкиль. – Не нужно клятвы. Достаточно слова.

– Можно дать клятву с условием, – подсказала Фергия, – что потомки Искера смогут занять золотой трон, только если никого из вас и ваших прямых наследников не останется в живых. Но вы тут же скажете, что это прямой путь к охоте на вас и ваших гипотетических потомков, хотя зачем бы это свободному бардазину и его предполагаемым более чем свободным детям?

Впрочем, если не он сам, так другие желающие найдутся, а править от имени рашудана-ребенка – распространенная практика, не так ли?

– Да уж, куда ни ступи, всюду западня, – невесело усмехнулся Энкиль. – И не угадаешь, чем отзовется сказанное слово. Мы думаем, как сделать лучше... надежнее, чтобы не навредить себе, чтобы спокойно отпустить Искера бродить с его новой семьей, а самим заняться Адмаром, но...

– Все сказанное может однажды обернуться против вас, – подтвердила Фергия. – Иногда лучше хранить молчание и позволить событиям развиваться самим по себе.

– И что же ты предлагаешь?

– Отправляться по домам, – ответила она. – То есть у Искера дом теперь там, где он сам... вернее, там, где его жена. А нам пора обратно в Адмар.

– Днем не выйдет... – Я сделал выразительную паузу.

– Ну так мы еще и разговаривать не закончили. Пока то да се, пока пообедаем, уже и до заката недалеко. Вы ведь ночью пойдете? – обратилась Фергия к Эрра-Тане, и та кивнула. – Ну вот и мы так поступим.

– А как вы сюда попали? – сообразила вдруг спросить бардазинка. – Кругом нет следов, у вас нет лошадей и верблюдов, и...

– Я колдунья, – улыбнулась Фергия. – Но, знаешь, кое-чего я так и не смогла понять.

– Чего же?

– Откуда взялись две дюжины ложных следов, ведущих прочь от Адмара? Это не ты наколдовала, в этом я уверена, не Ари-Мара, она ничего подобного не умеет, не какой-то из базарных кудесников... Кто же мог сотворить подобное?

– Я дочь пустыни, – ответила Эрра-Тана, вздернув подбородок. – Я попросила – она помогла.

– Что же ты раньше не попросила? – удивилась Фергия. – Когда тебя брали в плен? Не успела?

– Не успела... – после паузы согласилась девушка. – А потом мне заткнули рот. А еще позже дали зелье, чтобы спала наяву.

– Разве просить нужно непременно словами? – не отставала Фергия. – В одной старинной легенде сказано, что караванщик бросил в пустыне ребенка, которого родила в пути рабыня. Тот, конечно, еще не умел не то что говорить, а даже ползать, однако когда солнце стало жечь его, взмолился о помощи к матери-пустыне, и та укрыла его от палящих лучей у подножия бархана, а еще прислала недавно оценившуюся самку пустынного падальщика, чтобы та накормила дитя... Знаешь эту историю?

Эрра-Тана посмотрела на нее злее того самого пустынного падальщика.

– Неужели нет? – продолжала Фергия. – Когда ребенок подрос, мать-пустыня научила его искать и добывать воду, показала все до единого оазиса, а потом открыла путь дальше на юг, в саванну, и попросила ту заботиться о ребенке, то есть уже подростке, как о родном племяннике. Там он научился охотиться, ловить и приручать диких лошадей, но сердце его осталось с матерью, к ней он и возвращается снова и снова.

– Никогда не слышал этой истории, – подал голос Аскаль.

– Мне Ари-Мара рассказала, когда я ее как следует напоила, – ухмыльнулась Фергия. – Похоже, эту легенду даже у бардазинов начали забывать или нарочно замалчивать. Либо же Эрра-Тана не говорит правды. Не может же она не знать, что речь в этой легенде идет о ее прародительнице?

– Ты же говорила – «он»! – удивился Искер.

– Ну да, ребенок, подросток. Неважно, какого пола. Это была девочка, от которой и пошли бардазины, дети пустыни и племянники саванны. Говорят, – добавила Фергия, – отцом их был пустынный ветер. А может, какой-то дух. Но мало ли, что болтают... Скорее уж, им стал воин настолько сильный и умный, что дочь пустыни позволила ему кочевать бок о бок с собою.

– Может, за столько лет пустыня разучилась слышать мысли? – любопытно спросил Аскаль. Правда, тут же оглянулся на окружающие оазис пески и добавил: – Не в обиду будет сказано, я просто ничего не знаю об этом, вот и задаю глупые вопросы...

– Она все слышит, – сказала наконец Эрра-Тана. – Но помогает только тогда, когда считает человека достойным помощи. А я была жалкой. Я опозорила свой род, так глупо угодив в плен. Вот почему она не отозвалась мне в ту минуту. Мне нужно было на своей шкуре узнать, что бывает со слишком беспечными бардазинками...

– Но потом она все-таки помогла, верно? – гнула свое Фергия.

– Да, – нехотя созналась девушка. – Хотя я уже не надеялась. Ари-Мара указала нам, куда ушел караван муамэ, но она не могла дать ни лошади, ни верблюда. У нас было совсем мало припасов и воды, и мы не смогли бы нагнать караван... Ари-Мара сказала нам идти к Белой ведьме, потому что муамэ наняла ее искать меня, и мы пошли. Долго шли – Искэ совсем не умеет ходить по песку...

– А меня, судя по всему, именно тем вечером не было в оазисе! – Фергия с досадой стукнула кулаком по колену.

– Нет, ты была у себя, – сказала Эрра-Тана. – Мы видели, как светятся огни твоего дома. Я хотела идти – если муамэ доверилась тебе, значит, нам ничто не угрожает. Но Искэ не хотел. Боялся, что это ловушка. Что нас выманят на свет, как песчаных ползунов, и схватят. Ему ничего не будет, разве что накажут, а меня убьют сразу, так он сказал.

– Но я в самом деле так полагал, – негромко произнес Искер. – Я сразу подумал, что мой... наставник, когда я исчезну, не пожелает поручить поиски придворным чародеям. Значит, наймет кого-то со стороны, а о ком в последние месяцы говорят непрестанно? Верно, о Белой ведьме...

– А как же Ари-Мара? – спросил я. – Неужели она отправила бы вас в ловушку?

– Будто колдунье сложно одурманить старую женщину! – парировал он. – Да, бардазины были в Адмаре, мы слышали о них, когда прятались в Нижнем городе, но и только. Мы не знали даже, была ли это в самом деле мать Эрра-Таны или кто-то случайный. Значит, скорее всего, в Проклятом оазисе нас ждала ловушка.

– Но мы и не заходили в него слишком далеко, – добавила девушка. – Только передохнули в роще и решили идти дальше – сколько сможем. А если умрем в дороге, что ж... Мать-пустыня примет нас в свои объятия, и мы станем ее частью. И будем по-настоящему свободными...

– Да-да, когда-то я слышала рассуждения о пути достижения полной свободы путем отказа от всего материального, в том числе собственного тела, – проворчала Фергия. – Однако те, кто говорил об этом, что-то не торопились растворяться в объятиях вечности. Я же подумал: неужели действительно сама пустыня откликнулась на просьбу девушки? Или все-таки...

– Что ж, с этим все более-менее ясно, – перебила мои мысли Фергия. – Продолжим. Верно я поняла, что в ближайшие годы вы в Адмар не вернетесь?

– Решать муамэ, – тут же ответила Эрра-Тана, – но даже если сама она придет сюда, то мы – нет. Искэ еще нужно научиться жить по-нашему.

– В дороге приспособлюсь, – буркнул он.

– Не все можно узнать в пути, – парировала она. – Придется пожить на месте. Не знаю, сколько. Но это неважно. Торопиться некуда.

Искер молча кивнул.

– А вам придется как-то продолжать сосуществовать с Ларсием... – протянула Фергия, глядя на его старших братьев. – Что сказать ему насчет Искера, я примерно знаю, только посоветуюсь еще с Ири-Хтарой, уточню кое-какие подробности. Главное, что искать он воспитанника не будет.

– Очень надеюсь, что Ларсий заболеет от тоски по упущенным возможностям и умрет, и мне не придется резать ему глотку, – мрачно произнес Энкиль.

– Зарезать – это всегда успеется, – отмахнулась Фергия. – Пока он все равно необходим, но на вашем месте я бы искала ему замену – время еще есть. А то этот тип, конечно, радеет о благе Адмара, но очень уж своеобразно.

– Я даже могу его понять, – сказал я и пояснил, увидев недоуменные взгляды братьев: – Ларсий всю жизнь отдал Адмару. Если я верно понял, без его хитрости, изворотливости и ума вашему отцу пришлось бы намного тяжелее. Его ведь не рассматривали в качестве наследника, верно?

– Ну почему же... Он был далеко не первым в очереди, но всякое случается, – пробормотал Аскаль.

– Вот оно и случилось, – подвела итог Фергия, – остальных убрали, его посадили на трон. И подумайте о том, что если бы не Ларсий, сейчас рядом с вашим отцом мог бы оказаться кто-нибудь похуже. А может, его уже не было бы в живых, а на троне с детских лет сидел кто-то из вас.

– Вы несколько минут назад говорили: рассуждать о том, что случилось бы, если б все пошло не так, а иначе – глупое занятие, – поддел я.

– Я просто логически завершила мысль Аскаля, – вывернулась она. – Но вы правы, Вейриш, гадать смысла нет. Все уже стало таким, каким мы его видим. Можно, конечно, покопаться в причинах и предпосылках, чтобы поупражнять ум, но у нас ведь иная задача, не так ли?

– И какая же именно? – настороженно спросил Энкиль.

– Думаю, вам нужно наладить отношения с Ларсием, – брякнула Фергия, и братья онемели.

– Ну нет уж... – выговорил наконец Энкиль. Ему явно не хватало слов. – Ну нет...

– Даже если бы мы этого захотели, ему-то какая выгода с нами общаться? – более связно высказался Аскаль. – Мы уже не послушные мальчишки, из которых можно вылепить все, что заблагорассудится, а ему нужен именно такой. Что ж! Ларсий не так уж стар, он вполне может выбрать еще какого-нибудь ребенка и воспитать себе наследника!

– Только ни к нашим братьям, если вдруг на свет появится еще кто-то, ни тем более к нашим детям он не приблизится, обещаю, – добавил Энкиль.

– Наследник-то ему определенно нужен, – задумчиво проговорила Фергия, – вот только воспитывать очередного неразумного мальчишку, начинать, считай, с пустого места... нет, на это у Ларсия времени может и не хватить. Значит, этим наследником должен стать ты, Аскаль-шодан!

На этот раз дара речи лишились все. Нет, я уже немного привык к вывертам мысли Фергии, но и меня проняло...

– Да ты в своем ли уме, шади? – вполголоса произнес Аскаль, покраснев от гнева. – Чтобы я по доброй воле согласился иметь дело с этим шакалом?!

– А у тебя что, выбор есть? – невозмутимо ответила она. – Если мне не изменяет память, а она не имеет такого обыкновения, ты собирался стать именно что советником при старшем брате. Но готов ли ты к этому? Хорошо ли знаешь всех придворных, их помыслы и чаяния? В достаточной ли мере разбираешься в хитросплетениях интриг? Спрошу даже так: все ли эти интриги ты в состоянии распознать? Ты ведь еще очень молод, тебе попросту не хватает опыта! Воцарилось молчание, которое вдруг нарушила Эрра-Гана:

– Шади говорит правильно.

– О чем ты?! – вскинулся Искер. – Ты же согласна была, что Ларсий...

– Я знаю, что это отродье змеи и жабы, – перебила она. – Но он тебя многому научил, разве нет, Искэ? У него в голове, как у жабы, спрятан драгоценный волшебный камень. Если просто убить жабу, он растворится без следа, а если хорошо с ней обращаться и кормить, как следует, то ты получишь камень, когда жаба умрет.

– Жабы живут не очень долго... – пробормотал Энкиль.

– А змеи – подольше, – мрачно добавил Аскаль. – Вдобавок они хитры, и стоит зазеваться, вонзят ядовитые зубы тебе в руку.

– Ну так не зевай, – сказала Фергия. – Не думал же ты, будто должность главного советника – это так... лежать возле фонтана и есть сладости? Нет уж, дело это тяжелое и нервное, в особенности, если рашудан сам не слишком-то жаждет вникать во все дела. Тебе будет проще, потому что Энкиль характером явно не похож на вашего отца, но и сложнее тоже, потому что, повторяю, опыта у тебя нет. Вот посиди, подумай, посчитай выгоду от того или иного решения, а я пока схожу к Ири-Хтаре, посоветуюсь...

Она легко поднялась на ноги и направилась прочь, а юноши переглянулись.

– Колдунья говорит странные вещи, – сказал, наконец, Энкиль.

– Странные, но в них есть смысл, – ответил Аскаль. Брови его сошлись на переносице, он явно размышлял о чем-то неприятном.

Искер молчал, потом все же произнес:

– Какое решение вы бы ни приняли, об одном прошу: не доверяйте Ларсию. Он, может, и делал то, что делал, из самых лучших побуждений, только вышло... сами видите, что именно.

– Что? – не понял Энкиль. – Ты жив, это главное. А будь у тебя другой характер или не встретиться тебе эта девушка, ты стал бы советником. И, может, даже когда-нибудь сознался нам с Аскалем, кто ты такой на самом деле!

– Да, только могло сложиться и по-другому.

– Вы опять начали гадать, что было бы, если б все пошло иначе, – напомнил я. – Пустое занятие! Подумайте лучше о Ларсии и о том, как с ним теперь быть. Отец ваш еще не стар и проживет, надеюсь, долгие годы...

– И все это время править будет Ларсий, – кивнул Энкиль. – Понимаю, Вейриш-шодан, к чему ты клонишь.

– И к чему же?

– Отец не хочет править, ему удобно жить так, как теперь, – пояснил Аскаль, – не заботясь о насущном. Он привык, что Ларсий решает за него, доверяет ему... даже слишком сильно. Но он не уступит трон Энкилю – такого не бывало с древних времен! И поступали так разве что совсем дряхлые или тяжело больные рашуданы, и трон они передавали любимым сыновьям, а не...

– Вы разве не любимые? – удивился я. – Раз уж вас всего двое – Искера считать не станем, – то неужели ни один ему не по нраву?

– Я уже и не вспомню, когда последний раз видел отца не на какой-нибудь церемонии, – проворчал Энкиль. – Когда мы были детьми, он часто навещал нас, дарил что-нибудь, брал с собой на прогулки, рассказывал о разном... Потом... не знаю, что с ним случилось.

– Ларсий с ним случился, – буркнул Аскаль.

– Не в нем дело, он с отцом с самого начала правления. Может, отца околдовали? – с надеждой в голосе произнес Энкиль, но тут же покачал головой: – Нет, нет, неужели чародеи ничего бы не заметили? Да и сам Ларсий, раз уж так хорошо его знает? Вот только если он сам отдал приказ чародеям, то...

– То вы пошли по кругу, – остановил я и вдруг замер. – Поймите-ка... а давно ли рашудан сделался таким вот? Безразличным?

– Уже изрядно, – переглянувшись с братом, сказал Аскаль. – Мы как раз входили в возраст, Искер был совсем маленьким.

«Нет, это явно меньше тридцати лет, – прикинул я, – но ведь рашудан живет во дворце и редко появляется на люди. А дворец хорошо защищен от враждебной магии, это точно. Вдруг?..»

– О чем ты так задумался, Вейриш-шодан? – окликнул Энкиль.

– Пытаюсь понять: что, если на вашего отца подействовало проклятие? – ответил я. – Очень уж похоже описанное вами на то, что творилось со мной. Я тоже не желал ничего делать, проводил дни в праздности и даже не осознавал этого...

– Покуда я не дала вам пинка под хвост, – закончила незаметно подкравшавшая Фергия. – Отличная мысль, Вейриш!

– Только он не дракон, – сказал я.

– Ваша кровь в нем точно есть. Хоть капля, но есть, уверена, – заявила она и уселась напротив. – Возможно, человеку достаточно и такой малости, и если наш враг накрыл проклятием весь Адмар, то...

– Почему же оно не подействовало на нас? – перебил Аскаль. – Ведь мы его потомки! Фергия развела руками.

– Мы непременно это обдумаем, только немного позже, а пока... посмотрим, как рашудан отреагирует на цветущие ветви из волшебного сада. Может, в нем проснется хоть какой-то интерес к жизни?

– Хотелось бы надеяться, – невесело усмехнулся Энкиль и добавил вполголоса: – Потому что дать отцу пинка я не решусь...

Глава 23

Бардазины ушли сразу после заката – он еще не успел отгореть, и верблюды отбрасывали на красный в лучах заходящего солнца песок причудливые тени.

Моя собственная тень летела чуть позади – я мог видеть ее краем глаза, и мне казалось почему-то, будто кто-то неотступно следует за мной и неотвратимо настигает. Странно, мне ведь даже сражаться с сородичами не приходилось, детские игры в догонялки не в счет. Откуда же эти мысли?

«Все слишком сильно запуталось», – подумал я, заложив круг над Проклятым оазисом и, по возможности, мягко приземлившись, а то починенная сбруя могла снова не выдержать.

– Ты позволила нарвать веток, – напомнил Фергии Энкиль, размяв ноги. Может, он и был хорошим всадником, но мой хребет – далеко не удобное седло.

– И я сдержу обещание, – кивнула она. – Иди и сорви, какие понравятся, а лучше аккуратно срежь. Только не ломай деревья, я предупреждала, помнишь? Хранитель сада присмотрит за тобой.

– Я с тобой, – сказал Аскаль, и они направились прочь по аллее.

Когда братья отошли достаточно далеко, Фергия шепнула:

– Лалира?

– Слушаю, – отозвался ветер в кронах.

– Не сможешь ли этим двоим выбрать то, о чем просят их сердца?

– Конечно, – ответила джанная. – Не то и впрямь поломают сучья, а это не дело. Я прослежу.

– Благодарю, – сказала Фергия. – А не ответишь ли ты мне на один ма-аленький вопрос? Не понравится он тебе – промолчи.

«Будто по молчанию нельзя сделать выводы», – подумал я.

– Спрашивай, – после паузы сказала Лалира.

– Это ты создала ложные следы для беглецов? Ровным счетом дюжину.

Лалира молчала, и только легкий ветер перебирал лепестки цветущих слив.

– Я, – гулко вздохнула джанная наконец.

– Что же они пообещали тебе взамен?

– Ничего. Я и не показывалась им. Они пришли измученные, остановились в роще, и пока мальчик спал, девочка взывала о помощи. Она – дочь пустыни, как и я. Разве могла я оставить ее в беде? Она ведь не золота просила, не табун лошадей... – Лалира гулко вздохнула. – Просто хотела скрыться от чужих глаз и добраться до родных. Просила мать-пустыню спрятать ее следы. Я умею и прятать, и наводить морок, вот и...

– И, главное, не перестаралась, чтобы не заметно было, какая сила задействована, – вздохнула Фергия. – Полезное умение... Покажешь потом?

– Покажу, – отозвался сад гулом ветвей. Мне почудилось в нем виноватое облегчение.

Да ну, глупости! Неужели Лалира, могущественная джанная, опасается хрупкой и слабой человеческой колдуньи? И о чем они договорились на самом деле, хотел бы я знать? Фергия ведь правды не скажет, Лалира – тем более...

– Вот и славно, – сказала Фергия и привычно завопила: – Ургу-у-уш! Седлай лошадей!

– Всех? – послышался в ответ измученный голос.

Право, Ургуш не слишком перетруждался, но изображать измороженного работой невольника умел превосходно.

– Только для гостей, – ответила она, и мне почудился выдох облегчения, такой же гулкий, как у джаннай. И то, седлать кобылу Фергии – занятие не для слабых духом. – Вы, Вейриш, выпитесь как следует, а вечером снова приезжайте. Нас ждет развязка этой истории, и, думаю, вы захотите присутствовать.

– Вы намерены позвать сюда Ларсия и... столкнуть его нос к носу с этими двумя? – негромко произнес я.

– Ну да, а что еще прикажете делать? Иначе они сроду не договорятся. И потом, если Ларсия удастся убедить, что все не так уж скверно, мы получим доступ к рашудану.

– Все-таки согласны, будто и его накрыло проклятием?

– Нет, как раз в это я не верю, – серьезно ответила она.

– Но вы же сказали...

– Я много чего говорю, Вейриш! – перебила Фергия. Вот с этим я готов был согласиться. – Да, интересная гипотеза, но не более того. По срокам не сходится, так что, думаю, рашуданом просто овладели лень и апатия как следствие безделья и всевозможных излишеств. У него, судя по всему, не слишком твердый характер. Он еще долго держался, а теперь...

– Что – теперь? – требовательно спросил я.

– Не знаю, я этого вашего рашудана не видела и даже по рассказам плохо представляю, – развела руками Фергия. – Что-то, видимо, произошло. А может, ничего не происходило, просто он убедился, что сыновья выросли и не дадут себя в обиду, что главный советник растит себе замену и не оставит Адмар, а следовательно, можно самоустраниться и предаваться праздности и утехам до самой смерти. Посмотрим, а пока...

Она не договорила и сделала мне знак помалкивать: из-под деревьев вышли братья, оба с охапками цветущих ветвей в руках.

– Они сами к нам наклонялись, – словно извиняясь, произнес Энкиль, и Аскаль добавил:

– Мы вовсе не хотели срезать так много. Я думал, хватит двух-трех...

– Обрезка деревьям только на пользу, – отмахнулась Фергия. – Оно, конечно, лучше проводить ее по осени или ранней весной, но это ведь не обычный сад. Раз хранитель решил, что вам нужно именно столько, так тому и быть.

– Да, а то вы лопнете, если съедите все созревшие на этих ветвях сливы, – сказал я вполголоса, но она услышала и взвилась:

– Вейриш! Можно подумать, я вас не угощала! Кому я посылала полные корзины, а? Значит, ели и нахваливали, а теперь выходит, я одна все это... употребила? В следующий раз пошлю Ургуша на базар торговать, вот что!

– Я вовсе не это имел в виду! – защищался я, но какое там...

– Только мы не подумали о главном, – сказал Аскаль, глядя на белые цветы.

– О чем? – тут же угомонилась Фергия. По счастью, остывала она так же быстро, как вспыхивала.

– Как доставить их отцу, – пояснил Энкиль. – Я говорил: не помню, когда последний раз видел отца не на церемонии. И мы не можем просто прийти к нему и подарить, потому что...

– Потому что цветы завянут, пока мы станем дожидаться аудиенции, – закончил Аскаль. – Все напрасно.

– Что, даже по балконам не сумеете добраться до отцовских покоев и бросить ветки ему на подушку? – без тени улыбки спросила Фергия.

– Мне не хочется получить арбалетный болт в спину, – так же серьезно ответил Энкиль. – Ларсий приставил к отцу очень хорошую охрану. Эти люди не станут спрашивать, кто идет, они сперва стреляют, а потом уже разбираются.

– В целом я одобряю такой подход, – сказала она, – но вам не стоит рисковать собой. Хм-м-м...

Допустим, я могу зачаровать цветы так, чтобы они не увяли, но вот перенести их в покои рашудана не сумею. Там ведь защита стоит, поднимется переполох, меня вычислят, и доказывая потом, что я просто хотела порадовать правителя, а не отравить его ядовитой пылью или одурманить ароматом.

– Я на роль почтовой птицы точно не гожусь, – предвосхитил я вопрос Аскаля. Впрочем, он и сам понял, что хотел задать глупый вопрос, и смущенно улыбнулся.

– И как быть?

– Я отнесу, – раздалось из темноты меж деревьями, и братья вздрогнули, когда Лалира появилась перед ними.

Она, конечно, сделалась почти обычного человеческого роста, но скрыть своей необычайной красоты не могла, да и не старалась. А уж ее украшения при полном отсутствии одежды заставили бы остолбенеть кого угодно, что говорить об этих юношах!

Впрочем, теперь Лалира носила подобие юбки из полупрозрачной красной материи: два куса ткани крепились к драгоценному поясу спереди и сзади. На фоне черной кожи они напоминали языки пламени.

– Это хозяйка оазиса, – как бы между прочим пояснила Фергия. – Я помогла ей купить это дивное местечко, а теперь снимаю жилье, и обе мы довольны, не так ли?

– Довольны, – полные алые губы растянулись в улыбке, мелькнули острые белые зубы. Лалира протянула руки, и братья с заметной опаской передали ей срезанные ветви. – Пойду.

– А как же колдовская защита? – спросил я.

– Она ведь на людей рассчитана, – еще шире улыбнулась Лалира. – А они не умеют оборачиваться ветром.

– Постой, прекрасная шади, – остановил ее Энкиль. По-моему, он немного побледнел, осознав, с кем именно разговаривает лицом к лицу. – Выходит, ты знаешь нашего отца? Ты...

Он осекся, а Лалира покачала головой – серьги ответили мелодичным насмешливым перезвоном.

– Я всегда была верна Мадри, мальчик, – снисходительно сказала она, – но я помню вашего отца. Он приезжал сюда, когда еще цвел первый сад. Ему было не больше лет, чем вам теперь, и он был несчастен. Здесь он мог отдохнуть от забот... пускай и недолго.

– Как они вообще познакомились с Мадри? – вырвалось у меня.

– Он поднес рашудану редкий подарок в честь его воцарения, – ответила Лалира.

– Какой? – не выдержала Фергия. Она и так слишком долго молчала. – Что мог подарить правителю обычный торговец? А впрочем... догадываюсь!

Лалира с улыбкой поправила ветки у себя в руках.

– Никто не сумел бы привезти такое через море, – сказал Энкиль. – И вырастить здесь точно к празднеству – тоже. Отец знал, что это колдовство, верно? Но это его не испугало и не насторожило. И он почему-то так доверял хозяину оазиса, что приезжал сюда и оставлял охрану снаружи... Оставлял ведь?

– Как и вы, – пожала плечами Лалира.

– Это же не злое колдовство, – тихо произнес Аскаль и подставил ладонь упавшему лепестку. – Мне странно лишь, что Ларсий отпускал отца одного.

– Может быть, тогда он не имел такой власти над ним? – предположил я. – Лалира-шади, быть может, ты прольешь свет на эту загадку?

– Я видела Ларсия, который приезжал сюда недавно, – ответила она, – но прежде я его не встречала.

– Вряд ли он изменился до неузнаваемости, в особенности для тебя, – проворчала Фергия, – значит, не бывал в оазисе. По какой причине... поди пойми теперь! Спросим, если что. А теперь всем пора по домам! И возвращайтесь до заката, шоданы, кружным путем, чтобы Ларсий не увидел следов. Я постараюсь их убрать, конечно, но мало ли, чего не замечу. Лалира будет занята, а мне еще кое-кого нужно уговорить...

Я представил, что ждет Ларсия, и содрогнулся.

– Ну все, пора за дело! – Фергия хлопнула в ладоши. – Лалира... Ты только не напугай рашудана. Он нам еще живым пригодится.

– Кому говоришь, смертная... – прогудел ветер, и джаннаи не стало.

Братья переглянулись, но промолчали. Может, они и сами уже не рады были, что ввязались во все это, но не отступать же, зайдя так далеко!

– Теперь я пошла весточку Ларсию, – сказала Фергия, – и будем ждать. И езжайте уже во дворец! Мне, по-вашему, вообще спать не нужно, что ли? Учтите, если я не выплуюсь, то буду еще злее, чем когда я голодная!

Пред лицом этой угрозы дрогнули все, и вскоре в оазисе стало пусто и тихо.

– К вам тоже относится, Вейриш, – напомнила Фергия, чувствительно ткнув меня в плечо. – Что это вы замечались?

– Просто пытаюсь понять, о чем думал юный рашудан, – ответил я, не отводя взгляда от белых крон деревьев. – И почему вообще стал приезжать сюда. Может ли оказаться – он пообещал Мадри или самой Лалире... нечто? И тогда...

– Чего у себя дома не знает? – сварливо перебила Фергия. – Тогда бы этим чем-то оказался один из старших детей. С другой стороны, если он не подозревал, что какая-то из шуудэ забеременела, то это вполне подходит... А раз так, то обещание рашудан выполнил: пустыня получила, что хотела, когда Искер ушел с бардазинами.

– При чем тут пустыня? – не понял я. – Речь о Лалире и...

– Вейриш, – тяжело вздохнула Фергия, явно поражаясь моей недогадливости, – езжайте, правда что, домой, и выспитесь как следует, а то вы от усталости туго соображаете.

– А вы?

– Мне еще нужно многое подготовить, сказано же вам!

* * *

Оазис на закате выглядел поистине колдовским местом: заходящее солнце обагрило цветущие деревья, и сад казался живым сердцем, брошенным на песок и истекающим кровью.

– Эйш опять слишком много думает, – сказала мне Аю, когда я поделился с нею этим наблюдением. – Просто хороший закат. Завтра будет ясно.

На этот раз супруга решила отправиться со мной. Что ж, логично: она присутствовала при первой нашей встрече с Ларсием, так к чему менять обыкновение?

– Ты перестала говорить мне о том, что видишь, – произнес я как бы между прочим.

– Аю говорит, опасно Эйшу в небе или нет, – отозвалась она.

– Я о другом. Прежде ты рассказывала мне намного больше. Или... – Я помедлил. – После той бури твои видения так и не вернулись? Ты сказала тогда, что их смыло, словно следы на песке...

– Вернулись, – коротко сказала Аю. – Они всегда возвращаются. Пусть Эйш подумает: как бы Аю говорила ему об опасности, если бы не могла видеть?

– Тогда почему ты молчишь о прочем? Ведь не может ничего не происходить!

– Не может, – согласилась она и надолго задумалась, потом добавила: – Аю не хочет говорить.

– Но почему? – в который раз повторил я, хотя уже догадывался об ответе.

Не угадал.

– Потому что нельзя.

– Ничего не понимаю, – пробормотал я и подогнал коня. Мы не брали с собой слуг, поэтому говорить можно было свободно. – Что это за запрет такой?

– Эйш умный. Сам догадается, – был ответ.

Я пораскинул мозгами и спросил:

– Все настолько хрупко и зыбко, что ты боишься нарушить равновесие, если расскажешь о своих видениях? Будущее не предопределено, но если я буду знать, чего ожидать, то стану действовать совсем не так, как поступил бы, не зная вовсе ничего, и тогда... Что может случиться тогда?

– Что угодно, – сказала Аю, глядя на небо. – Может, ничего плохого. Может, Эйш выберет правильно.

– Но я точно так же могу сделать верный или неверный выбор, не представляя заранее, с чем столкнусь!

Каюсь, порой я отчаивался понять жену...

– Это другое, – серьезно ответила она. – Тогда Эйш будет поступать так, как велит ему сердце, а не разум. Так он тоже может ошибиться. А может сделать все правильно. Но если станет слишком много думать заранее, ошибется почти наверняка.

– Будем считать, я понял, – пробормотал я. – Неопределенная неопределенность – это такая штука, которую можно изменять как угодно и сколько угодно, все равно что лепить какую-нибудь миску из влажной глины. С определенностью все намного хуже: если глина хоть немного подсохнет, то тронь – и миска пойдет трещинами, а то и вовсе развалится. А собрать куски и заново замешать раствор не выйдет, потому что реальность – не глина...

– Эйш правильно понял, – кивнула Аю и улыбнулась.

Сейчас, когда закатное солнце отбрасывало длинные резкие тени, она выглядела старше своих лет, и я в который раз вспомнил о том, насколько же короток человеческий век. Казалось, лишь вчера я привез Аю в Адмар, смеялся ее удивлению – здесь ведь все совсем не так, как на ее родине и тем более в Арастене, помогал вжиться в наш мир, наблюдал, как она становится его и моей частью... Неотъемлемой частью. Которая рано или поздно все-таки...

«Рано задумался об этом», – одернул я себя, но на ум тут же пришли слова змееды: «Она скоро умрет». Что она имела в виду? И скоро – это по ее меркам, по моим, по человеческим? Уже не спросишь... Да и не хотел бы я, если честно, снова повстречаться с дочерью Золотого Змея!

– Эйш, приехали, – негромко окликнула Аю и углубилась в тень цветущих слив.

Здесь было на удивление прохладно, а еще мне почудилось, будто где-то в глубине сада поет соловей. Едва слышно, но... Впрочем, с Фергии стало бы наколдовать и соловьев, и красногрудок, и кто там еще водится в Арастене и на Севере? Лишь бы снежного медведя не привела, подумал я и невольно развеселился.

– Приехали наконец! – радушно встретила нас Фергия.

Она сидела на крыльце, босая, в одной безрукавке и закатанных выше колен штанах. Не привычных ее шароварах, в карманах которых можно спрятать алефанта, а обычных, какие носят арастенские моряки. Судя по тому, как капало с ее косы, Фергия недавно вынырнула из своего пруда, а теперь обсыхала на ветерке и вид имела самый что ни на есть затрапезный. За спиной ее, на террасе, полыхали синие огни, как в прошлый раз, окружая стол.

– Аю привезла угощение, – сказала моя жена.
– Замечательно! – последовал ожидаемый ответ. – А то Ургуш опять спалил котелок, бездельник безрукий, поэтому ужинать пришлось всухомятку. Надеюсь, вы не голодные?
– Нет, мы дома перекусили, – вздохнул я. – А что, вы не можете починить этот котелок? Вы же маг!
– Могу, – кивнула Фергия и принялась сосредоточенно выжимать косу. На ступени капало. – Но не буду. Пускай этот негодяй новый купит, или из жалованья у него вычту, я еще не решила.
– Вы ему что, даже платите? – поразился я.
– За кого вы меня держите, Вейриш? – покосилась она. – Плачу, конечно. Немного, но на большее ему рассчитывать не приходится, сами понимаете. В любом случае, на котелок ему хватит... Ургу-у-уш! Лошадей возьми!
– Иду-у, шади! – раздалось в ответ.
На этот раз Ургуш прибежал бодрой рысью, не пытаясь изобразить смертельно больного. Видимо, чувствовал за собой вину, а может, Фергия сделала ему строгое внушение.
– Присаживайтесь, – пригласила она и глянула на небо. – Гости скоро придут.
– Ваши птички следят?
– А как же... Братья уже здесь, но я велела им укрыться в доме. Не хватает только Ларсия, и он, похоже, явится потемну.
– Фергия, вы, может, посвятите нас в свои планы? – безнадежно спросил я, и она отрицательно покачала головой. – Но почему?
– Чтобы реакции были естественными, – ответила она. – Иначе вы, чего доброго, все испортите ухмылкой или нелепым движением брови... Да-да, оно именно нелепое, верно, Аю? Та не ответила, но улыбнулась так, что стало ясно: когда я иронически заламывал бровь, подражая арастским великосветским щеголям, ее разбирал смех. Раньше нельзя было сказать, чтобы я не позорился?..
Впрочем, об этом мы еще потолкуем, а пока я покорился неизбежному.
Ждать Ларсия пришлось долго, и я бы извелся, если бы не прихваченные Аю из дома яства. Да и Фергия покривила душой: кое-что Ургуш все-таки сумел приготовить, и теперь я заедал обиду сыром с жареными на камнях лепешками и запивал ойфом. К счастью, его тоже варил Ургуш и, хоть немного передержал на огне, употреблять напиток можно было без риска для жизни. Фергия с Аю шептались о чем-то, мне не было слышно, да я и не старался разобрать слова. Если они говорят о чем-то серьезном, то Фергия наверняка подстраховалась заклинанием, а если обсуждают мужчин, к примеру, то мне и вовсе лучше не слушать...
Ларсий приехал уже затемно, один, и с коня слез сам, пускай и не без труда. Казалось, он похудел со времени нашей последней встречи, хотя состоялась она совсем недавно, лицо осунулось, и глубокие складки возле рта придали ему выражение одновременно горестное и недоброе.
– Присаживайся, шодан, – сказала ему Фергия после приветствия и кивнула на свободный стул на веранде. – Сейчас прикажу подать ойфа. Ургу...
– Не надо, – прервал Ларсий, тяжело поднялся по ступеням, миновав расступившиеся перед ним синие огоньки, и уселся на предложенное место. – Лучше воды... И не тяни, колдунья, скажи: удалось тебе что-нибудь узнать?
– Да, – коротко ответила Фергия, наполнив его чашу чистой водой. – Но, боюсь, тебе недостаточно будет этого ответа.
– Говори, я сам решу, достаточно или нет.
– Хорошо... – Она помолчала, потом заговорила: – Я искала твою пропажу, Ларсий-шодан, искала долго, а это не так-то просто сделать, не имея доступа к месту преступления... то есть побега. Однако меня не зря учили, я нашла косвенные свидетельства этого самого побега. Не знаю, докладывали тебе или нет, но одновременно с Искером исчезла его рабыня.
– Что? – советник переменялся в лице. – У него не...
– У него была женщина, – перебила Фергия. – И я знаю, что она пришлась тебе не по душе. Слишком свободолюбивая и гордая, верно? Ее ведь купили для самого рашудана, только цветок... гм... кто-то успел измять его лепестки. Спасибо, без завязи обошлось.
– Да, но ведь она...

– Ее должны были удавить, – кивнула Фергия, – она ведь видела лицо Искера до преобразования. Только не вышло – она сбежала. А потом и сам Искер пропал. Уверена, это девушка уговорила его бежать!

– Не сходится, – пробормотал Ларсий, – ее удалили из его покоев за несколько дней до превращения, так как же?..

– Она пряталась во дворце, – лихо солгала Фергия. – Это не так-то сложно сделать: прислуги у вас там пруд пруди, достаточно стащить покрывало из прачечной и прикинуться бестолковой девчонкой на посылках. Ты говорил, что слуги сразу заметят исчезновение одежды, но ведь у них есть смена, верно?

– Да.

– Но не голыми же они ходят, пока идет стирка! К слову, эта девица могла прятаться в самой прачечной – там поди разгляди, кто чем занят и какие тряпки куда несет... Но неважно. Она знала, когда закончится преобразование – наверняка ей сказал Искер, – и пробралась к нему.

– Хочешь сказать, это девушка убила моего чародея? – нахмурился Ларсий.

– Да. А до того – двух эвди, которые должны были ее придушить.

Фергия полюбовалась выражением его лица и добавила:

– Не нужно покупать товар с рук, есть риск нарваться на дикарку. Так и передай своим подчиненным, Ларсий-шодан, особенно старшему над женщинами – ведь это он приобрел девушку у своего знакомого торговца, как бишь его? Убики, кажется.

– Непременно передам, шади, – выговорил он. – Что дальше?

– По всему выходит, что из дворца они бежали вдвоем, – ответила Фергия. – Ты ведь сам показал Искеру потайные выходы. Иначе бы им уйти не удалось, а если стражники покажут тебе веревку, связанную из чего ни попадя, так присмотришься как следует – это фальшивка, по ней никуда не заберешься и не спустишься. Искер планировал побег заранее. Думаю, ему надоела твоя забота, а эта дикая девушка помогла осуществить его план.

– Где они? – только и спросил Ларсий.

– Девушка мертва, – после паузы сказала Фергия. – Я расспрашивала стражников, и люди досточтимого Даллала-шодана показали мне тело, которое недавно выловили из сточной канавы. Это она, вне всяких сомнений. У нее колотая рана в груди – недолго несчастная наслаждалась свободой!

– Хочешь сказать, это Искер ее... – Он осекся.

– Вряд ли он, скорее, кто-то, кого она попыталась ограбить, или же покусившийся на нее. Этого теперь уже не установить, – покачала головой Фергия.

Я только диву давался: надо же так складно врать! Не иначе, в семье Нарен не только магический дар наследуется, но и этот талант.

– А где сам Искер? – негромко спросил Ларсий.

– Не знаю, – ответила Фергия. – Следы теряются. Была бы кровь – я бы нашла его хоть за горизонтом, а по тем слабым отпечаткам, что остались на одежде и других вещах, которые ты мне привез... увы!

– Он не мог уйти далеко, – сквозь зубы произнес Ларсий, и лицо его как-то набрякло, сделалось багровым. – Ищи его, колдунья! Если понадобится, я пущу кровь самому рашудану, но найди мне Искера!

– Зачем же такие крайние меры? – улыбнулась Фергия. – Я придумала кое-что получше, шодан. Это наверняка сработает, но только если ты не испугаешься.

– Что же?

– Ты ведь догадываешься, что я умею вызывать духов с той стороны, – сказала она без улыбки. – Им даже кровь не нужна, чтобы отыскать нужного человека, хватит и безделушек Искера. Вот только им придется заплатить, и, знаешь, я предпочитаю, чтобы платил ты, а не я. Тебе ведь до зарезу нужно отыскать воспитанника, не так ли?

– И какова же плата? – негромко спросил Ларсий. Теперь кровь отхлынула от его лица, и оно сделалось мучнисто-белым, так что в синем свете колдовских огоньков советник выглядел мертвием.

– Я не знаю. Вызывать таких духов только ради того, чтобы спросить об этом... нет, уволь, – вздохнула Фергия. – Но обычно они не требуют в обмен жизнь, если услуга настолько незначительна. Может, ему захочется взять что-нибудь из твоих драгоценностей, а может, глаз или палец, это как повезет... или не повезет.

– Мне не привыкать, – с завидным самообладанием произнес он. – Вызывай своего духа. Но если он не отыщет Искера...

– То что? – приподняла брови Фергия. – Ты прикажешь его высечь, как тот древний полководец, велевший выпороть не вовремя разлившуюся реку? Придержи язык, шодан, когда имеешь дело с порождениями той стороны! Они, знаешь ли, не слишком дружелюбны, и если ты чем-то не понравишься приглашенному, он не станет выслушивать оправданий, а просто оторвет тебе голову.

– Хорошо, обещаю, я буду сдержан, – сделав заметное усилие над собой, выговорил Ларсий. – Но не тяни, колдунья, не то...

– Знаю, знаю, не сносить мне головы... Приготовьтесь-ка, – сказала она нам. – И постарайтесь не вопить на всю пустыню!

Не могу отрицать, предупреждение оказалось весьма кстати.

Опущу, пожалуй, описание «вызова духа», в коем был задействован на сей раз тот самый испорченный котелок и первый попавшийся камень. Вопли Фергии, наверно, слышны были на полдня окрест, и, уверен, не один караванчик в испуге сплюнул через плечо и свернул со знакомой тропы, чтобы запутать беду...

Ларсий сидел неподвижно, его волнение выдавали только глаза – он часто моргал – и дыхание. Вот Аю как замерла каменной статуэткой, так и сидела на своем стуле. О себе ничего сказать не могу, кроме того, что едва не опрокинул на себя блюдо, когда Фергия издала особенно истошный вопль. Ей бы любой пустынный падальщик позавидовал, право слово... А они и отзывались откуда-то издалека – я разобрал с дюжину голосов, и это только крупных тварей, потому как подростков и совсем маленьких щенков вовсе не считал. Чем же они тут кормятся? По помойкам шарят, что ли? Вот так вопрос, а главное, к месту и ко времени!

– Замрите, – прошипела Фергия и сама застыла, прижав котелок к груди.

Мне тут же пришло на ум, что на ее грудь хватило бы и пары небольших пиал, но я задавил шутку в зародыше. Потом как-нибудь выскажусь при случае, если не забуду.

Тьма под деревьями сгустилась, и перед нами явился...

Да, я уже видел Кыжа в его истинном облике. Я полагал, что никогда не встречал ничего более омерзительного. Как же я ошибался!

Должно быть, то обличье, в котором нам показывалась эта тварь, было, скажем так, приспособлено для того, чтобы устрашить людей, но не довести их до смерти от испуга. А вот теперь Кыж показался во всей красе...

«Погоди, – подумал я, отойдя от первого впечатления, – кто тебе сказал, что как раз это – не маскировка? Может, на самом деле Кыж относительно безобиден, и это Фергия придала ему настолько чудовищный облик, чтобы впечатлить Ларсия? Поди пойми...»

Затрудняюсь описать Кыжа: даже я не мог рассмотреть его полностью. Взгляд выхватывал из темноты то подсвеченную синим пламенем лапу – не меньше моей, но... какую-то неправильную. То ли пальцев было слишком мало, то ли суставов слишком много, то ли гнулась она не в ту сторону... У живущих под солнцем не бывает таких конечностей.

Шерсть его – если это можно назвать шерстью – шевелилась под легким ветерком. Так я думал, пока не понял, что ветер давно стих, а шкура Кыжа покрыта вовсе не волосками, а чем-то вроде тех тварей, что живут на дне морском, ждут, растопырив длинные тонкие ядовитые щупальца, пока в них не попадет добыча... Только эти живые силки яркие, а Кыж был бурым, цвета запекшейся крови, так что даже и не знаю, почему мне пришло на ум такое сравнение.

А еще – сейчас его морда странным и страшным образом походила на человеческое лицо. На ней читалось любопытство и даже азарт, и кроваво-красные глаза и обнаженные клыки, виднеющиеся из приоткрытой пасти, не мешали воспринимать это существо не как зверя, но как... равного нам.

– Ты звала – я пришел, – негромко произнес он, и деревья затрепетали.

– Я благодарю тебя, о могущественный дух, – Фергия низко поклонилась. – Скажи, могу ли я просить тебя об одолжении?

– Каком одолжении, женщина? – Кыж уселся и, мне показалось, обвил себя хвостом. Выглядело это так, будто его окутала полоса тумана.

– Пропал юноша, – сказала она, – я искала его, но не доискала. Крови нет, а без нее на что я способна, сам суди? По вещам мало что разыщешь...

Он ухмыльнулся во всю пасть, и я невольно откинулся на спинку стула.

– И только-то? Найти маленького человечка в огромной пустыне? Чем заплатишь, женщина?
– Платить буду не я, а тот, кому нужно отыскать пропажу. – Фергия сделала шаг в сторону и указала на Ларсия. Тому хватило выдержки сдержанно поклониться чудовищу. – Назови цену.
– Как же я ее назову, если еще не знаю, придется ли мне нырять на дно морское, раскапывать барханы или лазать по скалам? – резонно возразил Кыж.
– Хотя бы задаток возьми!
– Задаток... – Он вдруг подался вперед и, я сам не понял, как именно, вдруг оказался вплотную к нам, мордой у самого лица Ларсия. – Зачем он мне, если я чувю, как пахнет страх? Давно не вдыхал такого сладкого, такого волнующего аромата...
– Скажи, и я заплачу, – выговорил советник, уже не белый, а серый, как остывший пепел. Как бы его удар не хватил...
– Страх не за себя... – не слушая, продолжал Кыж. – Обожди пока. Я всегда возьму свое... Кого нужно найти, женщина?
– Я же сказала – юношу. Вот его вещи, – Фергия кивнула на расстеленное на земле покрывало, на котором лежали одежда, книги и оружие.
Кыж прынул в ту сторону – словно перетек – и тут же вернулся на прежнее место.
– Запах сильный и свежий, – сказал он. – Ждите. Вернусь скоро.
Миг – и он исчез, и ветер свободно зашумел в кронах, и я тоже выдохнул с облегчением.
– Ч-что это? – едва слышно выговорил Ларсий.
– Не что, а кто, – поправила Фергия. – Дух с той стороны. Попался мне однажды, вот и... Но тебя не это должно волновать, шодан, а то, что он может потребовать в уплату за труды. Учти, если он захочет твою голову, я тебя не спасу.
– Он ведь сказал...
– Мало ли что он сказал! По дороге десять раз передумает, – фыркнула она, поднялась на террасу и заняла свое место. – Ну а пока он ищет Искера, давайте выпьем, чтоб не так страшно было!

Глава 24

Не могу не признать: это была отличная идея. Один только Ларсий не прикоснулся к чаше: он всматривался в ночную темень, словно опасался пропустить появление Кыжа.
Что толку? Чудовище все равно появилось не с той стороны, откуда мы его ожидали, снова уселось поудобнее и облизнулось, будто по дороге перекусило каким-нибудь зазевавшимся зверем, а то и человеком.
– Ну?... – спросил Ларсий, подавшись вперед. – Нашел Искера?
Я невольно подивился его... нет, не храбрости и не выдержке, скорее уж, безрассудности. Разговаривать таким тоном с Кыжем не следовало, это было очевидно. Даже я не рискнул бы с ним связаться, а если пришлось бы, не представляю, сумел бы взять верх. Скорее нет, чем да. Я все-таки существо из плоти и крови, а он – нечто непостижимое и неизмеримо более опасное, нежели дракон.
– Того, кого вы называли Искером одда Ларданиль инна Даргалем, среди живых нет, – невозмутимо произнес Кыж.
– Но... этого не может быть!
Ларсий привстал, и я невольно посочувствовал ему, такое отчаяние читалось на его лице.
Глаза чудовища вспыхнули:
– Хочешь сказать, человек, будто я ошибаюсь? Или лгу?
– Нет... конечно же, нет, – с трудом выговорил Ларсий и осел на стул. – Я... благодарен тебе, дух. Скажи только, как ты определил, что пропавший... мертв?
– Если хочешь, – Кыж снова оказался рядом, чуть ли не приобнял собеседника за плечи, – я опишу тебе свой путь мимо барханов, мимо городских стен, по узким улицам и сточным канавам, и выгребным ямам... В какой-то из них покоится тело этого юноши.
– О нет... – пробормотал тот.

Признаюсь, я ожидал, что Ларсий хоть как-то выкажет горе. Вряд ли разрыдается, подобно женщине, но хотя бы переменится в лице или закроет его руками, опустит голову... Но нет, он лишь прикусил губу и добавил:

– Увидеть бы... убедиться...

– Уговаривать Кыжа нырнуть в нечистоты можете сами, – очень кстати встряла Фергия, – а я не рискну. Ну или пошлите людей, пускай пошарят там как следует, шестами прощупают, наконец. Уверена, десятка полтора относительно свежих трупов они найдут, а опознать нужный и ваши чародеи сумеют, тот же Диргеш вполне справится. Кстати, как он? Все еще вздрагивает при слове «шкатулочка»?

Ларсий не обратил внимания на ее слова, он о чем-то размышлял. По-моему, это был опасный момент: если он все-таки решит проверить, не солгал ли Кыж, и пошлет людей искать тела в указанном месте, то... А что, собственно? Адмар большой, нечистот хватает, помойки и выгребные ямы огромные. Ну а в зловонной жиже да на жаре тела разлагаются быстрее некуда, уж это я отлично помнил по тому делу, благодаря которому Фергия обзавелась слугой, а потом и Кыжа приютила... Однако чародеи и по разрозненным останкам смогут определить, принадлежали они Искеру или безродному бродяге, жертве поножовщины в переулке. Придется потрудиться, конечно, но...

Однако Ларсий, как вскоре выяснилось, мыслил в ином направлении. И то верно: начни люди по его приказу выуживать из ям неопознанные трупы, а чародеи – пристально изучать их, слухи быстро расползутся по Адмару, утаить подобное не удастся. Дойдут они и до дворца, а там предостаточно желающих подвинуть монументальную фигуру главного советника с дороги, в этом я даже не сомневаюсь. В борьбе за власть используют все, за что можно ухватиться, чтобы подпортить репутацию соперника, а такое странное поведение Ларсия – просто подарок для советников рангом пониже! Что они могут выдумать, не берусь представить, но, полагаю, первым в списке вероятных преступлений окажется злое колдовство, которое, как известно, осуществляется при помощи человеческих останков (лучше всего подходят удушенники и самоубийцы, но и другие сойдут).

Выходит, положение Ларсия вовсе не так прочно, как может показаться? Пожалуй, так. Не зря же он начал готовить себе замену: кто-то должен быть рядом, суметь поддержать, пускай даже это безусый юнец... На рашудана надежды мало: одурманенный курением карриса с травами, дарующими забвение, не отрывающийся от чаши с вином, он может и не понять, чего добивается от него Ларсий. И, как знать, не оттолкнет ли его, чтобы не мешал предаваться блаженному безделью? Что тогда произойдет? Как долго еще продержится всеильный главный советник?

– Есть же способы, – произнес наконец Ларсий сквозь зубы. – Я слышал от многих ученых людей... Можно вызвать дух умершего и хотя бы узнать...

– Э, нет! – перебила Фергия. – С такими предложениями, уважаемый шодан, изволь проследовать к своим чародеям. Со смертоведством я не свяжусь ни за какие деньги. Мне, знаешь ли, очень дорога жизнь и семейная честь! Я имею в виду, родные меня проклянут, если я хотя бы попытаюсь заняться подобным, молчу уж о неизбежном суде Коллегии магов. Стоит кому-то пронюхать, что я запятнала себя подобным, и конец моей репутации, а то и вообще практике!

Разумеется, она благоразумно опустила, что Флоссия в свое время баловалась запретными искусствами, да и сама Фергия, уверен, далеко не теоретик. Собственно, чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на Кыжа. С другой стороны, тут она хотя бы представляла, с кем имеет дело, равно как ее мать – со Слепыми Гончими, а вот вызывать неведомо кого, который по какой-то причине решит принять облик Искера, – себе дороже.

– Если ты хочешь узнать, как погиб бедный мальчишка, я тебе и так скажу, даже колдовать не придется, – добавила Фергия, и Ларсий вздрогнул. – Скорее всего, беглецы пытались укрыться где-нибудь в трущобах, но нарвались на любителей поживы. Взять с этой парочки было нечего, и местные позарились на девушку – она ведь была красива, а опытный человек увидит это даже сквозь слой грязи. Искер попытался защитить ее, вот и...

– Но он умел сражаться!

– Сражаться, шодан! Это совсем не то же самое, что грязная драка на задворках Нижнего города! Там не пользуются благородным оружием, а просто бьют камнем по голове или втыкают какую-нибудь ржавую железку в печень, вот и все. Может, Искера даже хотели взять

живым, – подумав, добавила она, – если сумели рассмотреть его и решили, что смогут продать крепкого юношу работорговцам. Но вряд ли он сдался без боя, верно? Скорее уж, решил дорого продать свою жизнь. Не знаю, правда, вышло ли у него хоть что-нибудь. Если были раненые, их уволокли свои или они ушли своими ногами, а если трупы... ну, значит, они тоже где-то на дне ямы.

– Мне наскучили ваши споры, – сообщил Кыж, встал и потянулся, стряхнув головой белые лепестки с веток. – Я удаляюсь.

– Благодарю тебя за помощь, о могущественный дух, – снова поклонилась Фергия, чуть не стукнувшись лбом о край стола. – Прости, что отняла твое время.

– Это время – лишь песчинка в часах вечности, – высокопарно ответил он и покосился на Ларсия, – и значима она лишь для смертных.

– Постой, а как же плата? – спросил Ларсий. – Неужели ты ничего не возьмешь?

Он дышал тяжело, с присвистом, на лбу выступила испарина, и я подумал, что у него, наверно, хватает скрытых болезней, о которых он предпочитает не распространяться: ведь любая его немощь – козырь в руках соперников.

– Сказал уже: возьму, когда захочу. – Кыж усмехнулся во всю пасть. – Не бойся, смертный, твоя жизнь мне ни к чему. Мне хватит какой-нибудь малости. Когда я сделаю выбор, ты узнаешь, какой именно...

С этими словами он и исчез, как не бывало. Тьма сгустилась под деревьями, и я, признаюсь, вздохнул с облегчением, а Аю – я заметил – украдкой утерла лоб. Если уж и ее проняло, значит, опасность нам грозила нешуточная, и пускай Фергия говорила, что держит Кыжа на привязи, мне не хотелось испытывать ее прочность в случае, если бы что-то пошло не так.

– Значит, доказательств нет, – произнес вдруг Ларсий, – кроме слов странного создания, которое может быть просто мороком, который ты, шади, создала для меня. Я все еще могу надеяться на то, что Искер жив.

– У нас на Севере говорят – надежда умирает последней, – пожала плечами Фергия. – Верить мне или нет, искать ли дальше – дело твое, шодан. Задаток я отработала, большего не возьму – платить Кыжу будешь сам, как договорились.

– Ты хотя бы можешь предположить, что он потребует?

– Нет. Мне как-то не доводилось вступать с ним в долгие доверительные беседы. Кстати, если выживешь, расскажи, интересно же!

Я бы на месте Ларсия швырнул в Фергию чем-нибудь тяжелым, вон хоть глиняным блюдом, но он остался невозмутим, лишь ответил:

– Если к тому времени ты еще будешь жить в Адмаре, шади, непременно расскажу.

– Это такой тонкий намек на то, что мне следует обратиться отсюда подобиру-поздорову? – прищурилась Фергия. – Грубо, шодан. Я ожидала от тебя более тонкой игры.

– У шодана горе, – подала вдруг голос Аю. – Он не ведает, что говорит.

– Так может, пускай здесь переночует, под присмотром? Не то пойдет и зарежет рашудана с горя, а потом скажет, что это я его околдовала!

– Не зарежет. – Аю улыбнулась и снова умолкла.

– Не зарежет, – подтвердил Аскаль, неслышно появившись за спиной Ларсия. – Мы приглядим.

– И сменим охрану в отцовских покоях, – добавил Энкиль. – Не дело, когда советник распоряжается дворцовой стражей как своей собственной. Пускай людей у меня немного, но каждый стоит троих!

– Если что, ты попроси Даллала-шодана, – посоветовала Фергия. – Думаю, у него найдется дюжина-другая ничем особенно не занятых стражников... ну так, хоть сменить ваших ненадолго. У него хорошие бойцы, и я не имею в виду тех, кто собирает дань с мелких торговцев на базаре. Ну да сами с ним договоритесь.

– Непременно, шади, – кивнул он. – Даллаль – честный и смелый воин, он не предаст.

– Старый Хаксют рассказал, что вы придумали, желая уберечь нас, – добавил Аскаль. – Пускай это и не пригодились, зато теперь мы знаем, кому можем доверять.

Я в который раз поразился самообладанию Ларсия. Казалось бы, в подобной ситуации любой должен запаниковать, но нет, он лишь обронил, презрительно оттопырив нижнюю губу:

– Понимаете ли вы, юные шоданы, что затеваете бунт?

– Бунт? – удивился Энкиль. – Вовсе нет. Напротив, мы стремимся вернуть правильное положение вещей. Рашудан должен править, советники – советовать, колдуны – колдовать. Когда же они меняются местами, ничего хорошего не выходит.

– То-то столько сказок о рашуданах-чародеях, – проворчала Фергия.

– Если ты говоришь об Ирдале, шади, то он ведь очень плохо закончил, не находишь? – без улыбки ответил Энкиль, и она нехотя кивнула. – Всякому верблюду свое место в караване.

– У нас говорят – всяк сверчок знай свой шесток, – вздохнула Фергия. – В целом я согласна с вами, шоданы, но как вы намерены вернуть отца к... гм... скажем так, активной государственной деятельности, если он никогда не был к ней склонен? А теперь и подавно – если не выпустил бразды правления из рук, так передал большую их часть главному советнику?

– Мы постараемся исправить это, шади, – сказал Аскаль. Лицо его в отсвете синих огней показалось мне очень взрослым и отчего-то усталым. – Главное – изыскать возможность поговорить с отцом с глазу на глаз.

– Вы не сумеете его переубедить, – покачала она головой.

– Мы постараемся, – упрямо повторил юноша. – А если не получится... Что ж, отныне мы не спустим глаз с Ларсия и его подручных. Довольно он попользовался властью, которая предназначалась не ему, пора отдавать долги.

– Если уж на то пошло, Аскаль-шодан, – подал голос Ларсий, – власть предназначалась вовсе не твоему отцу. Ты прекрасно это знаешь.

– Знаю, – согласился тот, – именно поэтому и хочу узнать, как тебе удалось вытащить из горна и удерживать для отца этот раскаленный меч, словно ты сделался волшебным помощником из сказки.

– Не понимаю, о чем ты.

– Понимаешь, Ларсий-шодан, – встрял Энкиль. – И, думаю, ты не настолько глуп, чтобы не понимать: если мы действительно поднимем бунт, к нам примкнут очень и очень многие. «Включая бардазинов, которых вполне можно убедить вспомнить былое и возобновить нападения», – подумал я.

– Но мы не желаем разорять Адмар, а это неизбежно во время междоусобицы, – продолжил Энкиль. У него было невыразительное лицо, совсем как у статуй, которые охраняют покой древних рашуданов, и слова он ронял, будто камни. – Мы знаем, что после отца стану править я, Аскаль же станет моим главным советником.

– У меня нет тяги к власти, разве только над умами, – усмехнулся тот. – Понимаешь, к чему клонит мой брат, Ларсий-шодан?

– Боюсь, нет, – выговорил тот.

Вот теперь его лицо хоть немного изменилось: похоже, такое решение стало для него сюрпризом. Надо же... Жить во дворце и не заметить, что Энкиль с Аскалем сошлись намного ближе, чем это принято у единокровных братьев? Или юноши достигли таких вершин маскировки, во что я не верил, или Ларсий с годами сделался излишне самоуверен...

– Искера больше нет среди нас, – сказал Аскаль, упрямо глядя в глаза советнику, хотя тот и пытался отвести взгляд. – Тебе некому передать свои знания и поистине бесценный опыт, не так ли? Ты можешь найти другого мальчика, но успеешь ли выпестовать преемника? Ты ведь немолод уже. Поэтому я говорю тебе, Ларсий-шодан: вот я стою перед тобой, второй сын рашудана, и я готов отринуть ненависть и внимать твоим поучениям – во благо Адмара и своей семьи. Согласен ли ты?

– Но это...

– Необычно и непривычно? Что ж, рано или поздно приходит время изменить если не все, то многое. Говори же, согласен ли ты обучить меня тому, что знаешь сам?

Ларсий молчал, и мне казалось, будто я вижу, как в его голове мелькают мысли – согласиться или нет? Чем это грозит? Какие выгоды можно извлечь из нежданного союза?..

– Взамен мы можем поклясться, что не убьем тебя, едва ты перестанешь быть нужен, – с преогромным тактом добавил Энкиль. – Ты доживешь отпущенный тебе срок в мире и спокойствии, когда передашь дела Аскалю. Это будет еще не скоро, поскольку, хоть ты и не молод, но и не стар, как и наш отец. И я не стану говорить – да правит он вечно. Мы все знаем, кто правит Адмаром на самом деле.

– Шоданы, – подала голос Фергия, – а не могли бы вы удалиться решать эти ваши политические вопросы куда-нибудь в другое место? Я не желаю слышать о таких делах! Я ведь обещала, что

не стану вмешиваться в подобное, но вы меня втянули... как смерч втягивает былинку! Я сделала все, что в моих силах, а теперь, будьте так любезны, отправляйтесь во дворец и стройте там планы хоть до послезавтрашнего утра. Мне спать хочется, а вы все говорите и говорите...

– Потерпи еще немного, шади, – сказал Энкиль, повернувшись к ней. – Ты умелая колдунья, мы удостоверились. Вейриш-шодан и его жена – достойные люди. Мы хотели бы, чтобы вы стали свидетелями клятвы Ларсия-шодана.

– И ты, думаю, подскажешь, как лучше составить ее, чтобы не оставить ему лазейки для обмана, – добавил Аскаль.

Я надеялся, Фергия заявит, что такие клятвы – не ее ремесло, но нет, она только потеряла пальцем переносицу, как обычно в моменты глубоких раздумий, потом кивнула и сказала:

– Плата вперед.

– В вашей семье хоть кто-нибудь способен думать в первую очередь не о деньгах? – не удержался я.

– Конечно, – уверенно ответила она. – Папа. Но он не Нарен, ему простительно... Значит, клятва, шоданы? Учтите, если Ларсий-шодан не согласится, я ничего не смогу сделать. То есть я умею принуждать людей к сотрудничеству, но не при помощи магии.

Полагаю, она снова лгала, но уличить ее я не мог, что уж говорить об остальных? Уверен, Фергия вполне могла околдовать обычного человека, а может, и мага, а не злоупотребляла этим умением разве что из нежелания быть пойманной за руку да еще из азарта: ей больше нравилось заговаривать жертве зубы, и в этом она достигла больших высот.

Кроме того, клятва, данная околдованным, силы не имеет, об этом даже дети знают.

Удивительно, что клятва, вырванная с приставленным к горлу клинком, прекрасно действует, хотя, казалось бы, нож и заклинание в данном случае – явления одного порядка.

– Мы уплатим, – сказал Энкиль, коротко посоветовавшись с братом. – С собой у нас мало денег, но...

– Но я поверю вам на слово, – закончила Фергия. – Уж не обманете, наверно, бедную женщину? Я вспомнил ее сундук с золотом и с большим трудом удержал язык за зубами.

– После всего, что ты сделала, шади, разве посмеем мы нарушить данное тебе слово? – произнес Аскаль и воззрился на Ларсия. – Значит, дело только за согласием этого... достойного шодана? Но он согласен, не так ли?

Ларсий опустил голову. Сейчас он казался мне невероятно усталым и будто бы постаревшим, но я не стал бы доверять этому впечатлению. Такие люди быстро приходят в себя после сильнейших потрясений, сбрасывают былое, как змеи – старую кожу, и снова становятся опасными противниками.

Полагаю, братья тоже это осознавали, потому что клятву составили длиной едва ли не в целый свиток – заранее, конечно же, не на ходу сочиняли. Фергия поправила там кое-что, Аю тоже ткнула пальцем в несколько фраз, которые, по ее мнению, звучали слишком двусмысленно, а я, прочитав их совместное творчество, не нашел изъяна. Не то чтобы я был большим докой по части клятв, но взгляд со стороны все равно полезен, как сказала Фергия, сунув мне исчерканный лист.

– Если так продолжится, мой оазис будет залит кровью, – сказала Фергия, когда Ларсий все-таки неохотно произнес этот текст и заверил свои намерения (сложно отказать, когда охраны рядом нет, Энкиль выразительно поигрывает кинжалом, а Фергия изо всех сил старается сдерживать ядовитую ухмылку). – Еще раз говорю, шоданы: забирайте вашего советника и езжайте во дворец! Я отдохнуть хочу, так понятно?

– Конечно, шади! – Аскаль грациозно поклонился. По-моему, в мыслях он уже примерял одежды и регалии главного советника.

Хотя как знать, как знать... Не настолько хорошо я разбираюсь в людях, как хотелось бы. Вполне вероятно, он думал о том, кого из приспешников Ларсия надлежит первым скормить сторожевым псам... и котикам, да.

– Мы благодарим за все, что ты сделала для нашей семьи и Адмара, – веско произнес Энкиль и тоже отвесил сдержанный поклон. – Нам еще многое предстоит узнать, и если тебе станет известно что-либо о... ты понимаешь, о чем, извести нас немедленно!

– Взаимно, – сдержанно зевнула Фергия. – Это общая проблема, так что не пропадите с горизонта, шоданы. О, к слову, раз уж вы вспоминали те амулеты, которые должен был вам передать Хаксют... где они?

– У меня, – ответил Аскаль. – Мы не стали надевать, хотели сперва узнать получше, как действует твоё колдовство.

– До чего разумные молодые люди! – восхитилась она. – Дай-ка мне.

– Но...

– Колдовство никак не действует, пока я того не захочу, – сказала Фергия, что-то подправив в сплетенных из ниток браслетиках. – И прежние вам уже не понадобятся. Но для связи эти штуки сгодятся: почувствуете жжение – значит, ждите вестей. Во дворец так просто птицу с запиской не отправишь, поэтому я буду направлять их к тому из вас, кто окажется ближе и первым дернет за веревочку. Тогда уж не зевайте, ловите!

– Понятно, – кивнул Аскаль, получив эту самую веревочку на запястье. – А мы не сможем тебя призвать таким же образом?

– Нет, – решительно ответила она.

– Но вдруг случится нечто непредвиденное?

– Если Адмар провалится под землю, уверена, я это замечу и успею удрать подальше, – заверила Фергия. – Вашу гибель тоже почувствую, а все остальное вполне может подождать, пока вы не пришлете ко мне гонца. Или ваш чародей не отправит весточку. Я прикажу стражам оазиса пропускать те послания, которые будут отмечены вашей кровью.

– Говорил же, все жилы высушат! – проворчал Энкиль, Аскаль же поднял руку:

– Шади, если нас убьют или хотя бы пленят, то...

– Добровольно отданной кровью, – со вздохом добавила она. – Это легко определить, шодан, поверь, и вспомни, о чем я только что сказала насчет вашей гибели. И езжайте уже во дворец! Скоро светать начнет, если не заметили.

– И правда... – Энкиль взглянул на небо. Звездный Дракон уже помахал на прощание крылом, только длинный хвост змеился по небу, указывая на рассвет. – Благодарность наша не знает границ...

– Почему? У меня вполне определенные расценки, – перебила Фергия и чуть ли не силой вытолкала его с террасы. – Ургу-у-уш! Лошадей седлай!

– А я не расседывал! – донеслось в ответ заодно со смачным зевком. – Скачут туда-сюда, а бедный Ургуш глаз не смыкает, ночей не спит...

– Ну погоди ж ты у меня, – прошипела Фергия, сверкнув глазами, но тут же приняла самое что ни на есть мирное обличье. – Так веди их сюда! И поживее, не то выгоню и платить не стану, потому что ты лентяй, обжора и бездельник!

– Скорее бы, – пробурчал слуга, выводя лошадей. – Хоть заживу спокойно, снова в караван наймусь...

– Прокляну, – коротко и веско произнесла Фергия, и Ургуш замолк. Она же обратилась к Ларсию: – Шодан, доволен ли ты моей работой?

– Да, – коротко ответил он. На лошадь ему удалось сесть не с первой попытки, Ургушу пришлось подсаживать советника.

– Хорошо, в таком случае, с тебя еще... – она назвала сумму, и Ларсий очнулся.

– Ты уже взяла задаток, а плату я пообещал той... тому... существу!

– Кыж не золотом берет, в отличие от меня, – заявила Фергия. – Полагаешь, вызвать его и убедить поговорить с каким-то человечешкой, как он нас называет, так легко? Нет уж, изволь расплатиться честь по чести!

– Он расплатится, шади, – сказал Энкиль. – Об этом не беспокойся.

– Не расплатится – я к нему Кыжа пришло, чтоб ночевал в ногах и время от времени напоминал про должок, – пообещала она и улыбнулась шире некуда. – Извольте наконец отбыть, дорогие гости! Если что-то понадобится – вы знаете, где меня найти. Сколько мои услуги стоят – тоже знаете. И на Вейриша-шодана не коситесь, он на меня никакого влияния не имеет, верно я говорю, Аю?

– Не имеет, – подтвердила та, с удовольствием наблюдавшая за этим представлением. Спасибо, не добавила, что в случае чего обращаться нужно к ней...

Эти трое уехали, и в оазисе сразу стало до странного тихо, только едва слышно чирикала какая-то птичка-полуночница.

– Надо же, – сказала Фергия, лихо осушив чашу орты, – я думала, только мама способна на ровном месте вляпаться в какую-нибудь замысловатую историю! Видимо, это наследственное... Что вы молчите, Вейриш?

– А что говорить? – пожал я плечами и протянул ей свою пустую чашу. – Все невероятно запуталось. Кстати, как вы убедили Кыжа сказать, что Искер мертв?

– Я не убеждала, он сказал чистую правду, – ответила она и набулькала мне орты. – Человека по имени Искер одда Ларданиль инна Даргаль среди живых нет.

– Но мы же вот только недавно видели его... Ты что? – это адресовалось Аю, которая хлопнула меня по лбу.

– Эйш что, разучился думать? – сердито спросила она. – Пусть вспомнит, как обращалась к этому юноше жена! Эйш сам рассказывал, а теперь забыл?

Я вызвал в памяти нашу беседу и сам едва не треснул себя по голове.

– Она звала его Искэ! Но я думал, это просто сокращение...

– Нет, это его новое имя, полностью – Искэ сур Тана да Хтара, – сказала Фергия и пояснила: – Это я у его тещи узнала. Означает: муж Таны, дочери Хтары. Искер ведь вошел в род жены, а это не пустые слова. Он умер для прежней семьи, и Ири-Хтара сказала, что обряд прошел на удивление легко, особенно для чужака. Ну а я объяснила, почему: ведь отец отрекся от мальчика, а Ларсий не успел назвать его наследником и дать ему свое имя.

– Выходит, никто не солгал?

– Выходит, так, – улыбнулась Фергия и подлила мне еще орты. Аю это пошло вообще-то не жаловала, но сейчас тоже подставила чашу, показав жестом – належ на доньшко. – И вы правы, Вейриш, все невероятно запуталось. Это пророчество... ладно, часть его мы сумели понять, но те слова о гибели Адмара мне очень не нравятся. Аю, ты ничего не скажешь?

– Аю не видит так далеко, – ответила та и пригубила орту. В ее темных глазах, показалось мне, плясали язычки синего пламени, хотя Фергия давно погасила свою иллюминацию, и лампы горели обычным огнем. – Пока Адмар цел. Все живы. Может, завтра будет иначе. Аю не знает.

– А тот зазеркальный тип наверняка разозлится, когда решит проведать пленницу и обнаружит только озеро да ящериц кругом, – сказал я.

– Еще бы ему не разозлиться! – Фергия встряхнула кувшин и разлила остатки орты по чашам. – Где ему теперь брать деньги, если дармовое золото того... в землю ушло? Не караваны же грабить... Правда, думаю, скопленного ему хватит надолго, но он же дракон по крови, причем из древних, а у вас, если не ошибаюсь, страсть копить сокровища, а?

– Да, это точно, – согласился я. Орта явно развязала мне язык, потому что иначе я никогда не сказал бы того, что сказал: – Я-то просто люблю красивые вещи, драгоценности... А старики – у тех действительно пещеры забиты золотом и камнями. Помню, когда я был совсем маленьким, меня взяли к прапра... ладно, пусть будет просто прабабушка... К Иррашье, одним словом. В ее сокровищнице взрослый дракон потеряться может! Женщины сплетничали, мол, она прожила так долго потому, что принимала золотые ванны... Ха! И полировала чешую бриллиантами напололам с жемчугом, не иначе!

Я засмеялся, но Фергия даже не улыбнулась.

– Я помню это имя, – сказала она. – Гарреш упоминал о ней, когда рассказывал маме о драконах. Она была императрицей у людей, верно?

– Д-да... – выдавил я, осознав, во что вляпался.

– И это случилось очень давно, – протянула Фергия.

– Прабабушка Иррашья может что-то знать о человеке из зеркала, – добавила Аю.

– Неужели она до сих пор сама не догадалась, что происходит?

– Так она ведь живет уединенно, люди ее не очень интересуют, не так ли? – вздохнула Фергия. – Может, она и догадалась, только никому не сказала.

– Хотите сказать, она сидела и смотрела, как гибнут молодые женщины, но и кончиком хвоста не шевельнула, чтобы их спасти? – обозлился я.

– Наверно, она рассчитывает, что потомки не вовсе уж беспомощны и сами сумеют разобраться с неприятностями, – ответила она. – А может, ее даже просили помочь, вот только... Никто не задал правильного вопроса, а в нем, как известно, содержится половина ответа. Вейриш!

– Что?

– Мне нужно встретиться с вашей прабабушкой.

– Вы рехнулись? Она вас сожрет, даже не превращаясь в дракона!

– С чего бы это? Она что, на старости лет выжила из ума?

– Нет, просто не любит людей, – пробормотал я. – А вы даже скалу способны вывести из душевного равновесия.

– Я буду хорошо себя вести, – пообещала Фергия. – Но этот родственник визит обсудим попозже, а пока...

– Почему родственник?

– Потому что вы родственник, – терпеливо разъяснила она. – И я в некоторой степени тоже, пускай даже это... гм... как у нас говорят – вашей маме троюродное весло. Говорю же, потом обсудим, на свежую голову...

– Кто-то едет, – перебила Аю. Слух у нее был лучше, чем у нас с Фергией, вместе взятых.

И правда, вскоре я услышал глухой перестук копыт, звяканье удил, а вскоре из-под деревьев выступила удивительной красоты вороная лошадь в золоченой сбруе. Всадник ее, похоже, спал в седле, то и дело утыкаясь лицом в гриву и только чудом не падая с конской спины.

– Не оазис, а проходной двор, – вздохнула Фергия и обратилась к лошади: – Лалира, что это еще за представление?

– Это рашудан, – негромко ответила та.

Я не уловил мгновения, когда она сменила облик: теперь огромная чернокожая женщина бережно держала на руках взрослого мужчину. В ее объятиях он выглядел ребенком.

– Зачем нам рашудан? – не поняла Фергия.

– Я отнесла цветы, – сказала Лалира, будто это все объясняло, и бережно уложила рашудана возле фонтана.

Признаюсь, я впервые видел правителя Адмара так близко. Да я и издалека его давно не видел, когда-то водил Аю посмотреть на торжественные шествия, но это ей быстро прискучило, вдобавок она не любила толпу. Ну а потом и рашудан перестал выезжать иначе как по большим праздникам.

Он был невысокого роста, плотно сложенный, как Энкиль, только фигура его изрядно расплылась с возрастом. Лицо, обрамленное ухоженной короткой бородой, еще хранило следы былой красоты – наверно, когда-то рашудан покорял девичьи сердца не только своим титулом и золотыми монетами. У Аскаля были такие же тонкие черты, и я мог представить, как выглядел рашудан в юности...

– Цветы отнесла, а его зачем притащила? – спросила Фергия, с интересом рассматривая добычу джаннаи.

– Он проснулся, – сказала Лалира. – Узнал запах. Узнал цветы. Узнал меня.

– Он бы тебя даже не заметил, если бы ты не захотела.

– Верно. – Джанная едва заметно улыбнулась. – Не беспокойся, шади. Он думает, что видит сон, в котором еще юн, а Мадри жив, и к нему можно приехать и поговорить о том, чего нельзя доверить советнику.

– О чем же? – вырвалось у меня.

– Это не мои тайны, Вейриш-шодан, – строго сказала Лалира и удалилась в темноту. Оттуда донеслось: – Спроси его самого, быть может, ответит...

– Да о любви он спрашивал, о чем же еще говорить в таком возрасте? – вздохнула Фергия. – Хотя... кто знает, может, просил проверить, не обманывает ли его Ларсий? Но тогда Лалира бы сказала...

– Нет смысла гадать. – Я отставил чашу. – У нас тут рашудан спит на голой земле. Что будет, когда его хватятся, надо говорить?

– Не успеют, Лалира вернет его назад. Судя по тому, как легко она преодолела все щиты, в них еще с давних времен имеется лазейка: рашудан был достаточно предусмотрителен, а может, это Мадри ему подсказал, – усмехнулась Фергия. – Пускай себе спит. Проснется – выпьет с нами. Хотя нет, лучше не нужно. Он и так...

Рашудан вдруг зашевелился, приподнялся на локте, окинул нас невидящим взглядом и произнес негромко:

– Я сплю. Мне снится сон. Я знаю это... не могу проснуться...

В этом не было бы ничего странного, но он помолчал и продолжил:

– Бегу. И бесконечен коридор. И тьма кругом. И сил нет обернуться...

– Это опять строки вашего неназванного поэта? – шепнула Фергия, а я сообразил: действительно, ведь рашудан не просто бредит спросонок.

– Говорят, в юности он сам недурно слагал стихи, – ответил я так же тихо. – Об этом лучше спросить у Хаксюта, он наверняка знает.

– Спрошу, – кивнула она и, подвинувшись поближе к Аю, обняла ее.

